



Фонд изучения наследия

П.А. Столыпина

П.А. Столыпин

глазами современников



МОСКВА
РОССПЭН
2008

УДК 929
ББК 63.3(2)6–8
П41

Работа над проектом и его издание осуществлены
Фондом изучения наследия П.А. Столыпина

Под общей редакцией
Президента Фонда изучения наследия П.А. Столыпина
П.А. Пожигайло

Редакционная коллегия:
К.И. Могилевский, В.В. Шелохаев

П41 **П.А. Столыпин глазами современников** / Под общ.
ред. П.А. Пожигайло. — М. : Российская политическая энци-
клопедия (РОССПЭН), 2008. — 367 с.

ISBN 978-5-8243-0901-0

В публикацию включен комплекс ранее неизвестных мемуаров современников П.А. Столыпина, позволяющих в своей совокупности значительно расширить представления о его облике, личных и деловых качествах, роли в подготовке и реализации системных преобразований России начала XX в. В книгу вошло более 30 воспоминаний родственников, сослуживцев, видных общественных и политических деятелей. В Приложение включено более 20 неопубликованных писем П.А. Столыпина.

Издание снабжено предисловием, введением и комментариями.

УДК 929
ББК 63.3(2)6–8

ISBN 978-5-8243-0901-0

© Фонд изучения наследия П.А. Сто-
лыпина, 2008
© Российская политическая энцикло-
педия (РОССПЭН), 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Реализация Фондом изучения наследия П.А. Столыпина крупномасштабного научно-исследовательского публикаторского проекта¹ вызвала необходимость обращения к такому виду источников, как мемуары, позволяющие через «сшибку» мнений и суждений современников П.А. Столыпина дать более объективную оценку его личности. Источники делопроизводственного и законодательского характера, введенные в последние пять лет в научный оборот, в своей совокупности раскрывают основной замысел и технологии реализации реформ П.А. Столыпина, оставляя «за кадром» личные и деловые качества выдающегося реформатора. Мемуарные же источники, как правило, содержат характеристики и оценки качеств и свойств личности П.А. Столыпина, проявленные в самых различных ситуациях. Вполне понятно также, что мемуары как исторический источник носят более субъективный характер, а представленные в них оценки во многом определяются личными отношениями, тем местом и ролевыми функциями, которые исполнял тот или иной автор воспоминаний. Следует, кроме того, иметь в виду, что чем крупнее политический деятель, о котором пишет мемуарист, тем он более «не равнодушен» к нему, а, следовательно, более «эмоционален». Особенно это ощутимо в том случае, если интересы их не просто «пересекались», но и не совпадали по исходным принципиальным соображениям.

Личность и деяния П.А. Столыпина получили равноуровневое отражение в десятках воспоминаний, изданных в России и за

¹ *Столыпин П.А.* Программа реформ. Документы и материалы. В 2-х т. М., 2003; Тайна убийства Столыпина. М., 2003; *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006; П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006; Законодательство думских фракций 1906–1917 гг. Документы и материалы. М., 2006.

рубежом². Подчеркну, что материалы этих воспоминаний уже давно использовались в отечественной и зарубежной историографии, выполняя на разных этапах ее эволюции далеко не однозначные функции при оценке роли и места П.А. Столыпина в истории России. Так, в советской историографии весьма интенсивно использовались, как правило, негативные оценки П.А. Столыпина, содержащиеся в мемуарах его политических противников (например, С.Ю. Витте, В.И. Гурко) и оппонентов (например, С.Е. Крыжановский, А.Ф. Редигер). В постсоветской литературе предпочитают использовать позитивные оценки П.А. Столыпина, данные в воспоминаниях, например, А.И. Гучкова, В.Н. Коковцова, А.П. Извольского, С.Д. Сазонова и др.

Принципы отбора воспоминаний современников П.А. Столыпина в предлагаемую вниманию читателей публикацию сводились к следующему. В книгу была включена небольшая часть ранее опубликованных воспоминаний, уже давно ставших биографической редкостью и, по сути, оставшихся вне сферы внимания научной общественности. «Ядро» публикации составляют воспоминания, выявленные в федеральных и региональных архивохранилищах, содержащие новую информацию о личности и деятельности П.А. Столыпина. В своей совокупности воспоминания, вошедшие в данную книгу, *не просто дополняют* ранее опубли-

² См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3-х т. М., 1960; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. СПб., 2003; *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе: 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в управление Николая II в изображении современников. М., 2000; *Гучков А.И.* Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993; *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х кн. М., 1992; *Крыжановский С.Е.* Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, 1938; *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1991; *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания современника. В 3-х ч. Париж, 1936; *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991; *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988; *Редигер А.Ф.* История моей жизни: Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927; *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М.; Л., 1926; *Толстой И.И.* Дневник: 1906–1916. СПб., 1997; *Тыркова-Вильямс А.* Воспоминания: То, чего больше не будет. М., 1998; *Шидловский С.И.* Воспоминания. В 2-х ч. Берлин, 1923; *Шилов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007 и др.

ликованные мемуары, а дают *качественное* приращение знаний о П.А. Столыпине.

Во-первых, во многих воспоминаниях содержатся интересные штрихи, характеризующие внешний облик П.А. Столыпина: «породистый», «крупный», «широкоплечий», «импозантная внешность» (С.С. Онгирский); «умные твердые глаза» (Н.П. Муратов). Эти зафиксированные в воспоминаниях характеристики облика П.А. Столыпина, кстати, всецело совпадающие с его сохранившимися фотографиями, свидетельствуют о том первом впечатлении, на всю жизнь запоминающемся, которое производил на окружающих П.А. Столыпин.

Во-вторых, в воспоминаниях большое внимание уделено характеристике личных качеств П.А. Столыпина: «природное чутье», «здравый смысл», «твердая, железная воля» (С.И. Тимашев), «решительность», «рыцарь без страха и упрека» (А.В. Оболенский), «героическая храбрость» (П.П. Менделеев), «готовность пожертвовать собой в пользу родины», «человек долга» (Н.Н. Львов), «моральная сила духа», «кристально-чистый человек» (П.Х. Шванебах), «искренне верующий русский человек» (С.С. Онгирский), патриот, прирожденный, выдающийся оратор (П.П. Менделеев). Подобного рода оценки красной нитью проходят через публикуемые воспоминания, создавая объемное представление не просто о наборе качеств, а прежде всего о том, что они в совокупности являются системообразующими элементами, придающими личности П.А. Столыпина целостность и самодостаточность. Обладая подобного рода природными качествами, П.А. Столыпин по определению не мог быть «игрушкой» в острой идейно-политической борьбе, «флюгером», менявшим направление в зависимости от «дуновения политических ветров». Будучи волевой личностью, П.А. Столыпин последовательно отстаивал выбранный политический курс, ибо считал его единственно правильным для общенациональных интересов России. Политические противники и оппоненты вынуждены были признать, что П.А. Столыпин, будучи человеком долга, патриотом своей страны, осуществлял подлинно государственную политику.

В-третьих, в воспоминаниях подробно характеризуются деловые качества П.А. Столыпина: «государственный человек», «государственный ум», «нравственный авторитет» (Д.Н. Любимов); «умение ценить время», «умение признавать собственные ошибки», «чарующая мягкость в отношении к людям» (С.И. Тимашев). Эти деловые качества предопределили стремление П.А. Столыпина

на брать ответственность на себя, высокую степень требовательности к центральному и региональному административному аппарату, желание иметь в своем распоряжении максимум информации о реализации реформ, в том числе совершая частные поездки по стране. Представляется безусловно объективной и емкой характеристика П.А. Столыпина, данная в воспоминаниях И.Ф. Кошко, назвавшего премьер-министра «великим энтузиастом». «Этот энтузиазм, — писал Кошко, — делал его очень сильным в борьбе: он его вдохновлял и окрылял преодолевать такие препятствия, перед которыми бы всякий спокойный, холодный ум отступил, не пытаясь даже бороться». Энтузиазм был присущ П.А. Столыпину на всех этапах его многотрудной деятельности. Будучи предводителем дворянства, а затем губернатором, Столыпин стал одним из лучших знатоков местной жизни, заняв пост министра внутренних дел и председателя Совета министров, довольно оперативно освоил все «тонкости» деятельности центрального и регионального административного аппарата, сумел в кратчайшие сроки разработать системную программу масштабных преобразований России, с огромным энтузиазмом начал ее реализацию. По словам С.И. Тимашева, «двигательная сила» П.А. Столыпина состояла в том, что он горячо и страстно любил Россию, верил «в ее мощь и великое призвание». По мнению Д.Н. Любимова, П.А. Столыпин «никогда не преследовал каких бы то ни было личных интересов», а постоянно руководствовался общегосударственными и общенациональными интересами. Недаром большинство мемуаристов обращают внимание на «изнурительную работу», которую вел П.А. Столыпин, которая проходила не только «в дневные, но и ночные часы». Так, подавляющее большинство встреч П.А. Столыпина с Николаем II продолжались далеко за полночь. В вечерние и ночные часы, как правило, проходили заседания Совета министров. Мемуаристы отмечают, что П.А. Столыпин, обладая прекрасной природной памятью, свободно оперировал огромным объемом информации, во всех подробностях был осведомлен о состоянии дел в министерствах и ведомствах, Государственной думе и Государственном Совете, местных органах административного управления и самоуправления, настроениях в обществе. Он высокопрофессионально вел заседания Совета министров, разного рода ведомственные совещания, не «насилая мнений и убеждений его членов» (И.Я. Славин), всегда стремился найти между участниками консенсус. Но когда решение было принято, «то он, — вспоминал С.И. Тимашев, — не отступал от него».

В-четвертых, воспоминания содержат инновационную информацию о взаимоотношениях П.А. Столыпина с представительными и общественными институтами и структурами. В частности, мемуаристы приводят факты о стремлении П.А. Столыпина найти «общий язык» с членами Государственной думы и Государственного Совета. По инициативе председателя Совета министров устраивались «приглашения на чашку чая» (С.И. Тимашев) членов Государственной думы, Государственного Совета, министров, ученых, видных общественных деятелей. В непринужденной и доверительной обстановке вырабатывались технологии оперативного прохождения через представительные структуры важных законопроектов, давалась оценка административным и общественным акциям. Помимо представительных учреждений, П.А. Столыпин активно задействовал для ускорения законотворческого процесса и повышения качественного уровня правительственных законопроектов Совет по делам местного хозяйства, заседания которого, по образному выражению Д.Н. Любимова, назывались «стольпинскими съездами». С представителями региональной администрации и местной общественности П.А. Столыпин интенсивно контактировал и во время своих поездок по России. В ходе этих встреч обсуждались содержание и технологии реализации стольпинских реформ, вопросы землеустройства, переселения, создания инфраструктуры, формы кредитования среднего и мелкого бизнеса. Важно подчеркнуть, что мемуаристы обратили внимание на глубокую веру П.А. Столыпина в «здоровый смысл крестьянства» (И.Ф. Кошко), на осознание им необходимости создания информационной базы данных о ходе аграрных преобразований в стране и распространение позитивного опыта организации и деятельности хуторских хозяйств. В этом контексте исследовательский интерес вызывают воспоминания И.Д. Сытина, который обстоятельно описал свою встречу с П.А. Столыпиным. В ходе разговора возник вопрос о распространении в народе книг по сельскому хозяйству. Подчеркивая важность издания «полезной книги для народа», П.А. Столыпин считал крайне важным дать «мужику хорошую народную библиотеку: серию книг по сельскому хозяйству и по ремеслам и вообще по всем кустарным промыслам». По его мнению, «давно пора устраивать в деревнях специальные читальни с необходимыми научными пособиями и показательными станками и орудиями обработки». Этот красноречивый пример, приведенный в воспоминаниях И.Д. Сытина, раскрывает глубину заинтересованности П.А. Столыпина в повы-

шении культурного уровня крестьянства, без которого нельзя было достигнуть позитивных результатов в ходе реализации аграрных преобразований. В воспоминаниях содержатся многочисленные примеры, свидетельствующие о стремлении премьер-министра максимально полно раскрепостить личность крестьянина, обеспечить его постепенный переход на принципиально новые формы хозяйствования.

В-пятых, в воспоминаниях содержатся интересные наблюдения об изменениях в состоянии здоровья и настроении П.А. Столыпина. Лица, встречавшиеся с ним в 1904 и 1906 гг., а затем в 1909 и 1911 гг., констатируют разительные перемены в его облике. Так, А.В. Цеклинский писал: «Столыпин в 1904 г. на ст. Ртищево и в 1911 г. совершенно иначе выглядел: теперь он был усталый, утративший яркие краски. Сильно поседевший, с озабоченным выражением лица». Если в 1906 г., по наблюдениям И.Ф. Кошко, цвет лица П.А. Столыпина был «чрезвычайно свежий, с румянцем», то в 1909 г. А.В. Цеклинский нашел его «очень утомленным». Во время своего последнего трагического визита в Киев в 1911 г. П.А. Столыпин, как писал А.Ф. Гирс, «имел вид крайне утомленный». Эти наблюдения мемуаристов свидетельствовали, с одной стороны, что премьер-министру пришлось взять на себя огромный и, видимо, непосильный для его состояния здоровья колоссальный объем работы. По сути, он одновременно выполнял роль и генератора идей, и мотора по их реализации. Если же учесть нарастающую силу сопротивления столыпинским преобразованиям как справа, так и слева, то становятся более понятными причины изменений в состоянии здоровья и настроении. Взяв на себя огромный груз ответственности за судьбу России, П.А. Столыпин не жалел ни своих сил, ни своего здоровья. Его деяния были действительно настоящим гражданским подвигом. Поэтому можно всецело согласиться со словами А.В. Оболенского: «Имя П.А. Столыпина принадлежит истории и сердцу народному».

Исследовательского внимания, на наш взгляд, заслуживают информационно насыщенные Приложения к данной публикации, включающие в себя не опубликованные ранее источники: Всеподданнейший отчет саратовского губернатора и 24 ранее неизвестных письма П.А. Столыпина.

Подводя общий итог вышесказанному, можно с полным основанием констатировать, что издание новой книги, осуществленное Фондом изучения наследия П.А. Столыпина, даст в распоряжение исследователей богатую информацию о ранее неизвестных сторонах жизни и деятельности П.А. Столыпина.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Источники личного происхождения – воспоминания, дневники, письма – обладают большим и до сих пор не вполне оцененным информативным потенциалом для изучения политической истории. Во-первых, они содержат сведения, которые порой оказываются за рамками официального протокола или стенограммы. Во-вторых, впечатления, сиюминутные ощущения, настроения (иными словами, психология момента), по сути своей, не могут быть отражены в делопроизводственных документах, и исследователь вынужден обращаться к источникам иного рода: мемуарной литературе, эпистолярному наследию.

В данной публикации были использованы тексты, большинство которых пока не вошло в широкий научный оборот. Речь идет о воспоминаниях и письмах родных П.А. Столыпина, его ближайших сотрудников, государственных и общественных деятелей, которые так или иначе сталкивались с председателем Совета министров. В книге представлен широкий спектр оценок личности и деятельности Столыпина в зависимости от политических предпочтений авторов писем и мемуаров, от степени их духовной и родственной близости к премьер-министру.

Первый раздел книги составлен из воспоминаний и писем родных и близких П.А. Столыпина – брата А.А. Столыпина, сына А.П. Столыпина и зятя Б.И. Бока. Благодаря этим текстам удастся раздвинуть представления о личности премьер-министра: его детстве, склонностях, привычках, распорядке дня и т. д. Исключительной информативной насыщенностью отличаются воспоминания ближайших сотрудников П.А. Столыпина: А.Д. Арбузова, П.П. Менделеева, С.И. Тимашева и др. В этих документах отражены особенности функционирования Совета министров в пери-

од председательствования Столыпина, технология принятия решений, своеобразие взаимоотношений исполнительной власти с депутатским корпусом, членами Государственного совета, губернаторами. В ряде случаев воспроизводятся высказывания премьера, имевшие подчас программный характер. Мемуары, переписка общественных деятелей дают возможность оценить личность председателя Совета министров, его преобразования в контексте политической борьбы начала XX в. Поскольку многие из тех, чьи воспоминания публикуются в данном издании, были лично хорошо знакомы с П.А. Столыпиным, то приведенные ими сведения зачастую дают принципиально новую информацию о личности и политике премьер-министра.

Особо следует выделить блок воспоминаний, посвященных характеристике реформ П.А. Столыпина. Он позволяет рассмотреть его преобразовательную политику на стадии реализации идей, в региональном измерении. В последнем разделе опубликованы воспоминания А.Ф. Гирса, содержащие уникальные сведения о последних днях жизни П.А. Столыпина. В приложении приведен Всеподданнейший отчет саратовского губернатора за 1902 г., еще не опубликованные письма П.А. Столыпина, материалы Департамента полиции, относящиеся к проблеме взаимодействия премьер-министра с депутатами Государственной думы.

При подготовке сборника были использованы архивные материалы из собраний: Государственного архива Российской Федерации – фонды Департамента полиции (Ф.102), А.И. Гучкова (Ф. 555), П.П. Менделеева (Р-5971), Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов (Р-5881), а также документы, переданные в ГАРФ из Архива Музея русской культуры в Сан-Франциско (США); Российского государственного архива литературы и искусства – фонды Л.М. Клячко (Ф. 1208), Л.Д. Любимова (Ф. 1447), С.Н. Сыромятникова (Ф. 1757), Коллекция дневников и воспоминаний (Ф. 1337); Российского государственного военно-исторического архива – фонды Канцелярии военного министра (Ф. 1), А.Н. Куропаткина (Ф. 165), А.А. Поливанова (Ф. 89); Отдела рукописей Российской государственной библиотеки – фонд М.М. Осоргина (Ф. 215); Отдела рукописей Российской национальной библиотеки – Коллекция отдельных поступлений (Ф. 1000); Государственного архива Саратовской области – фонд Канцелярии саратовского губернатора (Ф.1); материалы семейного архива Ю.Б. Шлиппе. Также были привлечены воспоминания, опубликованные в периодических изданиях: в журналах «Столица

и усадьба», «Голос минувшего», «Возрождение», «Грани», «Новый журнал», «Слово», в газетах «Возрождение», «Литературная газета», в альманахе «Русское прошлое». Были использованы опубликованные мемуары А.Ф. Гирса, И.Ф. Кошко, В.И. Мамантова, С.И. Шидловского.

При подготовке воспоминаний и писем к публикации устаревшая орфография была заменена на современную. Явные опечатки были исправлены без оговорок. Вставленные составителем слоги или же пропущенные слова заключены в квадратные скобки. Пометки редактора заключены в угловые скобки. Пропуски в тексте обозначаются отточием. Каждый отрывок воспоминаний, письмо сопровождается преамбулой, предлагающей читателю необходимые сведения о данном историческом источнике и его авторе, и легендой, в которой обозначается место хранения или же выходные данные приведенного текста. Сведения об упомянутых государственных и общественных деятелях, событиях, необходимые уточнения приводятся в комментариях.

Работа по составлению сборника была осуществлена кандидатом исторических наук К.А. Соловьевым, им же написано археографическое введение. Всеподданнейший отчет П.А. Столыпина за 1902 г. и черновики его писем за 1903–1905 гг. были выявлены, расшифрованы и переведены на электронный носитель ведущим специалистом Фонда изучения наследия П.А. Столыпина М.В. Золотовой. Текст воспоминаний И.Я. Славина и комментарии к нему были предоставлены кандидатом исторических наук А.И. Пиреевым. Текст воспоминаний А.Д. Арбузова и комментарии к нему были предоставлены аспиранткой Н.Г. Базиной (РГПУ). Научное редактирование осуществлено кандидатом исторических наук Н.И. Канищевой. Предисловие подготовлено доктором исторических наук, профессором В.В. Шелохаевым.

Фонд изучения наследия П.А. Столыпина выражает особую благодарность Юрию Борисовичу Шлиппе за предоставленные им воспоминания Ф.В. Шлиппе, отрывок из которых приведен в данном издании.

Раздел I

П.А. СТОЛЫПИН В КРУГУ СЕМЬИ

А.А. СТОЛЫПИН. СРЕДНИКОВО: ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

Александр Аркадьевич Столыпин (1863–1925 [по другим сведениям – 1930]) – журналист, литератор. Младший брат П.А. Столыпина. В 1888 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1890 г. поступил на службу по Министерству внутренних дел в Главное тюремное управление. Однако чиновничью карьеру А.А. Столыпин вскоре бросил. Он довольно рано начал сотрудничать с периодическими изданиями. В 1882 г. опубликовал ряд стихотворений в журнале «Вестник Европы». В 1889 г. – поэму «Сандэлло» в «Русском вестнике». В 1890-е гг. сотрудничал в газете «Кавказ». В те же годы А.А. Столыпин жил преимущественно в своем имении в Саратовской губернии и занимался сельским хозяйством. С 1902 г. сотрудник «Санкт-Петербургских ведомостей», откуда был уволен по требованию министра внутренних дел В.К. Плеве. С 1904 г. постоянный сотрудник «Нового времени». Член ЦК партии «Союз 17 октября». Возглавлял общества «Славянской взаимности» и «Русское зерно», последнее ставило себе целью популяризацию в России передовой аграрной практики Западной Европы. Скончался в эмиграции, в Белграде.

Публикуемые воспоминания А.А. Столыпина посвящены родовому имению Средниково под Москвой, с которым были связаны детские впечатления А.А. и П.А. Столыпиных. Особое внимание автор уделил «лермонтовской теме»: в 1829–1832 гг. М.Ю. Лермонтов проводил летние каникулы в Средниково.

Этот сад за дремлющим прудом, этот старинный барский дом, увенчанный бельведером, соединенный подковообразной колоннадой с четырьмя каменными флигелями, это стройное и простое в своей классической красоте произведение Растрелли¹ дорого созвучием своего имени нашей родной поэзии: несколько лучших своих стихотворений Лермонтов² пометил словом «Средниково».

В это родовое столыпинское гнездо переселилась из Пензенской губернии бабушка Лермонтова — Арсеньева (рожденная Столыпина)³, когда для воспитания молодого поэта явилась необходимость в близости большого города. Имение это принадлежало моему отцу, Аркадию Дмитриевичу Столыпину⁴, рано осиротевшему, и управлялось опекунами. Впоследствии (в начале 70-х гг.⁵) отец мой продал Средниково богатому купцу Фирсанову⁶, дочери которого Вере Ивановне⁷ оно сейчас принадлежит. Для меня лично Средниково вдвое дороже по воспоминаниям раннего детства.

Едва ли не одно из самых первых воспоминаний моих — это колонна, прислонившись к которой я горько плакал: какой-то старик дразнил меня «Александрой Аркадьевной», потому что по моде того времени совсем маленьких детей одевали девочками. В пору нашего детства мы жили в Средниково и лето и зиму. Были снежки, катанья на салазках, а в дурную погоду беготня и игры по всему дому. Однажды играли в войну. Старший брат Михаил⁸ поставил мою сестру⁹ на часы и дал ей охотничью двустволку, которую она держала на перевес, стоя в темноте коридора. Брат мой Петр¹⁰ с разбега наткнулся носом на дуло ружья и весь окровавленный упал в обморок. Можно себе представить волнение нашей матери, пока в трескучий мороз за тридцать верст привезли из Москвы доктора. Горбинка на носу Петра осталась навсегда следом этого происшествия.

Отец мой был года на четыре моложе Лермонтова¹¹, что в детстве составляет громадную разницу. Поэтому настоящими товарищами Лермонтова и его ближайшими друзьями были двоюродные братья отца — Алексей¹² и Дмитрий Аркадьевичи¹³. В особенности первый — известный по прозвищу «Монго», ровесник Лермонтова и товарищ по кавалерийскому училищу. «Монго» умер рано, и я его не знал. Дмитрия Аркадьевича хорошо помню из современников и родных Лермонтова, рассказывавших мне о нем. Я знал еще старшую сестру отца старушку Игнатьеву¹⁴ и Эмилию Шан-Гирей¹⁵, рожденную Верзилину, прозванную «ро-

зой Кавказа». Про нее ходила легенда, что она была косвенной причиной смерти поэта, но она это отрицала. В глубокой старости она сохранила следы замечательной красоты.

Часто я допытывался у отца, был ли Лермонтов отгадан в раннем детстве, признавали ли в нем будущего великого поэта, русскую славу? По-видимому, этого не было. В то время все не только писали стихи, но стихотворное искусство входило в образование юноши как обязательный предмет, наравне с музыкой и рисованием. Теперь стихотворное творчество мальчика было бы отмечено как исключительное призвание, но тогда это было общим правилом. Мой отец мне рассказывал: «Настолько не могли предвидеть развития Лермонтова, что в университетском пансионе Мюралда и дома говорили, что Лермонтов пишет стихи лучше меня, но зато я лучше рисую...»

Столица и усадьба. № 1. 1913. С. 2–3.

А.П. Столыпин. В ЕЛАГИНСКОМ ДВОРЦЕ

Аркадий Петрович Столыпин (1903–1990) — сын П.А. Столыпина. В 1920 г. эмигрировал во Францию. В 1924 г. был определен во французскую военную академию Сен-Сир, однако ее курс не закончил по причине болезни. В 1930 г. женился на дочери бывшего посла Франции в России Жоржа Луи Грасиле Луи. С 1934 по 1944 г. помощник бухгалтера в акционерном обществе «L'Energie industrielle». Во время Второй мировой войны стал активистом Народно-трудового союза. В качестве его председателя в 1944 г. был на некоторое время арестован оккупационными властями. С 1949 по 1968 г. работал в агентстве «Франс Пресс». Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Публикуемые воспоминания преимущественно относятся к периоду 1906–1911 гг. и характеризуют уклад жизни в семье П.А. Столыпина, в годы премьерства последнего.

Трехлетним ребенком переступил я впервые порог этого белого дворца. 1907 год... После взрыва на Аптекарском острове¹⁶ государь предложил нам жить летом на Елагине¹⁷. Мы пользовались этим царским гостеприимством весной и осенью. В последний раз в 1911 году. Выстрел Богрова¹⁸ изменил тогда наш образ жизни.

Из царских резиденций Елагин был самой небольшой. Навещавшая нас княгиня Зинаида Юсупова¹⁹ говорила, что этот дворец напоминает ей Архангельское²⁰ (когда-то воспетое Пушкиным²¹), но в «меньших размерах». Пусть небольшой, но светлый и благоухающий дворец, с его оранжереями, известными тогда на всю Россию. Господствовал там старший садовник – обрусевший немец Зюсмейстер. Под его руководством каждые два дня во всех вазах дворца обновлялись цветы – всегда утонченное сочетание ароматов и красок. Букеты и тишина в покоях, предназначенных для царского отдыха.

Особенно красив двухсветный овальный зал с ионическими полуколоннами, находящийся в центре здания. В прошлом столетии в нем давались интимные царские балы. Так было еще во времена Александра Третьего²². Его супруга императрица Мария Федоровна²³ любила кружиться в вихре вальса. Царь – хлебосольный, но властный хозяин – приказывал оркестру замолкнуть в полночь. Тогда его окружали молоденькие разгоряченные дамы, упрашивая продлить бал еще на час. Порядка ради царь артачился, говорил: «Господи, пора и честь знать!» Потом добродушно соглашался и оркестр гремел снова... Обо всем этом вспоминала со мною в первые годы эмиграции престарелая княгиня Елизавета Волконская – когда-то участница этих развлечений²⁴.

В наши дни все стало по-иному: другие времена. Овальный зал стал нашей столовой. Но в нише сохранились вызывавшие мое восхищение бронзовые часы: турок в тюрбане, пытающийся усмирить вставшую на дыбы лошадь. Когда эти часы звонили полночь, переставал когда-то играть оркестр.

Соседняя с овальным залом малиновая гостиная императрицы стала рабочим кабинетом моего отца. Я заглядывал иногда в одно из окон, выходивших на широкую террасу. Могли заглянуть в окно и террористы: полицейская охрана была малочисленна и беззаботна в старое время. Работал в этом кабинете отец днем, почти без перерыва. Иногда и в ночные часы. Так было перед роспуском Второй Думы, когда делегация кадетской партии засиделась у него до зари²⁵.

А дальше, за кабинетом, была царская столовая – длинная комната в три окна. Ее приспособили для заседаний Совета министров. Длинный стол, покрытый зеленым сукном, вокруг тесные однообразные кресла. На этом столе в первый год нашего пребывания меня учили снова ходить после перелома у меня правой ноги при взрыве на Аптекарском. На одном конце стола сто-

ял отец, на другом — мать. А я ковылял взад и вперед к манившим меня родительским рукам. Министры заседали в этом помещении в последний раз в июле 1911 г. для подготовки киевских торжеств.

Другое крыло нашего этажа сохраняло во время нашего пребывания свой прежний облик. За овальным залом находилась большая голубая гостиная. Там мои родители принимали знатных гостей. Помнится, что особенно оживленно тараторили две великие княгини-черногорки — Анастасия²⁶ и Милица Николаевны²⁷. А по утрам, сидя за роялем, мои старшие сестры старательно изучали классические мелодии. Рядом была угловая «помпеянская» гостиная²⁸, с музами и гирляндами, расписанными на мраморных стенах. И тут заканчивались наши владения: за «помпеянской» гостиной были две царские спальни, в которые нам — детям — был запрещен доступ. Сестры, любившие меня дразнить, говорили, что в этих покоях умер император Николай Павлович²⁹. По ночам, дескать, там бродит его призрак... Эта жуткая выдумка надолго запечатлелась в моем уме. Была и другая причина, почему я чувствовал себя неуютно. В моей спальне, во втором этаже, на окнах были вставлены железные решетки, дабы прелестный ребенок не грохнулся кубарем вниз, как это было уже однажды — при взрыве на Аптекарском. Сестры меня дразнили и называли «елагинским пленником».

Мне казалось, что я был узником и в часы досуга. Когда мне стукнуло пять лет, меня посадили на коня. «Он побледнел, стиснул зубы, но не плачет», — сказал присутствовавший при этой церемонии отец. Обучаться верховому искусству мне было положено в дворцовом манеже, пустовавшем до моего появления много лет. Пожалуй, до меня последними скакавшими в этом манеже были сыновья Николая I в их отроческие годы. Но когда мне позволили выехать в парк, мои дела ухудшились. К уздечке моего коня был прикреплен ремень. А ехавший рядом наш наездник Ткаченко держал его крепко. «Я ненавижу этот мерзкий ремешок!» — кричал я. Но Ткаченко был неумолим. Стало еще хуже, когда однажды мы впервые выехали на Стрелку. Мое появление развеселило гулявшую публику и особенно троих студентов. «А папа крепко держит ремень», — заметил смеясь один из них. Тот факт, что наездника посчитали моим отцом, меня взволновал окончательно. Все изменилось лишь в самом конце елагинского времени. Мне было тогда уже семь—восемь лет. «Позорный ремешок» был снят. По утрам в осеннюю пору мне разре-

шили скакать с нашим верным Ткаченко в лесах за новой деревней. Дачников и гуляющих уже не было в это время года. Свежий воздух и тишина... В одной из лесных аллей мы часто встречали подростка несколько старше, чем я. Был он голубоглазый, розовощекий, куда более элегантный, чем я (многочисленных своих детей наша мать одевала скромно). Проезжая мимо со своим наездником, этот незнакомец мило мне улыбался. Это был князь Сергей Белосельский³⁰, чья родительская усадьба была неподалеку от Елагина. Познакомились мы лишь много лет спустя в эмиграции. Конечно, не узнали друг друга. Этот человек сделал многое для оказания помощи бывшим советским гражданам на Западе после Второй мировой войны.

Верховая прогулка в солнечную осеннюю погоду — одно из лучших моих елагинских воспоминаний. Распорядок дня на Елагине был такой же, как в городе зимой. Ровно в час дня появлялся отец со своими сотрудниками, а то и с приглашенными, в овальном зале, и все садились немедленно за стол. Еда была обильная, но простая. Вино подавалось лишь в парадных случаях, и на столе красовался лишь хрустальный графин с минеральной водой. Завтрак длился не более получаса. После этого в определенные дни начинался прием посетителей. Полковник Голубев — адъютант принца Ольденбургского³¹ — рассказывал мне много лет спустя, как ему однажды был назначен прием в половине второго дня. Приехав на Елагин, он был вынужден подождать пять минут в приемной: по какой-то причине отец за завтраком задержался. За это пятиминутное, непривычное для него опоздание отец принес полковнику извинения. Голубев был сконфужен. «Подумайте, — говорил он мне, — неся на плечах все судьбы империи, председатель Совета министров еще извинялся за пять минут опоздания».

Вечерний обед был столь же прост и краток. Обычно лишь в семейном кругу. После обеда, прежде чем сесть за работу, министр прогуливался в парке...

Стремительный бег времени огорчал отца. Глядя на беспощадно движущиеся часовые стрелки, он говорил порою: идите, проклятые! Остановить время, ему столь нужное, он не мог.

А во дворце, затрудняя порой деятельность председателя Совета министров, чередовались визиты важных персон: министров, дипломатов, земских деятелей. Но меня больше интересовал наш елагинский моряк — бравый толстяк капитан Еланский. В его распоряжении были четыре дворцовые катера. Они блестели чис-

тотой и были быстроходны. Команда состояла из веселых и услужливых ребят. Каждую неделю Еланский предлагал нам ту или иную морскую прогулку. Весело, но не надолго... По причинам предосторожности, нам – детям – запрещалось выходить на берег. Неслись мы по волнам залива порой до Кронштадта, порой до Ораниенбаума и... обратно. На воде я был таким же «елагинским пленником», как за решеткой моей дворцовой спальни.

Раз в неделю, а то и чаще, отец вечером отправлялся на кабере в Петергоф с очередным докладом государю. Мы – дети – сопровождали его порой до дворцовой пристани. Один из чиновников нес его тяжелый портфель. Тяжел он был потому, что с одной из двух сторон он был забронирован и мог служить щитом. Предосторожность, которая тогда оказалась излишней. Насколько я помню, покушений за елагинское время не было. Возвращался отец из Петергофа поздно, и мы на пристани его не встречали. Несколько раз петергофское бдение затягивалось на всю ночь. Однажды государь вызвал в три часа утра дежурного камердинера. «Мы проголодались, – сказал он. – Пожалуйста, принесите нам пива и сэндвичи с ветчиной и сыром: по три штуки для Петра Аркадьевича и по три штуки для меня». Когда нам это рассказала мать, я подумал, что государь скуповат: мог бы предложить более обильное угощение. И в самом деле царь и премьер-министр закусывали ночью по-студенчески.

С царским угощением связано у меня одно личное воспоминание. Был в Петергофе какой-то официальный прием. Придворные лакеи разносили на подносах различные яства. Отец засунул в карман конфету – большую конфету в золоченой бумаге с хвостом из бумажного кружева. Заметив жест отца, государь улыбнулся и сказал шутя: «Вероятно, это Вы припрятали для вашего сына. Так вот, скажите ему, чтобы он конфету не съел, но хранил ее бережно». Конфета была мне вручена. Два дня я взирал на нее с вожделением. На третий день не выдержал. Встал рано утром и, тихо крадучись, вышел из дворца. Стоя меж густых кустов, я съел запретную конфету. Вокруг столетние дубы смотрели как грозные молчаливые судьи. К счастью, о судьбе конфеты никто меня не спросил. Мое преступление, совершенное в шестилетнем возрасте, осталось незамеченным.

Необычным событием за это елагинское время было посещение восточных властелинов – эмира Бухарского³² и хана Хивинского³³. Кажется, эмир побывал на Елагине первым, а хан – годом позже³⁴. Приезжали они с многочисленной свитой: лица

как бы вылитые из бронзы, огненные глаза, роскошные и яркие одеяния. Все эти люди садились чинно в овальном зале, вкушая яства и напитки. Сестры и я с трепетом за ними наблюдали из верхних окон зала.

Эмир Бухарский – бывший воспитанник пажеского корпуса – был нам и ранее знаком. Будучи наследником престола, он был у нас дважды в Зимнем дворце. Сопровождал тогда отца. Старый эмир поднимался в дворцовом лифте. Сын и чины свиты неслись, сломя голову, пешком по лестнице. Восточный этикет требовал, чтобы, выйдя из лифта, властелин оказался среди своих подоспевших приближенных³⁵.

Бывшего пажа, ставшего эмиром, мы лучше разглядели на этот раз³⁶. Это был невысокий, плотный человек. Черная и почти синеватая борода веером, ослепительные зубы, веселая и самодовольная улыбка на чувственных устах. Представляя своих приближенных моему отцу, эмир жестикулировал, говорил без умолку. Симпатичный, но не величавый монарх. Отец говорил, что эмир – истинный друг России. Совсем иным был хан Хивинский. Благородный орлиный профиль, большие лучистые и печальные глаза, гордая осанка. От этого властелина веяло чем-то трагическим. Представляя отцу своих министров, он потом отходил и взор его устремлялся вдаль³⁷.

Дары, привезенные восточными гостями, вызывали наше восхищение. Шесть маленьких идолов из массивного золота, серебряные и фарфоровые вазы, ковры. Любовался я всем этим до самых дней революции.

От этого времени сохранилась у меня лишь фотография, снятая на широкой террасе дворца, недалеко от окон отцовского кабинета. Я с грозным и воинственным видом сижу на деревянной лошадке. Стоящий сзади отец держит руку на моем плече. Из пяти изображенных на снимке моих сестер двух уже нет в живых. Следующая рядом со мной Наталья³⁸ – это та, чьи ноги были переломаны при взрыве на Аптекарском, тогда выжила и ноги ее удалось спасти. Умерла лишь в 1949 г. в Ницце. Сидящая на земле на другом конце снимка Ольга³⁹ расстреляна большевиками в 1920 г. Было ей всего 23 года.

Распрошался я с Елагиным дворцом осенью 1917 г., незадолго до октябрьского переворота. Дважды мы ездили туда вдвоем с сестрой Ольгой, погибшей через три года. Садись в трамвай, колесивший из Питера на острова. Прибывали туда, садись на скамейку, откуда издали виден был дворец. Вокруг ни

души. Сидели молча очень долго. Наш отъезд из Питера был близок. Знали, что прощаемся навсегда.

Грани. 1983. № 129. С. 50–58.

А.П. СТОЛЫПИН. СЫН ОБ ОТЦЕ

Интервью у А.П. Столыпина взяла в 1989 г. корреспондент «Литературной газеты» Жанна Вронская. Встреча состоялась в г. Люзарш, под Парижем.

Шестнадцатая дорога на Шантин к северу от Парижа проходит мимо аэропорта Бурже. Городок Люзарш — крошечный — одна центральная улица. Заблудиться было трудно. Я быстро нашла старинный дом, где живут Столыпина. С помощью своей дочери Марии в гостиную из кабинета на втором этаже сошел крупный, некогда статный человек. Аркадию Петровичу, сыну П.А. Столыпина, 85 лет. Меня поразило его лицо — почти фотографическое сходство с отцом.

Ж.В.: Аркадий Петрович, что Вы помните о вашем отце?

А.С.: О моем отце я имею только отрывочные воспоминания. Каждый вечер, прежде чем идти спать, я спускался в его кабинет и прощался с ним. Хотя у него была почти парализованная рука, он все-таки делал рисунки, чтобы меня забавлять. После обеда вечернего — мы обедали в семь часов вечера — всегда у него было полчаса отдыха, и в это время мы гуляли вначале около Зимнего дворца, а потом министерства⁴⁰, где мы жили. Ему нужен был моцион, какое-то движение, и он рассказывал мне истории, в том числе про Ивана Завьялова, который был простым солдатом и все время повышался в чинах. Затем мой отец выдумал другую сказку, чтобы рассказывать мне после вечернего обеда. Она называлась «Кот, кокетка и котлетка». Это, конечно, для него отдых был тоже: так со мной гулять полчаса и разговаривать кое о чем. Потом он садился за работу, иногда до поздней ночи.

Ж.В.: Сколько детей было в вашей семье?

А.С.: Было пять дочерей и я, младший сын, шестой⁴¹. Я должен был защищаться от всех этих девиц. Я им пакостил, как мог.

Ж.В.: А рука у вашего отца была повреждена после покушения на него?

А.С.: Нет, у него был острый ревматизм, и его плохо лечили. А потом, когда он был саратовским губернатором, то у здания

одного вокзала собрались земские врачи и толпа хотела их растерзать, а он приехал в коляске, чтобы их защитить и эвакуировать. Там бросали камни и один из камней повредил руку так, что от этого ему еще труднее стало⁴².

Ж.В.: Известен ответ вашего отца на травлю, которая велась против него. Он сказал: «Не запугаете!» Эти слова все знают⁴³. Но каким образом столь спокойное достоинство проявлялось в жизни, в быту? Вы помните это?

А.С.: Ну, он не знал страха вообще. Так это был большой козырь в его жизни, но это одновременно его погубило. Он стоял без охраны, прислонившись к рампе в опере в Киеве, совсем без охраны, когда Богров подошел почти вплотную и выстрелил. Когда он еще был саратовским губернатором, на него бросился какой-то человек с револьвером. Он раскрыл свое пальто и сказал: «Стреляй». И тот выпустил свое оружие.

Ж.В.: Итак, несмотря на то, что ваш отец знал, что за ним все время охотились, он не боялся этого?

А.С.: Отец относился к этому с религиозным смирением. Была записка, к сожалению, ее больше у меня нет, когда он еще был саратовским губернатором. Записка, которую он прислал моей матери, своей жене, что сегодня какие-то озорники из-за кустов в него стреляли. Так что он относился к этому равнодушно спокойно, зная, что рано или поздно будет убит.

Ж.В.: Он так и считал?

А.С.: Так и считал, да.

Ж.В.: И был готов пожертвовать собой ради дела, которому служил?

А.С.: Да, да.

Ж.В.: Столыпин — аристократ, дворянин и помещик. Каким образом он куда лучше понял психологию, стремления и чаяния крестьян, чем интеллигенция, которая все время к стати и некстати клялась именем народа?

А.С.: Это легко объяснить. Он служил в министерстве в Петербурге очень короткое время⁴⁴ и после этого был назначен предводителем дворянства в Ковенскую губернию⁴⁵, где у него было поместье⁴⁶. Там была очень сложная обстановка из-за необычайно разношерстного населения — русских, поляков, литовцев, евреев и т. д. Он там научился как обращаться с теми и другими, утихомиривать ссоры. Так что он все дело земледелия знал, так сказать, с самого начала вплотную.

Ж.В.: Аркадий Петрович, какие, может быть, семейные предания и традиции помогли вашему отцу думать так серьезно о благе страны и народа?

А.С.: Не знаю. Вижу очень мало прецедентов. Столыпины — это военная семья, и преимущественно артиллеристы. У нас была большая библиотека, но добрая половина книг касалась артиллерии, то есть таких предметов, которые с деятельностью отца не имели ничего общего.

Ж.В.: Крестьянская реформа — это самая важная его реформа, но не единственная?

А.С.: Не единственная. Одновременно он проводил заселение Сибири и азиатских пространств, постройку Амурской железной дороги, которая частью проходила по китайской территории⁴⁷, чтобы она до самого Владивостока⁴⁸ шла только по русской территории, он проводил восстановление флота, вел борьбу с разными течениями, крайне левыми и крайне правыми тоже, потому что крайне правые всегда ставили ему палки в колеса, насколько могли, особенно в Государственном совете⁴⁹.

Ж.В.: Появились такие сведения, что при дворе Столыпина вообще в последние годы его жизни не любили и даже что ему грозила отставка. Насколько это соответствует действительности?

А.С.: Отставка грозила. Потому что он несколько раз почти насильно побудил государя принять меры, которых тот не хотел⁵⁰.

Ж.В.: Был ли Столыпин искренним и верным монархистом и служил царю верой и правдой?

А.С.: Он был монархистом и служил царю и отечеству верой и правдой.

Ж.В.: Но в то же время он по характеру был куда более решительным и смелым человеком, чем Николай II.

А.С.: Да, конечно. В какой-то степени это улаживалось в том смысле, что император был очень работающим человеком. Все самые главные вопросы он просматривал лично и не поручал своим министрам, и поэтому он с моим отцом работал по вечерам и иногда целую ночь, а к четырем часам утра звонил и говорил: «Принесите для Петра Аркадьевича и для меня две тартинки с сыром и две с ветчиной и пиво». Совершенно, как студенты, которые готовятся к экзаменам, имеют такого рода ночную закуску, такую скромную закуску.

Ж.В.: Царь работал много? Есть ведь такое мнение, что он был человеком, мало занимавшимся делами, даже легкомысленным.

А.С.: Нет, нет, он был очень упрямый и очень трудоспособный.

Ж.В.: Интересно, как Столыпину удалось взять верный тон с Думой? Он не заискивал перед Думой, но относился к парламенту серьезно, вел себя как настоящий парламентский деятель.

А.С.: Он пришел к власти, когда I Дума была уже перед роспуском⁵¹. Со II Думой у него были трудные отношения, потому что избирательный закон⁵² для выборов Думы был весьма несовершенным. Он предоставлял значительное большинство нерусской части населения Империи⁵³, так что надо было его изменить. И это назвали переворотом 1907 года⁵⁴, когда мой отец изменил избирательный закон для того, чтобы по численности населения⁵⁵ русские занимали нужное им место⁵⁶. Но он все время старался и стремился иметь как можно более близкое сотрудничество с Думой, и с III Думой это ему удалось⁵⁷. Я видел все это совсем ребенком. Мне было 8 лет, когда отца убили. Если [бы] я был старше, я гораздо больше мог бы вам рассказать.

Ж.В.: В момент убийства вашего отца вы были в Киеве с ним или в Петербурге?

А.С.: Мы были в Литве в своем имении, когда отец поехал в Киев для этих торжеств⁵⁸ и был убит.

Ж.В.: А как убийце удалось проникнуть в зал, который должен был бы хорошо охраняться?

А.С.: Богров был двойной агент. Он сотрудничал с полицией и одновременно с эсерами, а сыск не был поставлен так, как теперь, конечно. Недостаточно ковырялись, чтобы узнать его сущность.

Ж.В.: Это верно, что когда Столыпин был смертельно ранен, он перекрестил лоду царя, а потом упал?

А.С.: Он рухнул в кресло и увидел, как его белый китель быстро начал наполняться кровью. Да, это так было.

Ж.В.: Он умер через несколько дней?

А.С.: По старому стилю покушение было 1 сентября, а он умер 5 сентября. Мы всегда поминали эти даты, делали панихиды по старому стилю 5 сентября, иными словами — 18 сентября.

Ж.В.: Столыпин всегда был решительным противником войны. Теперь мы знаем, насколько он был прав. Но как он тогда понимал, почему нужно было быть против войны?

А.С.: Россия была неокрепшей после Первой русской революции и после неудачи с японской войной⁵⁹. Мой отец занимался восстановлением флота, который был полностью разгромлен

во время этой войны. Помните, послали эскадру вокруг всего света⁶⁰, которую потом японцы разбили? Так что он видел, что соваться в войну вообще нельзя и особенно в таких условиях, в которых Россия была бы в невыгодном положении.

Ж.В.: Обратимся теперь к вопросу о его твердой борьбе с революционными террористами. Все помнят его слова, что им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия⁶¹. Тогда его меры расценивали чуть ли не как террор. Теперь, конечно, у нас появились совсем другие масштабы и мерки. К чему конкретно сводились его меры тогда?

А.С.: Он в качестве министра внутренних дел был во главе полиции и поэтому на нем лежала ответственность за спокойствие в столице и во всем государстве. Но какие конкретные меры принимал, я не знаю.

Ж.В.: Что ваш отец считал главным делом своей жизни?

А.С.: Вероятно, разрешение крестьянского вопроса, освобождение крестьян от «мира», от общины, которые были как бы вторым крепостным правом, и создание хуторской России с тем, чтобы излишнее население либо колонизовало азиатские пространства, где была великолепная земля, которая очень часто в большинстве случаев была не использована, либо перешло на заводы. Но он много думал и о других вопросах. Незадолго до смерти он взял в первый раз отпуск на шесть недель, потому что сердце начало слабеть и, будучи у себя в своем имении в Литве, он составил план управления Россией на десять лет вперед с тем, чтобы полное отделение Польши от России должно было произойти в 1920 г. Он считал, что Польше должна была быть дана самостоятельность. Но это был трудный вопрос, потому что часть польских земель принадлежала Австрии, другая часть — Германии и т. д. Так что это замедляло осуществление этого его намерения, но к этому он шел.

Ж.В.: А его план предусматривал объединение всех польских земель в одно государство?

А.С.: Да, этот план мой шурин, муж моей сестры⁶², видел в ящике письменного стола моего отца в нашем имении в Литве. Но на следующий день нагрянула государственная комиссия и все это увезла, и план этот исчез. Я несколько раз спрашивал людей, приезжавших из Советского Союза, Солоухина⁶³ и других, есть ли где-нибудь какие-нибудь следы этого плана. Нигде его нет вообще.

Ж.В.: Аркадий Петрович, расскажите теперь о вашей судьбе, где Вы учились, как попали за границу?

А.С.: Мы из Петербурга, из Петрограда, уехали в Киев. На Украине легче было жить, и у семьи моей сестры в Киеве был дом. И потом мы уехали в деревню, где было имение в Подольской губернии. И там мы застряли на несколько лет. Когда происходило отступление белых армий, когда вернулись большевики, часть моей семьи там убили. Мою 23-летнюю сестру убили в январе 1920 г., да, я не ошибаюсь. Это все происходило на Украине в имении моей сестры. И тогда один землемер взял меня с собой, чтобы спасти, и я в качестве советского землемера имел пару лошадей и телегу и разъезжал по селам. Мне было 16 лет, но я произносил речи о том, что вся земля должна быть дана крестьянам, что тягости помещичьего владения пришли к концу и т. д.

Ж.В.: Под каким именем вы пропагандировали?

А.С.: Валентин Габрилович. И так вот выступал на митингах.

Ж.В.: А как вы затем попали за границу?

А.С.: Пришли поляки, и в последнюю минуту мы уехали — те, которые остались живы. Весь этот отъезд был чрезвычайно тягостным, в необычайно тягостных условиях. И все-таки не хотелось уезжать.

Ж.В.: И вы уехали оттуда в Польшу?

А.С.: Уехали с польским Красным Крестом. Но мы не полностью расстались с Россией, потому что у нас в Литве было имение и кое-что там осталось, так что после моего пребывания в Берлине, где я учился, мы поехали в Литву, и я опять в какой-то степени почувствовал себя на родине. Там я родился, там жил все детские годы. Потом моя сестра купила нам виллу около Мюнхена, и мы с остатками земли и тем, что нам прежде принадлежало, расстались окончательно.

Ж.В.: И после этого вы жили в Германии?

А.С.: [В] Германии, Италии и потом во Франции.

Ж.В.: Вы учились во французской военной академии Сен-Сир? Вы думали стать военным?

А.С.: Да, потому что меня воспитывали только женщины, когда мой отец погиб, поэтому я захотел поступить в Сен-Сир. Но у меня слабые легкие и бронхи, и я не выдержал, к сожалению, у меня все время был бронхит, потом сделалось воспаление легких, и из Сен-Сира пришлось уйти. Но эти военные связи очень крепкие, и до сих пор генералы, которые были в том же классе, что и я, дают о себе знать.

Ж.В.: Как известно, теперь заново возник огромный интерес к памяти вашего отца. Солженицын⁶⁴ очень много о нем пи-

шет в своем историческом романе. Как вы относитесь к образу вашего отца, созданному в «Красном колесе»⁶⁵?

А.С.: Ну, я очень многое Солженицыну рассказал, так что очень многое из того, что он написал – это пересказ наших разговоров с ним. Я был тогда, как выжатый лимон. Солженицын – человек довольно властный. Он поставил стул и маленький круглый стол и микрофон и говорил: «Аркадий Петрович, теперь рассказывайте мне в течение часа о вашем отце и о всех, о положении в России, о настроении среди школьников, среди студентов, среди интеллигенции, в думских кругах и т. д.» Я с ним говорил около часа и страшно устал. Солженицын мне сказал: «Хотите лечь на мою кровать, чтобы отдохнуть?» Я ему ответил: «Александр Исаевич, я приехал к Вам, чтобы разговаривать, а не для того, чтобы лежать на вашей кровати».

Ж.В.: Сейчас одна из главных проблем, которую обсуждают во время перестройки, как создать крепкого хозяина на земле. Этого еще в начале века хотел ваш отец?

А.С.: Мой отец хотел, чтобы крестьяне были собственниками земли, потому что только собственность является стимулом для труда, для усовершенствования. А теперь крестьянам дают землю в наем, как нанимают квартиру. Могут дать, могут отобрать. Так что нет такого рвения, такого желания усовершенствовать и работать. Это полумера, то что делается – ни то, ни се.

Ж.В.: Ваш отец служил России всю свою жизнь и пожертвовал своей жизнью ради нее. Если бы он мог увидеть Россию такой, какая она есть теперь, сохранил бы он веру в Россию?

А.С.: Да, он сохранил бы. И довольно быстро выправил бы кое-что. Россия в 1912 г. вывозила хлеб на продажу и кормила всю Европу, а до Горбачева эти господа Брежневы довели дело до того, что приходится импортировать хлеб в Россию из Канады, Соединенных Штатов, даже из Франции и черт знает еще откуда, когда в России всегда был переизбыток хлеба.

Ж.В.: В заключение, Аркадий Петрович, Вы написали книгу о вашем отце. О чем она?

А.С.: Я написал краткую, по-русски, [книгу,] в которой помещены выдержки из тех или иных его речей с комментарием о том или ином, об Амурской железной дороге, о восстановлении флота и т. д.

А.С. : Большое вам спасибо, Аркадий Петрович.

Литературная газета. 1989. 12 июля. № 28. С. 15.

ПИСЬМО Б.И. БОКА – А.В. ЗЕНЬКОВСКОМУ

10 июня 1953 г.

Бок Борис Иванович, фон (1879–1955) – муж дочери П.А. Столыпина – М.П. Столыпиной. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. Капитан 1 ранга, военно-морской атташе России в Германии. Предводитель дворянства Шавельского уезда Ковенской губернии. После 1917 г. жил в Берлине, в 1935–1938 гг. – в Японии. В 1938 г. вернулся в Германию. Во время Второй мировой войны жил в Дании и Польше. В 1945 г. поселился в Австрии под Зальцбургом. В 1948 г. переехал в США. Скончался в Сан-Франциско.

Зеньковский Александр Васильевич (1878–1966) – финансист, общественный деятель. По его словам, в мае 1911 г. П.А. Столыпин диктовал ему свой доклад императору о программе дальнейшего реформирования России, основные положения которого А.В. Зеньковский воспроизвел по памяти в книге «Правда о Столыпине» (Нью-Йорк, 1956). В 1953 г. он вступил в переписку с супругами Бок, прося их написать предисловие к публикуемой книге.

Машинописная копия письма хранится в Архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско (США) (М.Р. Вок Papers).

Сан-Франциско, 10-го июня 1953 [г.]

Глубокоуважаемый Александр Васильевич.

Получил вчера Ваше письмо от 6-го июня. По поводу выстрела Богрова у меня тоже есть некоторые предположения, но это именно предположения, а что было действительно – это мой вызов в Военно-судное управление зимой 1911 или [19]12 года для допроса. Допроса никакого не было, а меня пригласил в свой кабинет главный военный прокурор⁶⁶ и рассказал мне о следствии по делу Петра Аркадьевича. При этом сказал, что главным виновником является Курлов⁶⁷, по инициативе которого покушение было совершено.

Очень досадно, что Вы живете так далеко. О предположениях говорить многим легче, чем писать. О Курлове говорил мне Петр Аркадьевич, что это единственный в России товарищ министра, не выбранный министром, а назначенный по Высочайшему повелению.

Пользуясь случаем, прошу Вас принять уверение в моем искреннем к Вам уважении и готовности к Вашим услугам.

ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 10. К. 1. Машинопись.

ПИСЬМО Б.И. БОКА – А.В. ЗЕНЬКОВСКОМУ

24 июня 1953 г.

Машинописная копия письма хранится в Архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско (США) (М.Р. Вок Papers).

Сан-Франциско, 24 июня 1953 [г.]

Глубокоуважаемый Александр Васильевич.

Очень извиняюсь, что до сих пор не ответил на Ваши последние два письма. Причиной тому были мои срочные занятия по редактированию юбилейного порт-артурского сборника⁶⁸. Вы задаете мне ряд вопросов, на которые не так легко ответить из-за продолжительного времени, прошедшего со дня кончины Петра Аркадьевича.

Совсем не помню, кроме чиновника особых поручений Яблонского⁶⁹, кто входил в комиссию по вскрытию письменного стола Петра Аркадьевича⁷⁰. Я настолько был далек тогда от возможности пропажи проекта будущего устройства России, что детально с ним не познакомился. Помню отдельные моменты: о введении земства в Северо-Западном крае, об автономии Польши. Помню, что в начале он пишет о том хаотическом характере, в котором он принял управление Россией.

Что касается отношений императрицы Александры Федоровны к Петру Аркадьевичу, то характерной чертой императрицы было оберегать государя от чужого влияния. Первые годы государь был очень восторженно настроен к Петру Аркадьевичу, и это ей не нравилось. Ведь за все время царствования Николая Александровича у него не было ни одного друга. Был граф Гейден⁷¹ (адмирал), без которого, как я помню, не решалось ни одного семейного совета, затем был генерал Порецкий⁷², наконец, князь Орлов⁷³. Но императрица их всех удаляла, когда они становились близки к государю. Кроме того, у императрицы было недоверие к приближенным после открывшейся измены Витте, который, будучи премьером, встречался на конспиративных квартирах с Хрустальевым-Носарем⁷⁴ и Бронштейном-Троцким⁷⁵, на которых велись переговоры о будущей республике в России с Витте⁷⁶ во главе (обвинительный акт товарища прокурора В.А. Бальца⁷⁷ по делу о Совете рабочих депутатов). Государь из уважения к памяти своего отца ограничился удалением Витте с поста премьера и прекращением следствия о нем, но на императрицу все это произвело весьма глубокое впечатление и у нее осталось ко всем приближенным государя недоверие. Этим и объясняется назначение Курлова то-

варишем министра к Петру Аркадьевичу против его воли. Петр Аркадьевич мне говорил, что это единственный случай в России за всю ее историю, когда товарищ министра выбран не министром, а назначен свыше против воли министра. Недоверие к людям она постоянно вселяла в государя. Нелюбовь к Ольге Борисовне [Столыпиной] весьма не понятна и, конечно, может базироваться только на сплетнях, исходивших очевидно от Курлова. Ольгу Борисовну императрица совсем не знала. Кроме нескольких фраз во время представления, она с ней никогда не говорила. Ведь приемов дворцовых в те времена не было, а в то же время я сам на себе почувствовал известный холодок императрицы, относившейся ко мне весьма тепло, после моей женитьбы. Чего никогда не было со стороны государя.

Мне кажется, что Петр Аркадьевич был слишком силен для того, кто стремился вообще к уничтожению монархий в Европе. Кому-то надо было, чтобы три столба, на которых покоилась Европа, рухнули. При инциденте с Боснией и Герцеговиной⁷⁸ Европа была накануне войны. Остановил ее исключительно Петр Аркадьевич. Помню, как после этого меня вызвал к себе император Вильгельм⁷⁹ только, чтобы выразить восторг перед силой и мощью Петра Аркадьевича. Он еще не знал Петра Аркадьевича и узнал его только через три месяца на свидании императоров в Бьорке⁸⁰ и после разговора с ним его восторг был безграничен.

Вот все, что могу Вам сообщить. Был бы бесконечно счастлив ознакомиться с продиктованным Вам проектом. Боюсь, что это не сбудется, так как в Нью-Йорк я вряд ли когда-нибудь попаду.

Прошу Вас принять уверение в моем глубоком к Вам уважении и искренний привет от нас обоих.

ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 10. К. 1. Машинопись.

Б.И. Бок. Вильгельм и Столыпин.

КАК КАНЦЛЕР ВИЛЬГЕЛЬМ ГОНЯЛСЯ ЗА СТОЛЫПИНЫМ

Воспоминания публикуются по материалам газетной публикации, хранящимся в Архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско (США) (М.Р. Bок Papers).

В мае 1908 г., состоя морским агентом в Берлине, сидел я за письменным столом, как неожиданно входит в мой кабинет Петр Аркадьевич, весьма жизнерадостный, со словами: «Вот я приехал

посмотреть, как мои дети живут». Быстро вошла моя жена, бросилась обнимать отца.

Это было для нас настолько неожиданно, что мы ничего не могли понять, пока Петр Аркадьевич не объяснил нам. Надо сказать, что за моим тестем непрерывно охотилась боевая дружина эсеров, и ему не было возможности в Петербурге выходить из дома без охраны. Это, конечно, его стесняло, и потому особенно было непривычно увидеть его на полной свободе. Оказалось, государь, дабы дать возможность Петру Аркадьевичу отдохнуть, предложил ему на два месяца отпуска проплавать на яхте «Алмаз», предоставив ему составить свой маршрут. Осмотрев наш дом и перемолвившись с нами короткое время, мой тесть предложил пройтись с ним по городу, а днем вместе с ним отправиться в Штеттин, где стоял «Алмаз». Пройдя по Тиргартену⁸¹, мы пошли по Унтер-ден-Линден⁸². Здесь, продвигаясь почти в толпе, он радовался свободе как ребенок и даже повел нас в известное кафе Бауер, где, сев за столик около окна, смотрел на шумную толпу и радовался, что его никто не узнает. Проходя мимо нашего посольства, он предупредил нас, что плавает инкогнито и попросил меня ничего об его присутствии в Германии в посольстве не говорить.

Приехав в Штеттин, мы застали на яхте всю семью моей жены. После радостной встречи Петр Аркадьевич просил меня спроектировать маршрут плавания, который мы в тот же вечер составили вместе с командиром яхты капитаном 2 ранга Коломейцевым. Последний уверил меня, что до сих пор никто из портовых властей не подозревает о присутствии на яхте. На следующее утро с рассветом мы снялись с якоря и пошли в Ниборг — маленький порт в Дании. Пробыв там двое суток, Петр Аркадьевич съездил с семьей в Копенгаген. По возвращении яхты сразу снялись и мы пошли в Гамбург, которым интересовался Петр Аркадьевич как наибольшим портом в Германии. Несмотря на тайну маршрута, через час после нашего прихода мне была перевезена с берега телеграмма от нашего посла графа Остен-Сакена⁸³, требующая моего срочного возвращения в Берлин, где, как передавал посол, кайзер Вильгельм узнал-таки о присутствии Петра Аркадьевича на «Алмазе», и он во что бы то ни стало хотел его видеть.

Возвратясь срочно на «Алмаз», я передал об этом Петру Аркадьевичу, который мне сказал: «Сообщи Сакену, что я плаваю на «Алмазе» для отдыха, который мне необходим, и потому

прошу его озаботиться о том, чтобы ничто не нарушало времени моего отдыха». При этом прибавил: «У меня достаточно работы по внутренним делам, и до приведения страны в нормально-спокойное состояние я не могу заниматься иностранной политикой, а поэтому не могу допустить свидания с Вильгельмом в отсутствие министра иностранных дел».

Я об этом немедленно телеграфировал послу и считал, что он уже сумеет дипломатично отклонить свидание, но не подозревал, с каким упорством Вильгельм проводил свои желания. В тот же день «Алмаз» покинул Гамбург. Войдя в Немецкое море, он взял, спустив лоцмана, курс на запад, но с темнотой изменил направление на норвежские фьорды. Три дня Петр Аркадьевич наслаждался дикой природой, съезжал по два раза в день на берег и совершал продолжительные прогулки с радостным чувством, что он на полной свободе без охраны. В это время кайзер Вильгельм, негодуя, что яхта скрылась в неизвестном направлении, и не получая от нашего посла сведений, куда она ушла, дал распоряжение своему флоту во что бы то ни стало найти «Алмаз».

На четвертый день был устроен всей семьей и офицерами пикник. Еще не успели приступить к завтраку, как прибежал с яхты офицер и доложил, что на горизонте видна яхта «Гогенцоллерн»⁸⁴. Петр Аркадьевич распорядился немедленно возвратиться всем на нашу яхту, и последняя снялась с якоря и на виду у «Гогенцоллерна», развивая полный ход, пошла на юг и вскоре скрылась в глубине одного из фьордов.

Утром вся семья съехала на берег, а к вечеру опять появилась яхта кайзера, входящая в фьорд. Опять та же история, но тут помогла наступившая темнота, и храбрый командир без огней взял курс на север. С рассветом яхта уже входила в новый фьорд. Простояли два дня в совершенно диком месте, с радостью думали, что наконец-то кайзера обошли, но не тут-то было. На третий день пришлось повторить тот же маневр! Назойливость кайзера оказалась упорной, и в последующие дни повторилось то же еще в двух фьордах.

В мае 1909 г. состоялось свидание государя Николая II с кайзером Вильгельмом в Бьорке. На завтраке на «Штандарте» кайзер сидел направо от императрицы Александры Федоровны, а рядом с ним Петр Аркадьевич. За весь завтрак Вильгельм не сказал ни слова с императрицей и весь как бы впился в Петра Аркадьевича, засыпая его вопросами и боясь проронить хотя одно сказанное им слово.

После завтрака, когда мы вышли на палубы и подали кофе, кайзер Вильгельм подошел к генерал-лейтенанту Татищеву⁸⁵, стоявшему при нем, и сказал: «Необычайно счастливый день. Наконец я узнал Столыпина. Если бы у меня был такой министр, как он, я бы показал, что из себя представляет Германия... К сожалению, второго такого человека не найти».

ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 10. К. 1.

Раздел II

НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ПОПРИЩЕ

А.В. Оболенский. «Имя П.А. Столыпина принадлежит истории и сердцу народному»

Оболенский Алексей Васильевич (1877–1969) — князь, титулярный советник; правитель канцелярии гродненского губернатора. Впоследствии чиновник особых поручений при министре внутренних дел. Организатор Рабочей партии «Союза 17 октября» в Петербурге, член ЦК «Союза 17 октября». В эмиграции с 1917 г.

Деятельность А.В. Оболенского была высоко оценена П.А. Столыпиным. Как он писал виленскому, ковенскому и гродненскому генерал-губернатору князю П.Д. Святополк-Мирскому 28 февраля 1903 г., «близко ознакомившись с его [А.В. Оболенского] нравственными и служебными качествами за время управления мною губернией, я могу смело аттестовать его за честного, добросовестного и способного труженика, с интересом относящегося к работе, получившего прекрасное воспитание в патриархальной, чисто русской, дворянской семье и вполне подготовленного к занятию самостоятельной и ответственной должности. Имея вместе с тем в виду, что кн[язь] Оболенский получил высшее образование и что в здешнем крае крайне важно вводить в непосредственное соприкосновение с местным землевладельческим элементом представителей администрации, воспитанных в традиции порядочности, я уже позволил себе ходатайствовать лично перед Вашим Сиятельством, вследствие чего смею надеяться, что служба кн[язя] Оболенского будет поощрена осуществлением тех надежд, которые были мною поданы ему при назначении на должность правителя» (П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 87).

Воспоминания А.В. Оболенского охватывают период с 1881 по 1920-е гг. Они были опубликованы в 1955 г. в журнале «Возрождение» (№ 47–48). В 1961 г. воспоминания вышли отдельной книгой, текст которой отличается от журнального варианта, который как раз и воспроизводится в данном издании.

...Недолго пришлось мне работать с князем Урусовым⁸⁶. Он был назначен в Полтаву, и на его место прибыл в Гродно П.А. Столыпин⁸⁷. «Кого бы Вы могли рекомендовать в Гродно губернатором?» – спросил государь члена Государственного совета графа Тышкевича⁸⁸.

П.А. Столыпин был помещик Ковенской губернии⁸⁹, предводитель дворянства Ковенского уезда, а также энергичный председатель сельскохозяйственного общества Ковенской губернии. Поляки очень любили и уважали его. Граф Тышкевич назвал его государю. Через некоторое время Столыпин был назначен губернатором в Гродно.

Я не был знаком с Петром Аркадьевичем и не знал, как решит мою судьбу новый губернатор. Столыпин оставил меня на своем посту, и потекла наша «совместная работа» почти на два года. «На память о совместной работе», – он сам написал мне эти слова на своем портрете при уходе из Гродненской губернии⁹⁰. Имя П.А. Столыпина принадлежит истории и сердцу народному. Он завершил незаконченную реформу императора Александра II⁹¹ – раскрепощение крестьян. Время его службы государству можно назвать столыпинской эпохой.

За два последних царствования он бы, по-моему, единственный государственный человек, кроме самого императора Александра III, хотя и осадившего Россию властной рукой. Граф Витте имел задатки государственного деятеля, но его мелко придирчивое, чиновное отношение к реформам Столыпина умаляло его достоинство⁹². Не о величии России думал он, а о своем. Не чиновник, не царедворец, беззаветно любящий Россию и преданный государю Петр Аркадьевич обладал ясным умом и твердым характером. Выражение глаз было глубокое, проникновенное, немного грустное. Высокий, представительный, великолепно воспитанный, всесторонне образованный Петр Аркадьевич, когда говорил, то громко, убедительно. Большим благородством веяло от его слов и поступков, что располагало к нему даже его политических противников. В нужных случаях он действовал решительно. Так, на второй день своего назначения в Гродно Столыпин за-

крыл польский клуб, где господствовало повстанческое настроение. Проявление твердой власти в малом облегчало правление в более существенном. Несмотря на это, польское общество продолжало любить и уважать его.

Кисть правой руки была повреждена у Петра Аркадьевича, и когда он писал, то придерживал ее левой рукой, а писал обыкновенно легким гусиным пером, которое умело обчинивал один мой сослуживец в канцелярии. Я тоже потом стал писать такими перьями. Свое пребывание в Гродно Столыпин считал лучшим временем своей служебной карьеры.

Тихо и мирно протекала жизнь в Гродно. Гродненская губерния огромная — и промышленная, и сельскохозяйственная. Климат мягкий и чудные леса. Беловежская пуша в сто пятьдесят тысяч десятин великолепного разнородного леса с тысячелетними дубами, зубрами и массой всякой дичи. Душистая трава зубровка и особая порода ели, очень ценная для музыкальных инструментов и роялей, росли в Беловежье. Царская охота. Браконьерство строго преследовалось, а звери часто портили крестьянские поля, прилегающие к лесу. Убытки щедро вознаграждались. Как красиво и далеко было слышно весной пенье тетеревов, и, отдыхая только среди своей семьи, Столыпин с грустью расставался с Гродно, предчувствуя, что испытания и страдания ожидают его впереди.

Петр Аркадьевич был женат на О.Б. Нейгардт⁹³. Она была невестой его старшего брата⁹⁴, и когда тот неожиданно скончался еще женихом⁹⁵, Петр Аркадьевич женился на Ольге Борисовне. Он был примерный семьянин. Гостеприимный, радушный, веселый и остроумный, когда не был чем-либо озабочен — он был образцом всех мужских добродетелей. Строгий к себе, снисходительный к ошибкам подчиненных.

Он не был честолюбив, и все неблагородное и нечистое было противно его высокой душе. Он был рыцарь без страха и упрека. Борец за лучшее будущее России в дружной работе с народными представителями под державной властью государя, преданный ему без лести. Будь жив Столыпин, не было бы революции.

Назначенный из Гродно губернатором в Саратовской губернии, самой трудной, благодаря революционно настроенному населению из-за земельного неурядиства, подвергаясь там неоднократным покушениям, Петр Аркадьевич с честью там завершил управление губернией, не превышая и не злоупотребляя властью. Там окончательно созрела в его уме земельная реформа,

которая одна могла прекратить земельные беспорядки и приобщить крестьянство к нормальной жизни. Постоянно заботясь о крестьянах и в бытность свою предводителем дворянства в Ковно⁹⁶, в крестьянах видел он оплот русской государственности.

Чем дальше повышался Столыпин в своих назначениях, тем более чувствовал ответственность перед родиной, тем больше жертвовал собой, борясь с сопротивлением своим идеям не только от врагов, но часто и от «своих». Чем ближе к правящему Петербургу, чем ближе к трону, тем больше интриг. В трудную минуту принял Петр Аркадьевич назначение министром внутренних дел и председателем Совета министров.

Ликвидация японской войны и революционного движения, убийства министров и губернаторов, беспокойная Государственная дума – вот обстановка, в которой пришлось работать Столыпину. Дружной работы добивался он с народными представителями, но работы, а не демагогии, и был доволен поддержкой правительства Третьей Думой, изменив предварительно систему выборов.

Опираясь на думский центр, Столыпин отбивался направо и налево, не уступая в преследуемой им цели. Лидер центра Гучков⁹⁷ тогда еще не обнаруживал ту революционную активность, которую он не скрывал позднее. Государь не любил Гучкова, и это отражалось на его отношениях к Столыпину. С каждым годом положение его становилось труднее. Интриги крайне правых в Государственном совете – П. Дурново⁹⁸, Трепова⁹⁹ и Витте, противников его земской реформы в Западном крае¹⁰⁰ – и влияние разных посторонних лиц при дворе, которым не сочувствовал и был чужд Петр Аркадьевич и которые настраивали против него государя, мешали осуществлению его замыслов. Он не видел поддержки, начинал чувствовать свое одиночество и как бы недоверие трона.

Как жалко, что отставка Столыпина, носившаяся в воздухе, не спасла нам его для России. Все было бы по-другому, если бы он был жив.

Его полные достоинства и государственной мудрости речи и отповеди в Государственной думе, его земельная реформа, окончательно раскрепощающая крестьянство, не давали покоя темным силам. Реформы сверху, ведущие к благоденствию русского народа, – не в их интересах. «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия»¹⁰¹. Как пророчески звучали эти слова, как поражал в самое сердце врагов отечества на поле полити-

ческой брани этот борец, равный по силе и духу бессмертному Суворову. «Не легко мне даются эти выступления», — говорил мне Петр Аркадьевич. Расширение и болезнь сердца дают себя чувствовать. Угрозы и покушения преследовали Петра Аркадьевича. Он никогда не был уверен, вернется ли он домой, выезжая куда-нибудь.

Охрана государства, которой ведал товарищ министра внутренних дел, командующий корпусом жандармов генерал Курлов, была плохо поставлена. Столыпин не был доволен Курловым, но вопреки воле государя не мог заменить его. Во время приезда государя в Киев вся охрана была вверена генералу Курлову, и вот выстрел провокатора Богрова в театре, предназначенный, в сущности, для государя и в последнюю минуту изменивший решение убийцы и направленный в Столыпина, доказал столь большой ценой всю несостоятельность и несогласованность власти, которая после Столыпина все более и более теряла свой авторитет. Курлов и его помощники были отданы под суд¹⁰² (оказалось, что никто не был виноват в убийстве Столыпина), и государь велел прекратить дело. Богров получил билет в театр от Курлова и был известен Департаменту полиции как провокатор. Богров признался, что он не стрелял в государя только потому, что боялся еврейского погрома. Но и по смерти Столыпина погром не был допущен, были приняты меры.

Петр Аркадьевич резко восставал против всякой попытки натравливания на какую-либо национальность или воспитания молодого поколения в этом духе. Русское национальное самосознание и величие только выигрывает от этого.

Между прочим, министру внутренних дел отпускалось ежегодно 100 тысяч рублей в безотчетное распоряжение. Эти деньги Столыпин расходовал исключительно на нужды государства при строгом контроле.

Столыпин очень задумывался и о подрастающем поколении. Он сознавал, что школа мало давала людей, преданных родине, не вырабатывала воли, а влияние семьи значительно ослабевало. В новых организациях молодежи: в скаутах, соколах, разведчиках — он думал найти поддержку этим недостаткам и шел навстречу этим течениям.

Дряблость, безволие, национальное безразличие, царившие в массе во времена революции, погубили Россию. Он предвидел это.

Некем было заменить верного сына отечества. Россия потеряла своего кормчего, и пошла потом свистопляска с назначением министров, один незначительнее другого.

Председателем Совета министров стал Коковцов¹⁰³. Почтенный и умный министр финансов, но, по выражению Столыпина, он не обладал твердой волей и мог лишь топтаться на месте.

Возрождение. 1955. № 47. С. 95–98.

А.В. ЦЕКЛИНСКИЙ. «КАКАЯ НЕСОКРУШИМАЯ СИЛА, ВОЛЯ ЧУВСТВОВАЛАСЬ В НЕМ...»

Александр Васильевич Цеклинский — земский начальник в Пензенской губернии (Краснослободский уезд). Сын генерала В.С. Цеклинского, военного губернатора Семипалатинской области. В 1904–1905 гг. участвовал в русско-японской войне. В 1906 г. и. о. непременного члена пензенского губернского присутствия по продовольственному отделу. В 1907 г. непременный член тульского, а в 1908 г. — пензенского губернского присутствия. Пензенский вице-губернатор. Впоследствии заведующий переселенческим делом в Акмолинской области. После 1917 г. в эмиграции в Сербии. Воспоминания были закончены в 1937 г. в Белграде.

В 1904 году, в конце августа, из Самары, куда я был призван из запаса в 3-ю Артиллерийскую запасную бригаду, я был командирован в город Бердянск военным приемщиком по набору лошадей и запасных по укомплектованию бригады¹⁰⁴. В моем распоряжении были прапорщики Б.Н. Шатов, управляющий одного из частных банков в Саратове, и С.Н. Астафьев, доцент химии Московского Сельскохозяйственного института¹⁰⁵. Оба очень симпатичные, интересные по своему внутреннему содержанию, но «не военные» по существу.

В Бердянске мы пробыли почти 2 недели, приняв 1500 лошадей и около 3 тысяч запасных, почти сплошь рудокопов-шахтеров юга. Публика — до невероятия распущенная, пьяная, достаточно тронутая пропагандой. Держать в руках такой сброд было очень трудно. Помог мне очень приехавший со мной из Самары фейерверкер гвардейской конной артиллерии А.Н. Попов, землевладелец из мещан, 34 лет, состоятельный, толковый, энергичный, ловкий, бравый, на редкость красивый. Он предложил мне назначить старшим в команде призванных вахмистра гвардейской конной артиллерии шахтера Бондаренко, которого привел ко мне. При виде последнего я был ошеломлен — тип Дорошевича¹⁰⁶

из «Сахалина». Сажень росту, такой же в плечах, в одном нижнем белье, небритый, с рыжей физиономией с всклокоченной шевелюрой, босой, а когда заговорил, то от пьяного перегара нельзя было дышать. Чувствовалась в нем выправка, тянулся, конфузился. Поговорил я с ним, нашлись общие знакомые, его бывший командир гвардейской конной батареи полковник А.А. Атабеков¹⁰⁷, его жена. Отпустив Бондаренко, задержал Попова. «Надо привести его прежде всего в боже[ское состояние], побрить, одеть, обувь, но он, Ваше Высокоблагородие, большая сила-авторитет и банду наших запасных возьмет в руки, надо только умело подойти к нему».

Я понял Попова, дал ему денег и через 2 часа тот же Бондаренко, бритый, подстриженный, в сапогах, в летней одежде, стоял передо мной, смущенно принимая мое приказание о назначении его старшим. Попов из общего барака переселил его к себе в комнату и взял на свое иждивение, что для него, владельца имения в 3 тысячи десятин, не составляло затруднений.

Несмотря на закрытые казенные винные лавки, каждый раз при посещении своих команд я видел много пьяных. Бондаренко страдал, сознался, но положение заставляло держаться.

В начале сентября мы тремя эшелонами двинулись в Самару. Я ехал в головном, а Шатов и Астафьев вслед за мной. Дневки были совместные. Старших к ним в эшелоны назначил по указанию Бондаренко. Перед отъездом из Бердянска Бондаренко вел со мной очень интересный разговор, который воспроизвожу точно.

«Ваше Высокоблагородие! У нас к Вам просьба. Мы, шахтеры, каждый раз опускаясь в шахту, при мысли, что можем и не увидеть, в случае грехового дня, белого света, своих, привыкли выпивать по 1–2 и более “мерзавчикам” ($1/100$ ведра¹⁰⁸) вина. По подъеме из шахты делали то же. Итак, десятки лет, ведь труд под землей каторжный. А тут вдруг сразу “стоп, конец, нет вам водки”. Посмотрите как народ страдает, переплачивает в шинках, с каждым днем звереет. Добейтесь разрешения на вино в пути. Ручаюсь Вам, ни одного скандала, ни одного отсталого, да и пьяных не увидите, спрячу. Купим замки, запру в вагон». С этой просьбой Бондаренко обратился ко мне накануне отъезда, часов в 5 вечера, когда эшелон уже был погружен в вагоны. Бондаренко я поместил в офицерском вагоне с собой (Попов устроил мне прекрасный вагон 1 класса) и всячески и дальше поддерживая его авторитет. И недаром.

Так как призываемые запасные на юге России проявляли себя вызывающе-бурно, местный таврический губернатор¹⁰⁹, объезжал пункты, сосредоточив их. В этот вечер он был в Бердянске и я сейчас же поехал к нему. Сначала он и слышать не хотел об отпуске нам водки. Поддержка исправника, предводителя дворянства и моя семипудовая в то время персона в конце концов возымели силу, и я получил от него письменное разрешение, при следовании в Таврическую губернию, покупать вино в количестве ведер по моему требованию. Такие же разрешения я достал и для своих помощников, 2-х других эшелонов. К себе в эшелон я взял самую отъявленную часть запасных в 1500 человек и 160 лошадей, а своим прапорщикам дал по 600 человек плюс лошадей. В этот же вечер в Бердянске мы купили 50 ведер вина, причем и казенные лавки принимала специальная команда, учинившая сейчас же и расчет.

Бондаренко оказался прав и свое обещание сдержал. Ни одного скандала, ни одного отсталого и ни одного пьяного я не видел, пели запертые в вагоне в хвосте поезда и то первые три дня. Тот же образцовый порядок наблюдался и в следовавших за мной двух моих эшелонах.

На станции Лиски тотчас же по прибытии эшелон мой был оцеплен воинской частью, ко мне в вагон пришли комендант, исправник и начальник жандармского отделения. «В чем дело»? — спросил я. — «Как у Вас? Эшелоны южан, идущие впереди и сзади Вас, громят станции, базары, в Ртищеве войска употребляли оружие». Я их успокоил и прежде всего попросил убрать оцепление. Мои артиллеристы, как мне успел шепнуть Бондаренко, обиделись, что их так встретила «крупка» — пехота. Боялись особенно моего эшелона, так как он был самый многочисленный. Но с каким испугом отнеслись к моей просьбе об отпуске мне 30 ведер вина. В Лисках эшелон обедал. Но разрешение таврического губернатора и удостоверения комендантов пунктов, где нам отпускали вино, о нашем примерном поведении, произвели эффект и вина мы купили, выпили, пообедали на воинской платформе, попели песни и провожаемые успокоившимися и очарованными саженой фигурой Бондаренки, изумительно прекрасного, местными властями, тронулись в дальний путь.

Шедшие за мной два моих эшелона прошли уже по проторенной мной дорожке, без оцепления, с вином и в полном порядке. А через день в тех же Лисках мариупольцы учинили погром, войско стреляло, были убитые и раненые.

10 сентября.

Станция Ртищево. Та же встреча, что и в Лисках. Жандармский полковник в вагон ко мне вскочил на ходу. Ртищево — базар — накануне разгромлены. Вызваны войска. Приехал саратовский губернатор П.А. Столыпин. Успокаиваю за себя и своих Шатова и Астафьева.

Воинская платформа. Обед. Люди из вагонов не выходят. Прибегает Бондаренко: «Ваше Высокоблагородие, не хотят строиться, пока стоит оцепление. Мы артиллеристы, а не преступники. Призваны на защиту царя и родины». Иду, уговоры нахожу бесполезными, ибо и сам в душе возмущен, протестую. Вдали вижу высокую фигуру, с красными лацканами пальто. Окруженный свитой — Столыпин. Иду навстречу, в блузе цвета хаки, семипудовый и рядом саженный красавец — русский богатырь Бондаренко. Жандармский полковник представляет меня, называю фамилию, говорю, что из запаса — земский, пензяк. Затем докладываю о состоянии эшелона, успокаиваю. На меня устремлены вдумчивые, ласковые глаза, забыть которые никогда нельзя, передо мной импозантная фигура сановника-барина, полная простоты, внушающая доверие, веру в какую-то мощь. Идем к эшелону. Запасные злыми взглядами провожают нас, оставаясь все еще в вагонах. Столыпин заходит ко мне в вагон. Садимся в салоне. Вагон начальника дороги старого типа: кресла вместо диванов. Я, прежде всего, прошу снять оцепление, объясняю почему. Отдает распоряжение. Оцепление убирают. Затем, мотивируя, прошу 20 ведер вина, ссылаясь на мотивы Бондаренко. Не забываю просить и за своих: Шатова и Астафьева. Первого Столыпин знал по Саратову. Губернатор очень внимательно меня выслушал, похвалил за умелый подход к психологическому состоянию людей, попросил представить ему Попова — поехал в эшелон Астафьева, молодого, неопытного, и приветствовал выбор и назначение Бондаренко. Вошедший Бондаренко доложил, что эшелон построен. Столыпин пожелал посмотреть его. Лихая команда. «Смирно, глаза направо». «Здравствуйтесь, артиллеристы». Дружная: «Здравия желаем, Ваше Превосходительство». Столыпин сказал приблизительно следующее: «Начальник эшелона доложил мне, в каком блестящем порядке вы продвигаетесь к цели своего назначения — к Самаре, а там и далее на восток, в армию, для защиты нашего дорогого монарха и родины. Вместе с порядком такие молодцы не могут не нести собой и победы над врагом. Час вам добрый, Бог в помощь вам, государю императору ура».

Дружное несмолкаемое «ура». Загоревшиеся глаза, загнипнотизированные люди, подтянувшиеся, как-то пытающиеся скрыть свое убогое одеяние, наготу. Бондаренко повел эшелон на обед, а Столыпин пошел к себе в вагон, пригласив меня пообедать с ним у него в вагоне. Я прошел к эшелону, рассчитался, и затем в вагон к Столыпину.

В своей бродячей жизни видел я много и сановников, дворян, купцов, да и вообще людей, но более изумительно одухотворенного, проникающего в глубину вашего существа, пытливого-ласкового, серьезного взгляда, как у Петра Аркадьевича, я не видел. А какая несокрушимая сила, воля чувствовалась в нем, да еще при такой барски-сановничьей красивой наружности. Адмирал А.В. Колчак¹¹⁰ своим взглядом всегда будил во мне память о глазах Петра Аркадьевича. Во время и после обеда, за кофе говорили о деревне, работе крестьянских учреждений, институте земских начальников, настроении запасных и крестьян, которые, по словам Петра Аркадьевича, в случае неудач на фронте, причинят государству массу хлопот и грозят опасными последствиями. Затем Столыпин прошел снова к моему эшелону, где мы застали пение, пляс под гармонию и балалайки; выпившего ни одного не видели. Петр Аркадьевич восхищался Бондаренко, разговаривал с ним, расспрашивал о семье, условиях труда на рудниках и хотел ему дать 25 рублей, от которых тот очень деликатно отказался.

Через час мы тронулись дальше, мимо пассажирского перрона, на котором красовалась фигура Столыпина, будущего богатыря России, запечатлевшего служение ей своей мученической смертью. Громко, дружно вырывавшееся из уст 1500 тысяч человек «ура» громко гремело в воздухе, заглушая стук колес катившихся вагонов.

В вагоне ко мне подошел Бондаренко и сказал: «Знаете, все как один говорят: “Вот это начальник, ему главнокомандующим быть, герой, с таким когда и куда угодно можно идти, не выдаст, добьется конца, сила!”»

Моя первая встреча.

1906 год. Всем памятная эпопея: Гурко¹¹¹ – Лидваль¹¹² – м-м Эстер¹¹³. Покупка у Лидваля хлеба для пострадавшего от недорода Поволжья¹¹⁴. Его несостоятельность в выполнении контракта. Хлеба не поставил. Гурко устранен с должности товарища министра внутренних дел. Дело на много лет в Сенате. Создавшееся

тяжелое положение на местах требовало принятия особо экстренных мер.

Во главе продовольственного дела в Империи поставлен гофмейстер Высочайшего двора С.Н. Гербель¹¹⁵.

Я только что вернулся по окончании демобилизации из Маньчжурии (9/V) и принял участок в своем Краснослободском уезде Пензенской губернии. В сентябре меня вызвали в Пензу для исполнения обязанностей временного неперменного члена губернского присутствия по продовольственному отделу. Губернатором у нас в это время был камергер С.В. Александровский¹¹⁶, бывший во время русско-японской войны главноуполномоченным Российского Красного Креста на театре военных действий. От Лидваля Пензенская губерния имела получить 1200 вагонов зерна, начиная с октября, а получила в течение 5-ти недель всего 8 вагонов, из которых 4 были забракованы. Не лучше обстояло дело с его поставками и в других губерниях Поволжья. Министерство было встревожено. Александровский С.В. поехал в Петербург. 5 ноября получил от него вызов туда же, где я и был 8-го, на Михайлов день, в 8 ч. утра. В 9^{1/2} – явился к нему, а в 11^{1/2} часа мы были приняты П.А. Столыпиным в его служебном кабинете, на Фонтанке. При входе в его кабинет, взглянув на меня, он обратился ко мне со словами: «Так это Вы, 1904 г., Ртищево, разгром, Ваши блестящие эшелоны, саженный Бондаренко. Ну, Сергей Васильевич, лучшего выбора Вы не могли сделать. Передо мной весь этот день в Ртищево, как будто бы это было вчера».

А затем Петр Аркадьевич вышел из-за своего письменного стола вперед, к нам и сказал, обращаясь ко мне: «Вам известно то тяжелое положение, в которое мы поставлены нашей ошибкой и неаккуратностью Лидваля. В течение двух недель Вы должны дать на рельсы 2^{1/2} миллиона пудов зерна. Немедленно получите указания С.Н. Гербеля и сейчас же поезжайте покупать хлеб. Я и государственный аппарат всегда к вашим услугам. Вы будете стоять у казенного сундука, Вам будут завидовать, мешать и даже допускать злоупотребления. Не бойтесь, никакие наветы Вам не страшны. Я Вам верю и этого довольно. Поезжайте. Не позже, чем через 2 недели жду доклада о 2^{1/2} миллионах, погруженных в вагоны. Надо помочь – помните обо мне, адрес мой простой: Петербург – Столыпину. Ну, с Богом, до свидания, в успехе не сомневаюсь».

Я стоял ошеломленный.

Ошеломленный словами, силой речи, тоном, взглядом и сознанием той ответственности, которую на меня возлагало это по-

ручение. Как я вышел из кабинета — я не помню. Только по дороге, словами С.В. Александровского, я был выведен из состояния гипноза. В этот же день я уехал в Пензу, а 16/XI в Козлов, Грязи, Воронеж—Харьков и вообще на Юг России до 26 июня 1907 года. Я не только исполнил поручение покупки 2¹/₂ миллионов, но и дополнительно 10 миллионов. За время своих поездок, в ноябре 26-го я вынужден был просить содействия П.А. Столыпина и воздействия на харьковского губернатора генерала Пешкова¹¹⁷, отказавшегося принять меня по срочному делу вне приемного дня. В 1¹/₂ дня я послал депешу, а в 2¹/₂ часа получил ответ, в копии телеграммы губернатору об оказании мне содействия. В этот же день в 4 часа я любезно был принят.

Это встреча вторая. В результате ее очень интересная, живая работа, масса очень интересных встреч, знакомство с Югом России, Северным Кавказом и затем Св. Станислав на шею и назначение неперменным членом Тульского губернского присутствия и почти сейчас же перевод на ту же должность в родную Пензу (22.XII.1907 г. и 21.I.1908 г.).

1907 год. Ноябрь. Петербург.

Совещание по указу 9 ноября 1906 года, при Министерстве внутренних дел в Земском отделе, под председательством товарища министра внутренних дел сенатора А.И. Лыкошина¹¹⁸. (Мелкая земельная собственность). Продолжалось 5 дней, причем в один из них участники совещания, нас было 22 человека, были представлены министру внутренних дел П.А. Столыпину. Когда Лыкошин подошел с министром ко мне, Петр Аркадьевич, протянув руку, сказал: «Ну, мы старые знакомые, встречались и здесь, в землеустройстве, и у Вас, в Пензенской губернии, и сейчас уже большой сдвиг — дадите, убежден, блестящие результаты». А.И. Лыкошин доложил цифровые данные о выданных актах укрепления и выделах на отруба и хутора. Мы шли по успеху четвертыми.

1909 год. Январь. Петербург.

Съезд по землеустройству¹¹⁹. Участвуют с мест неперменные члены губернского присутствия, неперменные члены губернских землеустроительных комиссий и ряд специально приглашенных лиц. Руководят съездом сенатор А.И. Лыкошин, директор Департамента земледелия А.А. Риттих¹²⁰ («Фауст без шпаги» — как его назвал в своем фельетоне в «Новом времени» Меньшиков¹²¹),

управляющий Земским отделом Я.Я. Литвинов¹²² и член совета при Министерстве внутренних дел В.И. Бафталовский¹²³, наш «ре-визор-розга», креатура П.А. Столыпина, по Саратовской губернии. Съезд заседал на Мойке, в здании Министерства внутренних дел, близ Поцелуева моста. Открыл съезд П.А. Столыпин. Обрисовав в блестящей, яркой речи положение крестьянства, тяжелую зависимость его от общины, стеснение инициативы, подчеркнул, что фактически, после освобождения крестьян в 61 году от крепостной зависимости, они были оставлены на произвол судьбы, Петр Аркадьевич разъяснил сущность указа 9 ноября 1906 года, являвшегося предварительным шагом к земельному раскрепощению русского крестьянства¹²⁴, а затем и сущность выработанного проекта закона о крестьянском землевладении и землеустройстве, который и был предложен на рассмотрение работников с мест, людей, знающих близко деревню, быт крестьянина и уже 3 года проработавших в этом направлении. Первое заседание, организационное, закончилось посылкой верноподданнической телеграммы государю¹²⁵, в ответ на которую Его Величество пожелал, чтобы участники съезда были ему представлены.

Работали мы в течение 10 дней. Съезд был организован исключительно дельно и заботливо и был очень интересным по содержанию и составу участников. Начинался день в 11 часов, до 7 часов вечера с перерывом на завтрак, в здании же министерства от 2–3-х часов, затем на обед от 7–9 часов, а от 9-ти работали до 2–3-х и даже 4-х часов ночи. Дневные заседания посвящались пленарным заседаниям, а вечерние – комисионным. Секретарскую часть выполняли члены министерства, под руководством В.И. Бафталовского и поставлена она была идеально. К очередному ближайшему заседанию пленума или комиссии мы располагали всегда уже отпечатанными протоколами и резолюциями только что закончившихся вечерних заседаний.

28 января 1909 года¹²⁶ все участники съезда были представлены в Царскосельском Александровском дворце государю императору. Приехали из Петербурга в специальном поезде, в придворных каретах доставлены во дворец, где и были построены в циркульном зале. Ровно в 11 часов появился государь. Сначала, быстро, были представлены участники от центральных ведомств, а потом мы, работники с мест, стоявшие по алфавиту губерний. Представлял Столыпин. Государь подходил к каждому из нас. Сенатор А.И. Лыкошин докладывал цифровые данные по каждой губернии. Мы их дополняли и разъясняли. Его Величество выка-

зал исключительную осведомленность в состоянии работы по губерниям и к некоторым из непрременных членов обращался со специальными вопросами, подтверждающими эту осведомленность. Например, непрременного члена владимирского губернского присутствия император спросил: «Ну, скажите, меня очень интересует, как Вы вышли из положения с крестьянами селений по берегам Переяславского озера, не имеющих полевой земли и которые в наделе получили “право ловли рыбы в озере” (переяславская сельдь)». Непременный член доложил, что в актах укрепления и фиксируется это право с точным указанием долей. Недоразумений нет, а случаи продажи этих прав уже имели место.

Непрременному члену нижегородского губернского присутствия Н.М. Ленивцеву¹²⁷, стоявшему близко от меня, государь сказал: «Ну, а у Вас, по всей вероятности, успешнее подвигается землеустройство в нагорной правой части губернии, а уезд Семеновский и другие луговые и лесные труднее разверстывать и выселять?» — Ленивцев эти правильные предположения монарха подтвердил тут же цифрами.

Со мной рядом стоял непрременный член полтавского губернского присутствия. Его государь спросил, улыбаясь: «А у вас, наших пионеров-аграрников, что происходит? Идете, кажется, чуть ли не первыми?» Государь намекал на те аграрные беспорядки, которые имели место в 1900 году¹²⁸ (кажется так) в Полтавской (Бельгард¹²⁹ губернатор) и Харьковской (князь Оболенский¹³⁰) губерниях.

Во время обеда Столыпин, между прочим, указал, что на всяком его приеме государь всегда интересовался работами на местах. Дело землеустройства Его Величеству было очень близко, он прекрасно знал природу и условия крестьянского землевладения по губерниям, знал и интересовался земельными ресурсами государства.

Около 1 часа государь закончил прием, пробыв среди нас почти 2 часа, поблагодарил нас за достигнутые результаты и, пожелав дальнейшего успеха, сославшись на неотложные дела, покинул зал.

Министром двора генерал-адъютантом бароном Фредериксом¹³¹ мы были приглашены к обеду. Сидели по 8 человек за круглыми столами в Золотом зале. Во время обеда осчастливил нас своим приходом крошка наследник, обошедший столы, посидевший недолго между Столыпиным и Фредериксом и затем увенденный флигель-адъютантом полковником Нарышкиным¹³².

Четвертая встреча с П.А. Столыпиным.

1909 год. Ноябрь. Петербург.

Приезжал в отпуск по своим делам на 5–6 дней. Зашел к товарищу министра, сенатору А.И. Лыкошину, всегда мне протежировавшему, особенно после ревизий крестьянских учреждений Пензенской губернии. Уговорил меня и устроил мне прием у Столыпина, через директора канцелярии, обаятельного барона Кнолля¹³³. Принят был в среду, числа не помню, в служебном кабинете, на Фонтанке. Представлявшихся было очень много, да еще явилось несколько внеочередных, членов Государственного Совета и Думы, принимавшихся вообще всеми министрами вне очереди.

Передо мной почти $\frac{1}{2}$ часа длилась аудиенция московского Саввы Морозова¹³⁴. Я был принят вместо $11\frac{1}{2}$ часов – в $12\frac{1}{2}$ часа. Столыпин выглядел очень утомленным, поблекший цвет лица, но те же неизменные глаза, тот же тон, величие, умение зажечь. Я чувствовал себя довольно неловко: утомлять своим бесцельным визитом. Столыпин вскоре намекнул на мою кандидатуру в вице-губернаторы, чего очень добивается для меня Лыкошин. Я его поблагодарил, сказал, что моя протекция – это моя работа. На это Петр Аркадьевич мне ответил: «Часто и мне приходится считаться с протекцией более сильной, получая на докладах у Его Величества листик блокнота с фамилией кандидата государя. В таких случаях, хотя и не всегда, мне протестовать не приходится».

Столыпин встал, протянул руку. Я вышел.

5-я встреча.

1911 год. Январь. Я попал в Петербург совершенно случайно, приехав со ст. Подберезье, куда приезжал навестить своего большого друга, бывшего пензенского губернатора И.Ф. Кошко¹³⁵. В Петербург мы приехали вместе с ним, губернатором в Пензе у нас в это время был камергер А.П. фон Лилиенфельд-Толь¹³⁶, женатый на внучке Бисмарка¹³⁷, графине Ранцау.

Я вместе с И.Ф. Кошко был приглашен на обед к А.А. Столыпину, сотруднику «Нового времени». Это было 22 января. Приехали в 7 часов и от Ольги Николаевны, жены Александра Аркадьевича, узнали, что часов в 9-ть у них будет П.А. Столыпин. Кроме нас, посторонних никого не было. Вспоминали наших общих знакомых пензяков и саратовцев, О.Н. Столыпина, рожденная Устинова¹³⁸, саратовская, коснулись и земельного, животре-

пешущего вопроса. А.А. Столыпин, между прочим, предупредил нас, задержав, т. к. мы хотели до 9 часов уехать, что П.А. Столыпин в очень редкие часы отдыха не любит разговоров на деловые темы. Ровно в 9 часов Петр Аркадьевич приехал. Столыпин в 1904 году, на ст. Ртишево и в 1911 году – совершенно иначе выглядел: [теперь он был] усталый, утративший яркие краски, сильно поседевший, с озабоченным выражением лица. В глазах никогда уже не исчезавшая тревога, настороженность – последствия ужасного взрыва на Аптекарском острове. Он похудел. Но та же твердая, вдохновенная речь, тот же порыв, самообладание. Шесть лет неустанной, тяжелой, ответственной работы у кормила государственного корабля, да еще так осложненной переживаниями последствий неудачной для России войны с Японией.

П.А. Столыпин очень хорошо относился к И.Ф. Кошко и ценил его как администратора. Он очень сопротивлялся его уходу из Пензы в отставку¹³⁹. Столыпин, под влиянием дворцового коменданта генерала Воейкова¹⁴⁰, нашего нижнеомовского помещика, зятя министра двора Фредерикса, настоял на возвращении на пост исправника этого уезда, уволенного Кошко. И.Ф. Кошко, подчиняясь приказу министра, исправника восстановил, но сам ушел в отставку. Ненадолго, т. к. уйдя в сентябре 10 года, в январе 11 года он был назначен губернатором в Пермь. Меня Петр Аркадьевич встретил как старого знакомого. Сидели мы в гостиной, Петр Аркадьевич пил очень крепкий чай. В 9^{1/2} часа мы попытались уйти – нас не пустили. Как-то совершенно случайно Петр Аркадьевич заговорил об указе 9 ноября 1906 года, законе о землеустройстве. Не ручаясь за точность слов, а за содержание сказанного им: «Освободили крестьян в 61 году и успокоились. Не считались с эволюцией его мировоззрения и разросшимся постепенно в России социальным движением. Земля, сосредоточенная в руках “помещиков-тунеядцев”, эксплуатирующих крестьян-арендаторов, конечно, крупный козырь в руках социалистов для подкапывания под государственность. Что-то надо было предположить разрушающему их влиянию. Лозунги, обещания – им не верят. Силу казаков? Палка о двух концах – и эта мера действительна до поры до времени. Надо создать крестьянина-собственника, освободить его от общины, дать кредит. Собственность свою крестьянин будет ценить и защищать. Инициативы и энергии у русского мужика непочатый край. Надо их использовать. Привить крестьянину-собственнику социализм не удастся, он станет большей опорой монарха и осознает свою родину. По-

путно, конечно, самое серьезное широкое содействие деревне агрономической помощью и мелким кредитом. Ответственность кармана в учреждениях мелкого кредита будет заставляя думать, разовьет самостоятельность. Мало земли у крестьянина, — да, — но у нас есть земельный фонд у Крестьянского банка¹⁴¹, ресурсы государства, да я считаю, что близко уже то время, когда нам придется стать перед вопросом экспроприации частновладельческих земель. Что меня ждет в последнем случае, если указ 9 ноября 1906 года и закон о землевладении в Юго-Западной крае вызвали такую бурю и нападки на меня! Политическая эмиграция за границей за земельную реформу назвала меня “революционером”. (Вспомните книгу Беседовского¹⁴² — “Сталин”, там есть этому подтверждение — *А.Ц.*). Вы ведь, работники на местах, именно в этом аспекте должны четко понять и усвоить идею и цель моей земельной реформы. Еще одно крупное государственное потрясение в недалеком будущем — и мы пойдем к гибели».

Было почти 11 часов, мы простились и ушли счастливые 2-х часовым обществом П.А. Столыпина.

Знаменательные предсказания — оказались и пророческими! Через 6 лет так и сбылось.

Это была встреча 6-я с П.А. Столыпиным, исключительная по своему интересу. *И*, к счастью, оказалась не последней.

1911 года. 18 августа, вместе с заведующим по продовольственным делам в Империи шталмейстером В.Э. Фришем¹⁴³, я и непременный член харьковского губернского присутствия А.И. Букуновский были приняты Столыпиным. Букуновский и я были вызваны с видом на усиление управления сельской продовольственной части, ввиду неурожая в России, захватившего 27 губерний и областей. Столыпин в деле оказания помощи населению принял мудрое решение: выдачу ссуд, в конце-концов никогда не возвращавшихся государству — заменить организацией общественных работ. Желаете есть — «работайте». Не можете работать по «неспособности к труду» — получайте — «безвозвратное пособие», «медицинскую помощь», а может быть и приют-убежище. Что надумал, то и осуществил. Работ в 11–13 году было развернуто в 27 губерниях на сумму 275 миллионов.

На приеме, обращаясь к нам, министр более подробно развил свои мысли, настаивая на самом широком привлечении к производству работ земств, городов, попечительств о трудовой помощи, Министерства земледелия, сохраняя в ведении крестьян-

ских учреждений: 1) фиксирование размеров необходимой продовольственной помощи; 2) ассигнование средств и контроль. Обращаясь ко мне, Петр Аркадьевич сказал: «Вы в ближайшие дни командируетесь в губернии Самарскую, Саратовскую, Уфимскую, Оренбургскую и Тургайскую область. Я думаю, мои требования Вы усвоили. На местах будете проводником их и моими глазами. Информлируйте с пути, как отнесутся и поймут меня на местах».

А.И. Букуновский остался в Петербурге, а я 24-го августа выехал в чрезвычайно интересную командировку, наэлектризованной моей встречей со Столыпиным, оказавшейся последней. В Оренбурге я от губернатора узнал о выстреле Богрова в киевском театре, а в Уфе, прямо с вокзала, попал в собор на панихиду по скончавшемуся от ран П.А. Столыпину.

В Киеве, в день выстрела¹⁴⁴, Петр Аркадьевич наложил интересную резолюцию на доклад В.Э. Фриша, которым он представлял министру свое предположение отвергнуть предложение «Общества врачей имени Пирогова» о командировании врачей в пострадавшие от недорода районы. Заканчивал доклад Фриш фразой: «...Полагая правильным снять с Вашего Высокопревосходительства ответственность за могущие быть последствия и т. д.» — Столыпин, утвердив доклад, приписал: «Никогда и никто, в том числе и я, от ответственности освобожден быть не может».

Так погиб этот великий государственный вождь, который войдет в историю незабвенными, сказанными им в Государственной Думе словами: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия».

Вдумываясь в эти слова, невольно приходишь к заключению: «Через великие потрясения Россия возродится национально Великой».

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 753. Л. 1–10.

П.П. МЕНДЕЛЕЕВ. «ПРИРОЖДЕННЫЙ ОРАТОР»

Менделеев Павел Павлович (1863–1951) — государственный и общественный деятель, тайный советник (с 1909 г.). В 1885 г. окончил Училище правоведения. В 1885–1894 гг. служил по ведомству Министерства юстиции; в 1894–1904 гг. — в Собственной Его Императорского Величества канцелярии; в 1905–1909 гг. начальник отделения канцелярии Совета (Комитета) министров; в 1909 г.

П.П. Менделеев вышел в отставку. В 1909–1913 гг. гласный тульского и тверского губернских земских собраний. В 1913–1915 гг. предводитель тверского губернского дворянства, уполномоченный тверского дворянства на съездах Объединенного дворянства. Председатель правления «Елецкий портланд-цемент», владелец контрольного пакета акций компании. В 1915–1917 гг. член Государственного совета. В 1915–1917 гг. член Особого совещания по продовольствию. В 1917–1918 гг. член Всероссийского церковного собора в Москве. В 1918 г. член бюро Совета государственного объединения России. С 1919 г. в эмиграции в Лондоне, затем жил в Париже. В 1920–1921 гг. секретарь Главного русского комитета по делам о беженцах, в 1921–1931 гг. секретарь Земско-городского комитета в Париже, председатель Союза русских дворян во Франции. Являлся представителем Русского заграничного исторического архива в Париже.

Машинопись воспоминаний хранится в Государственном архиве Российской Федерации в фонде П.П. Менделеева (Ф. Р-5971). Она была передана П.П. Менделеевым в Русский заграничный исторический архив в 1938 г. В данной публикации приводятся воспоминания П.П. Менделеева за 1906–1909 гг.

...Первое дневное заседание Совета министров под председательством Горемыкина¹⁴⁵, на котором я присутствую¹⁴⁶. Сажу против председателя. Около меня свободный стул. Заседание уже началось. Входит высокий, статный, привлекательной наружности молодой человек. Издали поклонившись председателю, садится за стол рядом со мной. Шепотом спрашивает меня, давно ли началось заседание и какое дело сейчас обсуждается Советом. В душе злюсь на него, так как мешает мне следить за происходящим обменом мнений. Сам он внимательно прислушивается к прениям, но участия в них не принимает. Несколько раз ему приходится отвечать на обращенные к нему вопросы. Говорит кратко. Держит себя крайне скромно. Видимо, ко всему и ко всем присматривается. По обращенным к нему вопросам догадываюсь, что это новый министр внутренних дел. В голову тогда не приходило, что через несколько недель он станет всемогущим премьер-министром.

Поселился он также в здании Министерства внутренних дел на Фонтанке. Здесь и происходили заседания Совета министров зимой; летом же – в Елагином дворце, куда Столыпин переезжал в начале мая...

Брат министра иностранных дел, бывший попечитель учебного округа П. Извольский¹⁴⁷ держался умеренно прогрессивных взглядов и был врагом административного произвола. Производил приятное впечатление легкостью и простотой обращения.

Еще более чаровал всех князь Б.А. Васильчиков¹⁴⁸ — барин от головы до пят, привлекавший к себе истинным благородством поступков, общительностью и бесконечным благодушием. Правовед одного выпуска с И.Г. Щегловитовым¹⁴⁹. Баловень судьбы. Неглупый, красивый, обаятельный, богатый и знатный — еще правоведом начал он блистать в высшем свете. Популярность его еще усилилась благодаря юному его увлечению тогдашним кумиром петербуржцев, знаменитой итальянской балериной Виржинией Цукки¹⁵⁰. Та платила ему взаимностью и часто гостила у него в имении. Двадцати шести лет отроду он уже новгородский губернский предводитель дворянства. Долго занимал эту должность, пользуясь исключительной любовью всей губернии. Затем псковский губернатор. Главноуправляющий землеустройством и земледелием. Главноуполномоченный Российского Общества Красного Креста. Член Государственного совета. Женился на красавице кн. Мещерской¹⁵¹, которая, как известно, в 1916 г. послала императрице Александре Федоровне обличительное письмо с мольбой отстраниться от государственных дел и не губить Россию. После этого письма супругам Васильчиковым предложено было оставить Петербург и поселиться в новгородском имении¹⁵².

В заседаниях Совета министров Васильчиков ничем особенно не выделялся, но всегда горячо стоял за закономерность решений и действий. Видимо, весьма ценил своего ближайшего сотрудника А.В. Кривошеина¹⁵³, который всегда сопровождал его на заседаниях Совета и вскоре после того его и заменил.

Другим рьяным охранителем законности действий Совета министров являлся, как мне казалось, В.Н. Коковцов. Не министр юстиции, а министр финансов был подлинным юрисконсультom Совета министров. Щегловитов всегда старался угодить Столыпину, найти в законах лазейку для благополучного проведения в жизнь намеченных премьером мер в тех случаях, когда они не вполне согласовывались с существующими правовыми нормами.

Превосходным спутником на этом скользком пути был П.А. Харитонов¹⁵⁴. Умный, оборотистый мужчина. Великолепный знаток бюрократической и законодательной кухни. В самых затруднительных обстоятельствах быстро находил он наиболее удоб-

ный и безопасный прием для поворота оглоблей законности в желательную для высшей администрации сторону. Именно Щегловитов и Харитонов, как мне тогда представлялось, расчищали путь для не совсем правомерных действий перед Столыпиным, недостаточно хорошо разбиравшемся в юридических тонкостях.

О Харитонове я упоминал уже раньше. Человек он был несомненно прекрасно одаренным, с широким государственным кругозором. Но большой циник, умело приспосабливающийся к изменениям в государственной и политической сферах, течениям, чутко прислушивающийся и к биению пульса русской общественности. Чрезвычайно приятный, остроумный собеседник. Не хуже Нольде¹⁵⁵ знающий все животрепещущие новости, но много лучше его, с большим юмором умеющий их преподнести приятелям.

Сухомлинов¹⁵⁶ и Воеводский¹⁵⁷ в Совете большей частью молчали. Обыкновенно выступали их товарищи министра – Поливанов¹⁵⁸ и Бострем¹⁵⁹. Выделялся Поливанов дельной, ловкой поддержкой денежных требований Военного министерства. По этому поводу неизменно происходил вполне рыцарский словесный поединок между ним и Коковцовым, охранявшим интересы казны. На самом деле находились они в самых лучших отношениях. Заседания были очень многолюдными. Товарищи министра, директора департаментов и другие высшие чины разных ведомств сопровождали главное свое начальство для представления объяснений и справок по их специальному кругу ведения. Все высшие чины Министерства внутренних дел – всегда налицо. Товарищи министра С.Е. Крыжановский¹⁶⁰, Макаров¹⁶¹, Лыкошин, Курлов (командующий отдельным корпусом жандармов), начальник Главного управления по делам местного хозяйства Гербель – окружали своего шефа. Редко показывался В.И. Гурко, самый яркий и талантливый из ближайшего окружения Столыпина, занимавший должность товарища министра еще при П.Н. Дурново. Из остального окружения один Крыжановский по уму, широкому образованию и большому бюрократическому опыту мог быть отнесен к числу выдающихся государственных деятелей. Быть может, прекрасный судебный деятель и законник, А.А. Макаров казался сухим формалистом без сколько-нибудь широкого кругозора. О государственных дарованиях Гербеля, большого знатока, как говорили, местного хозяйства, нельзя было судить по заседаниям Совета министров. Он воздерживался от выступлений.

По-видимому, Столыпин не особенно хорошо распознавал людей. Как мог он взять себе в сотрудники Лыкошина и Курло-

ва! Лыкошин хотя и кончил Правоведение¹⁶² первым (одного выпуска¹⁶³ со Стаховичем¹⁶⁴), оказался, однако, малопригодным для руководства каким-либо важным делом. Слабохарактерный, разбрасывающийся, неспособный к самостоятельной инициативе, неустойчивый. Всегда путанные его выступления в Совете производили жалкое впечатление.

А Курлов – беспринципный, самоуверенно-нахальный, способный на все хамелеон. Отрицательные свойства этого ловкого пролазы были хорошо известны в петербургском обществе и бюрократическом мире. Приближение его к себе чистым, благородным Столыпиным совершенно непонятно.

Трудно также объяснить та легкость, с которой Столыпин принес В.И. Гурко в жертву невзлюбившей его левой части Государственной думы, по известному делу Лидваля. Без всякого разумного основания лишил себя самого блестящего из своих сотрудников.

Сам премьер первые месяцы оставался тем простым, скромным Столыпиным, каким я его в первый раз увидел. На заседаниях говорил сравнительно мало и не очень связно. Давал волю высказаться всем желающим. Внимательно прислушивался к различным мнениям говоривших. С большой осторожностью останавливался на том или другом решении. Старался притом, чтобы постановления Совета были принимаемы по возможности единогласно.

Бывали случаи, когда, не будучи в силах устранить разногласие, он откладывал решение дела до следующего заседания, чтобы иметь возможность спокойно его обсудить лишней раз.

Прошел год и описанная мной картина совершенно изменилась. На наших глазах Петр Аркадьевич постепенно преобразился во властного, не терпящего противоречия премьера. Никогда я раньше не видел, чтобы власть могла так скоро вскружить голову умного, простого, здравомыслящего человека. Конечно, много тут виноваты бесстыдные льстецы, курящие фимиам и ловко низкопоклонствующие перед всяким счастливым избранником судьбы. Вероятно, не обошлось и без влияния его тщеславной, заносчивой супруги (урожденной Нейгардт) и такой же родни ее. Но все же превращение было изумительно. От скромного, даже застенчивого Петра Аркадьевича не осталось и следа. В каждом его жесте, в каждом слове проглядывает самоуверенность, сознание собственной силы. Не так уж терпеливо выслушивает он своих сочленов. Не медлит более высказать свой личный взгляд,

свои желания. Настойчиво проводит их, мало считаясь с чужими мнениями, а также с тем, насколько проектируемые им меры исполнимы с точки зрения действующих законов. Здесь, как я уже упоминал, приходят ему на помощь Харитонов и Щегловитов. Кто знает, не они ли были главными виновниками знаменитого эпизода с роспуском законодательных учреждений на три дня специально для издания в порядке 87 ст. Основных законов¹⁶⁵ Положения о введении земских учреждений в губерниях Западного края.

Я уже был тогда в отставке. Удивлялись Столыпину, почему он не отложил этой меры до уже близившегося окончания законодательной сессии. Тогда она оказалась бы вполне законной. Но, как мне объяснили близкие Столыпину лица, поспешность Столыпина вызывалась боязнью, как бы государь во время отсрочки этой меры не передумал и не взял обратно с трудом данное согласие на нее. Ведь в то время уже наступило царское охлаждение к Столыпину. Ему предстояло сменить пост председателя Совета министров на Кавказское наместничество. Но я несколько отвлекся...

Конечно, как светский, благовоспитанный человек Столыпин продолжал держать себя вполне корректно. Но тон у него уже властный, решительный – тон человека, не любящего возражений. В общении же с ближайшими сотрудниками по Министерству внутренних дел постоянно звучат уже начальнические нотки. Суждения его обнаруживали не только отсутствие юридических знаний – вполне понятное, так как он был, кажется, естественник¹⁶⁶, но и недостаточное знакомство со многими сторонами государственного управления, да и с самим сложным его механизмом. Несмотря на это, из нескольких намечавшихся во время прений решений он обыкновенно останавливался на наиболее, казалось бы, правильном, жизненном. Природное чутье и здравый смысл помогали ему как следует разбираться в мало до того известных ему вопросах.

А в чем он стоял, пожалуй, выше всех окружающих – это в знании местной жизни, местных людей, их чаяний и нужд, в понимании психологии русского народа, русской общественности, в умении с ними обращаться. О его патриотизме, о его геройской храбрости, готовности пожертвовать собой в пользу родины, о его неустанных заботах принести эту пользу – не стану распространяться. Они всем известны.

Заседания Совета происходили довольно часто. Почти всегда вечером. Начинались в часов 10. Обыкновенно Совет обсуждал сперва вопросы общей политики в отсутствии канцелярии и пред-

ставителей ведомств. Даже и товарищи министров часто не допускались на эти совещания. Иногда они затягивались на несколько часов и нас приглашали в зал заседаний далеко за полночь.

Бывали же случаи, правда редкие, когда наши дела откладывались до следующего вечера и мы разъезжались по домам, понапрасну потеряв несколько часов. И каких скучных! Неимоверно долго тянулось время за таким напрасным ожиданием в соседнем с Советом зале. Заседания кончались поздно ночью. Весной и летом, возвращаясь из Елагинского дворца, мы обыкновенно приветствовали восход солнца. Несмотря на усталость, невольно любовались красотой спящих островов среди остальной глади невских вод, по которым тихо скользил отвозящий нас к Летнему саду казенный пароход. Для меня, как для любителя природы, это были минуты истинного наслаждения, редкие по тем временам.

В круг моих обязанностей входило, между прочим, сидение в Государственной думе в большие дни, т. е. когда присутствовал там Совет министров при председателе Совета. Для нас были определены места позади министров.

Т[аким] о[бразом] мне пришлось быть свидетелем почти всех за эти годы выступлений Столыпина. Здесь он вызывал искреннее мое восхищение.

Прирожденный оратор, предназначенный именно для парламентской арены. И подумать, что, вызванный в Петербург для занятия должности министра внутренних дел, он первоначально затруднялся ее принять, ссылаясь, главным образом, на отсутствие ораторских способностей.

Конечно, ему самому некогда было готовить свои речи. Как и везде, их составляли его сотрудники; большей частью член совета Министерства внутренних дел И.Я. Гурлянд¹⁶⁷ — острый, блестящий ум и бойкое, красочное перо. О Гурлянде я подробнее скажу дальше¹⁶⁸ по поводу деятельности Б.В. Штюрмера¹⁶⁹. Он был автором многих изречений, сделавшихся в устах Столыпина историческими. Между прочим, знаменитой фразы: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия». Мне это доподлинно известно. Это нисколько не умаляет ораторского таланта Столыпина. Надо было слышать, как он произносил заранее приготовленные для него речи. Никогда наизусть. Читал по тетради. Но так, как будто импровизировал. С нужными паузами, с ярким выделением отдельных слов и выражений. А главное — с необыкновенным подъемом и темпераментом. Со свойственным ему каким-то особым придыханием, которое производило впе-

чатление затаенного внутреннего волнения. Речи его всегда захватывали слушателей, вызывая у одних восторг, у других злобное раздражение. Равнодушным они не оставляли никого. А его блестящие реплики, тут же импровизированные ответы, производившие еще большее впечатление, чем самые речи!

Вспоминается историческое заседание в Государственной думе в зале Дворянского собрания. В зале Государственной думы незадолго перед тем провалился потолок.

Надо было видеть возбужденно горячее настроение многочисленной левой группы Второй Думы, свирепое выражение их лиц, надо было ощущать ненормально повышенную атмосферу всего зала, чтобы вполне оценить, сколько смелости и отваги было в брошенном Столыпиным в сторону левых вызове. Знаменитые слова «не запугаете» лишили их разума. Я очутился среди них по окончании заседания. Дрожа от ярости, революционные народные представители произносили бессвязные угрозы по адресу Столыпина. В такие минуты он воплощал в себе истинно русского витязя, подлинного народного трибуна. Этим я закончу мои воспоминания о Совете министров и его канцлере. Выйдя осенью 1909 г. в отставку, я ни разу с тех пор не встречал Столыпина и не посещал канцелярии.

ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 109. Л. 79–90.

Е.Г. ШИНКЕВИЧ. ВОСПОМИНАНИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Шинкевич Евгений Гаврилович — камергер, действительный статский советник. С 12 июля 1900 г. служил в Министерстве внутренних дел, с 1901 г. делопроизводитель, впоследствии начальник финансовой и бюджетной части, с 8 ноября 1905 г. вице-директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел.

Воспоминания охватывают период с 1904 по 1917 г. Они были написаны по заказу журналиста Л.М. Клячко (Львова).

Столыпин нелегко поддавался влиянию в этой области*. При напоминании ему при открывавшейся вакансии о его обещании какому-нибудь высокому лицу назначить на первую вакансию он обыкновенно говорил: я векселей никому не выдавал

* Имеется в виду кадровая политика.

и откладывал такие назначения *ad calendas graecas**. Сам хорошо знавший трудные условия работы начальника губернии, как бывший губернатор, в т. ч. в одной из трудных в отношениях к общественным группам губернии и по революционному настроению населения на аграрной почве, Петр Аркадьевич особенно стремился установить определенный порядок в замещении вакансий должностей в губернии, тем более что раз установившийся там порядок облегчал бы во многом [возможность] давать отпор протекционизму. По его мысли, было принято за правило назначать на должности вице-губернаторов и губернаторов лиц из местной же администрации: в порядке постепенности, начиная с неперменных членов губернского присутствия, состав которых обыкновенно пополнялся из земских начальников, которые, по мнению Петра Аркадьевича, представляли наиболее подходящие элементы для занятия высших должностей губернской администрации. Вводилось даже требование занятия названных должностей не менее определенного времени — тот получит право на дальнейшее движение по службе: этим обеспечивалось [отстранение от] высших вакансий слишком молодых малоопытных работников. В [этом] смысле разрабатывался даже законопроект и если бы таковой был утвержден, то возможность стороннего влияния на назначения совершенно пресеклась и тем самым было бы достигнуто оздоровление состава губернской администрации во всех отношениях. С другой стороны, такой порядок служил бы громадным импульсом для возможно широкой продуктивности в работе, так как у каждого такого служащего в губернии была впереди [возможность] добиться высшего назначения, а не прозябать в положении младшего служащего с перспективой выйти в отставку и грошовой пенсии. Кроме этих личных или, вернее, карьерных преимуществ такого порядка, в лице служащих указанной категории ведомство получало агентов правительства, близко знающих местную жизнь и население, умеющих с ним объясниться и войти в его условия. Вот огромное преимущество порядка замещения должностей губернской администрации, проводившей начинания П.А. Столыпина. К сожалению, даже при П.А. Столы-

* *Ad calendas graecas* (лат.) — букв. «до греческих календ», т. е. никогда. Римляне называли календами первое число каждого месяца, когда обычно совершались все платежи; так как у греков календ не было, то отсылка к ним предполагала несерьезность обещания. Это выражение было введено в употребление Октавианом Августом.

пине этот принцип не всегда выдерживался, стал существенно и часто нарушаться.

РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 51. Л. 11–12.

**Д.Н. ЛЮБИМОВ. «ОН СВОЕЙ ЛИЧНОСТЬЮ...
ВЕРНУЛ ПРАВИТЕЛЬСТВУ НРАВСТВЕННЫЙ АВТОРИТЕТ»**

Любимов Дмитрий Николаевич (1864–1942) – государственный деятель. С 1887 г. служил в Министерстве государственных имуществ. В 1900–1902 гг. помощник государственного секретаря. В 1902–1906 гг. управляющий канцелярией министра внутренних дел. В 1906–1912 гг. виленский губернатор. В 1912–1913 гг. директор Департамента государственных имуществ Главного управления землеустройства и земледелия. В 1913–1914 гг. товарищ главного управляющего канцелярией по принятию прошений. В 1914–1917 гг. помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части. В 1917 г. и. д. варшавского генерал-губернатора. С 1918 г. в эмиграции. Скончался во Франции. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Воспоминания Д.Н. Любимова охватывают период с 1902 по 1906 г. Публикуемый отрывок относится к тому краткому периоду (май 1906 г.), когда Д.Н. Любимов находился непосредственно под началом П.А. Столыпина как управляющий канцелярией министра.

Назначение, наиболее всех интересовавшее, было, конечно, назначение министром внутренних дел саратовского губернатора Петра Аркадьевича Столыпина, в высших бюрократических сферах мало кому известного. О его назначении ходили разные легенды, т. к. было известно, что государь его совершенно не знал. Много лиц утверждало, что именно они его рекомендовали государю. Была такая легенда, что государю он не понравился и он принужден был лишь терпеть его. В настоящее время с опубликованием писем к императрице Марии Федоровне все это разъясняется. В письме от 11 октября 1906 г., через месяц после покушения на Столыпина и шесть месяцев после его назначения, государь писал императрице: «Я все время боюсь за доброго Столыпина. Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю. Старый Горемыкин дал мне добрый совет, указавши только на него. За то спасибо ему...» Лично я управлял канцелярией министра при

П.А. Столыпине всего месяц с небольшим, т. к. Высочайшим указом 2 июня 1906 г. был назначен виленским губернатором. Но за это краткое время я постоянно и близко видел Столыпина, но выяснить себе ясно его политические верования, кроме несомненной преданности престолу, мне не удалось. В противоположность своему предшественнику о политике Столыпин всегда говорил в самых общих выражениях. Близкие отношения у него были с людьми самых разнообразных политических лагерей. Я где-то читал (если память не изменяет, в одной статье П.Б. Струве¹⁷⁰), что Столыпин был консерватор по всему своему мироощущению, либерал – по своей политической программе, революционер – по методу действий. Это оригинальное определение, по-моему, близко к истине. Во всяком случае о Столыпине у меня сохранилась память как о человеке властном, очень самоуверенном, иногда даже заносчивом, но необыкновенно чистом и прямом, никогда не преследующим какие бы то ни было личные интересы. Петра Аркадьевича можно было не любить, но нельзя было не уважать. Мне кажется, главная заслуга Столыпина и заключалась в том, что он своей цельной личностью как бы вернул правительству нравственный авторитет, пошатнувшийся колебанием, непоследовательностью и многовластием последних двух лет. Когда же я впервые услышал его с кафедры Государственной думы, я прямо был поражен его ораторским талантом, притом не деланным, приобретенным опытом и долгой практикой, а непосредственным, так сказать Божьей милостью.

РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 581–583.

С.С. ОНГИРСКИЙ. «ОБАЯНИЕ ЛИЧНОСТИ»

Онгирский Сергей Сергеевич – чиновник Министерства внутренних дел. Неоднократно выполнял обязанности дежурного чиновника при П.А. Столыпине.

Несмотря на небольшое количество моих служебных, а также частных встреч при посещении семьи Столыпина у него на дому, благодаря определенному, почему-то хорошему его отношению ко мне, мне все же удалось в какой-то степени составить себе его образ и разобраться более или менее, думается, верно, в мировоззрении этого бесспорно интересного, очень незаурядного

и большого человека, с красивой, как говорили тогда, импозантной внешностью.

Породистый, со смелыми и пронзительными глазами и каким-то недостатком в одной руке, чем он как будто бы очень гордился как сходством в этом отношении с германским кайзером Вильгельмом II Гогенцоллерном, у которого также был тот же дефект, т. е. одна неполноценная наполовину рука.

Бесспорно признавали все и казалось и мне, что он обладал врожденным даром подчинения влиянию и обаянию своей личности как отдельных людей, так и большие скопища их. И сам он, да и больше всего другие рассказывали о нем случай, когда он подобно Наполеону одним своим появлением, видом, взглядом и словом мог покорить, пусть даже и временно только, успокоить толпу волнующихся людей.

Так, будто бы дважды во время крестьянских волнений 1905–1906 гг. в Саратовской губернии, где он был тогда губернатором, недавно переведенным туда из Вильно¹⁷¹, запретив следовать за собой отряду конных стражников и казаков, совершенно один въехал в бушующую толпу и заставил ее опуститься на колени, затем в мирной уже обстановке выслушал, поговорил и успокоил ее. Были ли тут подлинные факты или просто умело пущенная легенда, выдуманная другими или самим, в которую потом и сам он поверил, как это часто бывает, судить не берусь, но во всяком случае она бесспорно сыграла не последнюю роль в его скачке из губернаторов в министерское кресло. Аналогичный случай, подобный тому, произошел еще лишь раз с Маклаковым¹⁷².

Вместе с тем, Столыпин, да и Маклаков были администраторами совсем другой породы и с большей широтой взглядов, особенно первый, чем Курлов, Трепов и др. и неверно было бы причислять их к одной и той же категории «новых опричников».

Столыпин принадлежал к знатной и древней фамилии, как сам он себя называл: «столбовых дворян». Был он искренне верующим русским человеком, прекрасным семьянином и в добавление к сему обладал личными весьма значительными средствами. Дед его в свое время был секундантом Мартынова на дуэли с Лермонтовым¹⁷³.

Большим недостатком его в глазах многих были его определенные симпатии ко всему немецкому. Женат он был на знатной прибалтийской немке Нейгардт, не то Мейендорф (точно не помню)¹⁷⁴, так же как выдал свою любимую дочь Наташу за немца фон Бок¹⁷⁵. В кулуарах министерства и Государственной ду-

мы по этому поводу ходила тогда песенка, всех слов которой не помню, но которая заканчивалась словами: «Доволен он боком, Боком дочери своей». Возмутило меня тогда и поразило сообщение о том, что у этого самого Бока, да и у многих офицеров царской гвардии двоюродные и троюродные братья служили в гвардии Вильгельма II – графы Кайзерлинг, фон Мастейфель, Ранненкампф и др., а кузен Бока был даже в Отечественную войну одним из видных командующих армии Гитлера¹⁷⁶. Какого патриотизма России и ее народу можно было ожидать от этих немцев?

Как-то однажды к концу дежурства отлучился куда-то его личный секретарь и Столыпин попросил меня набросать ему небольшую памятную записку. Оставшись доволен ею, спросил меня, зная, что я работаю в Земском отделе, доволен ли я и собираюсь ли идти в земские начальники. Узнав о моем нежелании, пожалел. В завязавшейся беседе высказал ряд своих взглядов на огромную роль в деле укрепления на долгие годы прочности монархического строя России (без которого она, по его мнению, рассыплется как карточный домик) Министерства внутренних дел и его работников и в первую очередь земских начальников и губернаторов. Сам он, чувствовалось во всем, безусловно был привержен и искренне предан этому строю, но совершенно в иной форме, чем многие другие, держащиеся за него лишь как за опору собственного благополучия. По его мнению, все ведущие работники этого министерства, как и во втором оплоте Империи – гвардии, должны принадлежать к столбовому дворянству и быть умными, образованными, честными, смелыми и до конца преданными престолу и родине, равно как и обладать всеми внешними положительными качествами, как то: хорошим ростом, представительной и привлекательной наружностью, уметь свободно и уверенно говорить с массами. Всему этому он придавал огромное значение, так же как и знанию этими людьми истории России, ее самой, ее народа и жизни его. «Без этого нельзя хорошо править страной».

«Сатрапов» прежнего типа – ветхих сановников, взяточников, трусов и всякое ничтожество – он не признавал и всячески стремился поскорее от них избавиться. «Править губерниями должны люди средних лет – от 35 до 50 лет».

«Все правители должны вести умную и справедливую, но твердую политику, бороться со всяким беззаконием и напрасным озлоблением крестьян». Крестьянству вообще он, видимо, придавал огромное значение и говорил: «Искони крестьянство и царь были и должны быть заодно, верить и любить друг друга».

Помимо отрубной системы, введенной им для выделения наиболее хозяйственных крестьян на хутора, как я тогда понял, замышлял он (но так не успел ничего сделать) какие-то иные еще меры по дальнейшему расслоению и расселению крестьянства с улучшением и удовлетворением насущнейших нужд некоторых групп из них. Это должно будет привести к умиротворению части из них и затруднению проявления недовольствия и волнений общей их массой.

Теория, схожая с очень практикуемой ныне еще капиталистическими странами теорией: «Разделяй и властвуй». Революционеров, казалось, он люто ненавидел и видел в них чуть ли не все зло и ко всем им был беспощаден.

И как мне и тогда уже показалось (возможно, неверно), он недооценивал силы и роль рабочих, считая главным делом — оградить их от пагубного влияния революционеров.

РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Д. 28. Л. 48–52.

А.Д. АРБУЗОВ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МВД

Арбузов Алексей Дмитриевич (1859 — после 1923) — государственный деятель. В 1884 г. окончил юридический факультет Императорского Петербургского университета. В 1892–1893 гг. начальник отделения Хозяйственного департамента МВД. С 1893 г. вице-директор канцелярии министра путей сообщения. 13 сентября 1895 г. был переведен на службу в канцелярию Его Императорского Величества на должность помощника начальника канцелярии, а 6 декабря 1896 г. получил придворное звание камергера Двора Его Императорского Величества. В 1900 г. переведен в Министерство внутренних дел на должность помощника управляющего Земским отделом. 18 мая 1902 г. назначен вице-директором Департамента общих дел. С 1905 по 1914 г. Арбузов принимал участие в заседаниях: Особого совещания, рассматривавшего вопрос о введении Земского и Городового положений в губерниях Царства Польского (1905), Особой комиссии по вопросу о передаче Варшавских правительственных театров городскому магистрату (1906). Арбузов как представитель МВД участвовал в работе ряда межведомственных совещаний: по пересмотру постановлений, ограничивавших права евреев (1906), по пересмотру проекта Положения о старообрядцах и сектах, отделившихся от пра-

вославия (1906), по вопросу о выделении восточных уездов Седлецкой и Люблинской губерний из состава Привислинского края (1906). Арбузов являлся председателем предварительного совещания о переустройстве управления частью о. Сахалина, принадлежащей России (1907), Особого совещания (1908) по разработке законопроектов о союзах и обществах взамен временных правил 4 марта 1906 г. В 1911 г. Арбузов возглавлял работу Особого секретного междуведомственного совещания при МВД по вопросу защиты русских интересов на Дальнем Востоке. Непосредственно при его участии разрабатывался законопроект, упорядочивавший иммиграционное движение на Дальнем Востоке, а также законопроект по борьбе с иммиграцией. 12 июня 1914 г. состоялся перевод Арбузова в Правительствующий Сенат на должность сенатора герольдии. После 1917 г. А.Д. Арбузов оставался в России. Известно, что в начале 1920-х гг. он был привлечен Л.М. Клячко (Львовым) к редактированию. В функции Арбузова входила проверка правильности написанного мемуаристами. В 1923 г. Арбузов был выслан из Москвы за границу. Воспоминания А.Д. Арбузова «Из близкого прошлого» охватывают период с 1886 по 1917 г.

...С тех пор¹⁷⁷, вплоть до назначения П.А. Столыпина, я не видел князя Андронникова¹⁷⁸ и потерял его из виду, к нам в министерство¹⁷⁹ он не являлся, и что он делал в это время мне неизвестно; мельком имя его упоминалось в газетах по поводу каких-то денег, отпущенных рабочей организации Экспедиции заготовления государственных бумаг, но подробности этого дела мне не известны. Но вот в один прекрасный день начальник первого отделения, заведующий личным составом, доложил мне, что к нему теперь часто приходит князь Андронников, что он чрезвычайно мне предан, имеет много интересного мне рассказать и желал бы меня видеть¹⁸⁰. Вспомнил я тут адъютанта Господа Бога¹⁸¹ и не устоял против искушения поближе посмотреть на этот новый и таинственный продукт петербургского болота. Князь предстал вскоре предо мной все тот же, но с каким-то новым оттенком: самоуверенности никакой, какая-то робость в движениях и вместе с тем все это подернуто тихой грустью. Надо сказать, что это было в ту эпоху, когда граф Витте, который вообще не терпел рядом с собой самостоятельных и выдающихся людей, вел усиленную, хотя и скрытую, агитацию против П.А. Столыпина. Разговор наш пошел на эту тему, причем князь не иссякал в похвалах Столыпину и высказал сожаление, что два таких выдающих-

ся государственных деятеля враждуют вместо того, чтобы соединить свои силы на благо отечеству. При этом он дал мне понять, что все его симпатии на стороне Петра Аркадьевича и что он считает возможным послужить ему и быть полезным. Он так хвалил П.А. Столыпина и так искренне восхищался его деятельностью, что меня, не за страх, а за совесть преданного моему министру, подкупил, и я обещал ему доложить о нем Петру Аркадьевичу и попросить его принять и выслушать князя. Он рассыпался в благодарностях, но вместе с тем просил меня мой доклад отложить. Через некоторое время я получил от князя письмо следующего содержания:

Глубокоуважаемый
Алексей Дмитриевич!

Вы были столь добры предложить мне недавно Ваше любезное содействие в устройстве мне свидания П.А. Столыпина. Я принял Ваше предложение с благодарностью, но тогда же просил Вас это дело на некоторое время отложить. Ныне политические обстоятельства сильно изменились и я, зная, что у Вас сегодня доклад, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой привести в исполнение Ваше доброе намерение.

Считаю долгом предупредить Вас, что никаких личных просьб к премьеру у меня нет и быть не может, как не может быть и речи о чинах, местах и прочем. Если я ищу этого свидания, то только в уверенности, что из этого выйдет польза для общего дела на благо дорогой Родины.

Остаюсь искренне преданный Вам и от души Вас уважающий

Михаил Андронников.
С.-Петербург
25-ое июля
1906 года

Доклад, таким образом, состоялся, и князь был принят премьером, но только из этого для адъютанта Господа Бога вышло мало. Он, очевидно, ничего интересного не сообщил и был в дальнейшем направлен к товарищу министра внутренних дел С.Е. Крыжановскому. Приемом у последнего он остался очень недоволен. Сергей Ефимович хорошо знал людей и скоро раздобыл сведения о князе, из которых оказалось, что деятельность его вовсе не была столь кристально чистой, как он старался ее представить, что

за ним были кое-какие прегрешения, и в частности, какой-то скандал на юге с судебным следователем. Но зато Андронников собственными средствами проник к другому товарищу министра А.А. Макарову, которого он посещал аккуратно во время его больших приемов просителей, проходивших еженедельно в Департаменте общих дел. Князь изредка продолжал навещать меня, восхваляя Макарова и браня Крыжановского, с грустным сожалением говоря о Столыпине, что [тот] не хочет пользоваться его услугами¹⁸². Так продолжалось дело до истории с морскими штатами¹⁸³, из-за которых Столыпин чуть не вышел в отставку. Тут князь, заходя ко мне, уже прямо начинал нападать на Столыпина, рассказывать всякие небылицы, а после предпринятой Столыпиным поездки по Сибири, читал мне свое письмо к министру Двора¹⁸⁴, где он делал всякие намеки на то, что Столыпин возгордился и своей персоною заслоняет особу государя. Эта клевета одно время ходила по городу, и источник для меня был ясен.

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 54. Л. 1–16.

С.И. ТИМАШЕВ. «КАБИНЕТ П.А. СТОЛЫПИНА БЫЛ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОБЪЕДИНЕННЫМ КАБИНЕТОМ»

Тимашев Сергей Иванович (1858–1920) — государственный деятель, действительный тайный советник (с 1917 г.). В 1878 г. окончил Императорский Александровский лицей. В 1878 г. был определен на службу в Государственную канцелярию. В 1879 г. был переведен в Министерство юстиции. В 1884 г. причислен к Министерству финансов. В 1886 г. назначен начальником отделения Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. С 1892 г. вице-директор Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов. С 1893 г. товарищ управляющего Государственным банком, с 1903 г. — управляющий. В 1909–1915 гг. министр торговли и промышленности. С 1911 г. член Государственного совета. После 1917 г. жил в Петрограде. Был взят большевиками в заложники. Умер в тюремной больнице от сыпного тифа. Похоронен в Петрограде. В 1919 г. по заказу журналиста Л.М. Клячко (Львова) написал три главы воспоминаний, охватывающих период с 1903 по 1906 г. и с 1909 по 1915 г. Рукопись воспоминаний хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 1208). В 1996 г. в альманахе «Рус-

ское прошлое» была опубликована последняя часть воспоминаний (Русское прошлое. 1996. Вып. 6), которая воспроизводится в данном издании.

В ноябре 1909 г. последовало мое назначение на пост министра торговли и промышленности в кабинете П.А. Столыпина. Оно было для меня совершенно неожиданным: я не только его не искал, но сделал все от меня зависящее, чтобы это назначение не состоялось, к чему имел немало веских причин. Положение управляющего Государственным банком меня вполне удовлетворяло. Банковский аппарат был хорошо налажен и функционировал прекрасно, так что руководство им не представляло особенных трудностей. Персонал служащих был мне близко знаком, со старшими сотрудниками установились самые тесные отношения, особенно окрепшие в условиях «боевой» работы за 1905–1906 годы. Министр финансов Коковцов, относясь ко мне с полным доверием, предоставил банку достаточную самостоятельность и независимость, так что я не испытывал тяжести подчинения начальству и в этом отношении от повышения ничего не выигрывал. Равным образом я не приобретал никаких выгод и в материальных условиях службы. С другой стороны, я несомненно много терял, прежде всего душевное спокойствие, так как сразу втягивался в политическую борьбу, которой я был чужд и по характеру мало к ней приспособлен. Кроме того, я получал в управление ведомство, хотя и близко мне известное по прежней службе, но совершенно неорганизованное, наскоро скроенное из частей разных учреждений и не успевшее сплотиться при постоянной смене министров (я был бы пятым на пространстве 4 лет).

Но мои усилия избавиться от угрожавшего назначения при настойчивости П.А. Столыпина были тщетны. С Петром Аркадьевичем до того я виделся всего три раза, из них два – на официальной почве. Однажды он пригласил меня для объяснений по одному банковскому кредиту, принимая участие в судьбе неисправного должника, получившего из банка крупную ссуду. Несмотря на заступничество Столыпина, предоставить этому должнику какие-либо облегчения не оказалось возможным. Затем в другой раз я был вызван в заседание Совета министров, где слушалось нашумевшее в свое время дело о выданных еще при Витте огромных ссудах торговому дому Л. Полякова¹⁸⁵ в Москве. Ожидая своей очереди, я присутствовал при рассмотрении Советом других дел и был поражен их мелочностью и незначительностью. Наконец,

третий раз я виделся со Столыпиным за интимным обедом у Ковцова на даче летом 1909 г., где кроме нас и близких родственников присутствовал еще великобританский посол Никольсон¹⁸⁶. Мне пришлось занять во время обеда место подле Петра Аркадьевича и поддерживать с ним беседу. Помню одну тему — о великих людях всемирной истории и об оскудении ими нашего века. Я проводил ту мысль, что понятие «великий человек» относительно и что Наполеон¹⁸⁷, гениально руководивший армиями в 200 тыс. человек, может быть, оказался бы не на высоте положения, когда бы ему пришлось двигать многомиллионные полчища; тоже и Бисмарк, если бы ему предстояла задача устройства земли русской при темноте и невежестве народных масс и некоторых особых свойствах нашего национального характера. Эти рассуждения произвели, казалось, впечатление на Петра Аркадьевича, и разговор, сделавшийся общим, видимо, заинтересовал его. После того я не встречался с ним до памятного дня 25 октября 1909 г.

Еще в сентябре того года стали ходить упорные слухи о предстоящем оставлении министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым¹⁸⁸ своего поста, согласно настойчивому его ходатайству, по семейным обстоятельствам. Ему назывались разные преемники, но мое имя не упоминалось. 20 октября заехал ко мне по делу министр земледелия А.В. Кривошеин¹⁸⁹, и от него впервые я узнал о намерении Столыпина предоставить мне освободившийся высокий пост. Крайне встревоженный этим известием, я привел моему собеседнику все доводы против предполагаемого назначения. Зная притом близость Кривошеина к премьеру, я просил Александра Васильевича передать ему мои соображения и ходатайствовать об оставлении меня на прежнем посту. Кривошеин обещал, но предупредил, что шансов на избавление у меня не много, так как вопрос, по-видимому, предрешен, и Столыпин, уехавший со всеподданнейшим докладом в Ливадию¹⁹⁰, имел в виду, между прочим, доложить о моем назначении.

Прошло несколько дней томительного ожидания: до 25 октября, когда по утрам я был вызван к Столыпину, только вернувшемуся из Ливадии. Чарующая манера Петра Аркадьевича в общении с людьми произвела на меня глубокое впечатление. Он говорил просто и задушевно, не только без всякой тени величия; но как бы извиняясь за предпринятые шаги. В то же время, в самой мягкой форме он дал мне понять, что мое назначение действительно предрешено и что в Ливадии уже получено принципиальное согласие. Я выложил весь арсенал моих доводов. Он слу-

шал их с приветливой улыбкой и слегка возражал, неоднократно повторяя, что он давно следит за моей деятельностью и желает видеть меня в составе своего кабинета. Скоро я понял, что мне не делается предложение, а дается приказание, получившее высочайшую санкцию, которому надо подчиниться. Так состоялось мое назначение на новый пост, которое было оформлено указом только 5 ноября. Отсрочка произошла ввиду необходимости предоставить моему предшественнику Тимирязеву возможность лично ответить на предъявленный ему в Думе запрос о незаконном отводе нефтеносных земель¹⁹¹.

Зимний рабочий сезон был в полном разгаре. Думские комиссии усиленно работали, особенно бюджетная по рассмотрению [сметы] на 1910 г. Совет министров был перегружен массой очередных дел, и заседания его затягивались до часу ночи. Многочисленные междуведомственные комиссии и разные съезды конкурировали красноречием своих участников, отрывая множество занятых людей от деловой текущей работы. Пришлось окунуться в кипучую деятельность, осложняемую необходимостью выполнить разные неизбежные формальности по ликвидации прежней службы и вступлению в управление новым ведомством.

Тепло и сердечно было прощание с Государственным банком, в котором протекли 16 лучших лет жизни. Редко кто мог в минуту разлуки так искренне, как я, помянуть добрым словом своих бывших сотрудников за их добросовестное отношение к делу, за их высшую честность. В учреждении с многомиллиардными оборотами лицом к лицу с горами ценностей армия работников, находящихся, по большей части, в крайне тяжелых материальных условиях, при нищенских окладах для младших служащих 50—75 р. в месяц. И сколько между ними многосемейных! Велик был соблазн, но эти люди ему не поддавались и честно исполняли свой долг — случаи злоупотреблений были совершенно исключительными, единичными. По справедливости труженики банка заслуживали уважения и благодарности...

После назначения нужно было, прежде всего, решить вопрос о поездке в Ливадию для представления государю, который лично совсем не знал меня. Я только один раз перед тем был на официальном приеме. Беседа со мной ограничилась лишь 2—3 минутами и имела совершенно формальный характер. Тем не менее, я уклонился от поездки ввиду необходимости, не теряя времени, приступить к работе и ограничился письмом с благодарностью за оказанное доверие. Через неделю письмо возвратилось с помет-

кою на полях, в которой государь выражал пожелание успеха и обращал мое особое внимание на два вопроса: улучшение коммерческих портов и развитие горнозаводской промышленности на Урале. Личное представление государю последовало лишь в конце декабря по возвращении его из Ливадии. При всей внешней любезности государя беседа была очень непродолжительной и малосодержательной, деловые темы вовсе не были затронуты. Я даже не был приглашен присесть, мы разговаривали стоя у окна исторического кабинета в Царском Селе.

Прежде чем приступить к изложению моего вступления в ряды правительства, считаю не лишним коснуться отношения прессы к моему назначению. Деятельность моя по Государственному банку носила официальный характер и была довольно замкнутая. Я имел постоянные сношения с многочисленными клиентами банка, частными банкирами, промышленниками, но в широких общественных кругах был мало известен. Поэтому вполне естественно, что часть прессы (с «Новым временем» во главе) приняла по отношению ко мне выжидательную позицию, ограничившись краткими биографическими сведениями. Но другие газеты настойчиво добивались моей программы, стараясь выяснить ее в целом ряде интервью. Я всегда держался того мнения, что программа есть своего рода обещание: раз она оглашается, то этим принимается нравственное обещание ее выполнить. Поэтому для того, чтобы решиться на такое оглашение, надо знать не только что нужно сделать, но также — что можно фактически осуществить в данных условиях работы.

При всем стремлении уклониться от нового назначения, я не мог считать себя незнакомым с кругом ведения предложенного мне министерства. Ему предстояло разрешение ряда экономических проблем большого интереса и крупного государственного значения. Я же всю предшествующую свою деятельность посвятил именно этой области. По окончании высшей школы в России я два года проработал в заграничных университетах по финансовым и экономическим вопросам и до сих пор с благодарностью вспоминаю моих знаменитых учителей, в особенности Лоренца фон Штейна¹⁹² и Адольфа Вагнера¹⁹³. Затем в течение пяти лет, по приглашению Н.Х. Бунге¹⁹⁴, мне пришлось управлять ответственной частью учреждения, ведавшего дела торговли и промышленности. Между прочим, к компетенции порученного мне отделения относились вопросы внешней торговли, таможенного тарифа, портостроения и торгового мореплавания. Наконец и дея-

тельность Государственного банка тесно переплеталась с торгово-промышленной жизнью страны. Поэтому подлежавшие разрешению вопросы намечались у меня сами собой, но предстояло выяснить, что именно следует выдвинуть в первую очередь как имеющее шансы на осуществление. Надо было дать не теоретическую всеобъемлющую программу, оставленную вне времени и пространства, а выработать нечто реальное, практически выполнимое.

Думаю, что ни один новый глава ведомства до ближайшего ознакомления с условиями работы не сможет добросовестно ответить на это задание. Меня всегда поражала та комедия, которая обычно разыгрывается в западноевропейских государствах, особенно во Франции, при смене министерств. Старый кабинет получил выражение недоверия, образуется новый; премьер говорит в парламенте длинную программную речь, в которой ничего не забыто и все обещано. Совершенно очевидно, что для страны наступает новая эра, что она быстро дойдет до небывалого благоденствия. Речь вызывает общее сочувствие. А затем... Затем все остается по-старому и через короткий промежуток времени, иногда через несколько месяцев, новая перемена кабинета, новые обещания, встречаемые также шумными одобрениями, и опять разочарование. Не хотелось идти по этому пути.

Но отказ огласить программу вызвал неудовольствие, и часть прессы обрушилась на меня вслед за назначением с различными обвинениями. Говорили про беспрограммность, про полную некомпетентность и через какие-нибудь 2–3 недели стали увольнять меня в отставку. Должен, впрочем, оговориться, что компания эта велась в корректной и приличной форме. Исключением были дикие выходки «Гражданина»¹⁹⁵, на столбцах которого чуть не в каждом номере «Дневника»¹⁹⁶ помещались форменные издевательства на мой счет с приписыванием мне слов и действий, безусловно вымышленных. Это озлобление было, впрочем, на личной почве. Несколько лет перед тем князь Мещерский¹⁹⁷ обращался ко мне по Государственному банку с настойчивым ходатайством, в котором я вынужден был ему отказать. Этой обиды он не забыл.

После этого краткого отступления перехожу к первым моим впечатлениям на новом посту. Чуть ли не в самый день подписания указа мне предстояло присутствовать на открытии промышленного съезда, руководимого известным московским деятелем Г.А. Крестовниковым¹⁹⁸. Нужно иметь в виду, что при решении торгово-промышленных вопросов Москве придавалось пре-

обладающее значение, с ней считались, к ее голосу прислушивались. Неудобный Москве министр торговли был этим самым обречен на недолговечность. Установилось даже за правило, что вновь назначенный министр отправлялся в Москву «на поклонение», как выражались в шутку. Там перед лицом купечества говорилась речь, в которой он просил о поддержке, и получал в ответ желаемое обещание, но «постольку, поскольку», т. е. при условии подчинения велениям московского купечества. Очень мне не хотелось проделывать эту процедуру, и, пользуясь добрыми отношениями с выдающимися московскими деятелями, в том числе с упомянутым выше почтенным Крестовниковым, я оттянул поездку без риска вызвать раздражение Москвы до следующего года, когда к тому представился реальный повод (был съезд по вопросу о развитии торговых сношений с Ближним Востоком).

Но избежать присутствия на собрании, открывшемся в день моего назначения, не было возможности. Я приехал и сказал мою первую министерскую речь. Она едва ли удовлетворила собрание, так как программы, по приведенным выше соображениям, я не огласил, и будучи в моем обращении весьма краток, я вообще предостерегал против широко распространенного на Руси зла — великого многословия. «Чувствуется, что дело у нас тонет в словах», — таково было мое напутствие, которое встречено было с одобрением, но это не помешало тому, что речи полились затем обычным потоком, и съезд ничего реального не дал.

На следующий день было первое заседание Совета министров при моем участии¹⁹⁹. Личность П.А. Столыпина настолько известна его современникам, что мои воспоминания о нем едва ли внесут что-нибудь новое в характеристику этого замечательного человека, тем более что натура Петра Аркадьевича была простая, открытая и хорошо понятная всем, его знавшим, без особого изучения или исследования. Главная двигательная сила внутренней жизни и деятельности Петра Аркадьевича была горячая, страстная любовь к России, вера в ее мощь и великое призвание. Ничто так не возмущало и не раздражало его, как сомнение в наших силах, способности сыграть выдающуюся роль во всемирной истории. Таков был «национализм» Петра Аркадьевича, о котором не без иронии говорили его политические противники. Затем, особенность его характера составляло соединение двух обыкновенно взаимоисключающих качеств — чарующей мягкости в отношении к людям (кроме тех, кто становился ему поперек пути) с необычной твердой, железной волей и редкой неустраши-

мостью. Этот человек действительно не боялся ничего, не боялся ни за свое положение, ни даже за свою жизнь. Он делал то, что находил полезным, совершенно не считаясь с тем, как отнесутся к его действиям люди, имевшие большое влияние в высших сферах. В случае давления свыше у него была простая дилемма: или переубедить или оставить свой пост, но никогда никаких компромиссов. Быть может, в своей настойчивости он шел даже несколько далеко. Прежде чем принять решение, он охотно советовался и выслушивал чужие мнения. Но раз решение было принято, он не отступал от него, хотя бы явились новые аргументы или возникли не предусмотренные ранее обстоятельства. Гибкость, не в талейрановском²⁰⁰ смысле, а как некоторая приспособляемость к обстоятельствам, умение уступить в мелочах, чтобы спасти целое и главное, является качеством, к сожалению, необходимым на всяких государственных постах для успешного проведения крупных дел. Этим качеством Петр Аркадьевич не обладал, что едва ли следует поставить ему в упрек, так как отмеченный «недостаток» был следствием цельности и благородства его натуры. И сколько контрастов можно было подметить в его настроениях и действиях в зависимости от обстановки данной минуты! Нежный отец и любящий семьянин, он мог в свободное время целые часы проводить с малолетним сыном, жестоко пострадавшим при взрыве 1906 г., катался с ним на лодке, рассказывал сказки. Приветливым и внимательным был он в отношениях со своими сотрудниками, как [на] деловых совещаниях, так и [в] частных беседах, и в то же время беспощадным к политическим противникам, которых он без колебаний выбрасывал за борт, не стесняясь их связями и положением. А сколько неустрашимости выказывал он, выступая в большие парламентские дни перед бурным собранием и покоряя его своим красноречием, нередко полным вдохновения, или выходя один, без охраны, навстречу бушующей толпе, которая быстро успокаивалась, подчиняясь его воле.

Кабинет П.А. Столыпина был действительно объединенным правительством, чего нам так недоставало как до, так и после него. Не согласные с ним министры уходили в отставку, а если они задерживались и начинали подпольную интригу, то в один прекрасный день находили у себя на столе указ об увольнении, как было с государственным контролером Шванебахом²⁰¹. Для проведения в Совете министров задуманной меры нужно было вперед заручиться поддержкой Петра Аркадьевича, и тогда успех был обеспечен. Я лично не раз испробовал этот прием. При са-

мом моем назначении Столыпин особенно подчеркивал государственное значение экономических вопросов, которые после наступившего успокоения выдвигались на первую очередь, и просил во всех сомнительных случаях обращаться непосредственно к нему. Я широко использовал это разрешение и, как только чувствовалась междуведомственные трения по интересовавшим меня вопросам, просил Петра Аркадьевича о личном приеме. Здесь уместно отметить одну подробность в технике его работы. Вопреки нашим русским нравам, Петр Аркадьевич очень ценил время, не только свое, но и чужое — он никогда не заставлял ждать. Явившись к нему в назначенный час, можно было с уверенностью рассчитывать на скорый прием и, если предыдущий посетитель задерживался на лишние 15–20 минут, то Петр Аркадьевич всегда сконфуженно извинялся, объясняя причину задержки. Щадя и его время, я старался изложить сущность дела, явившегося поводом к моему посещению, возможно сжато, приводя с достаточной объективностью встречаемые мною возражения. Петр Аркадьевич слушал всегда с полным вниманием, иногда просил дополнительных объяснений и затем принимал определенное решение. Если оно было для меня благоприятно, то я мог быть уверен, что Петр Аркадьевич проведет его в Совете министров. Это давало уверенность и спокойствие в работе.

Единственный член кабинета, который занимал в нем самостоятельное и довольно независимое положение, выступая с постоянными возражениями против своих коллег, был министр финансов Коковцов — он же заместитель председателя Совета министров. С его мнениями по финансовым вопросам (но не в области общей политики) Столыпин считался и выслушивал их внимательно и терпеливо, несмотря на обычную чрезмерную длину речей Коковцова. Происходило это вероятно потому, что В.Н. Коковцов, старейший из министров, умудренный многолетним опытом в делах государственных, пользовался авторитетом и заслуженным уважением как в бюрократическом мире, так и в наших обеих палатах. Кроме того, Петр Аркадьевич не считал себя компетентным в финансовых делах, отдавая в этом отношении решительное преимущество Коковцову. А столь обычное у нас вмешательство в чужие области без необходимой в них осведомленности было совершенно чуждо Столыпину. Впрочем, постоянное стремление Коковцова урезать кредиты озабочивало и раздражало Петра Аркадьевича. Он прислушивался к сетованиям других министров на невозможность развивать деятельность при систе-

матических возражениях финансового ведомства, и чувствовалось, что замена Коковцова другим, менее упорным министром, соответствовала бы его видам. Надо было только найти подходящее лицо, что было не так легко...

Некоторые черты к характеристике Коковцова мною намечены в первой главе моих записок по поводу его назначения в 1904 г. на пост министра финансов. Здесь считаю уместным коснуться вопроса о том, в какой мере справедливы обвинения его в чрезмерной скупости, затруднявшей, даже парализовавшей начинания других ведомств сокращением испрашиваемых ими кредитов. Нельзя отрицать, что возражения финансового ведомства нередко отличались чрезвычайной мелочностью, иногда они сводились буквально к сотням рублей. Например, возникал спор при новых штатах о какой-нибудь лишней должности помощника столоначальника с окладом в 1400 руб. в год или о размере пенсии — определить ли ее в 2200 руб. или в 2400 руб. Такие пререкания создавали длинную переписку, вносили раздражение в междуправительственные отношения, а самый вопрос при бюджете в 3,5 млрд. рублей имел ничтожное практическое значение, даже с точки зрения нежелательности создавать прецеденты, на что постоянно указывало Министерство финансов. Но с другой стороны, нельзя не считаться с положением министра финансов, который должен быть жесток в деле взимания налогов и сокращения кредитов, если хочет сохранить равновесие бюджета. Леруа-Болье²⁰² приводит, не помню чьи, слова о трудном положении всякого министра финансов, который для спасения казенного сундука должен уподобиться мудрому страннику, оставляющему у себя дома по пути через дремучий лес не только все ценные вещи, но даже одежду. Лишь при этом условии он вполне гарантирован от нападения разбойников. И министр финансов должен постоянно ссылаться на затруднительное положение Государственного казначейства, если не желает, чтобы оно действительно стало крайне затруднительным.

Система Коковцова оправдала себя в Японскую войну. Благодаря ей наши финансы не пришли в расстройство, кредит не был поколеблен, обмен кредитных билетов на золото не приостанавливался. Быть может, с наступлением мирного времени Владимир Николаевич продолжал действовать слишком по-военному, не смягчая прежних крутых приемов. В этом несомненная его ошибка. Но ей было одно оправдание: стремление ведомств получить кредиты по мероприятиям, далеко не разработанным и

практически неосуществимым в ближайшее время. Отсюда неиспользованные кредиты, напрасно обременяющие бюджет. Этот упрек относится, прежде всего, к военному ведомству. Коковцов постоянно ставили в вину, что он сокращением кредитов на военные надобности ослаблял боевую готовность армии (отсюда один шаг до предъявляемого ему впоследствии обвинения, будто он является чуть ли не главным виновником наших поражений в минувшую войну). Этот мотив был использован в высших сферах его противниками еще задолго до начала войны. После каждого крупного разногласия между ним и Сухомлиновым, последний жаловался государю, что Коковцов тормозит его мероприятия, и такой упрек не мог не производить впечатления, подрывая доверие к министру финансов и колебля его положение. В действительности Коковцов возражал не столько по существу против просимых кредитов, сколько оспаривал их с точки зрения использованности ранее отпущенных сумм. В момент политических осложнений Сухомлинов спешно требовал сверхсметные ассигнования на десятки миллионов рублей, а Коковцов доказывал, что в распоряжении военного министра имеются крупные свободные ресурсы, оставшиеся от прежних ассигнований, ввиду того, что «спешные» меры, по которым они испрашивались, фактически не осуществились. Внимательно следя за деятельностью военного министра по отражению ее в бюджете ведомства, Коковцов относился к ней с резким осуждением и неоднократно высказывался в том смысле, что пока во главе военного ведомства стоит Сухомлинов, мы не будем готовы к большой войне. Пророчество его, к несчастью, оправдалось в полной мере.

Подобные трения, но не в столь резкой форме и меньшем масштабе, были у Коковцова и с другими министрами. Я тоже не избежал общей участи и имел с ним неприятные столкновения, которых мне придется коснуться позднее, когда буду говорить о своей деятельности по Министерству торговли. Здесь же я хотел только отметить то особое положение, которое занимал в кабинете министр финансов, и создавшуюся вокруг него атмосферу некоторого раздражения.

Из других членов кабинета особым влиянием пользовались министр земледелия (или точнее — главноуправляющий) А.В. Кривошеин и государственный контролер П.А. Харитонов. Первый из них был чрезвычайно близок к премьеру, как его главный сотрудник в проведении земельной реформы и вообще солидарный с ним в главнейших вопросах внутренней и внешней политики.

Кривошеин очень интересовался работой всех ведомств и принимал активное участие в обсуждении предположений, которые вносились ими в Совет министров. Пользуясь особым доверием государя и большими симпатиями в Государственной думе, он чувствовал себя очень прочно на своем посту. Александр Васильевич был одним из немногих министров, которые понимали крупное значение экономических вопросов и хорошо разбирались в них. Поэтому мне неоднократно приходилось искать его поддержки, особенно ввиду того, что и Столыпин внимательно прислушивался к его голосу в Совете. Второй из упомянутых членов кабинета — П.А. Харитонов — был человек необыкновенно тонкого ума; его называли в шутку мудрецом. В наиболее деликатных, иногда щекотливых, вопросах обращались к испытанной мудрости Петра Алексеевича, который обыкновенно находил выход из самых затруднительных положений. Неясной была для меня его политическая платформа. При голосованиях в Совете можно было более или менее безошибочно предвидеть, за какое мнение выскажется каждый министр, кроме Харитонova. Его голосование бывало часто совсем неожиданным. И если бы при изменившихся обстоятельствах Петр Алексеевич оказался членом нашего законодательного собрания, то я затруднился бы предугадать, к какой политической партии он примкнет.

К двум названным членам Совета близко стоял министр путей сообщения С.В. Рухлов²⁰³. При большой работоспособности и энергии он держался весьма своеобразных взглядов в хозяйственных вопросах, преследуя экономию во что бы то ни стало, иногда в явный ущерб делу. К промышленности он относился с прямой враждебностью, считая ее видных представителей людьми вредными с точки зрения страны. Для иллюстрации таких взглядов Сергея Васильевича могу привести любопытный пример. Исходя из этой основной точки зрения, он, между прочим, настаивал на столь низких ценах по контрактам на поставляемый железными дорогами каменный уголь, что явилась серьезная опасность прекращения работы на многих коях, которое могло создать угольный голод. И вот в одном из заседаний Совета министр финансов, всегда оберегавший интересы казны, стал поддерживать повышение контрактных цен, опасаясь, что закрытие копей может в конечном результате вызвать необходимость делать заготовки по еще более высоким ценам, а министр путей сообщения с этим не соглашался, и таким образом два министра как бы переменились ролями.

А.В. Кривошеин, П.А. Харитонов и С.В. Рухлов обыкновенно действовали солидарно и оказывали друг другу поддержку в важнейших вопросах, проводившихся через Совет министров. Сближала их также постоянная оппозиция министру финансов, нерасположение к которому они не скрывали в частных беседах, высказываясь настойчиво за необходимость замены Коковцова другим лицом. Приходилось слышать, что сам Рухлов был готов стать его преемником, считая себя достаточно компетентным и подготовленным в этой области по прежней службе в Государственной канцелярии в качестве ближайшего сотрудника Коковцова. Но неоднократные выступления Сергея Васильевича по финансовым вопросам давали основание к обратному заключению, и можно только порадоваться, что этой перемены на министерских постах не последовало.

Таковы были наиболее влиятельные члены кабинета Столыпина. Остальные министры обыкновенно ограничивались выступлениями по делам своих ведомств и сравнительно редко принимали участие в прениях по другим вопросам. Из них только двое — министры военный Сухомятин и юстиции Щегловитов — долго удерживались на своих постах. Прочие из этой группы были скоро заменены другими лицами. Морской министр — малодетельный и бесцветный Воеводский уступил свое место энергичному Григоровичу²⁰⁴. Министр иностранных дел Извольский²⁰⁵, тяготившийся своим положением и стремившийся получить пост посла, был назначен в Париж, а преемником ему — Сазонов²⁰⁶. Министр народного просвещения Шварц²⁰⁷, страдавший тяжелой астмой, вынужден был просить об увольнении²⁰⁸ и был заменен совершенно неожиданным кандидатом — директором московского лицея Кассо²⁰⁹. Наконец, не вполне добровольно оставил свой пост обер-прокурор Синода уравновешенный и почтенный Лукьянов²¹⁰, место которого занял хорошо известный в общественных кругах Саблер²¹¹. Эта последняя перемена произошла не только не по инициативе Столыпина, но против его желания — он должен был подчиниться указаниям свыше²¹².

Таков был состав Совета министров в момент моего назначения и в ближайшее после него время. Мне предстоит теперь изобразить в общих чертах характер деятельности этого высокого учреждения. Я уже упоминал ранее в настоящих записках по поводу первого посещения заседаний Совета, что меня поразила мелочность дел, подлежавших его рассмотрению. Повестка постоянно перегружалась ничтожными вопросами, как например:

шаблонное утверждение уставов акционерных обществ, назначение пенсий, незначительные кредиты на разные надобности, мелкие разногласия между ведомствами и т. п. Правда, ненормальность такого положения была скоро осознана и подобные дела, так называемая вермишель, были переданы на рассмотрение «Малого совета»²¹³, состоявшего из товарищей министров, под председательством заместителя Столыпина министра финансов Кокковцова. Но и с этой реформой Совет остался обремененным массой второстепенных дел, которые нередко вызвали продолжительные прения, особенно если были затронуты интересы финансового ведомства, что отвлекало внимание Совета от более важных вопросов. Обыкновенно эти последние рассматривались в конце заседания, по удалении чинов канцелярии. А между тем текущие дела поглощали так много времени, что заседание слишком затягивалось, все участвующие чувствовали большое утомление, и крупные дела проходили нередко без достаточно тщательного обсуждения. Главным тормозом было рассмотрение междоветовственных разногласий. Если П.А. Столыпину удалось объединить правительство в высшей инстанции – Совете министров, то существовавшее издавна соперничество и прения низших ведомственных инстанций между собой этим не устранялись. А в них и коренилось то великое зло, которое всегда мешало правильному ходу государственного механизма, делая его наименее продуктивным при наибольшей затрате сил и энергии.

Отмеченное явление достойно некоторого внимания. Прежде всего, каждое ведомство у нас готово считать себя более компетентным в делах постороннего ведомства, чем то, которому данные дела поручены. Отсюда постоянно неуместные вторжения в чужую сферу деятельности. Затем, наши ведомства всегда склонны претендовать на передачу им частей управления из других ведомств, хотя и с собственным делом справлялись не вполне удовлетворительно. Наконец, и это самое главное, ведомствам свойственна какая-то неудержимая потребность возражать, не останавливаясь перед мелочами, очень серьезно мешая чужой работе. Последнюю черту многие объясняют хорошим побуждением: дать наиболее тщательную формулировку и обработку каждому очередному вопросу. Но при этом [есть] мудрое правило, что лучшее есть враг хорошего, что длительная разработка вопроса может лишиться задуманную меру всякого практического значения или, в самом благоприятном случае, задержать ее на много лет. Мог бы проиллюстрировать я эти мысли рядом примеров из собственно-

го печального опыта заведования крупными отраслями государственного управления. Ограничусь двумя, достаточно характерными. В 1888 году мне нужно было летом воспользоваться отпуском по семейным обстоятельствам. Начальство разрешило, но министр финансов отказал ввиду безусловной необходимости закончить разработку «спешного» законопроекта о реформе судовых сборов, который необходимо было внести в Государственный совет к осенней его сессии. Дело я подготовил. Но началось «межведомственное обсуждение», и в результате «спешный» законопроект стал законом через 15 лет, в 1903 г., при Витте. Другой пример: будучи министром торговли, отчасти по собственной инициативе, отчасти по настоянию Государственной думы, я решил двинуть вопрос об элеваторах и вступил в предварительную переписку с ведомствами. До того этот вопрос лежал без движения. Но стоило его возбудить, как явилось несколько претендентов взять дело в свои руки: министр финансов заявил, что оно должно быть передано ему и осуществлено через Государственный банк; министр путей сообщения настаивал на своих правах, полагая поручить постройку элеваторов железным дорогам; Министерство внутренних дел разработало предположения об организации дела в связи с продовольственной частью. Началась переписка, было образовано совещание, дело совершенно запуталось и каждое ведомство стало работать за свой счет, конкурируя с другими, без общего плана и системы.

Ведомственные трения и разногласия являются, по моему мнению, результатом одной особенности нашей русской, точнее, славянской природы. Как известно, наш ум скорее критический, разрушительный, чем творческий, созидательный. У нас каждый всех учит, почему не надо делать того, что они делают, но не указывает, что именно и как следует делать. В нашей работе всегда преобладает центробежная сила над центростремительной. Если при подходе к какому-либо вопросу чувствуется некоторое расхождение мнений, то не только не стараются найти общий язык, достигнуть примирительной формулировки, но как будто намеренно обостряют разногласие. Даже более того, при обсуждении вопроса, кажущегося бесспорным, не вызывающего сомнений, считается чуть не доблестью, во всяком случае — доказательством тонкого пытливого ума, найти почву для возражений, для осложнения вещи ясной и простой...

В видах устранения разногласий издавна применялись два приема: 1) переписка и 2) образование межведомственных ко-

миссий. Первый способ очень длительный: сношение вызывало возражение, на него следовало контр-возражение и т. д., иногда на долгие годы, как в старом судебном процессе. Не возражать было нельзя, это было требование «хорошего тона» в бюрократических сферах. Припоминаю случай из собственной практики. В начале моей служебной деятельности получается на заключение сложный законопроект, разработанный другим ведомством при участии выдающихся специалистов и мало касающийся того ведомства, где я служил. Добросовестно прочитав полученный материал и убедившись в основательной разработке проекта, ограничился кратким отзывом, что по такому-то вопросу у ведомства возражений не встречается. Бумага возвратилась мне неподписанной, с приглашением поговорить. А «переговоры» оказались для меня довольно неприятными: мне поставлено на вид, что на такие сложные проекты нельзя ограничиваться отзывом в две строки, что это доказывает недостаточную пытливость и внимание, что следует углубиться, и тогда несомненно найдутся пункты, дающие повод для замечаний на законопроект. Пришлось подчиниться этим указаниям. В результате получился довольно пространственный отзыв, в котором, выражая сочувствие общей идее проекта и отдавая должное тщательной его разработке, министр финансов считал нужным коснуться некоторых (таких-то) частных. Такова была бюрократическая школа, которую мы проходили. Нас учили, что выуживание хотя бы мелочных дефектов в чужой работе есть доказательство добросовестного и внимательного отношения к делу; по этим качествам нас оценивали, что для многих было достаточным стимулом к охоте за чужими промахами и даже простыми недомолвками.

Междуведомственными отношениями несомненно злоупотребляли, спрашивали не только тех, кого данное дело касалось, но и тех, к кому оно имело самое отдаленное отношение. Такие сношения были одним из способов отложить дело под благовидным предлогом и этим временно облегчить работу. Припоминаю характерный случай в начале моей служебной деятельности по Сенату. В той экспедиции, где я служил, числилось дело по спору графа Мордвинова²¹⁴ с татарами Байдарской долины²¹⁵, начавшееся в 1799 г., которое за 50 лет разрослось в многотомное производство и занимало в шкафу несколько полок. Вдруг поступил грозный, как мне показалось, запрос о положении этого дела, крайне меня смутивший. Но опытный экспедитор немедленно заготовил сношение с каким-то учреждением и одновременно в ответе на

запрос написал, что дело задерживается по причине неполучения такого-то отзыва, чем инцидент был благополучно исчерпан.

Другой способ соглашений с ведомствами — образование междуведомственных комиссий — пожалуй еще более задерживал правильное течение дел. Многословие — наша неизлечимая болезнь. Кажется, нигде не говорят так много, как у нас. В каждой комиссии (а состав их обыкновенно бывает весьма многочисленный) находятся несколько ораторов, которые говорят без удержу, по каждому самому ничтожному поводу. Говорят по программе, постоянно уклоняясь в сторону, останавливаясь на второстепенных мелочах прежде разрешения основных принципиальных вопросов; говорят не с целью убеждать, но иногда, когда все убеждены и никто не возражает; говорят и после того как решено данный предмет подвергнуть дальнейшей разработке и не обсуждать по существу. И любящие говорить обыкновенно совершенно не умеют слушать. Отсюда бесчисленные повторения того, что было сказано раньше другими, постоянно наблюдаемое новое возбуждение уже разрешенных вопросов. При этом и здесь, как в междуведомственной переписке, заявление особых мнений и возражений считается доказательством пытливости и глубокого изучения дела. А в результате заседания комиссии затягиваются на неопределенное время, отвлекая множество работников от своих прямых обязанностей. Иногда глава ведомства тщетно ищет своих сотрудников для совещания или отдачи спешных распоряжений; оказывается, что все они сидят по разным комиссиям в других ведомствах, а собственное их дело стоит без движения. Зачастую занятия комиссий затягиваются на годы, особенно в тех случаях, когда происходят частые смены лиц, стоящих во главе ведомств, так как у нас вообще мало преемственности и каждый начальник, относясь отрицательно к деятельности своего предшественника, склонен давать своим сотрудникам новые директивы. Неудивительно, что при этих условиях работа нашего государственного механизма была так мало продуктивна.

Вышеизложенным не исчерпываются дефекты нашего бюрократического строя. Если Совет министров, как выше отмечалось, был перегружен множеством мелких дел, то в том же положении был и каждый отдельный министр. Ряд таких дел поступал на утверждение министров (или их товарищей) в силу разных устаревших законов, ряд других представлялся начальниками частей министерства вследствие желания переложить ответственность с себя на министра. Ежедневно на подпись министров при-

сылалась огромная папка бумаг, и сколько было в них лишнего! А между тем задерживать текущее дело было нельзя, приходилось подписывать, иногда поздно ночью, по возвращении из разных заседаний. Много и других несовершенств было в наших бюрократических порядках, но достаточно приведенных здесь черт. Более совершенный аппарат, каким являлся Совет министров, движимый опытным руководителем, передавал свою силу устаревшим поржавевшим механизмам, на которых эта сила постепенно атрофировалась или же вызванное ею движение получало нежелательное направление. Словом, в государственной машине, как целом, была несогласованность частей — нужна была замена устаревших механизмов новыми. Но замена эта, т. е. ряд реформ в области управления, должна была осуществиться через тот же функционирующий аппарат. Получался какой-то заколдованный круг.

Дав посильную характеристику правительственного аппарата, перехожу теперь к Государственной думе. Состав Третьей Думы хорошо известен²¹⁶. Под председательством сначала Хомякова²¹⁷, затем Гучкова и наконец Родзянко²¹⁸, эта Дума не выдвинула крупных государственных деятелей, но в ней было немало почтенных лиц, проникнутых искренним желанием блага Родине. Особенность русского национального характера придерживаться скорее крайних течений, чем более умеренного, находит обыкновенно отражение в составе наших совещательных и представительных учреждений, отличающихся слабо развитым центром и сравнительно большими крыльями. То же наблюдалось и в Третьей Думе, но Столыпину удалось сколотить центральные группы и образовать большинство, которое оказало ему поддержку по целому ряду крупных вопросов государственной важности. Достигнуто это было не без труда: премьер тратил много времени на частые беседы с членами Думы и с группами их, стараясь найти общий язык. В этом отношении он был очень доступен, несмотря на перегруженность работой, всегда находил возможность принять в короткий срок желавших с ним встретиться, терпеливо выслушать иногда весьма длинные объяснения и малоосновательные жалобы. Большое значение в деле сближения Столыпина с членами палат имели его известные приглашения «на чашку чая», которые привлекали в квартиру премьера огромное число лиц — членов Думы и Совета министров и ближайших их сотрудников, представителей ученого мира, видных общественных деятелей. Принимал он с истинно русским радушием. Представители различных лагерей объединялись у столов, заставленных обильным

угощением, знакомились друг с другом и вели деловую беседу, которая содействовала выяснению многих вопросов. В этой полуофициальной обстановке и я успел ближе сойтись со многими членами Думы, что потом очень помогало в деловой работе.

Несмотря, однако, на все старания Столыпина и усилия видных и деятельных членов Думы, работа ее плохо налаживалась и думский аппарат действовал далеко неудовлетворительно, что, впрочем, представляется вполне естественным, так как нельзя было ожидать, чтобы только что введенный у нас представительный строй, встречавший противодействие с разных сторон, так быстро укрепился и чтобы дело сразу пошло гладко и без шероховатостей. Как и в бюрократических учреждениях, главное заключалось в чрезмерном, безбрежном многословии думских ораторов. Явление тоже понятное, даже независимо от нашей общей привычки много говорить. Люди, которым так долго не позволялось высказываться, которые привлекались к строгой ответственности за одно прикосновение к политическим темам, естественно хотели излить с думской трибуны все, что у них накопилось на сердце. И часто по самому ничтожному поводу, иногда без всякого повода, произносились горячие политические речи. Наряду с такими выступлениями, часто талантливыми и содержательными, хотя и не имевшими прямого отношения к делу, было, к сожалению, не мало совершенно бесцветных и скучных речей ораторов, которые часами занимали думскую трибуну, обращаясь не столько к собранию (их никто не слушал и зал был обыкновенно пуст), сколько к своим избирателям. Эти словопрения без надобности тормозили дело и становились подчас несносными.

Необыкновенно тяжеловесен был аппарат думских комиссий, конкурировавших в этом отношении с устаревшими бюрократическими учреждениями. Построение комиссий было многоэтажным. Некоторым законопроектам приходилось, прежде чем попасть в пленум, пройти через несколько комиссий. Так, например, в качестве министра торговли я проводил известный проект последовательно через комиссии финансовую, по делам торговли, бюджетную и законодательных предложений. Самая техника работы в комиссиях была поставлена крайне неудовлетворительно. Время не ценилось совсем, к назначенному часу никто не собирался, приходилось долго ждать. Иногда за отсутствием кворума заседание не могло вовсе состояться. Поездка в далекий Таврический дворец оказывалась напрасной. Поражала меня малая осведомленность членов комиссий с предметом обсуждения.

Кроме докладчика и 2–3 лиц, остальные, видимо, даже не давали себе труда пробежать очередной законопроект, знакомясь с делом на ходу, во время прений, что, видимо, не мешало им высказывать иногда в самой решительной и безапелляционной форме свое некомпетентное мнение. Немногие члены комиссии имели терпение сидеть до конца заседаний, большинство являлось на короткое время, одни уходили, другие приходили и таким образом состав получался совершенно случайный, от чего зависела и случайность голосования. Бывало, что в начале заседания я давал подробные объяснения по основным положениям очередного законопроекта и, чувствуя благожелательное к нему отношение большинства, уезжал в министерство. Затем кворум менялся, являлись новые члены, не слушавшие объяснений, они подпадали под влияние противников и голосование давало отрицательный результат. Припоминаю и такие случаи, когда к моменту голосования оказывалось, что кворума не имеется, начиналось приглашение отсутствующих членов, их отыскивали на прогулке в зале или Таврическом саду, привлекали в комнату заседаний и тогда происходило голосование. Если на поиски шли сторонники законопроекта, которые приводили своих единомышленников, то дело проходило благополучно. В противном случае законопроект отклонялся или в него вводились нежелательные поправки. Конечно, решение комиссий было не окончательное, оно вносилось в пленум. Но принимая во внимание, что дела (кроме крупных политических) проходили там после долгого ожидания очереди, нередко с головокружительной быстротой и что мнение комиссий пользовалось авторитетом, можно сказать, что в комиссиях вопросы более или менее предрешались.

Таким образом, оказывалось, что случайное голосование уничтожало плоды продолжительного и усидчивого труда. Следует отметить еще одну теневую сторону думской работы: перевес в некоторых случаях местных интересов над общегосударственными. Мера, необходимая и в общем полезная, иногда не отвечает узким интересам той или другой местности. Иногда депутат от земледельческого района, изучив внимательно вопрос, что дает ему сразу преимущество перед менее осведомленными товарищами, начинает агитацию против проекта и, пользуясь указанным преимуществом, вербует себе сторонников, а это приводит, обыкновенно, к отклонению или, в лучшем случае, к отсрочке меры.

При такой постановке дела, ход работы Государственной думы, в общем и целом, представлялся в следующем виде. Сес-

сии начиналась в конце октября или первой половине ноября. Съезжались медленно, кворум был слабый, плохо обеспеченный. Более интенсивно работали комиссии, в особенности бюджетная под руководством энергичного Алексеенко²¹⁹, куда являлись как бы на экзамен, или, скорее, на суд в последовательном порядке все ведомства, одно за другим. Задача комиссии заключалась в рассмотрении смет каждого ведомства на следующий год. Но этим дело не ограничивалось, и по поводу смет представителям ведомств ставились самые разнообразные вопросы по их частям управления. В результате обсуждения выражались пожелания, нередко довольно фантастические. Я старался всегда быть лично в заседаниях бюджетной комиссии, что хотя отнимало много времени, но зато устанавливало тесные деловые отношения к членам Думы, чем облегчалась совместная работа. Наряду с бюджетной комиссией начинали работать, но более вяло, и другие комиссии. В ноябре рассматривались в пленуме наиболее спешные законопроекты. Но депутаты, набравшись летом новых впечатлений, пользовались ими как материалом для запросов или политических затей, так что текущие дела подвигались медленно. А в начале декабря уже нужно было спешить на места, кто к выборам, кто — просто на праздники Рождества. Разъезд депутатов с каждым днем усиливался, и кворум падал. Во второй половине января начинался съезд, но очень медленный; только к концу месяца деловая работа налаживалась. Между тем, с февраля рассмотренные в бюджетной комиссии сметы начинали поступать в собрание, и все внимание его на несколько месяцев сосредоточивалось почти исключительно на бюджетной работе. Тщетно начальники ведомств просили президиум Думы поставить на повестку тот или другой вопрос. За немногими исключениями все это откладывалось до окончания прений по бюджету. А прения эти, как известно, разрастались до грандиозных размеров. Замкнутый «комиссионный» суд над ведомствами обращался в суд гласный, всенародный. Все, что накопилось на сердце против того или другого государственного деятеля, против общего режима или отдельных распоряжений власти, — все это изливалось в бесчисленных речах, часто очень резких и ядовитых и всегда очень длинных. Неудивительно, что бюджетные прения затягивались до мая, иногда до июня, и что Думе в это время было не до деловой работы. Оставалось одно: использовать «бюджетный» сезон для проведения законопроектов в комиссиях. Но все они были перегружены работой. Количество вносившихся законодательных предложений превы-

шало пропускную способность комиссий из-за отмеченной выше неудовлетворительности технической постановки в них дела, образовывались завалы, возраставшие до грозных размеров. Продвинуть через комиссии мелкие дела еще удавалось, но все крупное неизбежно задерживалось. Если проект подлежал рассмотрению одной комиссии, то можно было надеяться на проведение его через пленум в весеннюю сессию. Но если предстояло терпеть мытарства в нескольких комиссиях, то, несмотря на полную готовность президиума оказать содействие и на сознание им спешности дела, вопрос неизбежно откладывался до осени.

К весенней сессии пленум загромождался горами законопроектов и тогда начиналось не столько обсуждение, а скорее штемпелевание заключений комиссий, за исключением некоторых вопросов, на которых члены Думы останавливали внимание своих собратьев по соображениям политическим, ввиду особых спорных интересов или какой-нибудь личной подкладки. Все остальное происходило при полном равнодушии и невнимательности аудитории, в опустевшем зале, среди шумных посторонних разговоров немногочисленных депутатов. Если по таким делам держали выступать ораторы, их встречали враждебно, прерывали криками «довольно». Всем мерещились зеленеющие луга и нивы, всех манило на деревенский простор, всем хотелось отдохнуть после продолжительного томления в бесчисленных, подчас невыносимо скучных, заседаниях. В такой обстановке заключительного периода сессии возможны были самые удивительные неожиданности. Не успели проголосовать один законопроект, как появляется на трибуне другой докладчик, который невнятным голосом, среди общего шума и оглушительных звонков председателя старается объяснить сущность следующего проекта. После него вбегает на трибуну кто-либо из членов Думы, вносит поправку или высказывает пожелание, часто весьма неопределенное, мало идущее к делу. Докладчик, — иногда по малому знакомству с предметом (нередко докладчиком в последнюю минуту являлось случайное лицо, за неприбытием официального докладчика), иногда с целью не затягивать прения, — не возражает. Предложение ставится на голосование, — при этом несогласные встают. Так как делом никто не интересуется, даже не знают, какой законопроект обсуждается и какое предложение голосуется, то все сидят, — в результате предложение считается принятым. Однажды по какому-то мелкому проекту Министерства торговли неизве-

стный оратор формулировал пожелание, чтобы ведомство приняло меры к удешевлению жизни в стране. Я направился к трибуне, чтобы объяснить всю неопределенность этого пожелания и его неприемлемость, но председатель просил меня не выступать: «Ведь все равно, это ни к чему Вас не обязывает».

Но как ни спешили, все-таки до конца сессии пропустить все очередные дела не успевали. В первую голову выдвигались наиболее срочные, а количество срочных дел было огромное, вследствие одного особого приема думской работы. Из осторожности или по недоверию к правительству Дума имела обыкновение утверждать многие предположения или отпускать кредиты лишь временно, на срок не далее трех лет, иногда на два и даже на один год. По истечении этого срока нужно было оправдать продление мероприятия или кредита на новый срок, иначе действие их прекращалось. Таких временных законов постепенно накопилось очень много и главная забота ведомства была направлена к тому, чтобы обеспечить их продление. Несомненно, что указанным приемом Дума чрезвычайно осложняла собственную работу. После напряженной деятельности в июне занятия Думы приостанавливались до осени. Вслед за ней прерывалась сессия Государственного совета. Наступало затишье в парламентской жизни. Но ведомствам не было отдыха: предстояло вводить в действие получившие утверждение законы и готовить законодательный материал к осенней сессии палат. Наша работа, при добросовестном к ней отношении, была в своем роде *perpetum mobile**.

Прошедшие через все думские мытарства законопроекты предстояло провести через Государственный совет. Техника работы в Совете, с его старыми традициями и образцовой канцелярией, была поставлена неизмеримо выше, чем в Думе. Число постоянных комиссий было очень ограниченное, причем установилось за правило, чтобы по законопроектам, требовавшим предварительной разработки, учреждались специальные комиссии из наиболее компетентных в данном вопросе лиц. В комиссиях все политические группы Совета получали представительство, пропорциональное числу членов от каждой группы, присутствующих в том заседании, где производятся выборы. И это начало проводилось с особой строгостью. Предварительно голосованию лидерами групп составлялись списки предлагаемых данной группой членов комиссии и избрание намеченных лиц в числе, причитаю-

* *Perpetum mobile* (лат.) – вечный двигатель (*Прим. ред.*).

щемся по пропорциональной разверстке на эту группу, являлось вполне обеспеченным. Наиболее обширной была деятельность финансовой комиссии, в которую вносились все законодательные предположения, требовавшие ассигнований от казны, а таких было огромное большинство, причем обыкновенно они уже не проводились через другие комиссии (за исключением более сложных проектов) и таким образом предварительное рассмотрение дел ограничивалось одной инстанцией. В комиссиях царила строгая дисциплина, собирались строго к назначенному часу, большинство не расходилось до голосования, так что «случайные» заседания были исключены. Члены комиссий являлись достаточно подготовленными, обнаруживая внимательное изучение каждого очередного проекта. Обсуждение дел было весьма тщательное, всестороннее, с точной формулировкой принимаемых решений. В этом отношении можно даже сделать упрек верхней палате, что по сравнению с Думой она впадала в другую крайность: слишком тщательная отшлифовка каждой статьи проекта нередко задерживала его на очень продолжительное время.

Подобная же дисциплина господствовала и в общих собраниях Совета. Выражение одобрения или неодобрения ораторам не допускалось; слишком длинные речи или уклонение от сущности данного дела пресекались президиумом; в зале соблюдался внешний порядок и тишина. Но при всех достоинствах организации работы, Государственный совет был в то время одним из главных тормозов, задерживавших развитие нашего законодательства. Происходило это вследствие непримиримой позиции по отношению к Думе, которую занимали влиятельные группы Совета, примыкавшие к правым течениям. Лидером правой группы был П.Н. Дурново, который, — несмотря на свой преклонный возраст, сохранил всю прежнюю энергию. Ему удалось прочно сплотить своих единомышленников и высоко поставить партийную дисциплину. При поддержке со стороны соседней группы «правого центра» получалось большинство, имевшее решающее значение при голосовании, так как прочие группы Совета, хотя и могли занять преобладающее положение по числу членов в совокупности, но они не были сплочены и объединены, некоторые из них допускали свободное голосование, в результате голоса нередко разделялись. Многие видные члены правой группы не сочувствовали самой идее народного представительства и мечтали о возвращении к старому порядку; другие мирились с совершившимся фактом, но считали своим патриотическим долгом охра-

нять наш государственный корабль от всякого уклонения влево. Проявляя в этом отношении чрезвычайную заботливость, они добивались совершенного отклонения некоторых проектов, казавшихся им опасными, или вводили в них поправки, которые были неприемлемыми для Думы, что приводило к тому же результату. Вообще предложение поправок было очень распространенным в Совете приемом, который постоянно тормозил ход законодательной работы. Даже самая мелкая поправка требовала передачи дела в согласительную комиссию из членов Совета и Думы, после чего проект возвращался в Думу для нового обсуждения и голосования. Если такая передача происходила в конце сессии, то при описанном выше порядке рассмотрения дел в заключительных заседаниях Думы поступившие из согласительных комиссий проекты нередко откладывались до осени. В тех случаях, когда поправки были очень многочисленными или существенным образом изменяли законопроект, вопрос передавался думской комиссии, где происходило первоначальное его обсуждение. Таким образом весь сложный процесс прохождения законопроектов в Государственной думе совершался вторично. Для иллюстрации характера поправок, приводивших если не к отклонению законопроектов, то, в лучшем случае, задерживавших их утверждение, приведу следующий пример из собственной практики. Министерство торговли разработало, казалось, невиннейший законопроект об устройстве у нас поверочной части, т. е. порядка проверки торговых мер и весов. По этому проекту предполагалось, между прочим, предоставить некоторые права в указанном отношении органам городского и земского самоуправления. Дума предположение одобрила, но Государственный совет усмотрел «опасность» в таком расширении функций органов самоуправления и внес «поправку», устранявшую их участие в данном деле. В согласительной комиссии соглашение не состоялось, и Дума осталась при своем мнении. Только при вторичном рассмотрении дела в Совете мне удалось провести его в первоначальном виде, но на всю эту процедуру потребовалось не менее двух лет.

Правая группа Государственного совета относилась с недоверием не только к Думе. Сам председатель Совета министров не пользовался ее симпатиями. Не без труда проводил П.А. Столыпин в верхней палате некоторые из своих мероприятий, усиливая позицию приглашением в заседание тех министров, которые, состоя членами Совета, могли участвовать в голосованиях. С течением времени, по мере укрепления положения Столыпина в Ду-

ме, отношения его с правой группой Совета обострялись, что привело к известному конфликту²²⁰ весной 1911 г.

Все ведомства в одинаковой мере испытывали трудности работы в данных условиях, при тяжеловесности нашего государственного механизма. Но порученное мне Министерство торговли находилось в особо неблагоприятном положении, обусловленном двумя обстоятельствами: во-первых, неустроенностью ведомства и, во-вторых, непониманием у нас значения торгово-промышленной деятельности и даже враждебным к ней отношением.

Министерство я принял в управление совершенно неорганизованным. Бывшие отделы Министерства финансов, имевшие там подчиненное и второстепенное значение, после выделения в самостоятельное министерство²²¹ получили новую широкую компетенцию, а личный состав их остался прежний. Во время сессии Государственной думы не только начальники отделов и их помощники, но даже младшие служащие привлекались в многочисленные комиссии. Не оставалось работников для текущего дела. Кредиты беспощадно сокращались и доводились иногда до смехотворных цифр. Так, на все полезные по части торговли и промышленности мероприятия отпускалась в год (если память мне не изменяет) ничтожная сумма – менее 200 тыс. руб. Министерство не имело даже собственного дома, оно ютилось в нескольких помещениях в разных частях города. Вслед за моим назначением, в первом же заседании бюджетной комиссии Думы, я выслушал резкие упреки по адресу ведомства, которое не позаботилось за 4 года своего существования о собственной организации. Выражено было соответствующее пожелание, принятое мною к исполнению с особым удовольствием. Задача нелегкая, особенно вследствие трений с финансовым ведомством, которое в междуведомственной комиссии оспаривало проектированное расширение состава Министерства торговли и промышленности, иногда упорно возражая против добавочного начальника или его помощника. Тем не менее, в год с небольшим удалось осилить это дело, и новые штаты были внесены в Думу. Но далее они не пошли. В течение двух сессий я просил как личного одолжения поставить мой проект на обсуждение, но все было напрасно. Формальным поводом к такой затяжке выставляли возникший по внесенным в Думу штатам Департамента государственного казначейства некий принципиальный вопрос, до разрешения которого все штаты были задержаны. Наконец, весной 1913 г. мое представление началось обсуждением в соединенной комиссии, но сразу

выяснилось расхождение ее членов в мнениях: одни хотели расширить компетенцию министерства передачей ему новых отраслей управления из чужих министерств (например, из Министерства финансов — установление железнодорожных тарифов), другие, наоборот, предлагали сузить его компетенцию выделением некоторых сторон (например, передать коммерческие порты Министерству путей сообщения). В конце концов, ни до чего не договорились до закрытия сессии, но докладчики обещали подготовить дело к осени для внесения в бюджетную комиссию. Несмотря на мои неоднократные просьбы и напоминания, обещание исполнено не было, а затем наступил 1914 г., когда Думе было очевидно не до штатов разных ведомств. Сознывая всю ненормальность положения неорганизованного министерства и задерживая сама мое представление об организации ведомства, Дума в то же время не скупилась упреками в слабой продуктивности работы ведомства, что было верхом несправедливости. Министерство торговли, конечно, было обязано дать более, чем оно давало, но я по совести утверждаю, что в данных условиях работы оно не могло усилить своей деятельности. Достаточно для примера указать, что весь служебный персонал, ведущий сложное делопроизводство внешней торговли, состоял только из 5 лиц. Что можно было сделать с такими силами? А настойчивые просьбы об усилении ведомства для поднятия его деятельности оставались без внимания как раз теми, кто обвинял его в малой продуктивности.

Второе затруднение, как я сказал, заключалось в малом понимании значения торгово-промышленных интересов. Это замечание относится и к членам правительства, и к Думе, и к широким общественным кругам. У нас много юристов, администраторов и очень мало действительно сведущих экономистов. При этом каждый готов считать себя экономистом и выступать, при полном невежестве, по самым сложным вопросам экономической политики, требующим тщательного и усидчивого изучения. Крупная ошибка заключается в смешении понятий «торговля, промышленность», с одной стороны, с понятием «торговец, промышленник», с другой. Большинство обывателей суть покупщики, заинтересованные купить дешевле; им противостоят торговцы, желающие продать дороже. Между обоими лагерями непримиримая вражда, и это нерасположение к торговцу, а также к производителю-фабриканту переносится на самую их деятельность. Мне приходилось часто, слишком часто слышать и в Совете министров, и в Думе иронические замечания, что тот или другой

проект проникнут чрезмерной заботливостью о промышленниках, которым, кажется, и без меня недурно живется. То же печаталось и в газетах. Но очевидно, что законопроекты, которые были направлены к облегчению торгово-промышленного оборота страны на пользу населения, предоставляли выгоды также промышленникам и не могли содержать в себе каких-либо скорпионов против них. Не всем, например, известно, какими ужасающими стеснениями было обставлено дело открытия новых фабрик и заводов; нужно большое мужество и энергия, чтобы не спасовать перед этими формальностями. Я счел необходимым разработать законопроект об изменении старого порядка и его упрощении. Кому выгодно увеличение числа фабрик и заводов? — Конечно, прежде всего населению. Не отрицаю, что упрощение формальностей выгодно и для фабрикантов, но нельзя же в виде карательной меры против последних за неведомые вины отказаться от общепользующего преобразования. Между тем этот законопроект вызвал мало сочувствия и много иронических замечаний в указанном выше смысле.

Другое основание нерасположения к промышленности заключалось в частичном противопоставлении друг другу ее интересов и интересов сельского хозяйства, что в земледельческой стране, как Россия, было аргументом серьезным и убедительным для большинства, состоявшего из сельских хозяев. Не буду углубляться в эту тему. Я убежденно держусь обратного взгляда: те и другие интересы вполне солидарны и обе отрасли хозяйственной деятельности должны обслуживать друг друга, чем только и может быть достигнуто желаемое развитие каждой из них. «Аграрии» не разделяли этого взгляда и недружелюбно относились к ведомству, во главе которого я стоял.

Наконец, третье враждебное промышленности течение исходило от групп, которые, усматривая существовавший антагонизм между интересами работодателей и рабочих, становились на сторону защитников этих последних.

Вот в какой обстановке приходилось работать. При удовлетворительных личных отношениях к очень многим влиятельным членам Думы, я испытывал величайшие затруднения при проведении через Думу целого ряда законопроектов. Нападали справа, где преобладали аграрии, нападали слева, где группировались друзья рабочих и враги промышленников. Не было часто дружеской поддержки даже от центра, ибо и здесь немало аграриев, а сверх того много лиц, разделявших обывательскую точку зрения

покупщика на вредную деятельность торговцев. Нужно было лично посещать думские комиссии, входить в непосредственные сношения с выдающимися членами думских партий, стараться вызвать в них интерес к данному делу, разъяснять его значение, наконец, в сомнительных случаях выступать в общих собраниях. Только этими приемами достигалось благоприятное прохождение законопроектов Министерства торговли, из которых ни один, имевший сколько-нибудь крупное значение, не был Думой отклонен.

Намерение Столыпина, высказанное им при моем назначении, выдвинуть в первую очередь экономические вопросы, осталось неосуществленным, хотя время для этого было благоприятным, иностранные капиталы приливали, во всех отраслях хозяйственной деятельности страны наблюдалось большое оживление и приходится очень сожалеть, что это хорошее время было упущено. Кроме огромной текущей работы и выполнения скучных, но не устранимых обязанностей по представительству в разных торжественных случаях, председатель Совета министров был, главным образом, занят осуществлением предпринятой им крупной землеустроительной реформы, направленной к ослаблению общинного землепользования выделением хуторов и отрубов. При деятельном сотрудничестве Кривошеина это большое дело шло очень успешно. Но придавая ему крупное государственное значение, Столыпин уделял немало времени личному наблюдению за общим его развитием, инструктировал исполнителей, беседовал с местными деятелями. Кроме того, он совершил в 1910 г. продолжительную поездку вплоть до Сибири для ознакомления на месте с результатами реформы. Другая группа дел, привлекавшая особое внимание премьера, — выделение Холмщины, ряд законов в отношении Финляндии и введение земских учреждений в Западных губерниях. Из них последнее чуть не привело к министерскому кризису. Законы эти вызвали большую оппозицию в обеих палатах, для проведения их нужна была вся энергия Столыпина, и следует, быть может, пожалеть, что он поставил на первую очередь эти окраинные вопросы, когда было столько важной и неотложной работы внутри государства.

Деятельность министра торговли в первые годы моего управления была направлена, главным образом, на организацию ведомства, устройство и улучшение коммерческих портов и управления ими, развитие мореходных сообщений и судостроения, упорядочение уральских горных заводов, поощрение производства у нас сельскохозяйственных машин и орудий, изменение порядка

отвода нефтеносных земель, расширение сети учебных заведений ведомства, разработку законопроектов в области рабочего законодательства.

Русское прошлое. 1996. Вып. 6. С. 101–129.

П.Х. ШВАНЕБАХ. ЗАПИСКИ САНОВНИКА

Шванебах Петр Христианович (1848–1908) – государственный деятель, тайный советник (с 1896 г.). Из австрийского дворянского рода. В русском подданстве с 1862 г. В 1867 г. окончил Училище правоведения. С 1867 г. на службе в Министерстве юстиции. В 1870 г. переведен на службу в Министерство финансов. В 1888 г. был причислен к Кодификационному отделу Государственного совета. С 1891 г. товарищ управляющего Государственным банком. С 1893 г. член совета министра финансов. В 1903–1905 гг. товарищ министра земледелия и государственных имуществ. С 1905 г. член Государственного совета. В 1906–1907 гг. государственный контролер. Был принципиальным противником курса П.А. Столыпина, в силу чего и был уволен 13 июня 1907 г. Активный член правой группы Государственного совета. Скончался в Магдебурге.

Воспоминания П.Х. Шванебаха охватывают события первой половины 1907 г. – времени функционирования II Государственной думы. Они были датированы 31 мая 1907 г., хотя, очевидно, написаны позже.

Мысль о том, как правительство развяжется со 2-ю Думой²²² и боязнь, как бы П.А. Столыпин не поймался на кадетскую удочку, меня тревожила давно. Что Столыпин не разбирается в «русской революции», было очевидно с момента роспуска 1-й Думы²²³ и призыва его на пост премьера. На всякие заявления о неразрывной связи кадетов с террористами и предательстве кадетской тактики он всегда отвечал, что это обстоятельство он учитывает, что Вторая Дума будет хуже Первой, что ее придется распустить и т. д. Но при всем этом в Столыпине явственно было желание, если не искать прямого сближения с кадетством, то, по крайней мере, по возможности подлаживаться под его требования. Он верил и продолжает верить в возможность упрочения в России демократического конституционного строя; пуще всего боится упреков в реакции (не желая понять, что реакция в силу естествен-

ного закона должна неизбежно завершить русскую революцию) и мечтает о какой-то роли примирителя между революцией и монархической властью.

Эта тенденция сказалась еще в июле 1906 г., когда Столыпин готов уже был принять в министерство «общественных деятелей», которые, под личиной октябризма или мирнообновленства, превратили бы его министерство в кадетское²²⁴. Что из такого министерства он был бы сам выперт через 6 недель, это я ему говорил в тот день, когда он отправлялся к государю доложить о министерской комбинации. Разрешившийся ночью кронштадтский бунт²²⁵ заставил бросить эту мысль.

Но Столыпин не унялся в своих стремлениях задобрить кадетов. 11 августа он предложил на обсуждение Совета министров вопрос о том: не разрешить ли кадетам партийный съезд в С.-Петербурге? Это в то время, когда против кадетов 1-й Думы начаты были судебные преследования за Выборгское воззвание²²⁶. Я был настолько ошеломлен и возмущен поставленным вопросом, что сказал Столыпину, модифицируя слова Taleayrand*: «с`est plus qu`un crime, с`est une faute, с`est plus qu`une faute, с`est une bêtise»**.

Тем не менее, в Совете г.г. кадеты²²⁷ — Извольский, Философов²²⁸, сколько мне помнится, и кн. Васильчиков высказались за допущение съезда. 12 августа было покушение на даче Столыпина, и ценой ужасного несчастья, обрушившегося на его семью и унесшего много неповинных жертв, Столыпин был спасен от не только роковой, но прямо-таки смешной ошибки.

Под непосредственным давлением государя, который потребовал организации военно-полевых судов²²⁹ и быстрой репрессии террористических злодеяний, Столыпин подобрал вожжи и на время, по крайней мере, предстал пред лицом России в облике сильного и последовательного борца за порядок. К нему стали сыпаться телеграммы и приветствия. Но характерны были его ответы: всегда в смысле обещания реформ и неукоснительного хранения либерального курса.

Пошла спешная, лихорадочная реформаторская деятельность. Столыпин начертал себе какой-то календарь междудумья²³⁰, в котором, вроде расписания экзаменов, распланировал чуть ли не по дням всю реформаторскую работу правительства. Канцеляриям

* Талейрана (фр.) (Прим. ред.).

** «Это больше, чем преступление — это ошибка; это больше, чем ошибка — это глупость» (фр.) (Прим. ред.).

были заданы уроки с таким расчетом, чтобы ко времени созыва Думы подоспел букет готовых реформ по всем отраслям управления. Не думаю, чтобы когда-либо более наивная мысль подвизалась на самых верхах государственного управления.

Симптоматичным, с точки зрения столыпинского мирозерцания, оказался «вопросник по делу о свободе совести», который в октябре был внесен в наш совет. Эта изумительная элукубрация²³¹ была сочинена директором Департамента иностранных исповеданий Владимировым²³², чиновником, который с назначением на эту должность впервые, должно быть, узнал о существовании религии. Он выписал себе целую гурьбу брошюрок и с помощью их и того, что было наговорено «libres penseur`ами»^{*} и жидами 1-й Думы, поставил на обсуждение Совета министров систематический ряд вопросов, вроде, например, следующих:

1) должно ли объявить свободу переходу в еврейство и в язычество?

2) должно ли разрешить *enterrement civil*^{**}?

3) как будут оформляться вновь «обретаемые» религии: явочным или концессионным²³³ порядком?

Даже в нашей нетребовательной среде этот «вопросник» вызывал как восклицания, так и насмешки.

«Вы не имеете права, — сказал я Столыпину, — даже вопросы ставить на этом жаргоне! Неужели Вы не видите, насколько такими вопросами Вы глубоко оскорбляете религиозное чувство массы? И для чего это? Только чтобы показать евреям и атеистам, что правительство не лыком шито и не заражено религиозным обскурантизмом?»

Но упрямство премьера взяло верх над всякими увещаниями, и в числе других изготовлен целый ряд никому решительно не нужных законопроектов о свободе совести, *ad usum*^{***} людей, давно от таковой эмансипировавшихся.

Довольно резким поворотом в Столыпине было начало ноября. Тут совпало два обстоятельства: во-1) пресловутый инцидент Гурко-Лидваль и 2) начало избирательной компании.

С делом Гурко-Лидваль Столыпин опешил самым невероятным образом. Перед грязью газетных нападок в нем возмутился кристально-чистый человек и подавил разумного политика. Лич-

^{*} Т. е. свободомыслящими (фр.) (Прим. ред.).

^{**} Гражданские похороны (фр.) (Прим. ред.). Т. е. без соблюдения религиозной обрядности.

^{***} Для пользы (лат.) (Прим. ред.).

но крайне антипатичного ему Гурко он отдал без оглядки на рас-терзание жидовской прессы и, чтобы только не заподозрили его, Столыпина, в желании укрыться от нападков, он снял с газет всякую и без того уже достаточно слабую узду.

В сторону прессовой сатурналии²³⁴ была использована и начавшаяся выборная кампания. Разгул был полный, и отрава стала повсеместно разливаться широко и ничем не стесняемую струею.

О необходимости сдерживать и укрощать расходившегося зверя забыли, все помыслы направили в сторону Думы. Что скажут там, какой ответ дать на вопросы, как встретить обвинения, которые будут предъявлены правительству? Как бы не потерять либеральное и прогрессивное лицо?

Вскоре после этого (в начале января) начались прямые сношения Столыпина с кадетами, в частности, с Милюковым²³⁵. На свидание с Милюковым Столыпин испросил согласие государя (который ему сказал: делайте так, как Бог на душу положит) и сообщил нам в Совете. Разговор премьера с вожакom кадетов вращался все около довольно нелепого вопроса о «легализации» кадетской партии, при условии принятия партией такой программы, которая была бы приемлема для правительства. В основе этого разговора, едва ли понятного для того, кто не посвящен в наши условия, лежит учение о «легальных» и «нелегальных политических партиях», основанное на применении к партиям юридических норм об обществах и союзах. Учение это детское и нелепое, ибо оно игнорирует то, что партия — это не союз и не общество, а общественное явление и притом анонимное, неуловимое, меняющееся.

По поводу несоциаций* Милюкова со Столыпиным я не удержался сказать последнему, что эти несоциации мне представляются вроде того, как будто волки зоологического сада явились бы депутацией от имени всего волчьего племени с предложением перейти в травоядные — с тем, чтобы правительство раз навсегда обязалось прекратить всякие облавы на волков.

Все, о чем сказано выше, настолько меня тревожило, что я решился о своих опасениях сообщить государю. Бывши со всеподданнейшим докладом в Царском Селе за несколько дней до рождественских праздников, я попросил государя назначить мне особый доклад по общеполитическому вопросу. Спустя почти месяц, 13 января, камердинер государя известил меня по телефону о приглашении в тот же день к 6 часам вечера.

* Т. е. разногласий (*Прим. ред.*).

Вот то, что я сказал государю: «Прошу Ваше Императорское Величество верить, что то, что я имею Вам доложить, отнюдь не внушено мне чувством страха или боязни за будущее...»

— Это я знаю! Ваше беспристрастие мне известно.

— Думаю я, что в том... положении, в каком мы находимся, нельзя достаточно готовиться к грядущим событиям и всесторонне их взвешивать. В настоящее время, государь, Ваши министры неустанно заняты подготовлением материала для предстоящей совместной работы с Государственной думой. К этому прилагаются добросовестные старания, и все мы трудимся, не покладая рук. Однако никто не в состоянии сказать, удастся ли нам осуществить наши надежды на совместную плодотворную работу. Зависит это [не только] от нас одних, но и от Думы. Между тем, кто же может сказать теперь, что будет представлять из себя 2-я Дума; не будет ли она такою же, какою была первая, а то, того и гляди, быть может, менее еще работоспособная и более революционная?

Вот поэтому опасно было бы все наши планы будущего строить на одних оптимистических расчетах. Надо считаться и с возможностью быстрого разлада с Думою. Военная история учит, что много сражений было проиграно потому, что полководцы составляли себе предвзятое представление о предстоящем сражении. На деле же выходит иначе, и тогда являлась растерянность, приводившая к поражению. Мы должны быть обеспечены от этого. Необходимо теперь же, раньше, чем мы будем вовлечены в думскую игру, построить, так сказать, вторую оборонительную линию фортов, на которой и произойдет действие тогда, когда удержаться на первых позициях будет невозможно. Только ясное сознание, полная убежденность, что эти вторые позиции правильно избраны и надлежащим образом укреплены, обеспечит вашим слугам и спокойствие духа и полную уверенность в работе. Это необходимо как на тот случай, что дело с Думой сладится, ибо обеспеченный тыл предохраняет нас от всяких недопустимых компромиссов и роняющих достоинство правительства соглашений, так и в том случае, к сожалению, более вероятном, если бы совместная работа с Думой оказалась невозможной.

То, что я позволяю себе говорить, не есть призыв к двоедушию и к макиавеллизму²³⁶. Это реальная политика предвидения, это, государь, Ваш царственный долг...

— Вы обо всем этом говорили с П.А. Столыпиным?

— Нет, государь! И не говорил я потому, что Петр Аркадьевич настолько поглощен своею реформаторскою мыслью и на-

столько желает осуществить свои планы, при содействии Думы, что у меня прямо-таки духу не хватило направлять его на путь столь необходимого, однако, раздвоения мысли.

— Вы, может быть, правы.

— Но я прошу разрешения Вашего Императорского Величества настоящий разговор передать во всей подробности Петру Аркадьевичу.

— Конечно.

— В чем же, Ваше Императорское Величество, должна заключаться эта вторая оборонительная линия, на которую я позволяю себе указывать? Скажут, пожалуй, если 2-я Дума окажется революционной и неработоспособной, то и надо будет повторить то, что было сделано 9 июня 1906 года²³⁷. Но в том-то и дело, что простой роспуск Думы ничего не разрешает и вывести Россию из заколдованного круга революционной смуты не может. Вы не можете, государь, Россию, так сказать, разыграть третий раз в избирательную лотерею. Россия Вам этого не простила бы. Подумайте, государь, о той огромной массе населения, которая активно себя не проявляет, но отлично чувствует, что она отдана на съедение политиканствующей братье. Как! — скажут эти люди, — краткая только передышка, а там опять выборная сатурналия, где мы окажемся бессильны против происков организованных шаек революционеров всяких толков! Да, подумайте, государь, о том положении, в котором окажется Ваше правительство, коли роспуск 2-й Думы будет простым сколком роспуска первой. Опять сесть законодательствовать по ст. 87 Основных законов! Да, Вы не найдете министров, которые бы согласились выполнить настолько же тернистую, как и бесплодную задачу. Нет, государь, роспуск 2-й Думы, если от этого ожидать государственной пользы, должен быть поворотом в нашей политике. Теперь ведь до очевидности ясно, что зло в нашем положении не в том, если позволите прибегнуть к сравнению, — что паровоз не функционирует правильно, а в том, что паровоз стоит на рельсах, упирающихся в тупик. Чтобы достигнуть цели, чтобы организовать представительство, необходимое России, надо дать задний ход, дабы выйти на путь, идущий вперед, но идущий туда правильным ходом. Роспуск 2-й Думы должен быть связан с установлением нового режима, конечно, далеко не окончательного, но настолько ясно намеченного, чтобы он служил переходною стадией к будущему российскому строю.

В сих видах я считал бы безусловно нужным следующее:

1) Издание нового избирательного закона.
2) Созыв, на основании сего закона, новой Думы, в срок, не ближе года, дабы правительство имело возможность вести борьбу с террором, вне непосредственных забот о думских притязаниях.

3) Сохранение, при роспуске Думы, Государственного Совета в качестве законосовещательного органа. В каком порядке следует издать новый избирательный закон? Кто говорит, что для этого следует созвать Земский Собор. Но ведь это из области политического романтизма. Что может быть в действительности сегодня Земский Собор? (Государь и я en unison* ответили на это – «собрание бояр в пиджаках»). Государственный Совет? Но ведь Государственный Совет имеет один, весьма существенный, в отношении выполнения предполагаемой задачи, недостаток. В нем слишком много лиц – поклонников политических формул. А тут не в формулах дело, а в осуществлении высокой степени практической задачи.

Остается, следовательно, одно только – выработка закона существующим правительством, при содействии выбранных ad hoc** лиц. Закон же надо издать одновременно с роспуском Думы, создавая тем в этот момент fait accompli***, что и даст обществу твердую почву.

Необходимо, государь, чтобы Вы повелели всем этим заняться теперь же, чтобы все до мельчайших подробностей было готово до собрания Думы. Раз начнется думская суতোлка, будет поздно заниматься делом, требующим первее всего полнейшего спокойствия и хладнокровного политического анализа.

Государь меня выслушал очень внимательно и сказал, что о многом из того, о чем я говорил, он уже сам думал, но что мое изложение стройно излагает всю предстоящую к решению проблему. Государь упомянул и о том, что Крыжановскому поручена выработка нового избирательного закона. Указания же на какое-либо принятое решение в словах и в тоне государя не было.

На следующий день я передал Столыпину мой разговор. “Vous enfoncer une porte ouverte”****, – сказал он мне, не входя, однако, в существо вопроса. Ясно было, что мысль о системати-

* В унисон (фр.) (Прим. ред.).

** Специально (лат.) (Прим. ред.).

*** Свершившийся факт (фр.) (Прим. ред.).

**** Вы ломитесь в открытую дверь (фр.) (Прим. ред.).

ческой работе в два фронта представлялась ему антипатичной, или, вернее говоря, выходит за границы его природы.

Тем не менее, в ближайшем закрытом заседании Совета премьер Столыпин вкратце повторил то, что я ему передал из моего разговора с государем, как бы в качестве программы, исходящей от него, Столыпина. Этим беглым и случайным заявлением все, однако, и кончилось, и хотя после того я несколько раз возвращался к поднятому мною вопросу — каждый раз дело тушилось заявлением вроде того, что о том, что предстоит делать в будущем, «даже своей подушке говорить нельзя». Эта наивная таинственность в оберегании секрета полишинеля²³⁸ продолжала господствовать в нашем кабинете и во время думской сессии, когда не утратившая смысл печать вопила о неработоспособной Думе, — о «Думе народного невежества», как назвал ее гр. Бобринский²³⁹, — и о необходимости изменения нелепого выборного закона.

У государя я был за несколько дней до открытия думской сессии²⁴⁰. Прощаясь со мной, государь сказал: «До свидания, до Думы.., а может быть, и после Думы». То же государь далее еще и фирмативно²⁴¹ сказал мне после всеподданнейшего доклада 23 марта. Отправляясь к этому докладу, я о нем предупредил Столыпина, сказал ему, что разговор с государем может коснуться общей политики; что ввиду этого я желал бы знать, какого курса намерен держаться он, Столыпин. Я прибавил, что буду очень рад, если наша точка зрения окажется общей; но что ни в каком случае я с государем не буду говорить в ином смысле, как в том, какой я признаю правильным. Главная опасность, сказал я Столыпину, заключается в том, что, оберегая Думу, которая служит очагом для революционного настроения и движения, Вы неминуемо подготавливаете такую реакцию, которая сметет и народное представительство, и всякие реформаторские начинания. Я бы желал, чтобы Думу распустил не какой-нибудь генерал-майор Отчаянный, а Вы, потому что в таком случае будет вера в разумную прогрессивность. Но мне бы хотелось знать одно: принадлежите ли Вы к числу тех, кто допускает мысль о возможности настоящую, невежественную Думу путем, так сказать, парламентской врачебной гимнастики обратить в работоспособный законодательный орган? Со своей стороны такую мысль я признаю верхом политического симилизма²⁴², и притом до крайности опасного. К тому, чтобы поставить этот вопрос, я имел полное основание, потому что теорию о Думе, как о школе конституционализма для страны, и о

пересоздании 2-й Думы в трудоспособный парламент, — проповедовал на все лады Александр Столыпин в его донельзя пошлых заметках, печатаемых в «Новом времени». Нельзя же было в этих заметках не искать отголоска мыслей премьера.

П.А. Столыпин уверил меня, что он окончательно убежден в негодности Думы, никаких надежд на нее не возлагал и не возлагает, что роспуск лишь вопрос времени. Когда наступит момент роспуска — это уже дело лично мое, моего внутреннего сознания. Тут нужно или верить мне, или довериться кому другому. В этом отношении я никаких трансакций²⁴³ допустить не могу, и кто не согласен мне подчиниться, тот должен, невзирая на дружбу и на личное уважение, отойти в сторону.

Подчеркивать это, сказал я, нет надобности, я столь же мало готов идти в одной упряжи с лицом, держащим неправильный, по моему мнению, курс, как и Вы.

В беседе со мною Столыпин произвел на меня впечатление странное. Он, конечно, принадлежит к породе политических мистиков, верующих в наитие. Требуя доверия себе, он, по-видимому, не понимает, что доверие может основываться только на политически проанализированном плане. «Я верю в свою звезду и в безошибочность своих инструкций. Уверуйте и вы или отходите в сторону». Вместе с тем успехи Столыпина на думской трибуне, видимо, мнят его с самою Думою. У него все более стало проявляться какой-то морбидное²⁴⁴ влечение к Думе, словно похоть беременной женщины. Нервная ненависть, легко переходящая у эксцентричных женщин во влюбленность, все более овладевала им и в отношениях к корифеям кадетской партии. Передавая в Совете о своих телефонных беседах и о свиданиях с Челноковым²⁴⁵, Гессеном²⁴⁶ и Головиным²⁴⁷, в бедном Столыпине проявлялось какое-то кокетство удовольствия, ни дать ни взять, дамочка, повествующая о своих флиртах.

В разговоре с государем 23 марта я сказал приблизительно следующее: «Политика правительства, в отношении к Думе, заключающаяся, по-видимому, в том, чтобы довести страну до надлежащей думской сатурналии, может продлиться до какого-нибудь открытого революционного выступления».

Тактика эта не лишена некоторых неудобств и даже опасности.

Во-1) пока министерство «бережет Думу», оно в глазах многих остается в сильном подозрении политической наивности и даже недомыслия. Правительству приписывают несуразную мысль

Думу обратить в «работоспособное учреждение»; такое же предположение роняет правительство в глазах людей трезвой политической мысли.

Во-2) никогда не знаешь, что может случиться, пока правительство, напрягая все старание к тому, чтобы найти общий с Думою язык, ослабляет бдительность в сторону революции. Как, например, поступить со всегда возможными антиеврейскими движениями в Западном крае? Тут недалеко и до междоусобицы, и каково будет положение правительства, если бы ему пришлось, оберегая евреев, укрощать русских людей? Вот почему затягивать совершенно неотвратимый роспуск Думы — опасно. С этим согласился государь, на мое же возобновленное указание насчет необходимости подготовить роспуск в том порядке, как было говорено 13 января, государь не отвечал, и, насколько я мог заметить, мои настояния показались ему назойливыми.

Когда собралась в конце февраля Дума и ее физиономия определилась, мне показалось, что момент ее роспуска должен будет наступить в исходе 6-й недели Великого поста. Такое предположение основывалось на естественном развитии думской психологии: сперва надо думцам снюхаться, потом друг друга раскачать, выработать при растущей наглости надлежащую тактику выступления. Определяя срок роспуска непосредственно накануне пасхального перерыва занятий²⁴⁸, я руководствовался и убеждением, что у правительства не угасла же последняя искра предусмотрительности; чего ради отпускать депутатов на агитационные гастроли на места? Раз от Думы нечего ждать, то к чему же содержать на казенный счет революционных агитаторов, которым руки будут совершенно развязаны во время праздников?

В расценке прогрессивного раскачивания Думы я ошибся всего на несколько дней. В понедельник на Страстной, по поводу обсуждения какого-то проекта о контингенте, социал-демократ армянин Зурабов²⁴⁹ в своей речи оскорбил армию²⁵⁰, а председатель Головин усугубил еще гнусную выходку кавказца²⁵¹.

В Думе произошла невероятная перебранка. Присутствовавший в заседании военный министр²⁵² демонстративно покинул зал со своим штабом. Щегловитов, Философов и я удалились вместе с ними. Растерянный Головин прибыл к нам в павильон и стал пробовать уладить дело. Я принял этого жалкого господина на рогатину: «Вы должны понять, г-н Председатель, что дело не столько в армянине, сколько в вашем отношении к этому возмутительному делу. Нет парламента в мире, где бы председатель не

сумел бы дать грозный отпор оскорблению, нанесенному национальной армии. Вы допустили то, что нигде бы не было мыслимо!» Оставляю в стороне все перипетии этого злополучного дела, которое, благодаря столыпинской тактике беречь во что бы то ни стало Думу, не получило неблагодарного для сей последней исхода. Отмечу только следующее: вернувшись в 8 часов домой из Думы, куда я поехал в 11 часов утра, и, зная, что А.Ф. Редигер²⁵³ должен быть на следующее утро у государя с докладом, я написал военному министру следующее письмо:

«Простите, что я решаюсь беспокоить настоящим письмом, но меня мучит опасение, что при докладе государю императору о сегодняшнем заседании Думы и возмутительном там инциденте, Вы могли бы не уделить достаточно внимания тому, что происходило в Думе, раньше чем разыгрался этот инцидент. Имею я в виду тот способ защиты законопроекта о контингенте со стороны некоторых из влиятельных членов Думы, которые по данному делу выступали в качестве “сторонников правительства”».

Типичным в этом отношении оказались в особенности г.г. Кузьмин-Караваев²⁵⁴, Кутлер²⁵⁵ и представитель польского кола Кониц²⁵⁶: «Подчеркнув с особенной злобностью всю свою ненависть к русскому правительству, поименованные ораторы, вызвали этим аплодисменты врагов правительства, милостиво затем изъявили согласие на принятие законопроекта, главным образом потому, чтобы не дать правительству основания к роспуску Думы по одиозному для сей последней поводу». Можно ли себе представить положение более чудовищное: правительство не нуждается в согласии Думы для призыва новобранцев, и, тем не менее, оно покупает это согласие ценой тех унижительных для него речей, которые пришлось выслушать от открытых врагов русской государственности и народности. «Остаюсь при глубоком убеждении, что пока у нас не будет Думы, способной оберегать честь и достоинство русского знамени, знамя это должно быть вне досягаемости людей, не имеющих права именовать себя “народными представителями”». Письмо это, как сообщил мне А.Ф. Редигер, на следующий день было им показано государю, который по этому поводу заметил, что он меня по этому письму узнает. Вечером было заседание Совета, на котором Столыпин, побывавший днем в Царском Селе, сообщил, что государь передал Совету министров решение вопроса, распускать или нет Думу по поводу зурабовского инцидента.

Насколько мне помнится, я первый ответил на поставленный вопрос, высказавшись за роспуск. При этом было указано на

то, что зурабовскому инциденту я придаю значение второстепенное; роспуск Думы необходим потому, что от нее никакой полезной работы ждать нельзя; опасность же ее, как революционного очага, растет со дня на день. Продолжать бессмысленную игру шахматную с Думой — значит только отодвигать тот момент, когда для правительства, развязавшегося с Думой, откроется возможность заняться систематической работой устройства наших дел.

Никто из коллег к моему мнению не присоединился. Затрудняюсь изложить сколько-нибудь ясно аргументы моих оппонентов, среди коих постоянно и вплоть до самой последней минуты отличался особенно многоречивостью и думопреклонением Д.А. Философов. Тут роль играло и идолопоклонство конституционной формуле и какие-то расчеты на возможность образования «работоспособного центра», на что могло бы опираться правительство. По поводу этого «работоспособного центра» в одном из последующих заседаний рекорд побил добрейший кн. Васильчиков, объяснивший нам, что при некоторой политической ловкости правительства такой центр мог бы быть образован по следующему рецепту: «кадеты, сдобренные октябристами, с подсыпкою правых, плюс польское коло и мусульманское коло». Оба эти коло должны быть «куплены» — чем? Этому почтенный князь, видимо, придавая этой стороне дела второстепенное значение, не объяснил. Записываю этот инцидент не без некоторого смущения. Если эти заметки со временем будут кем-либо прочтены, то читатель с трудом поверит, что такого рода детские суждения могли высказываться в русском Совете министров в эпоху величайшего, как надо было бы думать, напряжения государственной мысли. К сожалению, эта мысль действительно рождала элукубрации, вроде только что отмеченной. Комбинация, вроде придуманной кн. Васильчиковым, всегда находила отзывчивое отношение со стороны моего соседа А.П. Извольского, вынесшего из долгого пребывания в конституционных странах непоколебимое убеждение, что вся соль парламентской политики заключается в ловких коалиционных маневрах. Сколько ни твердил я маститому дипломату, что все его утонченности ни к месту в «парламенте», где заседают Нечитайло²⁵⁷, Пьяных²⁵⁸, Пройда²⁵⁹, Али-Баба и 40 разбойников, полсотни смертоубийц и т. д., что не следует, как говорят французы, «prendre des vessies pour des lanterns» (считать черное белым), он был непоколебим и, сардонически²⁶⁰ посматривая на меня через одноглазку, ясно давал мне понимать, что в политике я ни бельмеса не понимаю. Бывши все время стойким

поборником неприкосновенности Думы, А.П. Извольский стал склоняться к идее о роспуске под влиянием одного события, о котором он, придя раз в Совет, сообщил нам с видимым оживлением: «Я все время, — сказал он, — был против роспуска Думы, потому что не усматривал для этого таких причин, которые могли бы убедить Европу в корректности русского правительства. Но вот на днях в Португалии парламент был распущен без всяких поводов и причин. Просто потому, что он оказался ни к чему не годным. Мне кажется, что ввиду такого прецедента и для нас было бы возможно поступить по примеру Португалии...» Возвращаясь к нашему заседанию 18 апреля и полагаю, что в основе всех указанных суждений лежал все-таки тот паралич воли, то уклонение от твердых и быстрых решений, которые, как болезнь, заразили всех наших современных политических деятелей. Куропаткинская²⁶¹ тактика! Не опережать события, с тем, чтобы господствовать над ними, а ожидать, пока толкающие вас события не навяжут вам решения... Почитаю, однако, долгом выдлить мое мнение, заявленное В.Н. Коковцовым. «О роспуске в настоящий момент, — сказал он, — нельзя и говорить, по той причине, что мы к роспуску не подготовлены. Та подготовительная работа, о которой у нас заговаривали, но всегда не иначе, как прикладывая перст к губам — не сделана; да к ней даже и не приступали. Поэтому, поневоле, вопрос о роспуске приходится снять с очереди. С этим, понятно, должен согласиться и я». И, таким образом, Совет вынес единогласное решение о нероспуске Думы.

Тут, однако, Столыпин заявил, что вопрос об условиях роспуска должен быть поставлен на ближайшую очередь самого тайного «конспиративного» обсуждения. Столыпин при этом начал с того, что, конечно, весь план этого дела у него готов с первого дня думской сессии; что если бы он не подготовился, то его прямо-таки надо бы повесить; и что Крыжановский уже подготовил три разных схемы избирательного закона. Решить, на какой из этих схем остановиться — это дело двух вечеров, ибо мудрить в деле этом не приходится; все должно обойтись без профессоров и без экспертов.

Признаюсь, что в жизни мне не приходилось выслушивать более легкомысленного заявления. Столыпин, видимо, все сводил к изданию нового избирательного закона, не понимая, или делая вид, что не понимает, что далеко не в этом дело, что надо же когда-нибудь высказаться о самых основах преследуемой политики.

Однако и после решения приступить к делу все продолжало идти тем же медленным темпом, как будто мы не находились под дамокловым мечом ежечасно могущего разыгаться думского инцидента, который вопрос о роспуске снова бы поставил ребром. Лишь неделю спустя мы собрались на первое «конспиративное» заседание.

В промежутки, в пятницу на Страстной, растущий антагонизм между Столыпиным и мною привел к разговору с ним, очень сдержанному по форме, но крайне резкому по существу. Ссылаясь на доходившие до него рассказы об обсуждении мною всей его политики, Столыпин прямо заявил мне, что мне следовало бы выбыть из кабинета. Я думаю, что на месте Столыпина я поступил бы так же, однако несколько иначе. Стоя во главе солидарного министерства, я бы постарался поставить дело так, чтобы самая эта солидарность не была пустым звуком. И первее всего я бы вложил всю душу свою в то, чтобы свою политическую линию сделать действительно общим лозунгом всех коллег. Стоять же около государственного руля в столь грозное время и чувствовать во всех действиях кормчего дряблую нерешимость и вечное страшное желание покорить сердца противников уступчивостью — это тягчайшее наказание!

И почему бы, действительно, думал я, не отойти в сторону? Влиять я сколько-нибудь на Столыпина потерял возможность. Ввиду глубочайшего различия не столько в нашем мировоззрении, сколько в приемах мышления — возможность та едва ли даже когда-либо существовала. За что же мне нести ответственность за политику, которая, в лучшем случае, является бесцельным вращением в круге, а в худшем грозит роковыми последствиями? Если я не поддаюсь этим мыслям, то потому, что мой выход из кабинета был бы учтен общественным мнением как торжество кадетствующего в нем направления. Затем, невзирая на это, я согласился бы уйти, но не при тех условиях, какие создавались разговором со Столыпиным. Дело было бы истолковано так, что меня выжили из-за моей несговорчивости, из-за того, что я будто подкапывался под Столыпина и т. д. Коли уходить, то не иначе, как по делу или вопросу, ясно показывающему, что не в личных счетах дело, а по коренному разногласию, ясному для всякого.

Вот почему я очень спокойно сказал Столыпину, что я против оставления своего поста ничего не имею и предоставлю ему доложить государю о причинах, по которым перемена в составе

кабинета необходима. Столыпин моментально дал отбой, и этот разговор, продлившись еще с полчаса, внешним образом как бы замел следы только что обнаруживавшегося разрыва. Вскоре после этого произошел в Совете более резкий инцидент личного порядка.

Столыпин произнес в Думе свою программную речь по аграрному вопросу²⁶². Я не касаюсь существа этой крайне неудачной речи, в которой резко обнаружилась растущая двусмысленность столыпинской политики и его желание, во что бы то ни стало, перекинуть мостик в сторону революционных аграрных притязаний. Об этой речи Столыпин в Совете не совещался и сочинил он ее накануне заседания вместе с кн. Васильчиковым. В речи был, между прочим, *passus** по адресу Крестьянского банка такого содержания, что обвинения банка, заявленные в Думе, он, Столыпин, признает достаточно вескими.

Явившись в заседание Совета, В.Н. Коковцов сделал сперва какое-то безразличное заявление, объяснил, что ничем не мотивированная критика учреждения, за которое он отвечает, представляется тем более недопустимой, что отрицательные суждения о банке были произнесены без всяких предупреждений и предварительных объяснений. Свое дальнейшее пребывание на посту министра финансов Коковцов признает после этого невозможным и потому просит Столыпина доложить государю просьбу об увольнении, которую он тут же вручил премьеру.

Коковцов, невзирая на огромное внутреннее волнение, сохранил полное самообладание. Не так Столыпин, в котором, видимо, прорвалось все затаенное озлобление против Коковцова. У него прорвалась фраза в таком роде: вы воспользовались этим инцидентом, не имеющим вовсе того характера, какой вы приписываете ему, чтобы поставить меня в затруднительное положение в пору наиболее трудную! Столыпин принял письмо, показал этим, что вовсе не намерен принять на себя инициативу примирения.

Я пустился в посредничество. Указав сначала на то, что при некоторой снисходительности была бы полная возможность слова, сказанные о Крестьянском банке, подвести под общую самокритику правительственного аппарата, я указал главным образом на то, что в настоящий момент, когда нам предстоит обогнуть мыс «бурь», никто из экипажа не вправе уклоняться от вахты и что,

* Шаг, раздел, пункт (нем.) (Прим. ред.).

как бы ни расценивать инцидент по существу, развязка его должна быть отложена до поры, когда, обогнувши наиболее опасные рифы, мы увидим перед собою открытый океан, с успокаивающимися, как все мы надеемся, волнами, а, быть может, набегающий шквал.

Коковцов отозвался на мою мысль, изъявив готовность на заключение перемирия, впредь до разрешения ближайшей политической задачи.

Вот при каких обстоятельствах начались в первых числах мая наши «конспиративные» совещания. Я должен, прежде всего, отметить одну особенность этих совещаний: они не оставили по себе никакого видимого следа. В совещаниях участвовали одни только министры: устранен был даже управляющий делами Совета Н.В. Плеве²⁶³, искуснейший протоколист и бытописатель обычных наших заседаний. Вероятно, некоторые из коллег составят заметки о прениях, происходивших в «конспиративных совещаниях». Это будет все, что от них перейдет в потомство: ни журнала, ни мемории²⁶⁴, ни протоколов составлено не было; и государю о результатах наших занятий доложено было на словах Столыпина. Не думаю, чтобы насчиталось много случаев в истории принятия столь решительной меры, при столь безусловном отсутствии того, что могло бы дать потомству понятие о происходивших суждениях и о возникавших по делу разномыслиях.

К сожалению, мною не было сделано заметок по каждому отдельному заседанию. Возможно поэтому в последующем изложении ход наших прений изображен в порядке несколько более систематическом, чем он был на самом деле. Со стороны Столыпина явственно господствовало стремление ограничить наши суждения принятием одной из трех избирательных схем, подготовленных Крыжановским. При этом в первых заседаниях получалось такое впечатление, что момент роспуска Думы отошел вдаль, ибо разговоры все опять сбивались на возможность образования работоспособного центра, на какие-то совещания с вожаками кадетов, на утверждение бюджета, на меры предосторожности при летнем ваكانте²⁶⁵ Думы. Столыпин опять пожал сомнительные парламентские лавры своею речью по аграрному вопросу и, видимо, прислушивался к пению кадетских сирен. Меня коробила та бесцеремонность, с которою всякие Челноковы, Струве и Гессены вызывали Столыпина к телефону, и мне все более и более представлялось, что нужен будет какой-нибудь из ряда выходящий скандал, дабы вынудить его расклепиться с Думою. Насколько в Сто-

лыпине живо было думофильство, это доказывают, между прочим, крайне бестактичные «заметки» его брата Александра.

По настоянию Коковцова, моему разбору избирательных схем было предпослано суждение по двум коренным вопросам: 1) следует ли издание нового избирательного закона связать с самым роспуском Думы, и 2) какой должен быть промежуток до созыва 3-й Думы?

Поставив эти вопросы, Коковцов предварительно имел по ним подробную беседу с государем, причем самым решительным образом высказался за то: чтобы избирательный закон, келейно разработанный а quatre mains* Крыжановским и Столыпиным, не был поднесен к утверждению государя, но чтобы в указе о роспуске Думы был лишь указан срок ее созыва (по мнению Коковцова, в январе—феврале 1908 г.) и было бы объяснено, что выборы будут произведены по закону, который Государственным Советом будет поднесен на утверждение государя. Засим, по мысли Коковцова, Государственный Совет не должен был быть распущен в междудумье, но должен был бы функционировать в качестве законосовещательного органа. Я к этой схеме присоединился, несмотря на то, что проведение избирательного закона через Государственный Совет не согласовалось с теми предположениями, которые я излагал государю 13 января. Но в то время речь шла о безотлагательной выработке закона, без всякой, однако, торопливости, ибо до думской сессии оставалось еще времени шесть недель. К тому же я тогда имел в виду выработать закон не одним только кабинетом, но и лицами, особенным царским доверием призванными к этой работе. Теперь же, подошедши вплотную к роспуску Думы, разработка выборного закона становилась, практически говоря, равнозначащею октроированию закона, подготовленного Крыжановским, без всякой возможности обдумать дело и критически к нему отнестись. Вот почему я вправе был сказать Столыпину в одном из первых «конспиративных» заседаний, что нам приходится собак кормить, когда уже пора выступать на охоту; что мы своевременно заблаговременно не подготовились к предстоящему экзамену.

Столыпин таким заявлениям был очень раздражен. Видимо, что он этот закон, который промелькнул лишь перед кабинетом, ставил гвоздем всей своей политики *coup d'état***, проведенным

* В четыре руки (фр.) (Прим. ред.).

** Государственный переворот (фр.) (Прим. ред.).

им в полнейшей самостоятельности по какому-то едва ли не диктаторскому полномочию.

Свою точку зрения я развивал в Совете подробно. Было признано, что роспуск Думы с провозглашением нового избирательного закона есть *coup d'état*, но что без такового выйти из заколдованного круга, созданного нелепым избирательным законом гр. Витте, нет возможности. Все, следовательно, были согласны с тем, что нам надо подать государю совет произвести этот *coup d'état* с принятием перед страной и историей всей ответственности за этот совет.

Затем мои суждения были таковы: делать *coup d'état* только ради того, чтобы исправить дефекты избирательной системы и, притом, действуя в сем отношении наспех и, так сказать, ошупью, — было бы крупной политической ошибкой. Это все равно, как бы решаться на операцию и ограничиться тем, что поцарапать кожу пациента. Мы, 13 человек, отрезанных нашей келейностью от всякого общения с посторонним государственным опытом, мы слишком рискуем тем, что государя стесним в принятии более действительных мер, чем одно только исправление избирательной системы. Мы, несомненно, дошли до поворота: страна, вся здравомыслящая часть населения, поняла, что не одно только избирательное производство нуждается в исправлении, но что не менее важно исправить самый думский строй для того, чтобы Думу эмансипировать от гнета черни и инородческих элементов.

Разве можно такую расширенную задачу решить келейно, в руку лиц, утомленных текущею работой? Мы заграждаем государю идти к более полному и разумному повороту. Повороту не в сторону абсолютизма, а в сторону устройства представительного строя, глубоко скомпрометированного первою и второю хулиганскою Думою. То, что нам предлагает П.А. Столыпин, — это не более как политический *coup d'état*. Разъединив оба шага — роспуск и издание избирательного закона, — мы дали бы монарху возможность использовать момент для действительно созидательной работы, для создания нового русла государственной жизни России.

Главнейшее и несколько раз повторенное возражение Столыпина на мое предложение заключалось в том, будто его исполнение вызовет такую всеобщую бурю, которая прямо-таки сметет Государственный Совет. «Никто из нас до Государственного Совета не доедет», повторял Столыпин; «Совет взорвут бомбами!»

Эти возражения показались мне прямо-таки недобросовестными. «Понять не могу, — сказал я, — такие опасения». Верно то,

что предложение будет более одиозно для кадет. Но ведь кадеты, сколько бы они ни были возмущены, сами бомб не бросают. Для бомбовщиков же, для которых министерство Маклакова²⁶⁶ мало бы отличалось от министерства Столыпина, я думаю, совершенно безразлично, в каком порядке будет издан избирательный закон. Да надо же, наконец, бросить опасения насчет впечатления и оценки действий и решений правительства со стороны крайних партий и кадет и считаться с оценкой огромной массы населения, пострадавшего от революции и политической агитации. Ведь масса населения, при всем своем безразличии, не может не отнестись отрицательно к закону, составленному келейно и наспех, и не может не почувствовать успокоений, узнавши при роспуске Думы, что новая избирательная лотерея не начнется тотчас же и что сами условия выборов должны быть установлены в обычном совещательном порядке.

Прения по вопросу о порядке издания избирательного закона привели к следующему делению голосов: 1) Коковцов и я, как объяснено только что. 2) Братья Извольские — объявить о роспуске, ничего не говоря об изменении закона. Затем, смотря по общественному настрою, какое обнаружится — издать новый закон, или остаться при старом. 3) Щегловитов — третью Думу созвать по старому закону. Тут главным аргументом послужило заявление, с которого Крыжановский начал свой доклад о подготовленных избирательных схемах — что нет той схемы, которая могла бы обеспечить консервативные выборы; и что пока общество останется настроенным революционно, и выборы, какой бы ни издай закон, будут революционными. 4) Все остальные министры примкнули к мнению Столыпина, причем очень характерной оказалась позиция Философова; он предлагал решение вопроса оставить открытым впредь до момента роспуска, — а там решить, произвести ли выборы по старому или по новому закону. «Как же так, — спросили его, — тогда же — в одну ночь и составить этот закон?»

Установивши такое разномыслие, было решено, что Столыпин о нем доложит государю и передаст общую нашу просьбу, чтобы Его Императорскому Величеству благоугодно было окончательно решить вопрос в заседании под личным своим председательством, усилив состав Совета министров приглашением некоторых членов Государственного Совета. Тут же был составлен список лиц, коих Столыпин рекомендует вниманию государя. В этот список попали: Горемыкин, Акимов²⁶⁷, Голубев²⁶⁸, Гончаров²⁶⁹, Ермолов²⁷⁰, Самарин²⁷¹, Пихно²⁷², кажется, Витте и некоторые дру-

гие. Условились еще о следующем: что никто из нас не должен поднимать портфельного вопроса в том случае, если его мнение не принято государем. Государь же не должен быть стеснен в своем решении соображениями персональными. Каждый из нас наперед подчиняется решению государя и будет продолжать участвовать в обсуждении дела, хотя оно и шло бы в ином против его мнения направлении.

Я было предложил, чтобы о нашем разногласии был составлен журнал или мемория. Не потому, сказал, чтобы кто из нас сомневался в полной объективности передачи наших мнений председателем, а потому только, что недопустимо, чтобы о деле столь крупного исторического значения не сохранился бы след. На это Столыпин отвечал с нескрываемою запальчивостью: «С этим я никак соглашаться не могу! Какая цель такой мемории? Желание иметь оправдание для себя на тот случай, что решение, состоявшееся в пользу наших противников, привело к неудовлетворительным результатам!» После этих прений мы перешли в присутствии Крыжановского к рассмотрению его избирательных схем.

Но в промежуток между заседаниями, посвященными этому вопросу, произошел инцидент, который решительнее и быстрее, чем намечал Столыпин, привел к роспуску Думы. В воскресенье 20 мая мы были экстренно созваны в заседание, в котором Щегловитов и приглашенный им прокурор судебной палаты Камышанский²⁷³ сообщил о результате разбора бумаг, найденных в квартире члена Думы Озола²⁷⁴ при обыске 8 мая.

О деле этом я не пишу, так как все сюда относящееся изложено в постановлении судебного следователя о привлечении к следствию членов социал-демократической партии, прочитанном в Думе 1 июня²⁷⁵.

21 мая вечером я был у государя с всеподданнейшим докладом и в течение целого часа объяснял Его Императорскому Величеству нашу, мою и Коковцова, точку зрения в вопросе роспуска Думы и издания избирательного закона. Я указывал на то: 1) что издание закона без надлежавшего его обсуждения — недопустимо; получится впечатление важного государственного акта, принимаемого как бы украдкой. «Это будет, — сказал я, — простите, государь, откровенное слово, не по-царски!»* 2) что окру-

* Я должен объяснить здесь разноречье между теперешними предложениями и теми, которые я делал 13 января, когда я высказался за автономное издание избирательного закона без Государственного Совета. В то время я имел в виду подготовку этого дела таким составом лиц, которые de facto явились бы тем же Го-

жать дело особенной таинственностью не следует. Напротив, слух о подготовке нового избирательного закона должен был бы просачиваться во всеобщее сведение. Ведь Россия ждала этот закон, как манну небесную. Игра в жмурки тут была совсем неуместна. Удастся все то, что несколько подготовлено в общественном сознании. К чему же поэтому весь так называемый *coup d'état* суживать? При столыпинской комбинации царская власть лишает себя возможности использовать все шансы данного момента для более прочного шага в устройении России. 3) Опасение, что революция сорвет работу Государственного Совета, что никто из нас даже до Михайловской площади не доедет — лишены всякого основания; их даже можно назвать вздорными. 4) Нельзя управлять без учреждений. В Государственном Совете начала формироваться крупная работоспособная группа, с определенным политическим направлением. Роспуск Государственного Совета и его бездействие приведут этот орган к окончательной атрофии. 5) И, это едва ли не наиболее существенное, — нельзя тотчас же ввергать Россию в новую избирательную пляску, да притом еще осенью, в пору, которая с психологической и бытовой точки зрения наиболее благоприятствует революционным сплочениям и выступлениям. «Это все равно, что накладывать горчичник на воспаленное место».

Тут меня государь прервал: «Этого мне вам и доказывать не надо! Я сам слишком убежден в том, что пускаться, почти без перерыва, в новую избирательную кампанию было бы невозможно». В дальнейшем я говорил государю о необходимости, при принятии важных государственных решений, бросить этот вечный страх перед оценкою, какую эти решения встретят со стороны кадетов. Кадеты — это перекасти-поле; судьбы России решат не политиканы, а пока безмолвно дремлющие силы стихийного консерватизма страны.

«Посмотрите на море, государь, (мы сидели перед открытым окном) — оно неподвижно, спокойно; но какая в нем всеподавляющая сила. Сумейте поставить турбину для использования этой силы, и, как Архимедовым рычагом, Вы сдвинете Вселенную...»

Этот разговор, который государь испещрял оживленными вставками, был очень задушевен.

сударственным Советом, на котором я и настаивал теперь, говоря о проведении закона через Государственный Совет; кроме того, я и тогда думал, что избирательный закон далеко не исчерпывает всего того, что могло быть сделано для упрочения представительного строя (П.Ш.).

Прощаясь, государь крепко пожал мне руку и сказал: «Я вас благодарю, я вас душевно благодарю!»

В Петербурге после этого у нас стали перемежаться заседания с Камышанским по делу Озоля, которое должно было дать формальный повод для роспуска Думы²⁷⁶, и заседания для окончательного обсуждения вопроса о порядке издания выработанного закона.

Здесь, это было едва ли не на следующий день после моего разговора с государем — произошел такой инцидент: Столыпин объявил, что он в таком только случае останется министром, если государь примет его формулу: «Я могу, — сказал он, — играть только на своем инструменте; если меня до этого не допустят, то пусть государь выбирает другого».

Коковцов и я, мы были возмущены таким заявлением, шедшим вразрез с нашим соглашением. Оба мы и высказали и притом в словах довольно резких.

«Вы возобновляете то же давление на государя, какое на него произвел гр. Витте перед 17 октября?» — сказал я.

В зависимости от такой постановки, нас не удивило, что и мысль об окончательном обсуждении дела под личным председательством государя оказалась устраненною. Вместо этого, по повелению государя, окончательное обсуждение состоялось с привлечением членов Государственного Совета Горемыкина, Акимова, Ермолова и Булыгина²⁷⁷. В трех заседаниях был обсужден сперва вопрос о порядке издания избирательного закона, а затем и самый проект по существу. И тут ни протоколов, ни журналов составлено не было. Обсуждение было вяло и отнюдь не соответствовало важности переживаемого исторического момента.

За нашу формулу категорически высказался один только Горемыкин, стоявший при этом за созыв 3-й Думы не ранее октября 1908 г. Но он обессилил свою позицию тем, что, высказавшись за издание избирательного закона через Государственный Совет, он не устранился от рассматривания законопроектов по существу.

Очень слабым оказался Акимов. Я был у него между 1-м и 2-м заседаниями и вынес впечатление, что он мало понимает положение и только норовит, как бы уйти от нареканий, если бы в дело оказался втянут Государственный Совет.

Четыре представителя Государственного Совета оказались представителями импотентности учреждения. Тут не было и пробы выдвинуть Совет на подобающую ему роль. Все четыре при-

глашенные высказались за то, чтобы закон не издавать при самом роспуске; но такое мнение носило скорее академический характер, ибо разговоры о дальнейших путях осуществления терялись в песках вялых и нерешительных соображений.

Не буду излагать в подробности суждений по законопроектам — как раньше бывших в нашем тесном министерском составе, так и суждений с 4-мя приглашенными.

Крыжановским были разработаны 3 схемы*:

1) Проект, в котором начало куриальных выборов было доведено до конца.

2) Проект, так называемый «бесстыжий», где торжество консерватизма должно обеспечиваться численным преобладанием в губернском избирательном собрании (в губ. — мешке) землевладельческого элемента. (Этот проект в конце концов оказался принятым.)

3) Проект выбора депутатов земскими собраниями и городскими думами.

Этот проект был устранен с места, после двух—трех слов самого поверхностного суждения. Первые выборы по этой системе — так было сказано, и могут, пожалуй, оказаться консервативными, потому что теперь все земства поправили. Но земства могут и полеветь, и при тесной связи земства с Думою очень трудно будет сию последнюю распустить.

Отмечу то, что сказано было Крыжановским во вступительной речи по 3-й схеме: гарантии ни одна из них не дает, решает дело не избирательный закон. А общественное настроение, пока оно остается революционным, и Дума будет революционная, каков бы ни был издан закон.

О дальнейших суждениях по законопроектам распространяться не буду. Не скажу, чтобы они отличались глубиной. Да ведь краткость срока, самое задание создать не что-либо принципиально приемлемое, а лишь добиться того, чтобы обеспечить, хотя бы на сей раз, торжество умеренных элементов — ставило дело на своеобразную почву. Законопроект, отредактированный Крыжановским (не помню, к 1-й или 2-й схеме), раз был бегло прочитан на заседании. Окончательная редакция была делом Крыжановского, и закон мы увидели в готовом виде уже с подписью госу-

* Нельзя не остановиться на этой работе в три фронта. Крыжановский явился в заседание, как портной с разными образчиками материй для костюма на выбор. Какая цена «государственным работникам», готовым принимать к исполнению такие заказы? (П.Ш.).

даря «утверждаю», когда в ночь перед роспуском документ вернулся из Петергофа.

В понедельник 29 мая в (уже Елагинском) дворце Столыпин объявил нам, что государь окончательно согласился с его предложением. Тут же было решено Думе предъявить в пятницу 14 июня требование о привлечении к следствию Озоля и его сподвижников. Так оно и было исполнено, причем после этого заявления, носившего в представлении Думы характер ультиматума, Столыпин нам заявил, что для дачи ответа он даст Думе срок до субботы 6 часов вечера. Дума передала правительственное заявление в комиссию, и дело пошло в затяжку. В субботу в 10 часов вечера мы собрались на Елагином. Столыпин поставил вопрос: распустить Думу в воскресенье утром или ждать ответа думской комиссии, т. е. прибавить Думе лишний день жизни. За это очень распинался только что побывавший у Столыпина Михаил Александрович Стахович, объяснивший премьеру, будто роспуск Думы, после того, что последняя выдаст не всех, а только 8 обвиняемых, будет особенно для правительства выигрышным.

За придачу понедельника горячо, но сумбурно говорил Философов. Он напомнил мне M-me Dubarry²⁷⁸ на жаргоне с пресловутым «*encore un moment, monsieur le bourreau*»*. Наоборот, прямо-таки возмущался мыслью об отсрочке барон Фредерикс, впервые по этому делу поднявший голос в Совете.

Был приглашен полковник Герасимов²⁷⁹, начальник сыскного отделения, для освещения дела с точки зрения полицейской. Он категорически высказался за безотлагательный роспуск Думы. Тем временем дали знать Столыпину по телефону, что к нему едут кадеты: Маклаков, Челноков, Струве и Булгаков. Нас удивили эти негоциации *in extremis*** , и мы всячески уговаривали Петра Аркадьевича не терять времени с кадетскими эмиссарами. Однако он с этими просидел час и 20 минут.

Когда эта *entretiens**** кончилась, был уже второй час. Мы стали ждать возвращения из Петергофа курьера, посланного туда с манифестом и избирательным законом. Акты эти с подписью государя прибыли в 2 часа ночи. Приложено к ним было письмо государя, которое Столыпин прочел нам, не справившись сперва с его содержанием и не отдавая себя отчета, насколько государь

* Еще минуту, господин палач (фр.) (Прим. ред.).

** В последний момент (фр.) (Прим. ред.).

*** Переговоры (фр.) (Прим. ред.).

эксasperирован²⁸⁰ несчастною политикой «бережения Думы». «Утвердил только закон о выборах, так как приложения никогда не утверждались мною. Я ждал целый день извещений ваших о роспуске проклятой Думы. Но вместе с тем сердце чувало, что дело выйдет не чисто, а пойдет в затяжку. Это недопустимо. Дума должна завтра, в воскресенье утром, быть распущена. Решимость и твердость».

Шванебах П.Х. Записки сановника: Политика П.А. Столыпина и Вторая Государственная дума // Голос минувшего. 1918. № 3. С. 114–138.

В.И. МАМАНТОВ. «НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ»

Мамантов Василий Ильич (1863–1928) — государственный деятель, егермейстер (с 1904 г.). Окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1895–1900 гг. начальник канцелярии Главной квартиры. В 1900–1913 гг. товарищ главноуправляющего, а в 1913–1917 гг. главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по принятию прошений. С 1913 г. член Государственного совета. Входил в группу правых. Воспоминания посвящены службе В.И. Мамантова в Собственной Его Императорского Величества канцелярии по принятию прошений. Они были опубликованы в Таллине в 1926 г. Описываемые в публикуемом отрывке события следует отнести к 1909 г.

Обдумывая предстоявшее мне в ближайшее время назначение, вводившее меня в состав Совета министров, я упрекал себя в крайней опрометчивости, с которой я дал графу Воронцову²⁸¹ свое согласие²⁸², не узнав предварительно, как отнесется к моему назначению бывший тогда председателем Совета министров П.А. Столыпин. Чтобы исправить эту опрометчивость, я решил сам повидаться и переговорить до воспоследования Высочайшего указа. На сообщение мое о том, что государь уже изъявил согласие на мое назначение с оставлением меня в занимаемой мной должности, П.А. Столыпин сказал, что при наличии такого согласия, ему остается только преклониться перед Высочайшей волей и послать к подписанию Его Величества соответственный указ. «Но, — прибавил он, — если вы настаиваете на том, чтобы я высказал вам мое мнение, то я откровенно должен сказать, что, решительно ничего не имея лично против вас, считаю, однако, совершенно неудобным и нежелатель-

ным совмещением должности товарища главноуправляющего с званием члена Государственного совета. До настоящего времени был один только случай совмещения этого звания с должностью товарища министра, вызывавший в свое время крайнее неудовольствие как в Государственном совете, так и в составе Совета министров²⁸³. Такое же впечатление может произвести и ваше назначение, отразившись нежелательным образом на вашем положении в обоих учреждениях. Я, впрочем, могу и ошибаться, — прибавил он. — Дайте мне время переговорить со своими коллегами, после чего я буду уже в состоянии определенно сообщить вам, как отнесется к такому назначению Совет министров».

Через два дня после этого Столыпин передал мне, что Совет министров примет меня с «распростертыми объятиями», но лишь в том случае, если я откажусь от должности главноуправляющего канцелярией прошений²⁸⁴.

Мамантов В.И. На государственной службе. Таллин, 1926. С. 187–188.

Н.П. Муратов. «Во всем твердый и уверенный»

Муратов Николай Павлович (1867–1918) — государственный деятель, действительный статский советник (с 1908 г.), камергер (с 1912 г.). Окончил Училище правоведения. С 1889 г. кандидат на должности при Кутаисском окружном суде. С 1894 г. судебный следователь Ковровского уезда Владимирского окружного суда. В 1898–1900 гг. товарищ прокурора Владимирского окружного суда. В 1900–1903 гг. товарищ прокурора Московского окружного суда. С 1904 г. прокурор Тверского, а в 1906 г. — Ярославского окружных судов. В 1906–1912 гг. тамбовский губернатор. В 1912–1915 гг. — курский губернатор. С 1915 г. член совета министра внутренних дел, заведующий продовольственным делом. В том же году был назначен членом Государственного совета. Принадлежал к правой группе.

...На следующий день я получил письмо от Р[имского]-Корсакова²⁸⁵: он писал из Ярославля, вернувшись из Петербурга, после представления Столыпину, назначенному председателем Совета министров (министром внутренних дел он был раньше в кабинете Горемыкина). При рассказе о положении губернии и о лицах, которые его окружают, Р[имский]-Корсаков упомянул про меня. Столыпин, заинтересовавшись, спросил: «Не тот ли это, ко-

торый в Твери имел столкновение с Урусовым²⁸⁶ и был уволен по его и Лопухина²⁸⁷ проискам». После утвердительного ответа Столыпин как бы про себя сказал: «А я хотел бы с ним познакомиться». Сообщая этот свой разговор со Столыпиным, Римский-Корсаков советовал не терять времени и ехать в Петербург. Мы решили с женой сниматься всем домом, завести детей и мать жены в Ярославль, а самим в Петербург. Мы предчувствовали, что начинается что-то новое и что в Ярославль нам не вернуться. Решение, как всегда, у нас было быстро приведено в исполнение. В два дня мы собрались и выехали...

Приехав в Ярославль и узнав от Р[имского]-Корсакова почти то же, что он писал, мы выехали в Петербург и прибыли туда 18 июля. В тот же день мы поехали в Царское, где жили Ширинский-Шихматов²⁸⁸ и Рогович²⁸⁹. 12-го был прием у Столыпина, и хотелось накануне узнать, как и что. После рассказа моего о причинах, заставивших меня приехать, Ш[иринский]-Ш[ихматов] припомнил, что в бытность его обер-прокурором Св[ятейшего] Синода в кабинете Горемыкина весной того же года Щегловитов, только что назначенный министром юстиции, жаловался как-то в Совете министров на отсутствие у него подходящих кандидатов для прокуроров палат, на что Ширинский-Шихматов сказал, что, пожалуй, они найдутся, если не обращать внимание на служебный стаж, и указал на меня, рассказав мою тверскую историю²⁹⁰. Столыпин, бывший тут же, прислушивался к этому разговору, причем и ему Ширинский мельком сказал, что и для губернатора я, пожалуй, могу годиться. Этот рассказ был для меня большим сюрпризом уже потому, что хотя я и знал о дружеских чувствах ко мне Ширинского, но такая оценка его, зная о дружеских чувствах ко мне, не приходила мне в голову, а тем более не было мыслей, что ту же оценку он пустит в такой большой оборот.

19 числа утром (это был день прославления мощей преп. Серафима, о чем мы тогда не помнили) мы с женой отправились на Аптекарский остров, на дачу министра внутренних дел и по дороге заехали в часовню Спасителя в домике Петра Великого. Не доезжая дачи, жена осталась на извозчике, а я пошел пешком. Народа всякого и сановного, и дам было великое множество, даже была толкотня, особенно в передней небольшой комнате, где стоял стол чиновника (им бы, как я потом узнал, Приселков²⁹¹), записывавшего представлявшихся.

Я подошел и просил записать:

— Вы по какому делу?

– По личному.

– Вам придется попасть во вторую очередь, да и вряд ли Вас министр примет, сами видите – сколько народу, – сказал Приселков, окидывая меня в моем скромном прокурорском сюртуке и мою Анну 2-й степени на шее более чем равнодушным взглядом.

– Хорошо, я подожду, – кротко ответил я и прошел в следующую большую приемную, примыкавшую к кабинету министра и сел на диван. Все сидевшие в этой комнате лица были убиты или смертельно ранены 12 августа во время взрыва. Не поспеши мы выехать из Малыня, я попал бы на тот прием 12 августа – других приемов между 19 июля и 12 августа не было – и был бы убит или искалечен²⁹².

Сидя на диване, я думал: как быть с женой, неужели ей сидеть все время на извозчике и ждать меня, да и извозчик – согласится ли он ждать, и как быть жене, когда у ней нет ни копейки. Я очень помню эти мелкие подробности. Почему? Да, потому что все это пребывание на даче у министра и последующий разговор в кабинете на меня, ожидавшего совсем другого, произвели удручающее впечатление, и я хотел, искренне хотел все забыть, а между тем не только не забыл, а помню так хорошо, как будто эту комнату и этот диван, на котором сидел, я видел только вчера. Может быть, случилось это потому, что на смену желания забыть, бывшего у меня, явилось вскоре противоположное же – припомнить, ибо 19 июля на даче Аптекарского острова я стоял на повороте с узкой, кочковатой и покрытой вдали густым туманом судейской дороги – на какую-то другую, тоже, может быть, нелегкую, но несравненно более широкую и торную.

Итак, я сидел и думал, и в таком раздумье прошло минут 20, когда я увидел Приселкова, вошедшего в комнату, где я сидел, и, видимо, кого-то искавшего.

Увидев меня и быстро подойдя, Приселков вполголоса сказал: «Вот когда эта дама, которая сейчас будет принята министром, выйдет из кабинета, войдете вы». Какой-то господин в придворном мундире (я тогда никого не знал, не то что впоследствии, когда на таких приемах или собраниях вообще я редко встречал незнакомого совсем человека), подойдя к Приселкову, стал ему говорить, что он давно ждет и что он в первой очереди и во всяком случае записан гораздо раньше меня. Приселков, совсем понизив голос, стал ему что-то почтительно объяснять, и до меня долетели только слова: «Таково приказание министра». Внезапная быстрота в моем приеме и эти долетевшие до моего уха слова Приселкова сильно меня приободрили.

Когда я вошел в кабинет, навстречу мне из-за письменного стола приподнялся человек высокого роста, с умными твердыми глазами, с бородой, немного расчесанной на обе стороны, и с большим открытым лбом. Протянутая рука была немного искривлена в кисти и обращена во внутрь. В манерах, жестах не было не только какого-нибудь парада, но не замечалось и уверенности; можно было подумать, что и сюртук тянет в плечах или кресло неудобно. Не только в вопросах, но в самих словах, которыми они задавались, тоже не замечалось ни уверенности, ни интереса, точно они произносились только для того, чтобы занять ими время. И так продолжалось все время. Столыпин стал спрашивать о положении Ярославской губернии, о настроении крестьян и рабочих, о членах Думы от Ярославской губернии, о князе Д.И. Шаховском²⁹³, но все это, как я уже сказал, без всякого интереса. Нужно о чем-нибудь говорить с человеком, который пришел «знакомиться». Лично обо мне, о моем прошлом, о тверской истории — ни одного слова. Особенно это заметив, я насторожился и в своих ответах тщательно избегал всякого не только слова, но и намека о себе или своей деятельности. Прошло минут десять. Пауза. Приподнялся. Столыпин не удерживал. «До свиданья, — сказал он и как-то лениво в раздумье прибавил:

— Быть может, придется встретиться».

Выйдя из кабинета, я посмотрел на себя в зеркало: физиономия была красная, сконфуженная и растерянная. Пока я одевался и шел к извозчику, т. е. под самым свежим впечатлением аудиенции, я совершенно ясно себе представлял, что Столыпин действительно интересовался мной, но когда я вошел, моя молодость, моя внешность или первые мои какие-либо слова всякий интерес ко мне убили...

Весной 1911 г. на Елагином острове я в последний раз видел Столыпина. После доклада, сошедшего вполне благополучно, я, раскланявшись, уже направился к двери, как был окликнут Столыпиным. Я повернулся. Столыпин, встав из-за стола и чуть-чуть потягиваясь и выставляя грудь с руками, заложенными назад, подошел ко мне: «Да, так вот что я Вам хотел еще сказать по поводу распределения стражи...» Пока он говорил, я, несмотря на свой достаточно высокий рост, смотрел на него снизу вверх и, как сейчас помню, думал: «Какой ты, Бог с тобой, молодец, большой, могучий, властный, во всем твердый и уверенный. Дай тебе Бог здоровья». За это последнее мое воспоминание о Столыпине, за эти мои думы о нем я особенно держусь и ничего от них не убав-

лю, но и первое мое впечатление о Столыпине, как о человеке невысокого роста, тоже совершенно верно. Как примирить это противоречие, не знаю...

...Мне кажется единственным человеком [1 нрзб.], способным серьезно, спокойно, без излишних и глупых выходок ревности держать красавицу [власть] в руках, был Столыпин. И власть к нему льнула и любила его... Он, покойник, был человеком властным и с каждым годом он все более и более подбирал вожжи. Помнится, как все следили за его борьбой с Государственным советом и нерешительностью Царского Села, открывшего свои двери для всяких интриг по вопросу о земстве в Западных губерниях. Как он смело пошел на ультиматум, потребовав высылку Дурново и Трепова в заграничный отпуск. Вещь неслыханная для членов Государственного совета. Я не касаюсь вопроса по существу, не берусь судить, какая сторона была права; но в то время, как противники пошли обходной дорогой, Столыпин с открытым забралом потребовал не уступок, а полнейшей сдачи врага и на этом только помирился. И вместе с тем это не был упоенный властью человек, всегда и во всем желающий поставить на своем, а готовый и уступить, когда он убеждался, что потребовал многого.

Лица, близко стоявшие к Столыпину, имевшие с ним больше дела, могут подтвердить мои только что сказанные слова целым рядом красноречивых примеров; но и у меня есть такой, по масштабу совсем маленький, но характерный.

В Лебединском уезде случилось землеустроительное недоразумение с крестьянами вследствие не совсем умелых действий уездного и губернского членов землеустроительных комиссий. Я уже собирался выезжать на место, когда получил телеграмму, что дело улажено совсем миролюбиво совместными мерами непременных членов и исправника. В обстоятельном докладе, представленном Столыпину и обоснованном объективными данными, был изложен весь ход дела и его благополучный конец. Никого я в своем докладе не обвинил, и общий тон его можно резюмировать: «Все то хорошо, что хорошо кончается». Но, должно быть, Столыпин получил дополнительный доклад из Министерства земледелия²⁹⁴, основанный на секретном сообщении непременного члена губернской землеустроительной комиссии, желавшего себя выгородить и взвалившего всю вину начавшейся заварухи на исправника. Думал и продолжаю думать так, потому что Столыпин вдруг письмом ко мне потребовал увольнения исправника за нераспорядительность.

Сопrotивляться такому требованию было совершенно безрассудно, тем более что тогда у Столыпина был самый разгар землеустроительной работы, которую он делал во весь мах. В Тамбовской губернии работа эта шла планомерно, но без всяких больших в нос эффектов. Столыпин знал, что как землеустроитель я далеко не из выдающихся и даже в этом отношении косо на меня поглядывал, а я сознавал, что авторитетно защитить исправника не могу и по характеру той специальной вины, которая на него возлагалась, и еще потому, что сам я не был на месте. А, между тем, исправник, назначенный еще Лауницем²⁹⁵, был честный и высокопорядочный человек, не выдающихся способностей, но и не глупый, а главное в деле, из-за которого должен был пострадать, никак и ничем не был виноват.

Уволить исправника по приказу министра с омовением собственных рук было совсем не трудно; но я — в глазах других исправников и вообще подчиненных мне чиновников — не буду ли Пилатом²⁹⁶? Кроме того, и пожалуй самое главное, могу ли я Столыпина оставить в заблуждении, сознательно допускать обвинения его в несправедливости — его — моего кумира? А с другой стороны, малейшее сопротивление столыпинскому приказу грозило весьма печальными последствиями. Пример Кошко, пензенского губернатора, причисленного к министерству за попытку обойти приказ министра об увольнении нижеломовского исправника, был у всех перед лицом. Правда, Кошко был впоследствии прощен и получил Пермскую губернию, но последняя губерния была хуже первой, да и быть причисленным к министерству не большое удовольствие.

Предводитель X., мой друг, ... очень ценивший исправника Богданова, и которому я рассказал всю историю, очень горевал, но примирился с неизбежным, да и Богданов, которому X. сообщил печальную для него новость, склонил голову перед судьбой и приехал просить меня не забыть его в будущем и дать какое-нибудь местечко.

Но с чем-то я никак не мог примириться — быть исполнителем казни невинного человека и, придравшись к каким-то делам, накопившимся для личного доклада министру, помчался в Петербург. В министерстве, узнав, с чем я собираюсь идти к Столыпину и что приказ министра не исполнен, опасливо покачивали головами (особенно товарищ министра Лыкошин) и не предсказывали ничего хорошего. Но я решил рискнуть, ибо знал, что у Столыпина важнее властолюбия стоит справедливость и благородство.

После доклада, сошедшего благополучно, я с великим страхом стал говорить о Богданове. Не помню, как я начал и чем кончил, но Столыпин все внимательно выслушал и разрешил не только не увольнять Богданова, но и не переводить его в другой уезд.

Вот какой был человек Петр Аркадьевич. И вы, будущие историки России, не забудьте моих воспоминаний, когда будете собирать материалы для жизнеописания «последнего» государственного деятеля старого режима...

...О Столыпине что и говорить... До самого последнего года, когда я уже как губернатор был далеко не новичок и сильно натерел в деле, я все же каждый раз ходил в столыпинский кабинет, как на самый строгий экзамен, зная, что экзаменатор все поймет, даже те мои мысли, которые, как запутавшийся в сетях собственных сомнений, я не собирался высказывать. Сколько раз вопросы, казавшиеся серьезными и сложными, переставали ими быть от какой-либо фразы или даже слова, произнесенного вскользь Петром Аркадьевичем.

РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 26. Л. 11–12, 200–201, 467об.

И.Ф. Кошко. «Преданный России патриот»

Кошко Иван (Мячеслав) Францевич (1859–1927) – государственный деятель, статский советник (с 1906 г.). С 1890 г. на службе в Министерстве внутренних дел. В 1907–1910 гг. пензенский губернатор. В 1911–1914 гг. пермский губернатор. Как писал правнук И.Ф. Кошко – Д.Б. Кошко: «Он (И.Ф. Кошко – Ред.) был типичным столыпинским губернатором. Он был чиновником в государственном смысле, то есть получил эту должность не по семейным связям или по знакомству, а потому, что Столыпин отобрал нескольких таких именно “технократов”». По словам Д.Б. Кошко, И.Ф. Кошко был уволен с поста пермского губернатора за то, что не устроил соответствующий прием проезжавшему Пермь Г.Е. Распутину: «Он этого не хотел делать и уехал якобы к теще в Петербург. Затем, прочитав в газете, что он встречал Распутина, он написал опровержения в газеты и журналы, что в Перми его в это время не было, а если бы и был, то он эту встречу не провел бы». После 1917 г. эмигрировал во Францию. Скончался в Париже. Воспоминания И.Ф. Кошко охватывают период с 1905 по 1911 г. (т. е. время его работы в Самаре и Пензе).

...В ближайшую субботу, т. е. на той же неделе, я поехал представиться П.А. Столыпину, жившему тогда на министерской даче на Аптекарском острове²⁹⁷, вскоре после того взорванной революционерами.

Был яркий солнечный день. Дача была залита солнцем. Большая приемная выходила окнами в сад, на балкон, уставленный красивыми растениями. Перед балконом виднелся прелестный, отлично содержимый цветник.

В глубине приемной стоял столик, за которым сидели несколько человек чиновников особых поручений. Между ними Приселков. Против этого стола направо была дверь в кабинет министра.

Записавшись у чиновников, я сел, ожидая своей очереди. В приемной было несколько человек губернаторов, все мне незнакомые, и членов Государственной думы, между ними орловский депутат Ветчинин²⁹⁸, которого я встречал у Павлова²⁹⁹.

Члены Государственной думы принимались в первую очередь, затем шли губернаторы, а потом остальные. Вот пришла и моя очередь. Вхожу в кабинет и навстречу мне поднимается у стола у окна очень высокого роста стройный широкоплечий господин, одетый в темно-синий летний костюм, элегантно на нем сидящий. Внимательно на меня смотря, П.А. Столыпин подает руку и приглашает сесть. Обращает внимание на себя эта рука: она как-то особенно закругленно отделяется от тела и ладонь как будто бы не сгибается. Потом узнаю, что правая рука у него несколько парализована и хотя он ею пишет, но принужден держать кисть вытянутой, придерживая бумагу прессом.

Всматриваюсь в это лицо. Оно нахмурено, брови сдвинуты, выражение лица можно было бы назвать суровым и, пожалуй, даже надменным, если бы глаза по временам слегка не улыбались, становясь ласковыми. Цвет лица чрезвычайно свежий, с румянцем. Голова, на лбу оголенная, коротко острижена. Усы подвиты колечками, небольшая ровная борода. Губы как будто несколько вывернуты наружу, что несколько их не безобразит, но звук голоса делает сочным, чуть-чуть как бы сюсюкающим. Говорит, откинувшись в кресло, гордо приподняв голову, не спуская с вас глаз. Сразу чувствуется, что имеешь дело с чутким человеком, отлично улавливающим затаенные намерения твоих слов, взгляда, жестов. Уверен, что при первом же свидании он составляет себе совершенно правильное общее представление о человеке.

Жизнь много раз сталкивала меня с Петром Аркадьевичем, и я наблюдал его и на службе, и у себя дома. Хотя он никогда не вел со мной сколько-нибудь значительных частных бесед и не высказывался откровенно, как человек, но мне, кажется, я внутренним чутьем угадывал эту натуру и составил себе о его государственной деятельности совершенно ясное представление. По крайней мере, в многочисленных моих сношениях с ним по службе я, кажется, ни разу не ошибался в своих предположениях, как взглянет он на тот или другой факт, как отнесется к тому или иному распоряжению. А потому я всегда высказывал ему свою мысль до конца, простым языком, не запираясь в уклончивые и безличные официально почтительные формы. И никогда мне в этом не приходилось раскаиваться.

П.А. Столыпин, мне кажется, прежде всего, великий энтузиаст. Известная идея, правильность и необходимость которой он постиг своим светлым умом, его захватывала всего и для ее осуществления он ни перед чем не останавливался. Личный интерес, интересы нежно любимой семьи — все отходило на задний план, все без колебаний приносилось в жертву, если это было нужно. Этот энтузиазм делал его очень сильным в борьбе: он его вдохновлял и окрылял преодолевать такие препятствия, перед которыми бы всякий спокойный, холодный ум отступил, не пытаясь даже бороться. Согретый энтузиазмом, он находил в себе такие слова, такую захватывающую всех игру голоса, что сразу был признан всеми выдающимся оратором. И замечательнее всего, что он сам, по-видимому, не подозревал своих ораторских способностей и они в нем неожиданно для самого себя проснулись в минуту великой, грозной борьбы. Я знал многих лиц, которые видели Петра Аркадьевича еще на скромной арене деятельности, и на всех он производил тогда совершенно бесцветное впечатление скромного, неглупого человека. Если бы он знал о своем ораторском таланте, он, наверное бы, не удержался от возможности им блеснуть, как это делают все хорошо говорящие и сознающие эту свою способность люди.

По природе это был благородный, всей душой преданный России патриот. И когда судьба его выдвинула на виднейший пост государственной деятельности, он всей душой отдался служению России не ради того, что оно давало ему материальные блага, льстило самолюбию, а потому что он сумел свои личные интересы слить нераздельно с интересами Государства, он иначе жить не умел и не мог. Ведь, что такое была личная жизнь Столыпина за

время его министерства? Это была, с точки зрения обывателя, тягчайшая каторга: ни одной минуты, даже в глубине своего жилища, он не мог считать себя в безопасности от угрозы смерти; непрекращающаяся злобная травля не только со стороны революционеров, но и крайних правых, травля, не останавливающаяся перед полным искажением его намерений и стремлений; постоянная интрига завистников, не прощавших ему чрезвычайно быстрого повышения, — все это должно было бы сломить обыкновенного человека, лишить его жизнерадостности и омрачить ум. Но сознание, что он делает то, что полезно и нужно России, давало ему такое радостное самоудовлетворение, перед которым тяжкие невзгоды его личного положения совершенно бледнели, и это спасало Столыпина от малодушных, искажавших его задачи компромиссов.

Я глубоко убежден, что настоящим государственным деятелем может быть только энтузиаст. Холодный эгоистический ум, ни минуты не забывающий о своей личной пользе, о прочности своей карьеры, всегда преувеличивает трудности задания, трусливо преуменьшает шансы успеха, а потому такой ум при всей своей глубине неспособен ни на широкий размах, ни на героические решения.

Возьмите величайшее дело Столыпина — крестьянскую земельную реформу. Ведь понять правильность основной ее идеи — необходимости крестьянину перейти к единоличному владению землей, отдельным куском без чересполосицы — не трудно; за необходимость такой реформы говорит опыт всего человечества и возражать против нее может лишь страстная близорукая партийность. Но как мучительно трудно было решиться осуществить это дело, да еще в такое время, как сделал это Столыпин.

Взбаламученное русское крестьянство, еще не вполне отказавшееся от веры в возможность насильственного захвата частновладельческих земель, ставилось перед крайне болезненной ломкой своего хозяйственного уклада, необходимость которой большинству была непонятной. Как естественно было опасаться, что такая мера неизбежно вызовет новый, еще горший взрыв народного возмущения. Но Столыпин верил в здравый смысл крестьянства, понимал, что только эта дорога выведет мужика из нищеты, и смело пошел на такой риск, увлекая за собой все правительство.

Разве освобождение крестьян от крепостной зависимости было возможно осуществить без горячего энтузиазма? Конечно, нет, и именно поэтому, что не нашлось энтузиаста, такое осво-

бождение не произошло в царствование Николая Павловича и ранее. В публику проник слух, что в последнее время перед своей трагической гибелью Столыпин думал о национализации государственного кредита. И не подлежит, мне кажется, сомнению, что продли Господь дни его жизни, он непременно этого бы добился. Боже, сколько громов посыпалось на эту бедную голову за такое еретическое намерение.

А вот в наши дни, благодаря встряске великой войны³⁰⁰, самая популярная идея — это освобождение русской промышленности от немецкого ига и полное закрытие немцам русского рынка. Разве это не есть частичное осуществление идеи Столыпина, еще до войны ясно видевшего нездоровое подавление русской торговой инициативы враждебными нам народностями и стремившегося уничтожить это зло закрытием этим врагам кредита.

П.А. Столыпин был властной натурой. В своих отношениях к людям, всегда простых, а к знакомым ему даже приветливых, он умел не переходить некоторой границы, за которой бесцеремонность убивает авторитетность. Благодаря этой способности, ему так легко удавалось своих сослуживцев по кабинету заставлять идти нужной ему дорогой. Люди за глаза роптали, загорались, может быть, враждой, а все-таки противодействовать не решались.

Иногда властность Столыпина принимала излишне резкие, подчеркнутые формы. Объясняется это, мне кажется, тем, что он хотел как можно нагляднее опровергнуть брошенный ему с кафедры Государственной думы упрек, что у него нет действительной власти, а таковую узурпировали «безответственные элементы»³⁰¹.

Но эта властность не доходила, кажется, никогда до сумасбродства, когда человек остается глухим ко всяким доводам разума. Мне лично приходилось, например, несколько раз разубеждать Петра Аркадьевича в неправильно им составленных себе представлениях о людях и их поступках. И, несмотря на огромную разницу в нашем служебном положении, сделать это было вовсе не трудно. Нужно было только спокойно выслушать все то, что Столыпин имел сказать, а затем уже изложить свои возражения.

Материальные блага жизни мало, по-видимому, привлекали к себе его внимание. Он был чрезвычайно прост и умерен в своих вкусах и привычках, что не мешало ему устраивать у себя приемы, полные блеска, приличествовавшего первому сановнику Российской империи. Мне несколько раз приходилось быть на таких приемах и должен признаться, что нигде я не видел столько изящного вкуса.

Мне особенно памятен тот обед у Петра Аркадьевича, когда я был к нему приглашен впервые. Дело было как-то зимой, когда Столыпин уже переехал из Зимнего дворца в министерский дом на Фонтанке. Я несколько раз бывал в этом доме, но не далее приемных и кабинета министра в нижнем этаже; в парадных же апартаментах в бель-этаже бывать до сих пор не приходилось.

Из вестибюля ведет наверх великолепная лестница, уставленная дивной работы канделябрами. У начала лестницы, а также на площадках ее и у дверей стояли лакеи в белых чулках, красных ливреях, треугольных шляпах с белыми страусовыми перьями. В числе этих лакеев я узнал одного из швейцаров Департамента полиции, очень красивого молодого человека, бывшего преображенского солдата. Значит, для этого случая были набраны люди из министерских служащих и курьеров. А ливреи были взяты, вероятно, из какого-нибудь дворца. Внизу встречали чиновники особых поручений и каждого из гостей снабжали планом столовой, где были указаны за столом места каждого из приглашенных, причем фамилия лица, которому вручалась карточка с планом, была подчеркнута красными чернилами, так что вы находили свое место с первого взгляда.

Я сидел на одном из концов стола, слева от меня помещался ярославский губернатор граф Татищев³⁰², справа — самарский Якунин³⁰³.

Прямо с лестницыходишь в малиновую гостиную, а за нею в белый зал, где Петр Аркадьевич с женой встречал своих гостей. В этом зале глаз останавливается, прежде всего, на очень красивых хрустальных люстрах: лампы помещаются внутри конуса, заканчивающегося полушарием, образуемым хрустальными, красиво изогнутыми нитями, и ламп этих совсем не видно, так что получается сплошной ослепительный блеск хрусталя. За залом расположена столовая, представляющая из себя миниатюрную копию Грановитой Палаты в Московском Кремлевском дворце. Столовая эта сравнительно невелика, а потому обеденный стол был накрыт не в ней, а в следующей за ней продолговатой зале.

Убранство стола замечательно: несколько ваз, расставленных по середине стола, заполнены букетами одной золотистой мимозы, от этих ваз к краям стола тянутся лучи из тех же цветов. Впечатление от такой однотонности получилось замечательно изящное. Обилие цветов наполняло зал нежным ароматом мимозы.

К этому обеду были приглашены товарищи министра внутренних дел, директора департаментов, несколько человек гене-

рал-губернаторов и человек 15 губернаторов. Такое обилие провинциальных властей дало повод Петру Аркадьевичу сказать:

– У меня сегодня столько генерал-губернаторов и губернаторов, что с ними вполне было бы возможно произвести государственный переворот.

Были на обеде и несколько дам, которых вели к столу старшие в чине. Шампанское начали подавать с первого же блюда, что не мешало, впрочем, предлагать в свое время и другие вина. Тостов не производилось. Конечно, на таком официальном обеде не могло быть весело. А потом, как только обед кончился, так приглашенные стали откланиваться и уезжать.

Помню, этот обед был дан вскоре после приезда в Петроград покойного Бухарского эмира³⁰⁴, так что высшие чины министерства явились украшенными бухарским орденом Искандера. У меня есть золотая бухарская звезда, пожалованная мне в бытность мою самарским вице-губернатором, но этот орден совсем бледнеет перед Искандером. Последний имеет вид не звезды, а значка, усыпанного крупными бриллиантами. Товарищ министра Курлов тоже получил его и тут уверял, что настоящие бриллианты вынул и сделал из них жене брошку, а в орден приказал вставить стразы.

Был ли Столыпин искренним сторонником Государственной думы? Судя по тем словам, которые я сам от него слышал, думаю, что да. Он, например, высоко ценил контроль Государственной думы в области финансов и считал этот контроль единственным способом для целесообразного и по назначению расходования собираемых с народа средств. Даже контроль над деятельностью администрации он считал необходимым, особенно у нас, где чувство законности еще так поверхностно; но он боролся против злоупотребления этим правом, когда оно делалось средством для партийной расправы с противником и когда факты извращались.

Ему пришлось с головой окунуться в борьбу партий в Государственной думе и, может быть, в последнее время в ущерб своей министерской по внутренним делам работе. Но ведь это было единственным средством производительно работать, а не тратиться на изнурительную, бесплодную борьбу ради борьбы.

Работник Петр Аркадьевич был изумительный. Он был до мельчайших подробностей в курсе вопросов управления, всюду вносил свое личное направление. И в то же время работал самым пристальным образом в сфере подготовки законодательства и так много времени уделял на думские дебаты.

В личном благородстве его никто не сомневался, даже самые страстные его враги. Это во многом способствовало тому обаянию, которым он пользовался в Государственной думе.

Смерть Петра Аркадьевича искренно оплакивалась всею Россией. В какие-нибудь 3–4 месяца были собраны на памятник ему такие большие средства, что за покрытием всех расходов осталось свободных денег около ста тысяч рублей.

— Я слышал очень хорошие отзывы о вашей деятельности, — сказал мне при представлении Столыпин, — и назначил вас, не скрываю, в очень трудную губернию. Там беспокойно, и администрации нужно быть твердой и мужественно бороться с беспорядками. Губернатор в Самаре дельный и, я надеюсь, с ним у вас работа наладится. Мне также с очень хорошей стороны известен там в Покровской слободе земский начальник Европеус³⁰⁵, который во время беспорядков держал себя отлично и восстановил там спокойствие. Покровская слобода лежит против Саратова на другой стороне Волги, и хотя это другая губерния, но Европеус совершенно правильно обратился ко мне за содействием, и я помог ему, как мог. Имейте Европеуса в виду. Прошу вас не мешкать с отправлением на место, губернатору одному трудно. Надеюсь, что я не ошибся, избрав вас на это место и что вы с честью выйдете из такого испытания.

Я ответил, что приложу все старания добросовестно исполнить свое дело. Но теперь такое трудное время, что, конечно, я боюсь сказать, окажусь ли для такой задачи пригодным.

Дав еще кое-какие указания, как о предстоящей мне работе, так и об особенностях губернии, Столыпин меня отпустил, пожелав успеха.

Мне показалось, что моя неуверенность в том, как удастся мне справиться с новой работой, произвела на Столыпина хорошее впечатление. Он, видимо, не очень-то ценил самоуверенность...

* * *

...Из Новгорода я решил съездить в Петербург поразузнать, жаловался ли на меня Якунин и если жаловался, то какое это произвело впечатление³⁰⁶. Кстати я решил представиться П.А. Столыпину.

Столыпин в это время жил в Зимнем дворце, ближайший подъезд от Миллионной. После покушения на Аптекарском острове доступ к нему был обставлен некоторыми предосторожностями. Надо было явиться в канцелярию министра к директору

Кноллю, записаться у него и ждать особого пригласительного письма с указанием времени приема. Это письмо предъявлялось в швейцарской при входе. Во время приема Кноль все время находился в приемной и, конечно, видел, кто приезжал. Казалось, что было сделано все возможное для предупреждения нового покушения.

Из швейцарской поднимаешься по бесконечной лестнице в один марш во второй этаж. Приемная – полутемная большая комната с очень потрепанной, совсем не нарядной мебелью. Направо от входа в приемную – длинная комната, вроде галереи, куда выходила дверь из кабинета министра. В этой галерее сидели чиновники особых поручений, вводившие представлявшихся к министру. Отделка комнат хотя и была когда-то хорошая, но теперь производила впечатление полной запущенности. Вообще – все было далеко не парадно и, конечно, много хуже, чем в министерском доме на Фонтанке, хотя гораздо грандиознее.

Я получил пригласительное письмо на прием чуть ли не на другой день после своего приезда, а потому не успел еще побывать в министерстве и навести нужные справки.

Я ждал своей очереди в приемной с большим беспокойством и был уверен, что Столыпин будет говорить мне неприятные вещи вследствие жалоб Якунина.

Наконец, моя очередь. Вхожу в кабинет, большую светлую залу, отлично обставленную. Письменный стол стоит посредине, несколько ближе к окнам.

Петр Аркадьевич, по обыкновению с нахмуренными бровями, но с приветливым выражением глаз, пригласил меня сесть у стола и сказал:

– Я очень рад, что не ошибся, назначив вас вице-губернатором. Вы отлично справлялись в трудных обстоятельствах и держали себя достойно. Все ваши распоряжения были правильны и продуманы без вредной горячности. Благодарю вас очень.

Я так и расцвел. Вместо ожидаемого выговора получить благодарность, да еще в таких лестных выражениях, было тем более приятно, чем неожиданнее это случилось.

Министр стал расспрашивать меня о подробностях убийства Блока³⁰⁷, об общем положении в губернии. Между прочим, я ему рассказал о письме жандармов, посадивших меня под домашний арест.

– Мне это очень знакомо, – сказал Петр Аркадьевич, – в Саратове начальник жандармского управления из окна моего ка-

бинета показывал мне на противоположном тротуаре человека, который там дежурил, чтобы меня убить. Не скажу, чтобы было очень приятно на него глядеть.

О новом губернаторе Столыпин ни слова не сказал и меня не спросил о впечатлении.

Отпуская меня и подавая руку, министр сказал:

— Еще раз благодарю вас. Я вам дам дальнейшее движение.

Конечно, я был очень счастлив услышать такие слова и понял их так, что если и впредь служба моя будет проходить благополучно, то годика через 2–3 я буду назначен губернатором. Ни одной минуты я не относил этого обещания на ближайшее будущее.

*Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.).
Пг., 1916. С. 38–44, 124–126.*

М.М. Осоргин. Из воспоминаний

Осоргин Михаил Михайлович (1861 – после 1931) – государственный деятель. В 1890–1898 гг. земский начальник и калужский уездный предводитель дворянства; в 1903–1905 гг. гродненский губернатор; в 1905–1906 гг. тульский губернатор. С 1906 г. в отставке. В 1930 г., после расстрела сына Георгия, эмигрировал во Францию. С 1931 г. священник, настоятель церкви св. Константина и Елены в Клараре.

Рукописный текст воспоминаний хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 215. Осоргин М.М.). Воспоминания охватывают весь период государственной и общественной деятельности М.М. Осоргина. Здесь приводится отрывок, непосредственно относящийся к истории взаимоотношений автора воспоминаний и П.А. Столыпина.

...Перед второй Государственной думой при составлении кабинета Столыпина я чуть не был опять призван к власти. Об этом рассказал мне мой beau-frère* Самарин³⁰⁸. Не только Столыпин, но и сам государь прочили Федю³⁰⁹ на пост обер-прокурора Святейшего Синода. Государь его два раза вызывал и вел с ним продолжительные беседы. Но Федя был непреклонен и безусловно отказался, ссылаясь на болезнь глаз. После чего Столыпин

* Beau-frère – шурин, свояк (фр.) (Прим. ред.).

просил хотя бы рекомендовать кандидата. Федя указал на меня. Столыпин возразил, что он меня мало знает, но подумает. При следующем свидании Столыпин сказал Феде, что намечается кандидатом некто Извольский, брат министра иностранных дел, и спрашивал мнение Феде. Последний вполне одобрил этот выбор, но вновь заговорил о моей кандидатуре, на что Столыпин вполне согласился. При этом он заметил, что боится отказа с моей стороны, посему уполномочивает Федю самому вести со мной об этом переговоры и уполномочивает он их начать, как только он, Столыпин, пришлет ему телеграмму. Сам же он считает себя обязанным предварительно переговорить с Извольским. Телеграмму эту он никогда не прислал, почему и предложение его никогда до меня не дошло. Что было тому причиной, я никогда не узнал.

Спустя год с небольшим я сам писал Столыпину, представляя себя в его распоряжение, если он найдет нужным вновь призвать меня к государственной деятельности. Писал я ему в бытность его премьер-министром, [после] его одной из лучших речей в Государственной думе, где он, обращаясь к левым, сказал свою знаменитую фразу: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия». Это было время, когда многие, благодаря его выступлению, почувствовали вновь бодрость и не только в надежде на какое-то наступающее умиротворение, а, главное, ввиду исповедования яркого значения принципа власти. Все эти ходячие либеральные веяния, коими заражены были общественные деятели, что власть есть насилие, отошли в тень после талантливой речи Столыпина, которую он осуществил и на деле, при взрыве на Аптекарском острове, — о том, что власть есть долг, бремя и подвиг и что от нее тем, которым суждено быть ее носителями, отказаться нельзя. Его фраза, брошенная к тем же левым: «Руки прочь»³¹⁰, — придала, я думаю, много энергии многим провинциальным администраторам.

По мне совокупность его выступлений вызвала угрызения совести; я понял, что главным побуждением моим было не запачкаться при той борьбе, которую власть должна была поднять против революционеров. Вместе с тем, я не скрывал от себя, что настоящее осмеивание людьми, которых я уважал и любил, всех носителей власти и во мне подрывало энергию и веру в свое дело. Теперь же, отойдя в сторону, оставаясь простым зрителем той напряженной борьбы власти, которая остановила тогда Россию на краю гибели, куда бессознательно влекли ее либеральные элементы, я понял заслугу этой самой власти, понял великий под-

виг ее, который продолжали ее носители, и мне горько стало, что я добровольно отклонился от участия в этом великом деле.

Вот, что побудило меня написать Столыпину. Писал я ему кратко, что предоставляю себя в полное его распоряжение и что рад буду, если мне удастся быть участником гигантской работы, которой он руководит, для умиротворения России. Я забыл даже ему дать свой адрес. Через несколько времени приехал ко мне исправник и торжественно вручил мне собственноручное письмо Столыпина. Только премьер-министр мог позволить себе такой туманный адрес: «Его Превосходительству М.М. Осоргину. Калужская губерния». Он мне писал, что, получив мое письмо, он потребовал все дело о моей отставке и, ознакомившись с ним, пришел к убеждению, что назначение меня вновь губернатором могло быть растолковано как перемена им, Столыпиным, курса политики, но, ценя мою служебную деятельность и неутомимую энергию, он рад был бы видеть меня вновь у дел, но в другом ведомстве. Письмо это при только что описанном мною настроении было для меня не только стаканом холодной воды, но показалось мне и обидным, так как имело характер обещания помочь мне вновь устроиться. Я ему ответил обиженным тоном. В письме я высказал ему, что я был и есть все тот же, меняться не собираюсь и потому прошу мое первое письмо считать как *non avenue**. Его опасение, что приглашение меня на службу может быть истолковано изменением им своих взглядов, тем более для меня неожиданно, что я от моего *beau-frère* Самарина знал, как он, Петр Аркадьевич, предполагал предложить мне пост товарища обер-прокурора Святейшего Синода. Последнее обстоятельство и вселило в меня решимость отдать себя в полное его распоряжение. После этого Столыпин мне вновь написал уже совсем в другом тоне. Начинал он с извинения, что он как будто обидел, и [с] заверением, что отнюдь он этого не хотел и надеется в недалеком будущем иметь меня в числе своих сотрудников. Пожелание это только и осталось пожеланием, и переписка наша на этом прекратилась...

ОР РГБ. Ф. 215. К. 2. Д. 7. Л. 152–156.

* Не имевшее место (фр.) (*Прим. ред.*).

Раздел III

**П.А. СТОЛЫПИН
ГЛАЗАМИ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ**

**И.Я. Славин. Из воспоминаний «МИНУВШЕЕ-
ПЕРЕЖИТОЕ»**

Славин, Иван Яковлевич (1850–1930) – коллежский советник, член Саратовского губернского по земским и городским делам присутствия, член Саратовской городской управы, почетный мировой судья города Саратова, городской юрисконсульт. Один из учредителей и активных членов Саратовского комитета партии «Союз 17 октября» в ноябре 1905 года. По долгу службы И.Я. Славин тесно взаимодействовал с П.А. Столыпиным в бытность его саратовским губернатором.

Рукопись воспоминаний И.Я. Славина «Минувшее-пережитое» хранится в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 11). Полностью воспоминания И.Я. Славина были опубликованы в 1998–1999 гг. (Славин И.Я. Минувшее-пережитое. Воспоминания // Волга. 1998. № 2–3, 5–8, 11–12; 1999. № 2, 3, 7, 8, 12).

...Возбуждение, охватившее все наше общество... не миновало и нашей городской думы. Поводом к этому послужил съезд земских деятелей в Петрограде³¹¹, на который должны были отправиться и представители нашего губернского земства. В заседании городской думы 29 ноября 1904 года Немировский³¹² пред-

ложил от имени думы приветствовать гласных Саратовского губернского земского собрания ввиду предстоящего съезда. Проект редакции этого приветствия, довольно обширного, был помещен в наших местных газетах на другой день после заседания думы. В этом проекте, между прочим, было выражено пожелание о призыве к трону монарха избранных народных представителей для исцеления России от гнетущих ее зол и недугов³¹³.

Когда в заседании думы прочли проект редакции приветственного адреса земцам, возник вопрос о том, следует ли доложить проект принять без изменения, или же избрать особую комиссию для предварительного его рассмотрения. Прения по этому вопросу были прерваны, так как городской голова губернатором был вызван к телефону для личных переговоров. По возвращении Немировского от телефона, он заявил гласным, что по распоряжению губернатора вопрос этот снимается с очереди, и городская дума занялась рассмотрением очередных дел, означенных в повестке дня. На другой день по городу пронесся слух о том, что Немировский подал в отставку. Причем некоторым из своих близких он заявил, что окончательно отряхнул прах от ног своих, выходя из губернаторского дома, и что никогда в жизни он больше не перешагнет его порога. Настоящей причины такого решения Немировского никто не знал.

...На другой день после вышеупомянутого постановления думы³¹⁴ я получил от Столыпина официальное приглашение прийти к нему 2 декабря в 7 часов вечера. В назначенное время я отправился и в приемной, в ожидании губернатора, я встретил: Б.А. Арапова, Г.Г. Дыбова, В.Д. Захарова, А.М. Масленникова, Л.С. Лебедева, Н.И. Селиванова. Впоследствии мы узнали, что такие же приглашения получили В.А. Коробков, М.А. Малишевский и А.М. Оленев³¹⁵, которые, однако, не явились. Ждать нам пришлось не долго, и скоро мы были приглашены в рабочий кабинет Столыпина. Усадивши нас вокруг письменного стола, он заявил, что желает осведомить нас, для сообщения всем нашим товарищам гласным, о том, что произошло между ним и Немировским. Его рассказ длился около часа.

...Губернатор объяснил явившимся гласным, что ему уже несколько дней известно о заявлении городского головы о том, что будто бы им, губернатором, нанесено какое-то городскому голове оскорбление. Но до той поры, пока не состоялось по этому делу постановление думы, он из уважения к принципу самоуправления³¹⁶ не считал себя вправе разьяснять по этому поводу

своей точки зрения, дабы это не было понято как давление на свободу действий и решений [господ] гласных. Но раз уже состоялось постановление думы, он не находит возможным молчать. Не имея ни органа печати, ни аудитории, он признал нужным пригласить к себе нескольких гласных, по возможности, представителей всех партий, с целью выяснить им, как было дело.

Губернатор заявил, что дошедшие до него слухи о том, что он оскорбил городского голову, что он, будто бы, даже топал ногами, до глубины души возмущают его. Я, — говорил г[осподин] губернатор, — никогда не был врагом самоуправления вообще и саратовского муниципалитета в особенности. Надеюсь, в течение моего двухлетнего пребывания в Саратове я доказал это в достаточной степени. Меня изумили приемы А.О. Немировского, и он вызвал справедливое мое негодование. Надо различать в городском голове должностное лицо и человека с индивидуальными его особенностями и приемами. Неоднократно мне приходилось слышать от А.О. Немировского, что его положение страшно трудно, что он должен бороться с двумя течениями. «Если бы, — говорил Александр Осипович во время беседы нашей по поводу приветствия, — вы знали, что совершилось с некоторыми из наших гласных, даже из длиннополых купцов, бывших ранее консерваторами, а теперь предъявляющих такие либеральные требования, которые становятся для меня невыносимым положением. Если бы я назвал вам некоторые фамилии, то вы не поверили бы. Я отлично помню ваш совет, — говорил Александр Осипович, — что не следует мешать карты министру Святополк-Мирскому, но мне приходится испытывать давление со стороны гласных, хотя я сам лично тоже либерального образа мыслей».

Во все время беседы упоминалось лишь о приветствии и не было речи о ходатайствах политического характера. Возмутившие меня приемы городского головы заключались в следующем. В газетах я прочел, что на рассмотрение думы предположено внести вопрос о выражении приветствия земским деятелям. Этого вопроса в перечне, мне сообщенном, не было. По этому поводу Александр Осипович мне объяснил, что по установившейся практике вопросы о приветствиях, телеграммах и т. п. никогда не включаются в перечень докладов, сообщаемых губернатору. Я ничего против этого не имел.

Вечером 29 ноября я получил корректуру того приветствия, которое вносилось на утверждение думы. Ознакомившись с корректурой газеты, присланной мне, я усмотрел, что в приветствии

о земском съезде, имевшем лишь частный характер, рекомендуется изменение государственного строя. Можно находить это необходимым, но я, как губернатор, признаю, что такое ходатайство может быть адресовано только монарху, а не к земскому собранию.

О несоответствии текста адреса с приветствием я сообщил городскому голове по телефону вечером 29 ноября, не зная, что в это время происходило заседание думы, и предполагал даже, что Александр Осипович говорит со мной из квартиры. Изложив свое мнение, я выразил сомнение в верности газетного сообщения и на ответ, что репортерский отчет верен, я заявил, что сообщу об этом министру внутренних дел. «Г[осподин] министр, — ответил Немировский, — если ему угодно, может принять против меня репрессивные меры по своему усмотрению». — Ни о каких репрессиях, ответил г[осподин] губернатор, речи быть не может, при этом он повторил о своем удивлении по поводу неожиданного для него, губернатора, характера адреса, о котором он должен сообщить министру как о выдающемся случае, потому что министр должен быть в курсе политической жизни страны. Тогда городской голова заявил мне, что он говорит из думы, что теперь перерыв и что он сейчас снимет этот вопрос, на что я ему ответил, что буду очень благодарен.

Затем я узнал, что вопрос о приветствии был снят среди его обсуждения, будто бы, по категорическому моему распоряжению. Это не могло не вызвать моего крайнего неудовольствия, и я совершенно понимаю настроение гласных после такого снятия вопроса. Вследствие этого я вызвал Александра Осиповича к себе и спросил его, что произошло накануне в думе. На это Александр Осипович ответил, что вопрос о приветствии снят по моему распоряжению. На мой упрек, что Немировский дважды ввел меня в заблуждение — в вопросе о характере приветствия и по поводу снятия с очереди вопроса о приветствии — и ставит меня в ложное положение по отношению к городской думе, Александр Осипович вызывающим тоном (В бумаге министру: «...заносчиво остановил меня» — *И.С.*) заметил: «Что это: выговор, или замечание?» На это губернатор возразил, что он говорит с Александром Осиповичем не как Столыпин, а как начальник губернии, что он прерывать его не имеет права и должен выслушать то, что вышеупомянуто по поводу приветствия и снятия с очереди; причем по последнему вопросу губернатор припомнил обмен фраз по телефону. Городской голова возразил, что перестал меня понимать, что я упрекаю его в обмане, на что я внес поправку,

что упрекнул его лишь в том, что он ввел меня в заблуждение. На упоминания о репрессивных против него мерах я заявил, что единственным ему возмездием должно служить то, что я его разгадал, причем сказал: «Вы, Александр Осипович, шьете себе либеральный плащ, но из негодного материала – из затруднений, которые создаете администрации». После этого городской голова заявил о том, что текст приветствия он не мог мне сообщить, так как он ему самому был неизвестен. (В протоколе заседания думы от 29 ноября значится следующее: «Городской голова: “У меня есть и примерная редакция такого приветствия. Угодно ли ее выслушать?” – “Угодно, угодно!” – раздаются голоса... Городской голова читает составленную им редакцию приветствия...» – страница 489 печатных протоколов – Журналов Саратов[ской] город[ской] думы за 1904 год. – *И.С.*)

После заявления его, что он желает подать в отставку, и моего ответа, что его цель очевидна: создать мне этим новые затруднения, Александр Осипович ответил, что его положение страшно неудобно: с одной стороны, указания администрации, с другой – требования гласных, превратившихся из консерваторов в либералы, что он между двумя течениями и потому должен выйти в отставку, что он вполне разделяет и мое мнение о том, что не надо мешать карты князю Святополк-Мирскому, но что взгляды, высказанные в адресе, он также разделяет, так как он либерального образа мыслей. На это я ответил, что вызвал его не для того, чтобы копаться в его душе и что я, быть может, либеральнее его. А.О. Немировский еще добавил, что причиной выхода (в отставку) является то, что он слишком стар и слишком слаб. А.О. Немировский был возбужден, выглядел больным и даже выпил стакан воды. Мы, пожавши друг другу руки, простились, и после этого была прислана отставка³¹⁷. Вот как было дело.

Меня оскорбляет вымысел и глубоко возмущает заявление городского головы о том, что я его оскорбил. Напротив, я был до глубины души оскорблен теми приемами, которые были проявлены городским головой. В разговоре с ним я, действительно, сказал, что я околпачен. И, действительно, городской голова, с одной стороны ссылаясь на мои распоряжения и указания, а с другой – заявляя о своем либерализме, восстанавливает и третирует гласных и губернатора. «Я, господа, – уполномочиваю вас сообщить все, что вы сейчас слышали от меня, вашим товарищам гласным с тем, чтобы рассеять тот туман, которым опутан этот инцидент. Выяснение правды в этом деле всей думе, всем гласным

вашим товарищам успокоит меня и несколько удовлетворит мое возмущение и оскорбленное чувство».

...Трехлетнее управление Столыпиным Саратовской губернией не прошло бесследно для нашего города, о чем мне придется говорить в своем месте. Но при оценке деятельности Столыпина как саратовского губернатора и его отношений к городскому управлению, я постараюсь быть совершенно объективным и стоять на почве бесспорных фактов.

Во все время его губернаторства я продолжал быть членом губернского по городским делам присутствия. Поэтому довольно часто мне приходилось участвовать в заседаниях этого присутствия под председательством Столыпина. Он был корректным, уравновешенным председателем, всегда хорошо и основательно изучавшим дела и вопросы, вносимые на разрешение присутствия; вел заседания беспристрастно, не насилуя мнений и убеждения сочленов. Но не всегда он правильно и быстро ориентировался в юридических вопросах, проявляя иногда в этих случаях настойчивость, не поддающуюся аргументации специалистов, руководствуясь, — надо полагать, — государственной целесообразностью предлагаемых им мер и решений. Поэтому не всегда приходилось быть с ним солидарным.

У меня остался в памяти случай моего острого расхождения с ним в губернском присутствии. Было это, — помнится, — в конце 1904, или в начале 1905 года. Он внес в присутствие предложение о придании суду мещанского старосты одного из уездных городов нашей губернии за то, что он на собрании мещанского общества допустил обсуждение и решение вопроса о разверстке между мещанами городских оброчных земельных полевых и лесных угодий и статей при снятии их мещанами в аренду у городского управления. Мещанское общество не посягало на права собственности города, а хотело только урегулировать и упорядочить издавна установившееся платное арендное пользование общественными городскими земельными угодьями, внести в это пользование больше равномерности и справедливости в целях предоставления земли землеробам из первых рук, без посредствующих съемщиков, забиравших большие участки с целью передачи их другим, не столь сильным и состоятельным. Так я понимал и толковал намерения и решения мещанского общества в данном вопросе. Но не так отнесся Столыпин к этому делу. Он усмотрел в данном случае допущение председателем обсуждения и решения вопроса, не подлежащего ведению собрания и нару-

шающего пределы его прав. Такое упущение со стороны председателя (мещанского старосты в данном случае) согласно закону (Правила о порядке производства дел в земских, дворянских и городских сословных собраниях, 1867 г.) каралось по судебному приговору по 65 ст[атье] Улож[ения] о нак[азаниях]³¹⁸. Я и вице-губернатор³¹⁹ не находили в обстоятельствах дела каких-либо признаков уголовного деяния за отсутствием состава преступления (*corpus delicti*) и возражали против внесенного Столыпиным предложения. Он настаивал. Большинство согласилось с ним. Я остался при особом мнении; вице-губернатор также. Столыпин неблагоприятно и неприязненно отнесся к моим возражениям и заявленному мной особому мнению. Он ничем и никак не проявил своего недовольства, но оно чувствовалось. Но это расхождение не повлияло на наши добрые отношения...

Мещанский староста был предан суду. Окружной суд в коренном составе оправдал его за отсутствием состава преступления. Прокурор не нашел оснований к переносу этого дела с апелляционным протестом в судебную палату. В разверстке арендуемой, по соглашению с собственником за условленную определенную плату, земли Столыпин усмотрел признаки «черного передела». Окружной суд, очевидно, был чужд этих соображений.

Славин И.Я. Минувшее-пережитое. Воспоминания // Волга. 1999. № 3. С. 124, 139–140, 141–142.

Н.Н. ЛЬВОВ. ГРАФ ВИТТЕ И П.А. СТОЛЫПИН

Львов Николай Николаевич (1867–1944) – общественный и политический деятель. В 1892 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. В 1892–1899 гг. предводитель дворянства Балашовского уезда Саратовской губернии. В 1899–1902 гг. председатель Саратовской губернской земской управы. Член кружка «Беседа», «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов». Один из организаторов Конституционно-демократической партии. В 1905–1906 гг. член ее ЦК. Депутат I, III, IV Государственной думы. В 1906 г. вышел из партии кадетов. С 1915 г. член Прогрессивного блока. В сентябре 1917 г. член Временного совета Российской республики (Предпарламента). В 1920 г. эмигрировал. Сотрудничал с газетами «Возрождение», «Новое время», «Русский голос». Похоронен в Ницце на русском кладбище.

Воспоминания охватывают период с 1905 по 1907 г. Они были опубликованы в газете «Возрождение» в 1927 г. (№ 928).

С графом Витте я познакомился во время Первой Думы, когда он был уже устранен с поста председателя Совета министров и заменен Горемыкиным. Сановник в опале, он тяжело переносил свою заброшенность и остро переживал пренебрежение со стороны тех, кто еще так недавно искал его расположения и покровительства. Он чувствовал, что время его прошло и что никогда ему больше не вернуться к власти. Правые не прощали Манифеста 17 октября³²⁰, либералы не доверяли ему и отказывали в поддержке. Доверие государя он окончательно утратил. Все отвернулись от него. А между тем червь честолюбия точил его, и он, раздраженный на всех, не умел даже скрывать своих чувств по отношению к государю и тем, кого считал виновником своего падения.

Меня привез на Каменноостровский проспект в белый особняк к графу Витте М.А. Стахович. Мы вошли в большой богато убранный кабинет. Над камином во всю стену — масляными красками написанный портрет короля итальянского в зеленой ленте, над диваном портреты предков, в углу — бронзовая статуя Александра III, повсюду расставлены в рамках великие князья, великие княгини и иностранные государи.

К нам вышел из боковой двери грузный высокий мужчина в неряшливо одетом сюртуке. Это был граф Витте. Во всей его фигуре, в выражении его лица было что-то столь вульгарное, что странно было видеть его в роскошном кабинете с царским портретом. Когда он заговорил, меня поразил его выговор. Он говорил, как говорят малокультурные люди: «Они видят, они стреляют». Он выглядел каким-то провинциальным управляющим банковской конторы, каких встречаешь в наших южных торговых городах, и всего менее сановником и министром императора Александра III.

Витте уселся в кресло и повел разговор на научные темы. Он любил щеголять своими познаниями в научной области. Я кончил университет сравнительно недавно. Знания у меня были более свежие, и я видел, как Витте, хотя и с апломбом, но просто перевернул, путая имена и цитаты. Затем разговор перешел на жалобы о том, как с ним несправедливо поступили. Он говорил, что на него готовилось покушение со стороны Союза русского народа, что напротив его дома, у трактира, были замечены какие-то подо-

зрительные люди, что в дымоходной трубе был найден взрывчатый снаряд³²¹. Он обвинил Департамент полиции в непринятии никаких мер для его охраны, несмотря на его неоднократные письма к министру внутренних дел. Он настолько был раздражен отношением к себе со стороны властей, что не мог удержаться, чтобы в первый же день знакомства не излить обиды перед совершенно не известным ему человеком.

Неужели это Витте? Таково было мое первое впечатление от посещения знаменитого министра финансов. Но при дальнейшем моем знакомстве с графом Витте я был поражен, как этот человек, показавшийся мне на первый взгляд таким ничтожным, обнаруживал вдруг необычайную ясность и точность мысли, поразительную проницательность в суждениях, когда вопрос касался деловых отношений. Да, это был делец, но крупный делец государственного масштаба. Я помню, он мне показал свою записку, поданную государю об ошибочности нашей дальневосточной политики, которая неизбежно приведет к войне с Японией; он предсказывал наше поражение вследствие слабости наших сил на далекой окраине и прямо указывал государю, что последствием наших военных неудач будет революция.

Я вспоминаю, как еще тогда граф Витте говорил о своем свидании с императором Вильгельмом и роковой опасности для России разрыва с Германией. О себе он выражался так: «Я слишком долго был слугой самодержавного государя, чтобы теперь служить при новых порядках».

И в самом деле Витте, властный министр императора Александра III, написавший известную записку против конституционных стремлений земства и за сохранение самодержавного бюрократического строя³²², оказался творцом Манифеста 17 октября. В этом было нечто роковое.

Он не умел с достоинством нести свое падение и, питая недружелюбные чувства по отношению к государю, сам всеми способами добивался войти вновь в милость ко двору, для этого не останавливался ни перед чем, вплоть до влияния Распутина³²³.

Совсем другим человеком был П.А. Столыпин. Чуждый петербургского карьеризма, он был, прежде всего, человеком долга. По своему происхождению он принадлежал к тому русскому дворянству, которое из поколения в поколение служило России в лице государя. Двенадцатый год, оборона Севастополя, великие реформы императора Александра II, турецкая война, покорение Кавказа, война за освобождение славян — все было связано с воспомина-

ниями о деде, отце, братьях, родных и близких. В крови была заложена верность своему долгу служения русскому государству. Столыпин сохранил в душе своей живое чувство любви к России, неразрывно сочетавшееся с чувством преданности своему государю. В нем была большая сила и не сила кулака, но моральная сила духа.

Лично я познакомился со Столыпиным, когда он был саратовским губернатором. Меня сблизила с ним одинаковость наших воззрений на крестьянскую общину. Еще в сельскохозяйственном комитете я подал записку о необходимости укрепить частную земельную собственность в крестьянском землевладении. Как предводитель дворянства и председатель уездного съезда, близко соприкасаясь с крестьянским делом на местах, я убедился, какое зло и в хозяйственном и в бытовом отношении представляет община, этот пережиток крепостного права и сословного строя. Столыпин точно так же видел в общине корень хозяйственной разрухи и правовой апатии в деревне. Мне по делу приходилось беседовать с ним по этому делу.

Годы, когда Столыпин был саратовским губернатором, были тревожным временем революционного движения.

Я помню, как однажды Столыпин сказал мне: «Посмотри-те, сколько зла в этих людях. Они знают, как я люблю моих детей. И вот я получаю подметные письма с угрозой, что в моих детей бросят бомбу, когда они катаются на коньках». Так и исполнилось впоследствии, когда при взрыве на Аптекарском острове была изувечена дочь Столыпина.

Зимой 1905 г. соседнее с моим имением мордовское село целою толпой в несколько тысяч человек с топорами и пилами ворвалось в мой лес и стало сплошь вырубать его. Приехал губернатор, пришла воинская команда. Здесь я увидел на деле, каким мужеством обладал Столыпин. Когда толпа при неистовых криках готова была броситься на солдат, когда камнями был сбит с седла становой пристав и окровавленный упал на землю, когда ротный командир вынул уже шашку из ножен и выпрямились солдаты, вдруг на крыльце волостного правления появляется губернатор. Одним своим мужественным видом, своим громким окриком он останавливает бушующую толпу и заставляет ее отступить назад. Кровь не была пролита на моей земле. Этим я обязан Столыпину. Кстати, замечу, что та же самая буйная толпа, готовая на погром и убийство, на другой же день стала покорной, как овцы. Уехал губернатор, ушла воинская команда, в селе остался только волостной старшина и староста, а мордовские мужики, которые

накануне в своем буйстве вырвали бороду у старшины, покорились всякому его приказу и безропотно повезли вырубленные деревья на мое гумно³²⁴.

Гибель нашего флота, ужас Цусимы потряс всех.

Собрался земский съезд. Государь принял нашу делегацию³²⁵. Речь князя Сергея Трубецкого³²⁶, предупреждающее слово горячего русского патриота, разнеслось по всей России³²⁷.

Потом был объявлен закон о Государственной думе по проекту министра внутренних дел Булыгина, так называемая булыгинская конституция³²⁸. Волнения продолжались. Вдруг внезапно октябрьская забастовка. Остановились железные дороги, погасло электричество в городах, стали фабрики и заводы. Россия погрузилась во мрак. В деревнях начались погромы. Мое имение в Саратовской губернии было разграблено, скот истреблен, испорчены машины, запасы хлеба расташены, хутора сожжены. Осталось голое пепелище. Объявлен Манифест 17 октября, и жизнь вновь пробудилась. Пошли поезда на железной дороге, свет появился в городах.

Попытка вооруженного восстания в Москве была подавлена³²⁹. Начались выборы в Государственную думу, и 27 апреля собралась в Таврическом дворце Первая Государственная дума. Ее открытие приветствовалось всеобщим восторгом, но для меня это были тяжелые дни. Я увидел перед собой правительство в лице Горемыкина, старческим голосом бормотавшего бессвязные слова, немощное, беспомощное, боявшееся и теряющееся перед собранием Государственной думы и неспособное на действия.

Горемыкин предстал перед Думой с голыми руками, без программы, без какого-либо плана, как эмблема одряхлевшей и выжившей из себя бюрократии.

С другой стороны, буйные притязания революционно настроенной Думы. «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной»³³⁰. Государственная дума притязала на все, правительство устранялось. Началась горячая деятельность по полному преобразованию России.

Я резко разошелся и порвал с кадетской партией, где стоял в Центральном комитете.

Был внесен проект о национализации земли³³¹. Я выступил с речью против него, и среди голосующих на наших скамьях я один поднялся среди всех сидевших³³². При тех настроениях, которые господствовали в Первой Государственной думе, это было сделать нелегко.

Здесь, в Государственной думе, я вновь встретился со Столыпиным как с министром внутренних дел в кабинете Горемыкина. Он остался все тем же серьезным, спокойным и мужественным.

Вскоре после роспуска Первой Государственной думы я получил записку, написанную гусиным пером рукой Столыпина, с приглашением приехать к нему на Аптекарский остров. Я тотчас же поехал на его дачу. С этого времени я часто и подолгу бывал у Столыпина.

Здесь, в этих беседах, я понял, в чем заключается секрет власти. Это были тревожные дни Выборгского воззвания, восстания солдат в Свеаборгской крепости³³³, волнения матросов Балтийского флота, высылки первого батальона Преображенского полка в село Медведь³³⁴ и, вместе с тем, растерянности и шатания власти.

Я помню, мне говорил Столыпин, что в Саратове жандармский полковник при одном известии о министерстве Милюкова выпустил из тюрьмы всех политических заключенных, в другом городе губернатор сам явился с повинной на какой-то митинг рабочих и отменил свое распоряжение. Начальственные лица оказывались больными, лишь бы избежать ответственности за свои действия.

Среди такого общего смятения Столыпин сохранил полное спокойствие и уверенность в себе. Помню его слова: «Не бойтесь, все будет с нами, когда мы проявим силу. Нужно только решиться бросить комок снега, и он сам собой накрутится в снежную лавину».

Да, власть как в сказке. Один хватается за меч, и меч выпадает из его рук, хватается за копье, а оно превращается в щепку. Другой берет в руку деревянный меч, и меч становится железным. Вся власть заключается в человеческой воле. В ней есть нечто магическое.

Столыпин отличался не только силою характера, но и ясным государственным умом. Он понимал, что изолированное правительство в полном разрыве с обществом ничего не может сделать. Вот почему он старался привлечь в свой кабинет общественных деятелей. После долгих переговоров в состав правительства должны были войти Кони³³⁵ как министр юстиции, профессор П.Г. Виноградов³³⁶ как министр народного просвещения, А.И. Гучков и я как министр земледелия для проведения аграрной реформы. Столыпин был твердо убежден в необходимости укрепить

в России представительный строй, но он всегда говорил, что Государственной думе должна принадлежать область мнения, правительству — область действия. Он стоял за сильную власть и умел держать эту власть в твердой руке. Столыпин заявил мне и А.И. Гучкову, что государь желает нас принять. Прием был назначен в летнем дворце Александрия близ Петергофа.

У ворот нас встретила военная стража, по дорожкам сада разъезды конвойцев в красных черкесках. Александрия — это маленький, почти игрушечный дворец. В ожидании приема государя мы сидели вдвоем в гостиной, убранной дачной мебелью и букетами цветов в вазах. Помню, через комнату, резвясь, пробежали молоденькие девочки, великие княжны.

Ровно в двенадцать часов камер-фурьер³³⁷ открыл дверь и попросил меня в кабинет к государю. В маленькой комнате, с широко открытым окном на море, меня встретил государь. Он был одет в форму стрелкового полка, в русской малинового цвета рубашке, подпоясанной шнурком, в широких шароварах и в высоких сапогах. В русской рубашке государь казался еще более молоджавым, чем обыкновенно, как будто мальчиком.

Государь пригласил меня сесть. Он был чрезвычайно приветлив. Мне легко было глядеть ему в глаза. Беседа длилась в течение целого часа. Государь соглашался со всеми моими доводами, но соглашался как-то машинально, точно он был где-то далеко со своими думами. Я чувствовал, что между нами не установилось общего доверия. Государь очень ласково сделал мне предложение занять место министра земледелия, как ему говорил об этом Столыпин. Я угадывал, однако, что у государя нет желания видеть меня в составе своего правительства, что я являюсь как бы навязанным ему. Я понял это и отказался. Государь сидел в кресле за письменным столом, я напротив его, я говорил и слушал слова государя. Мы были в одной комнате, рядом друг с другом, а между тем между нами стояла глухая стена. И было страшно. Я чувствовал эту непроницаемую стену, и не было сил преодолеть ее. Государь также приветливо и ласково продолжал говорить со мной, с тем особым очарованием, которое было ему так свойственно, но я угадывал, я понял, что мой отказ ему приятен. На этом мы расстались.

Тяжелым камнем на душе осталось у меня воспоминание о моем свидании с государем. Между маленьким, почти игрушечным дворцом Александрия и ужасом русской жизни лежала целая пропасть.

После приема мы поехали вдвоем с А.И. Гучковым на Аптекарский остров к Столыпину. Столыпин выслушал нас. Он сидел у окна, опершись головой на руку в задумчивости. «Да, трудности велики. Государь — это загадка, — сказал Столыпин и, подумав, прибавил. — Нужно служить России, а служить России значит служить государю. В этом наш долг». Он встал и протянул нам руку.

Не прошло и несколько недель, как произошел взрыв на Аптекарском острове. И дача, где я так часто бывал и вел долгие беседы со Столыпиным, взлетела на воздух. Под обломками досок и мусора нашли тела убитых и изувеченную дочь Столыпина. Сам он уцелел каким-то чудом. Но ничто не могло сломить железную волю Столыпина. Он остался таким же непреклонным в преследовании поставленной себе задачи. Твердой рукой он сдвинул бюрократическую машину с мертвой точки и дал ей полный ход. Указом 9 ноября он разрубил гордиев узел в земельном вопросе и предстал перед собранной Второй Думой не с голыми руками, как Горемыкин, а во всеоружии правительственной власти.

Вторая Государственная дума была еще более левой, более революционно настроенной, чем Первая. Правительственная декларация была встречена потоком яростных речей, полных революционных ненавистей*. Столыпин взошел на трибуну и со свойственной ему силой красноречия дал свой ответ: «Когда я слышу слова ненависти, которые только что произнесены, когда я вижу людей, которые хотят только одного — достигнуть паралича власти, речи которых сводятся к одному — “руки вверх”, я им отвечаю: “не запугаете”». Я вижу перед собой Столыпина и слышу его решительный голос, я узнаю саратовского губернатора, одним своим мужественным видом и своим громким окриком остановившего бушующую толпу в мордовском селе.

Да, этот человек умел глядеть прямо в глаза разъяренному зверю. Он победил революцию не мерами репрессии, их мог бы осуществить и Дурново. Столыпин победил своим бесстрашием, своей моральной силой. «Не запугаете!» И, вместе с тем, было что-то трагическое в судьбе этого человека. Он, который мог спасти Россию, пал жертвой от руки презренного провокатора, он, который имел силу превращать картонный меч в железный, погиб от кремневого ружья, как он сам называл наше несовершенное оружие полицейской власти.

Возрождение. 1927 г. 17 декабря. № 928. С. 3–4.

* Так в тексте.

ПИСЬМО А.И. ГУЧКОВА ЖЕНЕ

17 июля 1906 г.

Гучков Александр Иванович (1862–1936) – общественный и политический деятель, статский советник (с 1912 г.). Из московской купеческой семьи. Старообрядец. В 1886 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. Учился также в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В 1893–1897 гг. член Московской городской управы. В 1897–1907 гг. гласный Московской городской думы. Участник англо-бурской войны 1899–1902 гг. Был взят в плен англичанами. В 1902–1908 гг. управляющий Московским учетным банком. Один из основателей и лидер партии «Союз 17 октября». В 1907 и с 1915 г. член Государственного совета. Депутат и с 1910 г. председатель III Государственной думы. В 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета. 2 марта 1917 г. вместе с В.В. Шульгиным принял отречение Николая II. С марта 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции: сначала в Берлине, потом в Париже. Скончался в Париже. Похоронен на кладбище Пер-Лашез.

Письмо, написанное 17 июля 1906 г., относится ко времени переговоров П.А. Столыпина с общественными деятелями о возможности вхождения их в правительство. Одним из участников этих переговоров был А.И. Гучков. Письмо хранится в Государственном архиве Российской Федерации в фонде А.И. Гучкова (ГАРФ. Ф. 555).

...В день приезда я был у Столыпина, который заявил мне, что имеет намерение обновить министерство, что первое имя, на котором он остановился, было мое имя, что когда он назвал меня государю, то и он сказал, что хотел назвать именно меня. Положение объяснил мне Столыпин следующим образом: Думу распустили не только потому, что она была неработоспособна, но и потому, что она, да и отдельные депутаты под прикрытием неприкосновенности вносили в страну революционное брожение, которое разлагало и армию, и полицию. Если бы дело продолжалось так месяц–другой, неизбежно наступила бы полная анархия. Задача правительства в настоящее время следующая: подавить революционное движение силой и в то же время отнять у него всякую почву тем, что само правительство своей властью выполняет теперь же ту часть прогрессивной программы, которая имеет характер неотложной.

Вместе с тем должен быть подготовлен ряд важных законопроектов, которые и будут предложены будущей Думе.

Предупрежденный обо всем Стаховичем³³⁸ я ответил, что прошу дать мне время для размышления до следующего дня. Посоветовавшись с Гейденом³³⁹ и Стаховичем, я на другой день ответил, что я пойду при наличии двух условий: во-первых, не один, а в составе целой группы общественных деятелей и, во-вторых, с определенной программой. С тех пор вот уже пять дней идут совещания и переговоры. Пока, кроме меня (министр торговли и промышленности), вероятно, войдут г[раф] Гейден (государственный контролер), Кони (юстиция), Н.Н. Львов (землеустройство), Ф.Д. Самарин (обер-прокурор). Для министра народного просвещения я рекомендую Виноградова; его поддерживают и остальные мои товарищи. Велись еще переговоры с Шиповым³⁴⁰ и кн. Львовым³⁴¹, но не привели ни к чему. Поведение Ш[ипова] вообще странное. Сегодня заходил ко мне Ермолов (бывший министр земледелия) и, не застав дома, оставил записку, что государь просил меня не уезжать пока из Петербурга, т. к. на этих днях он имел в виду позвать меня.

ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 670. Ч. 2. Л. 59–60.

Н.М. ИОРДАНСКИЙ. «НА ВЫСОТЕ ПОЛОЖЕНИЯ БЫЛ ТОЛЬКО ОДИН СТОЛЫПИН»

Иорданский Николай Михайлович (1870–1933) — общественный деятель, журналист. В 1893 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. С 1897 г. судебный следователь в Коврове. После отставки — присяжный поверенный. Сотрудничал с газетами «Народное дело», «Народный путь», «Русские ведомости». Член «Союза освобождения». Был секретарем ЦК конституционно-демократической партии. Депутат II Государственной думы от Владимирской губернии. После роспуска Думы преимущественно занимался журналистской деятельностью, публицист газеты «Русские ведомости». В 1918–1932 гг. секретарь редакции журнала «Известия текстильной промышленности и торговли».

Здесь публикуется отрывок из воспоминаний, относящийся к деятельности Н.М. Иорданского во II Государственной думе.

...Надо отдать справедливость, что из всех министров на высоте положения был только один Столыпин (если оставить в

стороне министра иностранных дел Извольского, деятельности которого Вторая Дума не коснулась). Столыпин дельно и красиво говорил, с достоинством и внушительностью, за которой чувствовалась сила. Тогда правительство уже крепко сидело, опираясь на штыки и нагайки, располагая хорошим осведомительным аппаратом, не только вне Думы (Азеф³⁴², Малиновский³⁴³), но и в Думе (правый депутат Крупенский³⁴⁴). Столыпин имел «успех» в Думе, его речи сочувственно тогда принимались в верхах. Трудно, конечно, сказать даже теперь, когда многое тайное стало явным, серьезно ли относился Столыпин к тем законопроектам, которые он внес во Вторую Государственную думу. Их было много, и все они носили умеренно-либеральную окраску. Тогда он шел почти на ликвидацию сословного строя, заменяя сословные привилегии классовыми, предлагая отнятие у земских начальников судебной власти с восстановлением института выборных мировых судей, предлагал введение подоходного налога, страхование рабочих и пр. Он по-прежнему оставлял своевластие администрации во всех видах, систему разных охран. Политическая свобода оказывалась в полном умалении. Рабочее движение не получало ни малейшего просвета. Но все же тогда, во Вторую Думу, Столыпин шел с некоторыми «реформами», которые представляли шаг вперед, а не назад, и это, конечно, не могло нравиться правым элементам. Члены Союза русского народа желали уничтожения Думы, а Столыпин хотел Думу сохранить.

Говорят, что успех его речей с думской трибуны его самого тешил. Были ли «реформы», с которыми Столыпин выступил во Второй Думе и от которых он потом отказался после *coup d'état* 3 июня, только одной декларацией и ширмой или они являлись тогда его действительной политической программой, на которую он серьезно шел, мне кажется, вопрос доселе не решенный. Я склонен думать, что тогда Столыпин мыслил возможной работу Думы с правительством на умеренно-либеральной охранительной платформе. Потом, когда изменение состава Думы оказалось возможным и когда правые элементы подняли голову и стали почти диктовать свою волю, Столыпин поплыл по течению, не сумел противостать дворянско-черносотенным влияниям и, цепляясь за власть, все погружался в омут черной реакции.

Выступление Столыпина с правительственной декларацией произошло в Доме Петербургского дворянства на Михайловской, куда временно были перенесены заседания Думы после того, как в Таврическом дворце рухнул потолок. Смутные слухи ходили то-

гда о готовящихся террористических покушениях. Говорили, что Столыпин побоится приехать на Михайловскую, где нет особого министерского павильона и нельзя министрам изолироваться от депутатской массы, корреспондентов и публики, как это было налажено в Таврическом дворце. Но Столыпин явился. Акустика в Дворянском доме была скверная. Левые депутаты со своих мест плохо могли слышать, и они все гурьбой подошли к министерской трибуне и выслушивали речь Столыпина, как школьники, стоя и руки по швам. А Столыпин властно «распекал» и трунил над левыми и решительно заявил, что правительство не допустит, чтобы места министров трактовали как скамью подсудимых. Речь была местами риторически чересчур цветиста, но она была во много раз сильнее последующих речей депутатов левой оппозиции.

РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 84. Л. 111–113.

**ПИСЬМО И.С. КЛЮЖЕВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) –
В.В. ЯКУНИНУ (САМАРА)**

8 марта 1907 г.

Клюжев Иван Семенович (1856–1922) – общественный и политический деятель. С 1877 г. учитель истории и географии Сызранского, а с 1881 г. – Ставропольского уездных училищ. Впоследствии стал инспектором городского 4-классного училища в Самаре. С 1890 г. инспектор народных училищ 1-го района Самарского уезда. В 1907 г. вышел в отставку. Член ЦК партии «Союз 17 октября». Депутат II, III и IV Государственной думы от Самарской губернии. В августе 1917 г. участник Государственного совещания.

Якунин Владимир Васильевич (1855–?) – государственный деятель, действительный статский советник (с 1902 г.), камергер (с 1903 г.), гофмейстер (с 1906 г.). С 1886 г. председатель Одесской уездной земской управы. С 1901 г. предводитель дворянства Одесского уезда. В 1906–1910 гг. самарский губернатор. С 1910 г. екатеринославский губернатор. В письме отражена реакция депутатов Думы на декларацию правительства 6 марта 1907 г.

...Сам Столыпин производит чарующее впечатление, говорит он сильно, громко, уверенно и авторитетно. Декларация, чтение ее и сам Столыпин произвели на массу, не исключая и крайних левых, громадное впечатление. Заключительные слова Столыпина

на станут историческими. «Это сказано по-хозяйски», — уловил я фразу крестьянина-депутата. Лучше, сильнее этих слов, сказанных от глубины души мужичка, и придумать трудно. Теперь у всех нас легко на душе. Работать можно.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 176. Л. 97.

ПИСЬМО Ф.И. РОДИЧЕВА – А.Р. ЛЕДНИЦКОМУ

без даты

Родичев Федор Измайлович (1854–1933) — политический и общественный деятель. В 1874 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета, а в 1876 г. юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1879–1891 гг. и с 1906 г. предводитель дворянства Весьегонского уезда Тверской губернии. Участник земского движения конца XIX — начала XX вв. Был делегатом на земских съездах 1904–1905 гг. Член «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Один из создателей Конституционно-демократической партии, член ее ЦК с 1906 г. Депутат I, II, III и IV Государственной думы. С 1915 г. член Прогрессивного блока. В марте–мае 1917 г. комиссар Временного правительства по делам Финляндии. В августе 1917 г. участник Государственного совещания. С октября 1917 г. член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Депутат Учредительного собрания от Петрограда. В 1918 г. выехал в Киев, жил в Ростове-на-Дону, в Екатеринодаре. Член Совета государственного объединения России, ростовского отделения Национального центра. С 1919 г. член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР А.И. Деникине. С 1919 г. в эмиграции. В 1920 г. переехал в Париж. С 1922 г. жил в Лозанне.

Ледницкий Александр Робертович (1866–1934) — адвокат, общественный и политический деятель. Из польского шляхетского рода. В 1889 г. окончил Демидовский юридический лицей в Ярославле. С 1891 г. помощник присяжного поверенного. С 1896 г. присяжный поверенный. В 1904 г. делегат ноябрьского земского съезда. Член Конституционно-демократической партии. С 1906 г. входил в состав ЦК. Депутат I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание, за что в 1907 г. был осужден. Во время Первой мировой войны вышел из партии кадетов ввиду разногласий по польскому вопросу. Сотрудничал с журналом «Русская мысль», газетами «Рус-

ские ведомости», «Русское слово», «Речь», «Край» и др. С 1918 г. жил в Варшаве. В 1919–1923 гг. издавал газету «Тыдзень польски». Председатель Американского банка в Польше. Покончил жизнь самоубийством.

Письмо Ф.И. Родичева А.Р. Ледницкому было опубликовано дочерью Ф.И. Родичева – А.Ф. Родичевой в «Новом журнале» в 1953 г. (№ 4). В письме описываются события, связанные с выступлением Ф.И. Родичева в Государственной думе 17 ноября 1907 г., обличавшим правительственный террор. Тогда Ф.И. Родичевым и были произнесены слова о «столыпинском галстуке» (т. е. о виселице) как основном средстве борьбы с революцией.

Собиралась III-я Дума. Ее уже звали не законодательной, а законопослушной. Я хотел этой Думе дать характеристику новой, послеоктябрьской реакции и развить в противоположность ей программу I-ой Думы.

Мне не пришлось этого сделать. Помню, как сейчас, враждебный гул с самого начала речи. Когда я помянул генерала Скалона³⁴⁵, угрожавшего полякам вмешательством Вильгельма³⁴⁶, раздалось рычание с правой стороны. Волнение только росло и разразилось бурным скандалом после фразы о «столыпинском галстуке». Я сказал: «Пока правительство в борьбе с эксцессами революции прибегает к тому средству, которое духовный потомок Пуришкевича³⁴⁷ назовет, быть может, “столыпинским галстухом”... И собирался сказать: «Вот почему и стремились мы развить нашу программу». Образ галстуха пришел мне на язык потому, что в предыдущих заседаниях Пуришкевич к крайнему удовольствию правых говорил два раза о «муравьевских воротничках»³⁴⁸ – средстве управления.

Поднялась буря. Все, что были направо, вскочили с мест и вопили. Помню Пуришкевича, который с ругательствами кинулся меня бить. Его остановил плечистый Гегечкори³⁴⁹. Помню Крупенского³⁵⁰, ругавшегося матерными словами... Больше всех поразил меня Плевако³⁵¹. С развевающимися волосами он спускался по проходу сверху вниз и неистово ругался матерными словами... Заседание в страшном шуме прервано. Собрались кадеты. В собрание пришел думский пристав звать меня к председателю. Я вспомнил свое правило: оценивать слова не по намерению оратора, а по впечатлению слушателя, и решил с самого начала, что я возьму свои слова обратно, заявив, что я не имел намерения никого оскорбить. Так я и сделал. «Я вас прошаяю», – заявил Столыпин

и круто повернулся уходить. «Вам нечего прощать мне», — послал я ему вдогонку³⁵². Собрали Думу. Я сказал то, что сказал Столыпину. «Это не извинение», — кричали справа. Большинство против кадетов и левых я был исключен на 15 заседаний. То был для меня страшный удар. «Вот чем увенчалось стремление всей моей жизни!» Всю ночь я не мог заснуть, повторяя: «Что они со мной сделали». Утром начались другие впечатления. Началось с того, что принесли огромный букет от Марии Николаевны Стоюниной³⁵³. Потом явился Вильямс³⁵⁴, впоследствии муж А.В. Тырковой³⁵⁵, умерший редактором внешнего отдела газеты «Times». Не помню, в какую газету писал тогда Вильямс. Он был чрезвычайно доволен и моей речью и возгласом о галстухе и надеялся, что весь инцидент послужит началом нового поворота в общественном движении. А потом начались визиты, цветы, подношения. Много было польских посетителей и, наконец, на третий или четвертый день принесли мне огромную литографию, где изображены польские дети под арестом перед отправлением в ссылку. На рамке серебряная дощечка с надписью: «Федору Родичеву на память о таком-то дне». Эффектная картина. Она меня очень тронула. Впоследствии большевики увезли ее. В дружеском доме Л.Ф. Пантелеева³⁵⁶ встретил депутата Румянцева³⁵⁷ не из октябристов: «Зачем вы меня исключили?» «А зачем вы делаете такие жесты?» — он попытался изобразить петлю.

Как бы то ни было, я был надолго выброшен из Думы. В начале заседания были редки, и мое изгнание продолжалось до Нового года... Долго в Думе царило враждебное отношение ко мне.

Родичева А.Ф. Ф.И. Родичев и П.А. Столыпин // Новый журнал. 1953. № 34. С. 295–296.

**М.А. СТАХОВИЧ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) —
А.И. ГУЧКОВУ (МОСКВА)**

2 июля 1907 г.

Стахович Михаил Александрович (1861–1923) — политический и общественный деятель. Окончил Училище правоведения. С 1882 г. служил по Министерству юстиции. С 1891 г. уездный предводитель дворянства. В 1895–1907 гг. орловский губернский предводитель дворянства. В 1904–1905 гг. уполномоченный Красного Креста. Член кружка «Беседа». Один из основателей партии «Союз

17 октября». В 1905–1906 гг. член ЦК партии. Вышел из ее состава и участвовал в организации Партии мирного обновления. Был депутатом I и II Государственной думы. В 1907–1917 гг. член Государственного совета. В 1912–1914 гг. член ЦК прогрессистов. В 1917 г. финляндский генерал-губернатор. С 1917 г. в эмиграции. Скончался во Франции.

Письмо, перлюстрированное Департаментом полиции, хранится в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265).

Пользуюсь свободным часом, чтобы пересказать вам о моем свидании со Столыпиным. О давлении на печать он отозвался несочувственно, особенно по Москве, где оно ему показалось совершенно бессистемным и бестолковым. Он посылает туда Бельгарда³⁵⁸ и после его доклада намеревается уговорить Гершельмана³⁵⁹ не продолжать репрессий, особенно в практикуемом им виде. Против провинциальной печати он настроен возбужденнее, находя ее в десять раз невоздержаннее и радикальнее самой отчаянной столичной газетки. Про умерение консервативных выходов и репрессий младших чинов с начальствующими над ними губернаторами Столыпин сказал, что предвидел это и верит, что они нуждаются в удерже; но чем именно он готов и способен их образумить, он мне не сказал, хотя согласился со мной, что это вернейший путь настроить население оппозиционно, а затем повторить в третий раз вызванный этим дважды электоральный успех левых. Что касается съезда кадетов, то с первых же слов поняв, что ему не хочется его разрешать, я довольно подробно развил ему те соображения, о которых мы с вами рассуждали. Он возражал неубедительно, что такая уступка правительства будет перетолкована как слабость и может потому подбодрить левых. Я не только не разделяю таких опасений, но даже очень отношусь подозрительно к их полной искренности. Едва ли мало-мальски внимательный или осведомленный человек способен на такое подозрение. Что кадеты не в авантаже, тому подтверждением служат их собственные планы; никогда, может быть, в будущем, а уж наверное в прошлом, политическое соотношение не было более благоприятно, чтобы легализовать эту партию, не говоря уже о разрешении ей съезда. Отказ в легализации — политическая ошибка, и как таковая вредит всем центристским элементам, даже ненадежным, куда левые так задорны и многочисленны. Те же решения подсказывают и соображения тактического характера, т. к. на

этом съезде возможен раскол и неизвестно еще, какая группа (правая или левая) окажется тогда отпавшей. Электоральные собрания могут сохранить партии ее самые благоразумные элементы. А такой успех я был бы склонен считать победой и проявлением крупной государственной мудрости. Но я не убедил Столыпина, и при прощании он повторил, что не предвидит возможности такого разрешения вопроса.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 258. Л. 33.

**ПИСЬМО Э.А. ИСЕЕВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) –
С.А. ИСЕЕВОЙ (САРАТОВ)**

1 декабря 1908 г.

Исеев Эраст Андреевич (1852 – после 1922) – общественный и политический деятель. В 1875 г. окончил юридический факультет Императорского Казанского университета. С 1881 г. присяжный поверенный. В 1878–1904 гг. и с 1907 г. саратовский губернский и уездный земский гласный. С 1890 г. участковый мировой судья по Камышинскому уезду Саратовской губернии. С 1894 г. член Саратовской губернской земской управы. В 1896–1903 гг. председатель Саратовской уездной земской управы. С 1905 г. член «Русского собрания». В 1907–1917 гг. почетный председатель Саратовского городского отдела «Союза русского народа». Участник съездов уполномоченных Объединенного дворянства. Депутат III Государственной думы от Саратовской губернии, член фракции правых. После 1917 г. в эмиграции, в Югославии.

В письме Э.А. Исеева описываются консультации правительства с депутатами Государственной думы относительно законопроекта «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении».

Перед постановкой [законопроекта³⁶⁰] по указу 9 ноября Столыпин приглашал к себе по 2 человека от каждой фракции, кроме левых (от к.-д. и левые), и между прочим указал на неудобство дополнения земельной комиссией 1-й статьи о том, что где не было 24 года передела, там их больше не должно быть и крестьяне считаются подворными собственниками. Это, конечно, логическое развитие оснований 9 ноября, но Столыпину, по-видимому, хотелось, чтобы закон 9 ноября прошел в Государственной

думе без изменений и выпустил брандера³⁶¹, заявив, что в Поволжских губерниях это дополнение может вызвать смуты и волнения. Конечно, столыпинцы и наш почтенный К.Н.³⁶² пошли вслед за дирижерской палочкой, но провалились, дополнение было принято, хотя всего 8–10 голосами. Для достижения своей цели Столыпин ничем не брезгует. Здесь вслух говорят, что когда в Совете по делам местного хозяйства³⁶³ уполномоченные земских собраний начали щелкать его проекты, то он четверым будто бы обещал места вице-губернаторов с тем, чтобы при первой возможности сделать губернаторами... Говорят, что в Совете эти четверо значительно смягчили тон речей.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 342. Л. 90.

И.Д. СЫТИН. ВСТРЕЧА СО СТОЛЫПИНЫМ

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — издатель, общественный деятель. Из крестьян. В 1876 г. открыл в Москве литографию. С 1890-х гг. издавал учебники, детские книги, научно-популярную литературу, в частности в серии «Библиотека для чтения». Издавал сочинения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого. После 1917 г. издательство было национализировано. И.Д. Сытин работал консультантом Госиздата.

Воспоминания И.Д. Сытина «Страницы пережитого» были опубликованы в 1960 г. Однако фрагмент мемуаров, описывающий встречу И.Д. Сытина и П.А. Столыпина, был опущен в изданиях 1960 и 1985 гг. Впервые он увидел свет в журнале «Слово» в 1990 г. (№ 8).

Товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров, мой личный знакомый, сообщил мне, что мной очень недоволен П.А. Столыпин и что издательская деятельность моя вызывает его упреки³⁶⁴. Это для меня было неожиданным. Но, зная, как много в этих случаях зависит от шептунов и личных недоброжелателей, не останавливаясь ни перед клеветой, ни перед сплетней, я попросил Макарова, чтобы он мне устроил свидание с министром, рассчитывая, что в очной беседе мне удастся выяснить недоразумение и, может быть, рассеять наговоры, если они были.

Макаров обещал все устроить, и действительно скоро ко мне в Москву пришла телеграмма П.А. Столыпина. Меня вызывали в Зимний дворец к 2-м часам дня на личный прием.

Признаюсь, что свидание меня несколько взволновало. Что такое могли ему наговорить, и чем собственно он недоволен? Опыт жизни приучил меня к мысли, что министры редко бывают недовольны сами по себе: обыкновенно им кто-нибудь «докладывает», и только после «доклада» они бывают милостивы, либо недовольны. Мой билет на прием П.А. Столыпину был 12-й, но почему-то меня не вызывали, когда пришла моя очередь, и пропустили. Почему бы это? — думаю. Вот прошел в кабинет № 15-й и 20-й, и 30-й, а меня все не вызывают. Наконец, в приемной уже никого не осталось, я был последним и меня позвали:

— Пожалуйста!

Столыпин принимал в просторном кабинете Александра П. Он сидел за небольшим столом, и в сидячем положении чувствовался его крупный рост и вся его внушительная крупная фигура. Чернобородое, несколько бледное лицо казалось чуть-чуть усталым.

— Господин Сытин? Прошу садиться, — министр указал рукой на кресло, и я сел. — У вас, я знаю, очень большое дело народных изданий?

— Да, Ваше Превосходительство, дело большое, очень трудное...

— На вас жалуются... Дело ваше большое, но слишком сумбурное. Вы много либеральничаете, а между тем именно в вашем положении народного издателя нужна особая осторожность, чтобы не развратить русскую душу.

— Ваше Превосходительство, вас информировали пристрастные люди. Я веду дело с глубокой предусмотрительностью и более чем осторожно. Свою задачу я понимаю просто и подхожу к ней тоже просто, без всяких задних мыслей. Наш народ темен, его надо учить, а я стараюсь дать ему полезную и дешевую книгу по всем отраслям знания. Если, Ваше Превосходительство, благоволите заглянуть в наш каталог, вы увидите все результаты нашей работы.

— Хорошо, я просмотрю ваш каталог, но вы должны понимать, что и знание народу надо давать чистое, а не разрушительное.

Из этих слов я понял, что большого неудовольствия против меня не питают и что если был какой-нибудь доклад о нашей работе, то не слишком злой.

— Я с радостью предоставляю Вашему Превосходительству все обширные материалы и планы моей работы.

— Вот и чудесно. Я, признаюсь, тоже имею некоторые виды на вас и хотел воспользоваться вашей опытностью для распро-

странения в народе сельскохозяйственных книг. Наша программа хуторского хозяйства требует полезной книги для народа... Кстати, в вашей газете нашу программу раскритиковали и довольно жестоко... А вы как на это смотрите?

— Я, Ваше Превосходительство, в этом пункте не разделяю взглядов моей газеты. Я смотрю на отрубное хозяйство с величайшим удовлетворением. Я сам крестьянин и знаю, что нужно крестьянину.

— Да? Мне это очень приятно слышать... Значит мы с вами одного мнения? Тогда давайте вместе работать. Дадим мужику хорошую народную библиотеку: серию книг по сельскому хозяйству, по ремеслам и вообще по всем кустарным мастерствам... А? Как вы на это смотрите? Я нахожу, что давно пора устраивать в деревнях специальные читальни с необходимыми научными пособиями и показательными станками и орудиями обработки. В этом отношении мы очень отстали.

Признаюсь, эти слова сурового министра, которого вся наша печать рисовала чуть ли не временщиком, поставленным в сословных интересах дворянства, показались мне очень неожиданными. Так не говорят люди, занятые сословными интересами. По крайней мере, в самом тоне голоса Столыпина мне почувствовалась любовь к России, ко всей России, а не к одному классу.

— Ваше Превосходительство говорит о том, что давно составляло нашу мечту. Вот уже десять лет, если не больше, мы все ждали, что правительство наконец пойдет навстречу и, по крайней мере, разрешит делать другим то, чего само не будет делать. И вдруг вы сами хотите подойти к насущным нуждам деревни. Это такое доброе дело, что я был бы счастлив, если бы мог оказать посильное содействие Вашему Превосходительству... И не только моей работой, но и материальными жертвами... Я верю в жизненность отрубного хозяйства, я знаю, что значит зависимость крестьянина от общины, и если мужику, наконец, развяжут руки и [он] будет сам себе господин, то и обработка земли и все хозяйство пойдет по-другому. А пример хорошего хозяина всю округу заразит... Я хорошо знаю это дело, я тоже сын крестьянина. Да еще если при этом будет изба-читальня. Если к мужику дойдет, наконец, книга, которая была спрятана от него за семью замками, так русская деревня через десять лет станет неузнаваемой.

— Значит мы с вами одного мнения? Я очень рад... Давайте же вместе работать...

Расстались мы со Столыпиным совсем иначе, чем встретились. А через неделю ко мне в Москву приехал от него чиновник П.П. Зубовский³⁶⁵ и попросил, чтобы я дал ему программу будущих изданий для народа. Я ему показал целый ряд каталогов и обратил его внимание, что три четверти книг для предполагаемой избы-читальни уже есть в совершенно готовом виде и что надо будет добавить только учебники для взрослых да хорошенько подобрать библиотечки по кустарным производствам. Со своей стороны П.П. Зубовский обратил мое внимание на приближающийся юбилей крестьянской реформы и Отечественной войны и спросил, что мы думаем сделать для этих юбилеев. Но так как вопрос этот занимал и нас и мы разработали программу юбилейных изданий в самом широком и даже грандиозном масштабе (над этим делом у нас трудилось 50 профессоров), то осталось подумать лишь о серии самых дешевых народных брошюр и картин. Вообще из разговора с Зубовским я вынес впечатление, что Столыпину очень запал в душу наш разговор об избе-читальне и что планы у него созрели самые широкие. К сожалению, однако, П.А. Столыпин скоро предпринял роковую для него поездку в Киев на торжества и там исполнилось его давнишнее предчувствие, которое он отметил в своем завещании: «Похоронить там, где убьют».

Слово. 1990. № 8. С. 68–69.

С.И. Шидловский. «УБЕЖДЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННИК»

Шидловский Сергей Илиодорович (1861–1922) – общественный и политический деятель, действительный статский советник. В 1889 г. окончил Александровский лицей. Был женат на дочери статс-секретаря сенатора А.А. Сабурова. С 1880 г. служил по Министерству внутренних дел, с 1891 г. чиновник особых поручений при министре. С 1900 г. член Совета Крестьянского поземельного банка. В 1905–1906 гг. директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия. Член партии «Союз 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы от Воронежской губернии. В 1909–1910 гг. товарищ председателя III Думы. В IV Государственной думе председатель земельной комиссии. После раскола фракции октябристов – член группы «Союз 17 октября». С 1915 г. член Прогрессивного блока, председатель бюро. С марта 1917 г.

член Временного комитета Государственной думы. С 1920 г. в эмиграции, в Эстонии. Работал в Министерстве внутренних дел Эстонии. Сотрудничал с таллинской газетой «Последние известия».

Воспоминания С.И. Шидловского были опубликованы в Берлине в 1923 г. В данном издании приводится отрывок, характеризующий П.А. Столыпина и его министерство.

...Столыпин был на редкость выдающийся человек, если не по своим государственным способностям, то по благородству характера, чистоте убеждений и способности всецело забывать все, кроме интересов государства, как он их понимал. Такие натуры встречаются вообще не часто, рыцарство, присущее Столыпину, почти исчезло в жизни, и если ему приходилось выдерживать столько нападков со стороны противников, то только потому, что он являлся представителем враждебного им строя, а давно известно, что, чем сильнее и талантливее противник, тем сильнее на него нападки.

Столыпин был в полном смысле слова лучшим представителем того отжившего дворянского сословного строя, против которого так энергично боролись все остальные политические партии. Он отчетливо сознавал, что этот строй пережил себя, что необходимо его коренное изменение, но в самый ход этой реформы он вносил известную постепенность, которой не допускала оппозиция, а главное — он сам происходил из этой столь ненавистой среды, и допустить, чтобы такое упразднение самое себя исходило из этой среды, она не могла. При этом под влиянием современного учения о классовой борьбе, совершенно ошибочно допускающего со стороны какого-либо сословия лишь защиту своих материальных интересов и совершенно не понимающего возможности принесения их в жертву общей пользе, оппозиция считала, что направление внутренней политики, известное в последнее время под названием дворянского, далеко не пользовалось симпатиями всего дворянства, а лишь известной, далеко не лучшей части его.

Забывали при этом, что все реформы демократического свойства проводились в свое время дворянством всегда в ущерб интересам личным и сословным, если под последними понимать материальные выгоды. Дворянство сваливали в одну кучу с буржуазией в смысле тождественности их интересов и психологии, что было совершенно неправильно. Я считаю сословность утратившей ныне всякое значение, но, с точки зрения исторической справед-

ливости, должен протестовать против отождествления дворянства с буржуазией. Буржуазия руководствуется материальными интересами, являющимися для нее главными, дворянство же руководствовалось принципами, стоящими выше, и не останавливалось перед имущественными требованиями, когда они требовались. Вот существенная разница между этими двумя сословиями, и если она перестает существовать, то либо дворянство обращается в буржуазию, либо буржуазия — в дворянство.

Правительство за последние 40 лет усиленно подчеркивало значение дворянства, все время при этом напоминая, кстати и некстати, о значении его в государственном деле, забывая при этом, что значение это оно имело до тех пор, пока не обращалось в буржуазию, и соответствовало определению, данному выше. Дворянство не удержалось на той позиции, которую занимали лучшие его представители в прежние времена и начало обуржуазиваться, но из этого совершенно не следует, что каждый дворянин по самому происхождению своему — буржуй и что Столыпин являлся сторонником той дворянской политики, которая велась в конце XIX столетия.

Разумеется, у Столыпина были и недостатки, без которых не обходится ни один человек. Самый главный его недостаток, особенно губительный для человека, призванного стоять во главе всякого крупного дела, было его неумение разбираться в людях и судить об их свойствах, недостатках и качествах.

Назначение губернаторов Столыпин взял всецело в свои руки; Министерство внутренних дел никакого отношения к этому не имело, и даже соответствующие чины его ехидно посмеивались, называя губернаторов лейб-гвардией Петра Аркадьевича. Выбор губернаторов был действительно чрезвычайно неудачен: кто только не попадал в их число, особенно если у него был ценз общественной службы. Такой неудачный подбор приносил много вреда Столыпину, так как лучшие его начинания нередко обращались во что-то совсем безобразное вследствие излишней ретивости исполнителей, а нередко и вследствие полной их непригодности для дела.

Вспоминается мне один эпизод в этой области, относящийся к первым годам деятельности Третьей Государственной думы. Как-то во время рождественского перерыва думской сессии по городу распространился слух, что товарищем министра внутренних дел по полицейской части назначается генерал Курлов³⁶⁶. Слух этот казался настолько серьезным, а репутация генерала Кур-

лова настолько определенная, что оставшиеся в Петербурге члены Думы – октябристы и умеренно правые, составляющие большинство, поддерживающее Столыпина в Думе – послали к нему делегацию с тем, чтобы выяснить справедливость этих слухов и высказать свое совершенно отрицательное отношение к генералу Курлову.

Оказалось, что действительно Столыпин намерен назначить Курлова на место товарища министра, и когда члены Думы сказали Столыпину, что они до сих пор его поддерживали, но если будут такие назначения, они перестанут это делать, то Столыпин стал объяснять, почему он сторонник такого назначения.

При этом он сказал: «Вы знаете, что такое из себя представляет наша полиция и какую железную руку надо иметь для того, чтобы ее держать в руках, так вот у Курлова – именно такая рука». Всем, знавшим Курлова, разумеется, ясно, до какой степени Столыпин ошибался в нем.

Кстати, здесь же Столыпин сделал несколько характеристик своих сотрудников, определенно показавших, что он оценивал их совершенно неправильно. Так, например, о своем товарище Крыжановском он отозвался: «Этот рыцарь без страха и упрека». Такого рода характеристика совершенно не подходит к этому человеку, так как предполагает идеалиста, чем менее всего являлся Крыжановский.

Назначение Курлова состоялось, и большинство Думы продолжало поддерживать Столыпина. Это была крупная ошибка со стороны октябристов с точки зрения тактической, ибо дала Столыпину возможность не считаться с желаниями думского большинства во многих случаях и привела к результатам, о которых речь будет ниже. Виновен в этом в значительной степени Гучков, питавший к Столыпину влечение – род недуга, что очень способствовало утрате октябристами всякого авторитета в глазах Столыпина, считавшего впоследствии, что октябристы – всегда у него в кармане.

Вскоре произошел эпизод, в котором уже самому Столыпину пришлось совершить подобную же тактическую ошибку, тоже имевшую в будущем для него неблагоприятные результаты.

Возник вопрос об учреждении новой должности по военному ведомству в составе Императорской Главной квартиры, и при этом возникло разногласие, есть ли необходимый для этого кредит такой, который должен быть разрешен Государственной думой, или же это зависит непосредственно от государя. По сум-

ме кредита вопрос был пустячный, а разногласие было чисто принципиальное³⁶⁷.

Государственная дума, а вместе с ней Столыпин держались того мнения, что кредит этот подлежит разрешению Думы, государь был обратного мнения. Столыпин подал в отставку, но затем довольно легко дал себя уговорить и взял отставку обратно, отказавшись от своего мнения.

Несмотря на всю мелочность повода, это было со стороны Столыпина большой ошибкой. Раз он счел невозможным подать в отставку, то ему следовало бы настойчиво стоять на принятой им позиции до выхода в отставку включительно; тогда, по крайней мере, он доказал бы государю, что он действительно человек твердый, который своим мнением не поступается. Отказавшись же от своего мнения, Столыпин в глазах государя стал самым рядовым, обычным министром, которому достаточно приказать и он берется защищать точку зрения, обратную его собственной.

Это очень поколебало авторитет Столыпина в глазах государя. В то время в Петербурге много об этом говорили, и так как такое поведение весьма мало подходило к тому понятию, которое составилось о Столыпине, то поведение его объяснялось семейными женскими влияниями.

Вообще к концу деятельности Третьей Думы Столыпин стал далеко не тот, чем он был в начале своей деятельности в качестве премьера. Петербургская бюрократическая атмосфера, от влияния которой редко кто уходил, сказалась и на нем. Он, по выражению покойного артиста Горбунова³⁶⁸, принял «генералина». Стал величественнее, менее доступным и весьма заметно поправел.

Последнее объясняется тем, что он по месту своей прежней деятельности — Ковенская губерния — был связан с окраинами, в которых, помимо всего другого, довольно остро стоял национальный вопрос, причем русское национальное направление по различным, весьма разнообразным причинам должно было совпадать с правым политическим направлением. С общественным же направлением внутренних губерний, в которых национального вопроса никогда не существовало, Столыпин практически знаком не был, так как, кроме весьма непродолжительного губернаторства в Саратов³⁶⁹, ему не приходилось с ним сталкиваться.

На этой-то подкладке под влиянием излишней уступчивости думского большинства в Третьей Думе и при значительном участии того горбуновского «генералина», о котором сказано выше, Столыпин сильно изменился к концу своей жизни.

Правда, занят он был страшно, не имел ни минуты отдыха, что отразилось и на его здоровье, все время был окружен интригами и не имел откровенной и искренней поддержки ни со стороны своих товарищей по кабинету, ни со стороны государя, весьма ревниво относившегося даже к той популярности, которой пользовался Столыпин. Неумение выбирать сотрудников и правильно расставлять людей повело к полному расстройству бывшего в непосредственном ведении Столыпина Министерства внутренних дел.

Дело доходило до того, что в комиссиях Государственной думы, рассматривавших внесенные этим министерством законопроекты, не было представителей министерства, могущих дать объяснение, и приходилось наскоро занимать чиновников в других министерствах, чтобы взвалить на них труд защиты не известных им законопроектов.

Самым интересным эпизодом из деятельности Столыпина в эту эпоху было проведение через законодательные палаты закона о введении земства в юго-западных и белорусских губерниях³⁷⁰. Сначала было предложено ввести своеобразное земство во всем Западном крае с приданием особых преимуществ представителям русской национальности, но как ни вертели и каких только комбинаций ни придумывали, оказалось, что достичь этой цели в Северо-Западном крае (губерниях Виленской, Ковенской и Гродненской) совершенно невозможно за отсутствием в них русского элемента, и поэтому самая мысль о введении земства в нем была оставлена.

Внесенный правительством законопроект был Государственной думой рассмотрен, в известной степени изменен, и затем он автоматически перешел для рассмотрения в Государственный совет. Государственный совет, по-видимому, в общем не сочувствовал этому новому проекту, применил чрезвычайно странный способ его отклонения; он сразу отклонил переход к постатейному обсуждению³⁷¹, т. е. признал его не стоящим рассмотрения. На основании каких соображений Государственный совет решил применить такой грубый и оскорбительный для лиц и учреждений, работавших над законом, способ его провала, мне в точности неизвестно. Если бы Государственный совет не сочувствовал положенным в Основные законы принципам, то он мог при рассмотрении его изменить их коренным образом, и если бы и этим он остался неудовлетворен, то никто не мешал ему при окончательном голосовании закона в целом отвергнуть его. Результат был

бы тот же самый, но, по крайней мере, все произошло бы без скандала.

Нельзя допустить, чтобы этого там не сообразили: в составе Государственного совета было немало таких знатоков в области техники проведения всяких делопроизводственных фокусов, которые не могли этого не знать, но, очевидно, в расчеты его входило совершенно сознательно сделать именно то, что он сделал... Государственная дума, осведомившись об отклонении Государственным советом ее проекта целиком, без рассмотрения, моментально внесла тот же проект за своими подписями в порядке собственной законодательной инициативы. Подписей было под этим якобы новым законодательным предположением собрано множество, составлявшее значительное большинство Думы, так что все требуемые наказом формальности могли быть выполнены в кратчайший срок и через какой-нибудь месяц отвергнутый Государственным советом проект мог бы снова быть внесен на его рассмотрение³⁷².

Столыпин усмотрел в поступке Государственного совета ярко выраженное недоверие к себе и подал в отставку. Отставка не была принята, и началась длинная канитель переговоров государя со Столыпиным. Последний не соглашался взять свою отставку обратно, настаивал на ней упорнее, чем когда бы то ни было. Тогда его стали соблазнять всякими компенсациями, были пущены в ход всякие пружины и влияния, и, наконец, удалось сломить упорство Столыпина; он согласился взять свою отставку обратно, если ему будут гарантированы некоторые условия. Переговоры относительно этих условий велись Столыпиным при несомненном содействии некоторых членов Думы, принимавших в этом участие персональное, а не в качестве представителей какой-нибудь фракции. К этому времени отношения октябристов к Столыпину были уже не прежние, а в значительной степени сдержаннее, и он начинал входить в более тесные отношения с националистическими элементами балашовского толка. Какие влияния, сверх указанных, могли действовать на Столыпина, не столь уж интересно; можно сказать, что всякий, кто только имел возможность влиять, не упускал ее.

Условия, на которых Столыпин соглашался взять свою отставку, были следующие: 1) роспуск на короткий срок законодательных учреждений – Государственного совета и Государственной думы; 2) проведение во время этого роспуска закона о западном земстве по 87 статье и 3) предоставление Столыпину права к

ближайшему 1 января заменить 30 членов Государственного совета лицами по его выбору. В объяснение последнего пункта нужно напомнить, что на основании Учреждения Государственного совета состав его на каждый год определялся к 1 января особым Высочайшим указом. Разумеется, это относится только к членам по назначению.

Когда Столыпин окончательно сговорился с государем об условиях, на которых он соглашался взять назад свою отставку, он просил государя для памяти написать условия, что и было сделано собственноручно государем синим карандашом на большом листке блокнота. Этот листик я видел своими глазами у Столыпина, который его нам показывал.

Инцидент с законом о западном земстве, таким образом улаженный, привел к результатам, совершенно для Столыпина неожиданным, т. е. к усилению враждебного к нему отношения со стороны всех законодательных факторов, в это дело замешанных.

Государственная дума не могла относиться к этому делу иначе, чем резко отрицательно, так как считала своим непременным долгом охранять права законодательных учреждений, и роспуск палат для проведения закона по 87 статье в таких условиях считала недопустимым способом и не вызываемым никакими обстоятельствами; все можно было прекрасно уладить тем способом, который она сама применила, т. е. внесением закона вновь в порядке собственной ее законодательной инициативы. Издевательство же над правами законодательной палаты, каковым считала Государственная дума отношение Столыпина в данном случае к Государственному совету, могло только искренне возмутить Думу, хотя бы по внешности оно и носило характер заступничества за нее. Отношение Думы к Совету, этой законодательной пробке, как его называли, было далеко не благосклонным, но, несмотря на это, Дума прекрасно понимала, что сегодня «он, а завтра я», и что безнаказанность такого эксперимента может грозить ей самой такой же опасностью в будущем.

Государственный совет не мог не отнестись совершенно отрицательно к такому грубому нарушению его несомненных законодательных прав, сопряженному с бесцеремонным давлением на личный его состав; в таких условиях деятельность учреждения свелась бы к беспрекословному исполнению приказа начальства и совершенно исчезли бы даже признаки самостоятельности. Соответственно с этим и создалось в Государственном совете определенно враждебное отношение к Столыпину.

Наконец, государь, конечно, никогда бы не простил Столыпину того, что он не поверил словам его, а потребовал письменного закрепления тех условий, на которых соглашался взять обратно прошение об отставке. Столыпин в этом случае, может быть, по существу был прав, но цари такого недоверия никогда не прощают.

Таким образом, совершенно неожиданно для Столыпина результатом всего этого инцидента и придуманного им способа его ликвидации явилось его полное отчуждение от всех трех источников государственной власти в стране. Ни с государем, ни с Государственным советом, ни с Государственной думой он по-прежнему работать уже не мог, и весь этот эпизод надлежит считать концом его государственной деятельности. Он продолжал оставаться главой правительства, исполнять свои обязанности, но политически он являлся уже поконченным человеком, долженствующим в ближайшем будущем сойти со сцены. И, с этой точки зрения, особенно бессмысленным является убийство Столыпина в Киеве, так как если, с точки зрения поклонников террора, имеет известный смысл удаление путем убийств почитаемых ими вредными деятелей, то, даже с их точки зрения, не может быть объяснена казнь человека, собственноручно совершившего над собой политическую казнь.

Этот акт политического самоубийства, совершенный над собой Столыпиным, ни в чем не меняет нашего мнения о нем, высказанного выше. Это был благороднейший человек, искренне любивший свою родину и желавший ей добра всеми своими далеко не дюжинными силами. Условия, в которых ему приходилось действовать, были безмерно тяжелы, так как, помимо общего состояния страны, самого по себе для государственного деятеля нелегкого, Столыпину приходилось считаться с влияниями петербургскими, придворным и бюрократическим, с интригами отдельных лиц, с личностью государя. Все это оказалось ему не под силу, хотя сил этих в нем было больше, чем в ком бы то ни было другом.

Весьма сомнительно, чтобы кто бы то ни было другой мог справиться с делом более успешно, несмотря на все недостатки Столыпина, от которых он, разумеется, не был свободен и которые оказали свое влияние на его деятельность. Повторяю, что я не знал другого государственного деятеля более благородного по побуждениям, и это чувство навсегда у меня останется. Может быть, в современных условиях большее значение имеют другие сторо-

ны человеческой природы, но все-таки чистота побуждений останется столь привлекательной стороной ее, что не преклоняться перед ней нельзя, тем более что она не может не оказать благотворного влияния на лиц, входящих в сношение с обладающими этим редким даром.

Кстати, не могу не остановиться на очень характерном эпизоде, имевшем место в Киеве после убийства Столыпина и известном мне из безусловно достоверных источников. Как известно, государь после убийства Столыпина весьма скоро уехал из Киева. Был назначен час отхода поезда, на платформе собрался весь Совет министров во главе с Коковцовым, исправляющим обязанности его председателя. О назначении преемника Столыпина еще никакой речи не было. Прибыла царская семья, государь простился с министрами и в самый последний момент отвел Коковцова в сторону и сказал ему, что у него к нему большая просьба. Коковцов ответил то, что в таких случаях отвечать полагается, и тогда государь сказал, что он просит Коковцова согласиться принять назначение в председатели Совета министров.

Коковцов, конечно, сказал, что он считает себя неспособным занять такой пост, неподготовленным и все прочее, что обыкновенно в таких случаях говорят. Государь настаивал, и Коковцов в конце концов согласился. Тогда государь, поблагодарив его, сказал: «У меня к Вам еще одна просьба: пожалуйста, не следуйте примеру Петра Аркадьевича, который как-то старался все меня заслонять, все он и он, а меня из-за него не видно было». Коковцов, разумеется, изъявил на то полную готовность и столь ревностно держался в последующей деятельности этих указаний, что и его самого в Совете министров стало не видно³⁷³.

Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Т. 1. С. 185–198.

Раздел IV

РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА

А.В. ЕРОПКИН. ИЗ ЗАПИСОК

Еропкин Аполлон Васильевич (1865 – после 1928) – политический и общественный деятель. В 1890 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. С 1893 г. податной инспектор. В 1899–1906 гг. начальник отделения Рязанской казенной палаты. В 1905 г. участвовал в создании партии «Союз 17 октября». Депутат I и III Государственной думы. Сотрудничал с журналами «Вестник Европы», «Русская мысль», с газетами «Новое время», «Голос Москвы», «Санкт-Петербургские ведомости». С 1912 г. работал в правлении Ленского золотопромышленного товарищества. С 1914 г. служил в Министерстве торговли и промышленности. С 1920 г. в эмиграции (в Греции, а затем в Югославии).

Геройские черты его [Столыпина] характера бесспорны. Но его государственная заслуга перед родиной лежит совсем в другой области: в земельной крестьянской реформе. Можно смело сказать, что если бы Столыпин не был убит, то его имя было бы начертано в истории России величайшими буквами и его земельная реформа равнялась бы по своему историческому значению великим реформам царя-освободителя.

До Столыпина около земельного вопроса только топтались на месте. «Община – это наше национальное благо, наше историческое наследие, – славословили славянофилы. – Ее нельзя нарушать, ибо она-то именно и охраняет нас от европейского пролетариата». Социалисты поддерживали и культивировали русскую

общину с другими целями, как преддверие общему социалистическому перевороту, как школу, как примерное обучение по отрицанию права собственности. В противоположность славянофильской маниловщине славянофилов, видевших в русской общине какие-то идеалы самобытного творчества русского народа, тогда как в действительности она составляла самый обыкновенный пережиток первобытного периода первоначальных форм землепользования, каковой период Европа давно пережила, социалисты отлично поняли настоящую революционную природу этого пережитка, этот наглядный пример освященного обычая отобрания земли у одного и передачи ее другому; они хорошо поняли, что здесь-то, в общине, и коренится вековая мечта крестьянина о черном переделе, об отобрании земли у помещиков и передаче ее крестьянам.

Умный и прозорливый министр Столыпин, на долю которого выпала тяжелая задача ликвидации первой русской революции, хорошо сознавал эту социалистическую опасность для России, коренящуюся в крестьянской общине, и он решительно выступил на борьбу с ней. Он понимал, что елейная идеология мечтательных славянофилов очень далека от природы русского мужика, реалиста и практика, признающего силу как основу права, и что в этом смысле революционные элементы гораздо ближе стоят к пониманию русского мужика, его чаяний и его вожделий, нежели вековечные его соседи — славянофилы.

Правительство ошиблось уже при выборах в Первую и Вторую Государственные думы, когда вместо славянофилов и монархистов мужик прислал трудовиков и социалистов. Столыпин не хотел повторять этой ошибки правительственной маниловщины и решил раз навсегда покончить с общиной. Значение Столыпина в русской истории и заключается в его положительной программе укрепления русских государственных начал ставкой на сильного.

Отжившая община должна уступить место праву частной земельной собственности — таково основное начало его земельной реформы. В этой области он имел себе помощников в лице министра Кривошеина и его товарища Риттиха. Но это были именно помощники, ибо душой всего дела являлся Столыпин.

Сущность земельной реформы Столыпина заключалась в переводе крестьянства на хуторские хозяйства; и как ни противодествовала в Думе оппозиция этому начинанию, этой новой земельной политике, сама практика показывала ее успешность, тяга крестьянина на хутора росла все шире и крепла и в некоторых губерниях приняла колоссальные размеры.

Хуторское хозяйство в России знаменовало собой не только укрепление начал права собственности, но и укрепление государственной мощи России. Если такое стихийное движение на хутора продолжится, то через десять лет Россия станет непобедимой — вот что сказали немецкие исследователи, посетившие в то время Россию с целью ознакомиться с нашей аграрной реформой.

Нельзя было оставаться безучастным к этому народному движению, и я решил лично ознакомиться с постановкой хуторского дела на местах. Надо было повидать для этого министра Столыпина. После взрыва на Аптекарском острове он жил на Елагином, во дворце, как затравленный зверь. Но доступ к нему был очень легок, и единственно, что его охраняло — это вода со всех сторон, в бесчисленных рукавах Невы, окружающих Елагин остров.

Столыпин очень сочувственно отнесся к моей мысли осмотреть на месте, как идет дело землеустройства, и немедленно при мне по телефону отдал распоряжение, чтобы мне было оказано всякое содействие. Мне необходимо было спешно выехать из Петербурга, так как о маршруте своем я уже сговорился с министром Кривошеиным по телефону. Нами были намечены губернии: Витебская, Саратовская, Самарская и наша Рязанская. В первых трех губерниях хуторское устройство шло наиболее успешно; свою же Рязанскую я выбрал для сравнения, для контраста.

Должен оговориться, что я предпринял эту поездку на свой счет и на свой риск. Дорогой я записывал свои впечатления и напечатал ряд статей в «Санкт-Петербургских ведомостях» под заглавием «По хуторам».

Путешествие это было очень поучительно, и так как я начал свой осмотр с Витебской губернии, где население мало было знакомо с общиной, где чувство земельной собственности было более развито, чем в Великоруссии, то иногда картины хуторского расселения были поистине изумительны. Помню, как эффектно было заявление моего спутника, откомандированного со мной [по] Витебской губернии, когда он сказал мне:

- Вот здесь, где мы едем, была большая дорога!
- Да? Здесь?

Я с удивлением осматривал площадь земли под посевами, где ранее был поселок, теперь уже расселившийся по хуторам; от большого селения не осталось никаких следов, кроме одной—двух усадеб, удачно оставшихся на своем участке земли по жребию. А по горизонту там и сям виднелись хутора...

Хуторское расселение каждой губернии несло свои особенности: так, в Саратовской губернии главным препятствием служил недостаток воды, и главное внимание землеустроителей было обращено на снабжение хуторов колодцами, чрезвычайно глубокими и даже артезианскими.

Компаньон мой по Саратовской губернии сообщил мне много интересного из деятельности Столыпина, который был в Саратове губернатором и хорошо был известен моему спутнику. Мне запомнился один рассказ об изумительном присутствии духа [у] Столыпина: он не признавал опасности и шел к ней всегда прямо. Когда ему донесли, что в одной из волостей вспыхнуло крестьянское восстание, Столыпин немедленно отправился туда сам, в коляске. В селе он встретил большую толпу крестьян. Губернатор выходит в середину толпы и спрашивает: в чем дело? По выражению лиц окружающих его крестьян он замечает, что страсти до чрезвычайности возбуждены. Он видит, что один крестьянин, очевидно главный зачинщик, особенно нервно настроен, передавая свое возбуждение толпе, которая тесно обступает губернатора. Тогда Столыпин сбрасывает с себя свою губернаторскую шинель и дает ее на руки зачинщику со словами: «Подержи-ка, голубчик». И этот жест, эта находчивость сразу все изменяет. Зачинщик, коновод является уже в роли человека, прислуживающего губернатору. Эта неожиданность, этот гипноз красной генеральской подкладки, эта услуга — все вместе умеряет страсти. И вся толпа изменяет настроение, видя во главе своей уже не зачинщика, а губернатора, которому зачинщик услужливо держит пальто. Инициатива перешла к Столыпину, и он спокойно рассматривает и выслушивает крестьян о причинах волнения.

В Самарской губернии я познакомился со знаменитым землеустроителем А.С. Биром³⁷⁴. Этот небольшой человек творил в своем участке чудеса: само имя Бира стало в этих краях нарицательным — Бир значит землеустроитель. Мы путешествовали с ним по самарским степям, и он показывал мне введенную им систему хуторов пачками, по четыре хутора вместе, причем поля их простирались во все четыре стороны от центра, где выстроены хутора. Для безграничных самарских степей это особенно важно и для выгона, и для водопоя, и чтобы не было такого одиночества, для защиты от зверей, от недоброго человека, от непогоды. Здесь-то впервые увидел я, как в России работают на верблюдах и как эти верблюды не брезгают даже сухой колючкой — «Перекасти поле».

Бир показал и рассказал мне много поучительного, и я с сожалением с ним расстался.

Я, спеша, возвратился в Финляндию, ибо получил телеграмму, что С.К.³⁷⁵ больна. В Выборге я узнал, что она мужественно перенесла тяжелую операцию и уже поправляется. Не пробыл я около больной и двух дней, как газеты принесли тяжелое известие, что министр Столыпин ранен в Киеве в театре; а еще через два дня, что он скончался. Это было так неожиданно, так жестоко и так нелепо, что трудно было удержаться от слез; убийцы Столыпина хорошо рассчитали свой удар, покончивший вместе с ним и всю его великую земельную реформу.

После смерти Столыпина мне стало ясно, что дальнейшая моя поездка по хуторам бесполезна. Хотя я и вернулся опять в Рязань, но уже больше по инерции; впрочем, и смотреть-то в Рязанской губернии было нечего, так как хуторское движение там было лишь в зачатке.

ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 335.

Ф.В. ШЛИПЕ. «ПОСТРОИТЬ ЗДОРОВУЮ РОССИЮ НА ОСНОВАХ СИЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСТВА»

Шлиппе Федор Владимирович (1874–1951) — общественный и государственный деятель, камергер Высочайшего двора (с 1909 г.). Женат на дочери П.Х. Шванебаха — Елизавете Луизе. В 1897 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета, в 1899 г. — Московский сельскохозяйственный институт. С 1903 г. земский гласный Верейского уезда. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. как уполномоченный Красного Креста. В 1906–1907 гг. председатель Верейской земской управы. С 1907 г. инспектор сельского хозяйства Московской губернии, непременный член губернской землеустроительной комиссии. С 1912 г. вице-директор Департамента земледелия. В 1913–1915 гг. председатель Московской губернской земской управы. С 1914 г. товарищ главноуполномоченного Всероссийского земского союза. После 1917 г. в эмиграции. Возглавлял берлинское отделение Земгора. Скончался в Деттингене (Германия).

Воспоминания Ф.В. Шлиппе были написаны в Германии в 1943–1946 гг. Они охватывают период с 1874 по 1916 г. Воспоми-

нания хранятся в семейном архиве Юрия Борисовича Шлиппе, который любезно предоставил их для данной публикации.

В январе 1907 года была сессия Московского губернского земского собрания. По всей России после революции началось поправление в земских кругах и оппозиция против сочувствовавших революции земских деятелей, поскольку они занимали ответственные руководящие посты. Под влиянием Государственной Думы создались политические партии, отмежевавшиеся друг от друга своими программами. Старые земцы примкнули преимущественно к оппозиционной конституционно-демократической, так называемой кадетской, партии. Новое же, более законопослушное движение земцев встало на платформу Манифеста семнадцатого октября и резко отделилось от крайних революционных течений. Назывались они октябристами. Так и в Московском земстве против либеральной старой управы ополчились консервативные круги и началась ожесточенная борьба. Частные совещания по этим вопросам происходили в доме графа Сергея Дмитриевича Шереметева³⁷⁶ на Воздвиженке под председательством его сына Павла Сергеевича³⁷⁷, который до революции увлекался крайними идеями, но, узнав ее преступное разрушительное лицо, сильно поправел³⁷⁸. Вождем нового движения был председатель Московской уездной управы Николай Федорович Рихтер³⁷⁹, большой знаток земского дела, человек громадной трудоспособности и до жестокости волевой и властный. Правая группа ввела его в председатели губернской земской управы на место Ф.А. Головина, избранного председателем Государственной Думы. Рихтер подбирал себе состав управы. Его выбор пал на Александра Евграфовича Грузинова³⁸⁰, Владимира Александровича Выборного³⁸¹, моего товарища по университету и Сельскохозяйственному институту, Михаила Михайловича Людоговского³⁸², Михаила Александровича Нарожницкого³⁸³, Сергея Константиновича Родионова³⁸⁴ и меня. В частных совещаниях мы все были закрытой баллотировкой признаны кандидатами в члены управы. Большинство голосов нам было обеспечено. Передо мной опять встала перспектива ухода из родного уезда, чего мне не хотелось. Уходить, не успевши ни в чем проявить свою деятельность, не оставив никакого следа, мне казалось недостойным. Между тем отказываться от выборов в члены управы было невозможно. Мы должны были, как на войне, идти в бой с разлагающими течениями, а отказ был бы равносителен дезертирству. Но выборы по каким-то причинам не со-

стоялись. Спустя несколько месяцев Н.Ф. Рихтер был правительством демонстративно назначен председателем губернской земской управы. Рихтер принял назначение и вновь созвал земское собрание для выборов членов управы, которое должно было состояться через месяц.

В этот промежуток времени я неожиданно был по телеграфу вызван в Петербург министром земледелия князем Борисом Александровичем Васильчиковым. Князя я знал по Дальнему Востоку, где он был главноуполномоченным Российского общества Красного Креста. Я явился и получил от него предложение принять должность инспектора сельского хозяйства Московской губернии на место назначенного директором Департамента земледелия Крюкова³⁸⁵. Одновременно на меня возлагались обязанности неперменного члена губернской землеустроительной комиссии, которая должна была быть организована по землеустроительному закону девятого ноября 1906 года...

Передо мной встала неожиданно новая, крупная по своему значению проблема. Инспектору сельского хозяйства поручалось создать уездные землеустроительные комиссии, подобрать персонал и наладить осуществление закона о ликвидации общины и создании единоличных крестьянских хозяйств. Это меня, конечно, чрезвычайно интересовало. Я сознавал, что земельный вопрос в России для всей ее дальнейшей судьбы есть вопрос самый главный и первоочередной. Все мечты, которые я лелеял в тиши своего быкасовского³⁸⁶ уединения, те слабые попытки доказать на наглядном примере крестьянского хозяйства Верейского уезда необходимость землеустроительных мероприятий вдруг, спустя 5 лет, не только получают осуществление, но даже я сам призываюсь на весьма ответственный пост в столичной губернии для организации и проведения этого нового дела. У меня возникли сомнения, сумею ли я справиться с этой задачей, а потому я задал князю вопрос, полагает ли он, что я, еще неопытный общественный работник, смогу справиться со столь грандиозной задачей. Министр ответил мне: «Я в этом уверен, я с удовольствием прочитал Вашу брошюру о крестьянском хозяйстве Верейского уезда».

В этом было, очевидно, что-то роковое. Все же я просил министра разрешения подумать и в ближайшие дни дать ему ответ. По поручению министра я представился директору департамента Крюкову.

Принял он меня очень нелюбезно, даже грубо и заявил, что ему в Москву инспектора сельского хозяйства не нужно, а пред-

ложил мне Смоленск. От этого я наотрез отказался, объяснив, что передо мной выбор или принять предложение министра, или пойти в члены губернской земской управы. Разошлись мы холодно.

Доложил обо всем отцу и получил его благословение на принятие сделанного мне предложения. Нужно было съездить в Москву, чтобы рассказать об изменившихся обстоятельствах Н.Ф. Рихтеру, который на меня определенно рассчитывал. Некоторое неудовольствие было не только у Рихтера, но и у всей земской группы, к которой я примкнул. В результате длительных бесед мне и здесь удалось наладить дело и получить освобождение от данного мною согласия баллотироваться в члены управы. Через несколько дней я вернулся в Петербург и был принят князем Васильчиковым. Когда я ему доложил, что с благодарностью принимаю его предложение, он мне ответил: «Я так и знал и, не дожидаясь вашего возвращения, уже подписал приказ о вашем назначении, который на днях выйдет в “Правительственном вестнике”».

Я, конечно, предчувствовал, что в уезде будут недовольны, но не предполагал, что меня столь строго будут судить и упрекать в отсутствии чувства долга по отношению к принятым по общественному доверию обязанностям. Бранили меня карьеристом, воспользовавшимся должностью председателя уездной управы в качестве трамплина для дальнейшего продвижения и т. п. Мог ли я поступить иначе, имел ли я право отказываться от более ответственного боевого поста, зарываться в уезде, когда представлялась возможность расширить работу на всю губернию? Мне казалось, что я поступил правильно.

Нужно было созвать экстренное уездное земское собрание для выборов моего заместителя. Выбор пал на гласного Павла Александровича Тучкова, а меня избрали в губернские гласные. Последнее мне было очень ценно, ибо это сохраняло мне контакт с земской жизнью вообще и постоянную деловую связь с той группой земских деятелей, с которой меня спаяла совместная политическая борьба с революционным земским течением. В этом проявилось известное предзнаменование и открыло путь последовательный и прямой к возврату на земскую ниву.

Старик Рихтер как будто предчувствовал это. Когда он вторично избирался в председатели губернской земской управы, он на своей записке писал мое имя. Он мне в этом сознался после следующего случая. Какой-то страховой агент растратил около 1000 рублей земских денег. Оппозиционная группа губернского земского собрания, которому было доложено об этом случае, хо-

тела заклеить губернскую управу и приписать ей вину в этом деле. Долго длились прения. Левые хотели затянуть дело, чтобы вести интригу на предстоящих выборах, и предлагали избрать специальную комиссию для расследования всех обстоятельств, а до заключения комиссии не высказывать управе доверия. Я выступал нечасто и преимущественно в конце прений, причем старался по возможности резюмировать. Иногда имел успех. На этот раз, после продолжавшихся часами ожесточенных споров, я попросил слово под конец и сказал только несколько слов: «Протестую против назначения комиссии, так как дело совершенно ясно и без комиссии, а совести моей никакая комиссия ничего подсказать не сможет». Этот скромный призыв собрания к совести произвел сильнейшее впечатление. Прения кончились, и на баллотировке вопроса он прошел большинством голосов в пользу управы при большом числе воздержавшихся оппозиционных голосов. Так как это было своего рода судьбище над управой, то прения происходили в его (Рихтера – *Ред.*) отсутствии. Сидя в соседней комнате, Рихтер и его товарищи, конечно, все слышали. После состоявшегося голосования Рихтер вернулся в зал, демонстративно подошел ко мне и крепко молча пожал мою руку. Впоследствии каждый раз, когда он выбирался, он неизменно ставил меня кандидатом в председатели губернской земской управы, так что над этим острили друзья, что я традиционно выбираюсь единогласно, т. е. вернее предлагался одним только голосом.

Земская деятельность мне стала очень близкой не только по тем созидательным задачам, которые перед ней стояли, но и по всему земскому укладу, методу работы и идеологии. Лишь впоследствии, пройдя нелегкую школу петербургского чиновника, мне стала ясна разница между чиновничьей и земской психологиями. Нигде, как в земстве, я не встречал людей столь бескорыстно и даже самоотверженно отдававшихся своей идейной работе. У чиновничества вопрос карьеры и связанные с этими стремлениями взаимные интриги преобладали. В земстве не только выборные, но и приглашенные на службу работники, так называемый третий элемент, имели право и считали своей обязанностью неподкупно отстаивать свои убеждения и взгляды в комиссиях и собраниях, между тем как у чиновничества господствовал принцип «как начальство изволит приказать». Чиновники до министра включительно чувствовали себя подчиненными, а земцы самостоятельными работниками. Все отрицательные пережитки дореформенного строя начала прошлого века, как взяточничество и

радение родному человеку, не нашли себе места в земстве, где работа велась гласно, открыто и протекала на глазах избирателей. Как пример, доказывающий до известной степени правильность этих соображений, я хочу рассказать некоторые эпизоды из моей краткой работы в качестве председателя уездной земской управы.

За полгода этой работы, притом еще отвлекаемый губернским земским собранием, длившимся почти два месяца, и политической борьбой, я не мог проникнуть вглубь и не мог оставить следа своей деятельности. Застал я там следующий, очень характерный, порядок работы. Служащие управы начинали работу с утра и с коротким обеденным перерывом продолжали ее до глубокой ночи. По моему расчету, они пребывали в канцелярии не менее 14–15 часов. Ни воскресных дней, ни праздников они не знали, так как именно по праздничным дням народ приезжал в город и тогда являлся со своими нуждами в управу. Н.М. Андреев³⁸⁷, невероятно скупой, не имел пишущих машин, ни аппарата для размножения. Все многократно переписывалось от руки. Люди совершенно не знали личной жизни, знали только свой непрерывный труд и, естественно, тупели. Я сейчас же завел машинки и ротаторы, но проведение 10-часового труда, а тем более отмена праздничных работ мне дались нелегко. Помню, я как-то неожиданно поздно вечером в праздник приехал в Верею и вижу полное освещение управы. Вылез из экипажа, но парадная дверь оказалась запертой. Обошел со двора и застал всю канцелярию за счетными и письменными работами. Вид у них был очень виноватый, как будто они совершили большое преступление.

Единственное, что мне удалось в уезде провести, это выработка школьной сети в уезде с распределением сроков и способов ее осуществления. Помогал мне в том член управы Стрепихеев.

Еще не сдавши должности председателя уездной земской управы, я был вынужден вступить в исполнение моих новых обязанностей. Пришлось в один день участвовать в экстренном земском собрании, а после обеда экзаменовывать в Можайской сельскохозяйственной школе.

Главное внимание я должен был обратить на организацию землеустроительных комиссий и выбор уездных непременных членов. Это задание было срочное. По делу землеустройства я был подчинен директору департамента Александру Александровичу Риттиху, человеку очень талантливому и энергичному. Из-под его пера вышла года за два до моего назначения книга «Зависимость крестьян от общины и мира»³⁸⁸, замечательно глубоко и хорошо

написанный труд. Он в нем концентрировал и привел в систему все отдельные мнения, высказанные по сему вопросу в трудах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности³⁸⁹, созданного по Высочайшему повелению под председательством Сергея Юльевича Витте. Риттих доказал в своей книге, что срочный переход крестьянства к самостоятельному единоличному землевладению и землепользованию является государственной необходимостью. Одновременно вышла прекрасная, обстоятельная книга Андрея Андреевича Кофода³⁹⁰ на ту же тему. Заслуга второго автора была много выше первого, и вот почему. Риттих блестяще выполнил задание, данное ему председателем комитета, всесильным тогда С.Ю. Витте, известным своими широкими государственными идеями. Кофод же без всяких поручений, а лишь по собственной инициативе и на свои личные скромные средства произвел свою большую и высокополезную работу. Риттих служил по министерству, был одновременно преподавателем в Царскосельском лицее, имел связи и опыт чиновничьей службы. Кофод был родом из Дании, служил специалистом по молочному хозяйству и сыроварению в одной из крупных фирм, кажется, у Бландова³⁹¹. Объезжая селения и знакомясь с крестьянским хозяйством, он невольно сравнивал его невероятную отсталость с цветущим прекрасным хозяйством датчан. Он пришел к выводу, что весь корень зла в общине. Чтобы проверить верность своих взглядов, он решил совершить более широкий объезд крестьянских хозяйств в разных губерниях. Фирма ему предоставила отпуск, но без сохранения содержания. Чтобы обеспечить и расходы по поездке, и содержание семьи, он должен был залезть в долги, заложить все свои ценности и т. п. Как одержимый, он скитался по деревням и весям и, убедившись в правильности своих убеждений, засел за изложение своих мыслей. Он создал по глубине и убежденности своих мыслей труд исторического значения, который лег в основание всего государственного землеустройства. Нелегко ему было добиться напечатания своей книги. Своих средств не было, а казенных не давали. Все же его книга получила вскоре достойную оценку. Кофод сам был привлечен к землеустроительному делу в качестве главного инспектора по всем землеустроительным комиссиям России. Частенько он бывал и моим дорогим гостем в Москве и всегда с любовью к делу и большим опытом и верою в благое начинание воодушевлял нас, местных работников. Когда пишутся эти строки (1943 г.), Андрей Андреевич Кофод живет почтенным восьмидесяти восьмилетним стар-

цем в Копенгагене и частенько радует меня своими свежими письмами. Ритих лет 5 тому назад скончался³⁹², еще сравнительно молодым, в Лондоне. Его последний пост в России был министр земледелия. В 1918 году нам пришлось с ним в одном поезде утекать из Москвы в Киев. Помню, как мы с ним стояли в проходе между вагонами в момент, когда поезд медленно переходил через границу, и как легко мы с ним вздохнули, когда большевистский кошмар оказался за спиной.

Повторяю, что в первую очередь я занялся вопросами землеустройства. К задачам инспектора сельского хозяйства мне уже потому труднее было подойти, что я от предшественника своего, назначенного директором департамента, Крюкова не получил абсолютно никакого наследия, ни архива, ни начатых дел. Он, очевидно, вел всю канцелярию у себя на дому, и все увез с собой. Вскоре я получил от Крюкова в довольно резкой форме (он вообще был грубый и невоспитанный человек) запрос, в чем выражается моя деятельность по должности инспектора сельского хозяйства. Я ответил в приличном, но весьма определенном тоне, что я, по случаю ненахождения каких-либо дел от моего предшественника (каковым был сам Крюков), занят изучением положения и о результатах в свое время доложу. Удар попал в точку, и он меня больше такими вопросами не беспокоил. Сознание известной материальной независимости и уверенность в своей трудоспособности давала мне возможность таким образом парировать нападки начальства.

Одной из наиболее интересных и меня удовлетворявших работ была организация всего губернского и уездных землеустроительных аппаратов и пуск их в ход. Милейший губернатор В.Ф. Джунковский³⁹³, облеченный массой разнообразных обязанностей и не знакомый ни практически, ни теоретически с крестьянским правом и хозяйством, вверил мне всю организацию. Это дало мне возможность по соглашению с уездными властями подобрать очень хороший состав непременных членов и представить их губернатору на утверждение.

Мы наняли себе большую квартиру в особняке на Спиридоновке, 12. В прекрасном, заросшем деревьями, саду стояло три особняка постройки начала прошлого столетия, из толстых сосновых брусьев на дубовых сваях без каменного фундамента. Они были чрезвычайно теплы. Принадлежали они роду князей Шаховских, но были уже при нас приобретены С.П. Тарарькиным³⁹⁴, владельцем известного ресторана на Арбате «Прага». В одном из

особняков жил князь Волконский³⁹⁵, в другом присяжный поверенный Маттерн³⁹⁶, а в среднем двухэтажном наверху жили мы, а внизу старушки-княжны Оболенские. Вообще вся Спиридоновка дышала какой-то своеобразной прелестью и уютом. Это был типичный уголок старой Москвы. Она под прямым углом отходила от Малой Никитской против Храма Большого Вознесения, в котором в 1831 году венчался Александр Сергеевич Пушкин с Н.Н. Гончаровой³⁹⁷. Коленом Спиридоновка сворачивала по направлению к Садовой и Патриаршим прудам. Вилообразно от нее отделялся Гранатный переулок, весь перекрытый могучими ветвями вековых лип и тополей, с домами наполеоновских и александровских времен. На углу бросался в глаза совершенно новый особняк Рябушинского³⁹⁸ с причудливым расписным фасадом. Рядом с нашим 12-м номером был тоже утопавший в зелени дом Бойцова³⁹⁹, а за ним особняк Александра Дмитриевича Самарина⁴⁰⁰. Дальше, справа и слева, тянулись особняки, один другого лучше: мрачный из темного гранита дворец Тарасова⁴⁰¹, дом княгини Долгорукой, прекрасный особняк Морозова⁴⁰², потолки и стены которого были расписаны Врубелем⁴⁰³, и многие другие. На Садовой красовался великолепный особняк Сергея Тимофеевича Морозова⁴⁰⁴, московского мецената, о котором еще будет сказано. В нашей квартире рядом с кабинетом помещалась канцелярия, где работали мой секретарь и две стенографистки. Заседания губернской комиссии происходили в губернаторском доме на Тверской. В состав комиссии входили: председателем — губернатор, а членами — губернский предводитель дворянства, прокурор судебной палаты, управляющий государственными имуществами, представители Министерства финансов и государственного контроля, непременный член губернского по крестьянским делам присутствия, председатель губернской земской управы и как докладчик непременный член губернской землеустроительной комиссии.

Высочайший указ 9 ноября 1906 года был издан в самых общих чертах. Сама практика должна была научить способам его наиболее целесообразного и безболезненного осуществления. На теоретические запросы, как надлежит поступить в тех или иных возможных случаях, которые десятками поступали из уездов и нами передавались в министерство, мы получили от Риттиха очень определенное и ясное указание: «Никаких теоретических вопросов не возбуждать, а в случае возникновения сомнения на практике запросить».

Более детальное изучение крестьянского землевладения в губернии обнаружило, что не только в пределах сельского владения крестьяне чересполосно пользовались землей, но что целые группы сел, иногда количеством до 30 владений угодыми, преимущественно лесами и лугами, в нераздельном общем и притом чересполосном порядке. Прежде чем приступить к разделу сельской земли, нужно было предварительно размежевать селения между собой, что весьма осложняло дело. В губернском землемерном архиве имелись карты государственного размежевания екатерининских времен и отдельные грамоты и карты, составленные при освобождении крестьян с 1861-го до 1866 года. Сводных карт не было. Чтобы оперировать с ясными данными, нужно было увязать все эти отдельные планы крестьянских и частных владений, убедиться, что нет пропусков, и составить поволостные и поуездные карты с точным обозначением границ отдельных владений. Эта сложная работа заняла целую зиму, при участии не менее 50-ти землемеров.

Губернский землемер Николай Петрович Рудин был чрезвычайно талантливый, еще молодой человек, прекрасный оратор и публицист. С ним рука об руку должна была развиваться моя работа. На мне лежала вся правовая задача, а на нем техническое осуществление. Мы друг друга поняли сразу, были оба увлечены нашей задачей и дружно развивали нашу деятельность. Аппарат удалось наладить, и нужно было приступить к делу. Но население с большой осторожностью, а быть может, и недоверием относилось к землеустройству и не проявляло инициативы. Пропаганда левых кругов, вероятно, тоже сказывалась. Сначала даже было какое-то жуткое чувство. Как сфинкс, народ пребывал в пассивном положении. Данные Высочайшим указом права вольного выхода из общины с отмежеванием причитающейся каждому земли в виде отдельных хуторских или отрубных участков сперва никакого интереса не вызывали. Пришлось самим учреждениям взять на себя инициативу, по крайней мере, в деле раздела самих селений между собой. С этого началось движение. Постепенно отдельные, наиболее предприимчивые, передовые крестьяне стали требовать выхода на хутора. Стали появляться наглядные примеры, по которым население могло судить о целесообразности перехода к единоличному владению. Так как всякое хозяйство вначале переживает ряд детских болезней, то в течение первых двух лет и примеры хуторских хозяйств не были очень убедительны и заманчивы. Первая ласточка перехода целого селения на хуторские уча-

стки появилась в Звенигородском уезде. К сожалению, я запомнил название села, но помню, что оно было расположено около большой Четвериковской фабрики⁴⁰⁵. Почти все население работало на фабрике и отошло от земли. Полевое хозяйство было до крайности запущено. В селе нашелся один энергичный крестьянин, который сумел убедить всех односельчан разделить. Все наше внимание, конечно, было обращено на этот первый случай. Лучшие землемерные силы были приставлены к этому делу. Мы с Рудиным частенько ездили на место, чтобы совместно изыскать наиболее совершенный способ разрешения задачи. Когда проект раздела был закончен и получил утверждение уездной и губернской комиссий, крестьяне частью по соглашению, а в некоторых случаях по жребию разобрали участки. Отдельные участки были закреплены пограничными столбами, а крестьянам были выданы грамоты на право вечного единоличного владения. Грамоты были специально выработаны с государственным гербом и выдавались за подписью представителя царской власти, губернатора. Кроме выработанного текста владения на грамоте был нарисован сам участок. Какое торжественное впечатление производили на крестьян эти грамоты, свидетельствовавшие о неотъемлемости их собственности. Как преступно над этими чувствами поглумились большевики!

Первый раздел оказался удачным. Он был проверен Кофодом, и по его же совету была составлена небольшая брошюра с планом размежевания и всеми актами и документами землеустройства. Эта брошюра во многих тысячах экземпляров пошла гулять по всей матушке России, сделалась настольной книгой землеустроительных комиссий и служила ценным пропагандным материалом для крестьян.

Спустя три или четыре года я имел большое удовольствие показывать эти хуторские хозяйства председателю Совета министров Петру Аркадьевичу Столыпину и министру земледелия Александру Васильевичу Кривошеину⁴⁰⁶. Присутствовали, конечно, и губернатор Джунковский, и целый ряд сопровождавших министров чиновников. Результат этого землеустройства был следующий: трудоемкость хуторского хозяйства по сравнению с прежним общинным настолько увеличилась, что местные крестьяне почти перестали работать на фабрике. Хутора стали поставщиками молочных и огородных продуктов на фабричных рабочих, прибывавших из других мест. Урожай зерна увеличился в баснословной пропорции. Крестьяне были счастливы и довольны. Так бы-

ло повсюду: количество содержавшегося скота утраивалось, а урожайность удваивалась. Большое внимание обращалось и на огородные и садовые культуры.

Уже на следующий год пришлось увеличить вдвое, а потом и удесятерить количество землемеров. Для их подготовки были нами организованы специальные курсы, на которых, между прочим, и Рудин, и я читали доклады. Одновременно появился спрос на агрономическую помощь. Земская агрономия не удовлетворяла, а иногда даже саботировала. Пришлось создать кадры землеустроительных агрономов. При общинном хозяйстве земские агрономы с трудом навязывали крестьянам улучшенные способы производства. При единоличном владении запрос самих крестьян был так велик, что они не успевали их обслуживать.

На наших глазах с удивительной быстротой развивались, улучшались и интенсифицировались крестьянские хозяйства. Причина этого крылась не только в технических удобствах и преимуществах единоличного землепользования, но, главным образом, в идейном сознании работы на собственной ниве, в радости свободного творчества и вольного труда. Неоднократные беседы с хуторянами меня в этом определенно убедили. Вопрос пресловутого малоземелья, которым левые круги махали как красной тряпкой и вели лживую пропаганду, после разделов селения в большинстве случаев перестал существовать. Разбитая на отдельные узкие полосы общинная пашня являла всегда впечатлительное недочетное, малоземелья. Но очень часто это был не что иное, как оптический обман. Когда все эти отдельные полосы собирались вместе, то получался участок, который всегда крестьянам казался многим больше, чем они ожидали. Характерны бывали возгласы после законченного обмера: «Дивись, сколько у меня земли-то!»

Удачные примеры служили лучшей пропагандой, и года через три мы уже не справлялись со все нарастающими запросами. Московская губерния количественно и качественно шла в первых рядах. Конечно, и на нас, местных работников, сыпались всякие милости, благодарности, повышение в чинах «за выдающиеся заслуги» и т. д.

Замолчанное в первое время в прессе землеустройство стало по мере его успешного развития и сочувственного отклика самого крестьянства не сходить со столбцов ежедневных газет, что, естественно, вызывало интерес и в широких общественных кругах. Убежденные противники единоличного хозяйства оплакива-

ли разлагавшуюся общину по двум причинам. Левые круги, включая сюда и Конституционно-демократическую партию (кадет), видели в общине зародыши коммунизма, а правые, совершенно неосновательно, усматривали в общине историческую бытовую форму русского крестьянства, ограждавшую его от пролетаризации.

Например, наш губернский предводитель дворянства, почтеннейший Александр Дмитриевич Самарин, принадлежал к убежденным сторонникам общины и, несмотря на свою верноподданность и законопослушность, демонстративно не являлся на заседания губернской землеустроительной комиссии, членом которой он по уставу состоял. Но не все занимались только пассивным сопротивлением, были нередки случаи активного противодействия. Привожу следующий случай. На состоявшемся в Москве Всероссийском съезде земских агрономов, между прочим, стоял на повестке доклад одного крайне левого агронома по вопросам землеустройства. Мой сотрудник, специалист по животноводству Михаил Степанович Карпов⁴⁰⁷ убедил меня послушать этот доклад, чего я делать не хотел. Я сговорился с Н.П. Рудиным, и мы отправились. Наша цель была, по крайней мере, осведомиться о тех аргументах, которые он мог бы противопоставлять землеустроительству. Доклад был прочитан с большим подъемом, были демонстрированы световые картины, свидетельствовавшие о якобы неблагоприятном, бедственном положении хуторских хозяйств. В заключение он представил для принятия съездом целый ряд тезисов, порицавших переход к единоличному хозяйству и призывавших к саботажу против землеустройства всей земской агрономии. Доклад был покрыт громом аплодисментов. Председатель резюмировал основные положения доклада и предложил, ввиду выявившегося бурного сочувствия собрания, признать тезисы принятыми без прений.

Меня этот лживый доклад с подтасованными аргументами настолько взволновал, что я сорвался с места и попросил слова. Сидел я в задних рядах. В продолжительной, убедительной и горячо произнесенной речи мне удалось разбить положения докладчика и дискредитировать представленный им ложный материал. Закончил я свою речь патетической фразой, что если съездом будут приняты тезисы, земские агрономы, вместо того чтобы идти в передовых рядах по улучшению крестьянского хозяйства, произнесут над собой смертный приговор. Последовало в течение нескольких минут гробовое молчание, затем президиум, пошушукавшись между собой, объявил перерыв и удалился в другую ком-

нату. Через некоторое время член президиума пришел и попросил меня в совещательную комнату. Там меня спросили, удовлетворит ли меня какая-то совершенно безобидная формула перехода к очередным делам. Я согласился, ибо сознавал, что доклад был моим выступлением сорван и достиг противоположного действия. Спустя год я познакомился в Петербурге с одним председателем губернской земской управы, который мне сказал, что он меня знает, что я своей речью на агрономическом съезде привел в христианскую веру его земского агронома, который был противником землеустройства, а вернулся из Москвы преобразенным. «Мои повторные убеждения не помогали, а Ваши слова вызвали в нем и многих других радикальную перемену их взглядов».

Были и другие способы борьбы. В одной газете «Копейка»⁴⁰⁸, которая по думским законам о свободе слова в сотнях тысячах экземпляров распространялась, как пропагандный материал, появилась статья, ополчавшаяся в весьма резких выражениях против моей деятельности. Были указаны определенные примеры нарушения мною закона и министерских распоряжений и, в частности, указана одна разверстка в Бронницком уезде, которая была проведена наперекор всем законным требованиям, к явному ущербу крестьянских интересов. Министерство, осведомившееся об этой статье, поручило управляющему государственными имуществами Окоронко произвести, секретно от меня, дознание на месте. Окоронко на месте убедился, что все указания газеты ложны и, наоборот, мог дать очень положительный отзыв о произведенной работе. Газету крепко оштрафовали. Подобные действия врагов землеустройства неоднократно повторялись, так что приходилось держать ухо востро.

Для создания вокруг этого дела благоприятного общественного настроения мы с Рудиным организовали Общество содействия хуторскому хозяйству. В этом Обществе приняли участие все сочувствовавшие землеустройству общественные деятели Москвы и губернии. Общество было торжественно открыто в зале губернской земской управы. Председательствовал Н.Ф. Рихтер и произнес вступительную речь. Граф В.В. Мусин-Пушкин⁴⁰⁹ до того увлекся идеей, что при открытии пожертвовал два дома хуторского типа из своего имения Рузского уезда. На заседаниях общества читали доклады лучшие думские ораторы, защитники указа 9-го ноября.

Этот указ, как я уже упоминал, дал в кратком виде основные положения реформы. На основании практики должен был

быть выработан и проведен через законодательные учреждения (Государственную Думу и Совет) подробный закон по землеустройству. Для подготовительных работ по составлению проекта закона были вызваны в Петербург 8 или 10 неперенных членов губернской землеустроительной комиссии, в том числе и я. Два месяца мы усиленно обрабатывали и исправляли по местному опыту обширный законодательный проект. Работами руководил директор департамента А.А. Риттих. Из моих сотоварищей я вспоминаю только Лаврентия Ивановича Пущина⁴¹⁰ из Орла, Петра Алексеевича Голубниченко⁴¹¹ из Полтавы, Нарышкина, Бира из Саратова и Константина Ивановича <пропуск в тексте>, который впоследствии был заведующим по сельскохозяйственной части на Кавказе. Одним из деятельных сотрудников Риттиха был Александр Александрович Зноско-Боровский⁴¹². Фаворитом Риттиха был весьма умный и хитрый хохол Голубниченко, с мнением которого он особенно считался. В последнем заседании Риттих самодовольно заявил, что закон кажется предусмотрел все допустимые в практике случаи и возможности. Большинство к этому мнению присоединилось. Только Голубниченко сделал какую-то кислую физиономию. Риттих попросил объяснения.

Тогда Голубниченко рассказал длинный, не совсем приличный анекдот, как один господин предусматривал всякие возражения своего собеседника, но не предусмотрел, что последний без всяких объяснений пошлет его к черту. Риттих задумался: «Неужели Вы, Петр Александрович, думаете, что Государственная Дума пошлет меня ко всем чертям?» — «Все возможно», — ответил, улыбаясь, Голубниченко. Но случилось не так. Государственная Дума приняла закон приличным большинством голосов, а в Государственном Совете он шел лишь одним голосом. Перед рассмотрением закона в Государственном Совете меня спросил министр земледелия А.В. Кривошеин, как будет баллотировать мой отец⁴¹³. Зная отцовские взгляды по этому вопросу, я смог утвердительно ответить его успокоить. Мы впоследствии шутили с отцом, что этот важнейший в жизни страны закон пропел его голосом. В законодательных учреждениях делали упреки Столыпину, что он до утверждения закона привел в действие землеустроительные организации и поставил законодателей перед совершившимся фактом прорыва общинной плотины. Это было смелое, может быть, не отвечающее всем требованиям новых законов, но все же мудрое решение крупнейшего в то время государственного деятеля П. А. Столыпина.

В 1909 году состоялся Всероссийский съезд непрременных членов по землеустройству и крестьянскому присутствию⁴¹⁴, а также губернских землемеров в Петербурге. Столыпин сам открыл съезд, а затем им руководил Кривошеин. Съезд был чрезвычайно интересным. Он открыл перед нами всю грандиозную картину землеустроительного движения по всей Европейской России, которое с большой быстротой и мощностью развивалось как снежный ком. Этим движением заинтересовались за границей люди науки и практики. Между прочим, берлинские профессора Зеринг⁴¹⁵ и Аухаген⁴¹⁶ приезжали для ознакомления с этой реформой, навестили и Московскую губернию, где я им показывал хутора.

Как завершение съезда Столыпин, очень довольный его результатами, устроил нам прием у государя императора. В большой зале Зимнего дворца мы были выстроены по губерниям в их алфавитном порядке. Государь в сопровождении председателя Совета министров Столыпина и министров земледелия Кривошеина и Двора графа Фредерикса и своих флигель-адъютантов обходил ряды, установленные покоем и милостиво беседовал с представляемыми ему членами съезда. Около меня стоял пожилой непрременный член крестьянского присутствия Курской губернии. Государь, поздоровавшись с ним, спросил: «Ведь мы, вероятно, с Вами уже виделись, когда я был в Курске?» Старик так смутился, что с трудом промолвил: «Да, Ваше Высокопревосходительство, припоминаю». Государь улыбнулся и подошел ко мне. В этот момент вышел вперед министр Кривошеин и дословно сказал следующее: «Позвольте представить вниманию Вашего Величества выдающегося деятеля нашего ведомства Шлиппе». Государь подал мне руку и милостиво осведомился о моем отце. Это было мое первое представление и первая краткая беседа с царем, державным повелителем над шестой частью света. Я был глубоко тронут, что А.В. Кривошеин так доброжелательно использовал такой случай и обстановку, чтобы отметить перед государем мою деятельность. Лишь впоследствии я понял все значение такой рекомендации.

Риттиху государь сказал, что читал его книгу, на которую его внимание обратил покойный Петр Христианович Шванебах.

Этот съезд казался мне каким-то кульминационным пунктом, каким-то красивым завершением и признанием свыше наших проводимых с любовью и увлечением трудов. С новыми силами и удвоенной энергией мы вернулись к нашей работе на места, в частности я к семье, на милую Спиридоновку.

Вскоре я был пожалован в камергеры Высочайшего Двора. Это потребовало, по сшитии придворного мундира, представления всем многочисленным придворным чинам Петербурга и Москвы. Затем явка к министру Высочайшего Двора графу Фредериксу, после чего я удостоился личной аудиенции у государя императора в Царскосельском дворце. До меня в кабинете государя был принят член Государственного совета известный юрист и писатель Кони. Помню, как он, прихрамывая, выходил от государя, в вицмундире и с лентой Владимира первой степени через плечо. Флигель-адъютант Нарышкин сказал мне, чтобы я оставался в бильярдной комнате, куда должен был выйти государь. Прошло несколько минут, открылась дверь кабинета, и государь с ласковой улыбкой подошел ко мне, протянул мне руку, я встал спиной к бильярду. Беседа была короткая, но чрезвычайно милостивая. После нескольких слов по делам землеустройства государь, как знак особой милости, задал вопросы о семье. Государь меня отпустил. При уходе я не понял, в какую сторону мне идти, и как раз пошел в ту сторону, куда хотел направиться государь. Нарышкин мне сзади махнул рукой, чтобы идти в другую сторону, произошло некоторое замешательство, Государь это заметил, очень ласково улыбнулся и кивнул мне головой.

Так как землеустроительная канцелярия помещалась в нашей квартире, то я всех своих сотрудников мог принимать не только официально, но и домашним семейным образом. К завтраку всегда накрывалось по два запасных прибора, и деловые доклады заканчивались частной дружеской беседой за рюмкой водки и стаканом вина. Лиля⁴¹⁷ умела вкусно и обильно угощать. Наш Федор⁴¹⁸ подавал под закуску четырехгранный с екатерининскими вензелями штоф холодной водки. Вино у нас было всегда одной марки — рислинг князя Трубецкого, прекрасное бессарабское легкое вино, очень дешевое (1 четверть в 5 бутылок стоила вместе с посудой 1 рубль 20 коп.), к которому наши гости очень пристрастились. Эти завтраки и умение жены любезно принять и обласкать моих сотрудников очень содействовали установлению самых дружеских взаимоотношений. Это, в свою очередь, способствовало благоприятным служебным отношениям.

При моих землеустроительных поездках, которые летом совершались еженедельно, я в большинстве пользовался случаем для заезда и ознакомления с разными имениями, часто по приглашению владельцев, а иногда и по собственной инициативе. Это дало мне возможность за 5 лет службы на этом посту

изучить почти все сколько-нибудь достойные внимания имения губернии.

Те имения, которые воспользовались выгоднейшей конъюнктурой московского всеобъемлющего рынка, завели себе хорошие молочные хозяйства и огородные культуры, не жалели средств оборотных и вели правильно организованные хозяйства вообще, те процветали. Большинство было средних хозяйств, где, не мудрствуя лукаво, вели упрощенные хозяйства, согласовывая весьма посредственные доходы со скромными жизненными потребностями. Некоторые же придерживались принципа только высасывать из имений, ничего им не возвращая; эти землевладельцы неминуемо попадали на торги, имения скупались Крестьянским банком, парцелировались и переходили в руки хуторян. Образцово организованные хозяйства можно было пересчитать по пальцам. Среди них выделялись два типа: имение Поречье графа Ф.А. Уварова⁴¹⁹ в Можайском уезде. Там было организованное известным лесоводом Тюрмером⁴²⁰ лесное хозяйство, вышедшее из-под многолетней лесопольной системы, которая впоследствии была видоизменена. Прекрасные были разнообразные хвойные насаждения: сосны, елки, пихты, веймутова сосна и лиственница. Полевая часть хозяйства была почти вся под культурами семян, преимущественно огородных. Велась довольно бойкая семенная торговля, которая обслуживалась, кроме Поречья, еще большим имением Чембарского уезда Пензенской губернии. Капустные и огуречные семена все шли из степного имения, где эти культуры велись в грандиозных размерах.

Выше я как-то упоминал, что во время одной командировки в имение графа Киселева я воспользовался случаем и осмотрел имения гр. Уварова. Меня поразили размеры семенных культур, громадные поля капусты, которая на зиму убиралась в погреба, а лишь на второй год давала семена. Горы огурцов обмолачивались паровыми молотилками и т. д. В Поречье был барский дом дворцового типа, громадный, в нижнем этаже которого помещался естественно-исторический, геологический и, главным образом, археологический музей. Специальный флигель был для приезжающих гостей. Приезжавшие для осмотра ли хозяйства или для покупки семян и по другим надобностям, если они не знали лично хозяев, принимались и угощались в этом флигеле. Я частенько был гостем Поречья, очень подружился с графом, с большим уважением относился к его жене, урожденной графине Гудович⁴²¹, которая была прекрасная помощница мужу по всему

обширному хозяйству. Сотрудники их были все больше из простых, вышколенных в собственных имениях, людей. Иного типа было тоже весьма крупное имение Волоколамского уезда князя Сергея Борисовича Мещерского⁴²² Латошино с обширным молочным хозяйством и сыроварней. Известный еще со времен Екатерины мещерский сыр, там изготавливавшийся, обязан своим высоким качеством особо удачным подвалам, которые по степени влажности и температуры отвечают идеальнейшим условиям для созревания сыров. У владельца был древний обычай оставлять каждый год по одному кругу сыра для производства испытаний о всех в течение годов происходящих деформациях. Я видел сыры со времен освобождения крестьян, то есть от 40 до 50-летнего возраста. Коров было около 400, которые были расположены в 4-х отдельных фольварках. Молоко доставлялось в центральную сыроварню, шикарно устроенную, с белыми изразцовыми плитами по стенам, потолку и полам, с электрическим освещением. Переработка молока в сыр происходила с невероятной быстротой, а затем вся сыроварня обмывалась из кишки горячей водой, так что чистота была замечательная. Сыры переносились в подвалы, которые представляли целые лабиринты. Сам князь был прекрасный человек, хороший хозяин, крайне любезный, гостеприимный и добрый. Он был в то время предводителем дворянства Волоколамского уезда, моим единомышленником. У него были две сестры, с которыми я хорошо был знаком. Одна — Екатерина Борисовна Татищева⁴²³, жена бывшего вице-губернатора в Екатеринославле в отцовское время, другая — Ольга Борисовна Гончарова⁴²⁴, вдова владельца известного имения Ярополец, в котором жилал Пушкин и о быте которого ходили легенды.

Совершенно новый тип представляли имения Романа Антоновича Лемана в Немчиновке по Александровской железной дороге и Николая Федоровича Беляева возле станции Катуаровка по Московско—Киевско—Воронежской железной дороге. И тот и другой были крупные промышленники, оба текстильщики, с весьма крупными средствами. Оба увлекались сельским, в особенности молочным, хозяйством и создали каждый в своем роде великолепные хозяйства. В основу их организационного плана был положен, как в промышленности, точнейший расчет. Ни перед какими расходами они не останавливались, если калькуляция им сулила прибыль, но зато не было и никаких сентиментальностей и увлечений, чем так отличались владельцы дворянских имений. Отдельные отрасли хозяйства представляли в их глазах фабрики

зерна и молока и должны были давать максимум производительности. Немчиновское хозяйство было лучше, там были проведены дорогие мелиорационные работы, сплошной дренаж всех лугов и полей. Оба хозяина достигли в короткий срок рекордных урожаев и удоев скота. Имение Беляева было куплено Московским губернским земством для губернской опытной станции. Немчиново же до большевиков оставалось в руках своего энергичного владельца Лемана. Он написал очень интересную историю своего хозяйства с точнейшими денежными расчетами основных и оборотных средств и со шкалой повышения доходности за все годы, свидетельствовавшей, что щедро вкладываемые деньги с большой пользой возвращались. У Лемана было увлечение скупать разоренные имения и восстанавливать их, у него было еще два крупных имения в Смоленской губернии, где, говорят, он тоже чудеса натворил и показал природным землеробам, как при разумном хозяйстве можно достигать хороших результатов. Брошюра Лемана дала мне основание представить его к награждению Романовским орденом за заслуги по улучшению сельского хозяйства.

Богатейшие имения графа Сергея Дмитриевича Шереметева в Московском и Подольском уездах — Михайловское и Кусково — были в образцовом порядке, но представляли, главным образом, блестящие подмосковные усадьбы с чудными дворцами, содержащимися не только из доходов самих имений, но и большими средствами извне. Сам старик-граф был вельможа старого стиля. Он был другом детства императора Александра III и затем его флигель-адъютантом. При Николае он был членом Государственного совета, пробыв несколько трехлетий московским губернским предводителем дворянства. При нем мой отец был уездным предводителем и очень с графом подружился. Эта дружба сохранялась до последних их дней. Через отца и я был вхож в дом графа, сблизился с его сыновьями. Имение Михайловское находилось от Таширова⁴²⁵ верстах в 30, так что ездили туда на лошадях. Граф во время моих посещений неоднократно беседовал со мной по вопросам сельского хозяйства и посвящал меня в некоторые свои заботы по хозяйствам в степной полосе. У него по всей России, включая балтийские провинции и Кавказ, было 38 имений в несколько сот тысяч десятин земли. В Прибалтике имение Пибалг, пожалованное его предку⁴²⁶, который при Петре Великом завоевал Ригу со всеми балтийскими землями. На Кавказе ему принадлежала большая часть горы Арарат, где будто бы сел на мель Ноев ковчег. Много лет спустя граф Сергей Дмитриевич привлек

меня к соучастию по управлению его имениями в качестве члена совета по назначению. Он любил копировать государственные учреждения по своему громадному, хотя и чересполосному графству. Об этой моей работе, если успею, будет сказано ниже.

Память, к сожалению, изменяет, и я не в состоянии вспомнить всех имен моих ближайших сотрудников по землеустройству, неперенных членов уездных землеустроительных комиссий, но вижу перед собой маститого бородача из Можайска, талантливого поэта из Клина, веселого кутилу, но хорошего работника из Вереи, вижу и всех остальных, всего их было 12. Но из этой среды выделялся своей широтой взглядов, быстротой и ясностью восприятия и умением тактично проводить наиболее сложные дела Григорий Григорьевич Языков из Волоколамска. Он впоследствии меня и заменил по моему представлению. Недоразумений у меня с ними не было. Увлеченные идеей проведения одной из крупнейших государственных реформ, мы, как в свое время деятели по освобождению крестьян от крепостной зависимости, тесно сплотились в дружную семью, к которой так же дружно примкнул, при посредничестве Николая Петровича Рудина, и весь кадр землемеров. Заседания комиссии происходили в губернаторском доме по четвергам. На этих заседаниях слушались и утверждались решения уездных комиссий, спорные вопросы по жалобам отдельных крестьян и обществ, принципиальные вопросы и дела административного характера. Докладов было всегда много, но так как они в большинстве случаев были хорошо подготовлены, то решения проводили согласованно и быстро. Обязанности докладчика лежали на неперенном члене губернской землеустроительной комиссии. Губернатор Владимир Федорович Джунковский, который по прежней своей должности в качестве адъютанта при генерал-губернаторе московском великом князе Сергее Александровиче⁴²⁷ не имел случая ближе ознакомиться с крестьянским бытом и правопорядком, очень скромно прислушивался к мнению специалистов по крестьянскому делу, но личное его мнение было всегда продиктовано чувством справедливости и заботливости о крестьянах. Его добрая чистая душа отражалась во всех его взглядах и решениях. При этом он мог быть строгим и требовательным. Особенно он отличался личной смелостью и гражданским мужеством. Вспоминаю случай, когда его экстренно вызвали из заседания. Он просил сделать перерыв и примерно через полтора часа вернулся и, как ни в чем не бывало, продолжил и закончил заседание. После окончания он меня за-

держал и рассказал, что в Бутырской тюрьме был бунт арестантов. Они обезоружили несколько сторожей, вооружились сами револьверами, открыли отобранными ключами камеры и массой хотели бежать из тюрьмы. Им это не удалось, и они тогда заперлись в одной большой палате и оттуда грозили тюремному начальству оружием. Когда появился губернатор, то арестанты заявили, что они согласны вступить с ним в переговоры, если он один и невооруженный войдет в камеру и останется с ними для переговоров в запертой изнутри камере. Джунковский, недолго думая, отдал свою шашку и револьвер и вошел к заключенным. После короткой беседы он был выпущен обратно и принес с собой все оружие, которое арестантами было отобрано у сторожей. Он обещал им исходатайствовать для них по возможности милостивое наказание за бунт и сдержал свое слово. Во время большевиков этот случай спас ему жизнь, когда он был намечен к расстрелу, а какой-то бывший уголовник, игравший во время революции решающую роль, за него заступился.

Еженедельные доклады у него были для меня всегда радостны. Он любил откровенность, перед ним не нужно было политизировать, а резать матушку-правду. Он очень быстро расхаживал и невероятно быстро читал. Иногда казалось, что он подписывает мои бумаги, лишь поверхностно на них взглянув, почти не читая, а на самом деле оказывалось, что он и содержание и даже форму изложения тщательно проверял.

Весьма интересны были наши поездки с губернатором по землеустроительным работам. Они открывали картину всей землеустроительной работы, выясняли народную психологию, а беседы с землевладельцами давали представление обо всех хозяйственных и бытовых условиях и политических настроениях.

Ездили обычно по железной дороге в губернаторском салоне-вагоне, и к поезду был прицеплен товарный вагон для двух автомобилей, на которых совершались объезды в глубь уездов. Иногда прямо из Москвы на автомобилях. Я всегда должен был выработать программу поездки с точным обозначением времени выезда, переездов, остановок, обеда и т. д. Чтобы одолеть в течение одного дня намеченные в одном направлении осмотры, пришлось назначить время выезда в 5 часов утра. Посланное губернатору расписание я получил обратно с отметкой: «Утверждаю, узнаю своего Федора Владимировича». Время выезда густо подчеркнуто красным карандашом. За 5 лет службы по землеустройству я много с Джунковским пережил интересных моментов во время наших

совместных поездок. Обычно мы по пути заезжали обедать у кого-нибудь из многочисленных знакомых помещиков, которые приезде губернатора были всегда рады и гостеприимно угощали. Из оживленных бесед выяснялись местные настроения, интересы и нужды. Во время одной поездки по Бронницкому уезду произошло следующее: земский начальник обратил внимание губернатора на один крестьянский двор, состоявший из 38 нераздельных членов семьи. Джунковский заинтересовался, и мы туда поехали. Встретил нас высокий, белый как лунь, с длинной окладистой бородой старик. Он с большим достоинством поздоровался с высоким гостем и осведомился о цели нашего посещения. Сейчас же он повел нас показывать свой дом и хозяйство. Длинный, вытянутый по фасаду дом состоял из ряда пристроек к находившемуся в середине основному срубам размером 12 на 12 аршин. В большой горнице стоял покоем длинный обеденный стол, покрытый домотканной холщовой скатертью. Красный угол был украшен большим количеством икон с лампадами, а на стенах висели разные цветные лубочные картины. В пристройках был длинный проходной коридор, из которого вели двери в небольшие спальни, в которых жили отдельные семьи. Оказалось, что у старика свыше 30 лошадей, и члены семьи, кроме сельского хозяйства, занимались извозом. Губернатор задавал ему целый ряд вопросов, на которые он давал очень обстоятельные ответы. Между прочим, он спросил старика, каким образом он удерживает своих многочисленных сыновей, зятьев, внуков и правнуков в повиновении, и почему они не разбегаются. «У меня, Ваше Превосходительство, средство простое. Я никого грамоте не учил, вот им от меня податься и некуда». Такой оригинальный ответ нас всех поразил и смутил губернатора, который был большим ревнителем народного образования.

Наиболее интересная поездка была, когда довелось продемонстрировать нашу работу председателю Совета министров Петру Аркадьевичу Столыпину. Его сопровождал министр земледелия А.В. Кривошеин. Это было в 1910 году, перед отъездом Столыпина в Сибирь. Кроме выше уже упомянутого села в Звенигородском уезде, мы могли ему показать весьма интересный раздел целого селения на хутора в Бронницком уезде недалеко от Быкова. Деревня эта была расположена на сравнительно низком берегу Москвы-реки, вероятно, она создавалась и развивалась из рыбацких поселений. Земельный полевой надел был отведен на более высокой части и отделялся от деревни речными заводями. При нормальном разливе реки весной селение неделями было отреза-

но от полей, так что частенько доставка навоза на поля была невозможна. При более сильном разливе само селение затоплялось. Во время такого сильного наводнения еще случилось несчастье, что большая часть деревни сгорела. Мы воспользовались этим случаем и убедили крестьян переселиться на новый участок с разделом на хутора. Как всегда, нашелся в селении предприимчивый мужик, который увлекся этой мыслью и убедил остальных переселиться. Ко времени приезда Столыпина крестьяне не только успели уже выстроиться, но даже смогли завести хорошие индивидуальные хозяйства. По дорогам, соединяющим хутора, были посажены аллеи. Вся местность, до этого пустынная, заброшенная и бесплодная, развивалась на радость населению исключительно быстрым темпом. До разверстки один душевой надел в 3,5 десятины продавался на круг за 100 рублей. После землеустройства каждая десятина ценилась минимум 300 рублей, но, конечно, никто земли и не думал продавать. Эта работа и вообще вся история этого селения произвели на Столыпина сильное впечатление, и ему нужно было представить дополнительный доклад с подробностями всего дела.

Очень показательна была одна случайная картина. Мы ехали по дороге, справа от которой было общинное крестьянское паровое поле. Редкими кучками лежал вывезенный на поле навоз и полуголодный сельский скот за недостатком травы ел сухую солому из навозных куч.

Слева от дороги были хутора с многопольным севооборотом, с участками отличного клевера. Сытый скот лениво лежал за загородкой усадьбы и пережевывал зеленый обильный корм. Одно внешнее впечатление было столь убедительно, что не требовалось комментариев. Вся поездка со Столыпиным получила прекрасное отражение в объемистом альбоме снимков, снятых специалистом в пути. Все это погубило. Тридцать пять лет прошло с тех пор, хутора были революционным шквалом вновь уничтожены. Задача Столыпина построить здоровую Россию на основах сильного индивидуального крестьянства, на лучших людях, сменилась противоположным течением, которое преследовало крепких крестьян как кулаков и стало строить новую Россию на бедняцких массах. Комитеты бедноты стали возглавлять и направлять крестьянский строй и крестьянское хозяйство. Вскоре и эта переходная стадия сменилась колхозной системой, при которой крестьяне превращаются в батраков, а руководство хозяйством принадлежит партийному чиновнику. Эта система в хозяйственном отношении имеет много

преимуществ, ибо возможна стала работа на крупных площадях с новейшими техническими усовершенствованиями, но зато, к сожалению, крестьянин совершенно утрачивает чувство и сознание хозяина, от которого требуется инициатива и забота. Молодежь, с которой мне приходилось на эту тему разговаривать, с этой системой примирилась и даже находит в ней преимущества — ограниченный часовой рабочий день, вместо работы от зари до зари, отсутствие личной ответственности и возможность посвящать сравнительно большую часть личной «созерцательной» жизни (лишь бы это созерцание не выражалось в пьянстве и разврате). Но вот новейшие газеты (июля [19]46 года) приносят интересные сведения, что на громадных площадях в Силезии, Восточной Пруссии и Померании на бывших помещичьих землях, реквизированных в прошлом году, идет усиленное землеустройство по насаждению крестьянских хуторов. Оказалась ли забракованная в России система для немецкого хозяина приемлемой формой землепользования, или и это является лишь кратковременной переходной стадией, которую сменят коллективные хозяйства?

По должности инспектора сельского хозяйства деятельность понемногу свелась к следующему. В качестве губернского и уездного земского гласного я имел уже доступ во все специальные сельскохозяйственные организации и комитеты, но одновременно участвовал там как представитель Министерства земледелия. Я вошел в состав всех губернских и уездных обществ по сельскому хозяйству, скотоводству, коневодству, садоводству, пчеловодству и т. п., посещал их заседания и оказывал им по мере сил содействие в развитии их задач. Из всех обществ выделялось своей интенсивной и разнообразной работою Императорское Московское общество сельского хозяйства. Председателем его сперва был князь Александр Григорьевич Щербатов⁴²⁸, а затем Иван Александрович Угримов⁴²⁹. Членом этого общества я стал сейчас же по окончании Сельскохозяйственного института, по традиции, так же, как и отец, но, в особенности, мой дед Карл Иванович⁴³⁰ был с конца двадцатых годов прошлого столетия весьма деятельным членом общества. При обществе имелась средняя сельскохозяйственная школа, директором которой был очень энергичный и талантливый Митрофан Митрофанович Щепкин⁴³¹. Общество устраивало ежегодные всероссийские сельскохозяйственные выставки, в которых приходилось выступать экспертом. На Смоленском бульваре обществу принадлежал очень большой участок земли, где помещались школа, выставочные здания, конюшни, та-

терзал⁴³² и большие свободные площади, где происходили выводки скота и размещались выставляемые сельскохозяйственные машины и орудия. Это общество в начале прошлого столетия было создано по инициативе бывшего генерал-губернатора князя Голицына⁴³³. По специальному распоряжению министерства я был введен в состав Комитета по льняной и хлопчатобумажной промышленности и Общества зоологического сада. Работы было много. Зимние вечера почти сплошь были заняты участием в многообразных заседаниях. Это участие давало мне возможность быть обществам полезным, что многими из них было отмечено тем, что меня избирали почетным членом.

Канцелярия инспектора помещалась в Управлении государственных имуществ, где мне были отведены две комнаты. В одной принимал я сам, а в другой сидел мой единственный помощник, специалист по животноводству, мой большой друг Михаил Степанович Карпов и наша общая стенографистка. Карпов был чрезвычайно знающий, способный и хороший человек, сотрудничество с которым было одно наслаждение. Он часто бывал моим домашним гостем и партнером по вину. Управляющим государственными имуществами был почтенный, очень достойный и тактичный А.И. Окоронко, лицо, заслужившее всеобщее уважение. Помощники его были дрянные, хамы и доносчики, с которыми и у меня бывали недоразумения.

Позабыл сказать, что все сельскохозяйственные школы губернии, а их было от 10 до 15, находились под надзором инспектора сельского хозяйства, так что приходилось их тоже посещать и присутствовать на экзаменах.

Мой недоброжелатель Крюков вскоре должен был покинуть свой пост директора департамента. На его место был назначен бывший киевский губернатор граф Павел Николаевич Игнатьев⁴³⁴. При первом же знакомстве с ним я понял, что это прекрасная чистая личность. Вскоре мне пришлось выяснить полную солидарность наших политических взглядов и общего понимания задач Департамента земледелия. Моя инспекторская работа стала меня тоже радовать, во всем я встречал сочувствие и поддержку графа, так что деятельность и в этом секторе меня удовлетворяла. Конечно, работы, по разнообразию, было слишком много. Столичная губерния давала в этом отношении гораздо больше задач, чем приходилось выполнять моим коллегам в провинции.

Из семейного архива Ю.Б. Шлиппе.

Д.Н. ЛЮБИМОВ. СТОЛЫПИНСКИЕ СЪЕЗДЫ

Воспоминания Дмитрия Николаевича Любимова были опубликованы в газете «Возрождение» в мае 1935 г. (№ 3631). В данном издании воспроизводится та часть воспоминаний, в которой дается общая характеристика «столыпинских съездов». За рамками публикации остался пересказ курьезных случаев, которыми при встрече делились губернаторы.

В начале девятисотых годов — четверть с чем-то века тому назад — у министра внутренних дел, тогда П.А. Столыпина, возникла мысль периодически устраивать съезды главных представителей правительственной власти на местах, т. е. губернаторов с выборными с мест представительных законодательных учреждений, т. е. членами Государственной думы и Государственного совета для предварительного совместного обсуждения изготовленных министерством предположений, ранее внесения их на законодательное рассмотрение. Для участия в этих съездах министр внутренних дел по своему выбору вызвал в Петербург десять губернаторов, а также пригласил десять представителей дворянства и десять земских и городских деятелей, преимущественно из состава Государственной думы и Государственного совета. В случае надобности приглашались и другие лица — обыкновенно специалисты, и в съездах обязательно участвовали высшие чины как Министерства внутренних дел, так и других ведомств, имеющих отношение к рассматриваемому вопросу. Председательствовал на съезде министр внутренних дел.

Помню, первые съезды (1908 г.) были преимущественно посвящены общей губернской реформе. Вопрос этот уже давно озабочивал правительство. Еще в 1903 г. особой комиссией под председательством министра внутренних дел (В.К. Плеве⁴³⁵) был выработан ряд предположений. Комиссия эта состояла, кроме высших чинов министерства, из тогдашних губернаторов: петербургского графа С.А. Толя⁴³⁶, псковского Б.А. Васильчикова, могилевского Н.М. Клингенберга⁴³⁷, самарского А.С. Брянчанинова⁴³⁸, екатеринославского графа Ф.Э. Келлера⁴³⁹, харьковского князя И.М. Оболенского и ковенского Э.А. Ватаци⁴⁴⁰, а заведование делопроизводством было возложено на управляющего канцелярией министра внутренних дел — должность, которую я в то время занимал.

Выработанные проекты не получили, однако, окончательной обработки ввиду последовавшего тогда убийства Плеве — глав-

ного инициатора комиссии — и наступившего затем смутного времени 1905 года, но выработанные предположения с объяснительной к ним запиской послужили при Столыпине материалом для работ первых двух съездов. В них я участвовал уже в качестве члена — как виленский губернатор.

Съезды были многочисленные, и в них принимал участие целый ряд известных деятелей. Затруднительно теперь вспомнить точно всех участвовавших в съездах лиц, тем более что некоторые участвовали лишь в одном съезде, другие — в двух или трех, третьи (и в том числе я) — во всех четырех (четвертый был уже после Столыпина). Но все-таки ясно припоминаются мне среди блестящего состава этих съездов многие почтенные, а некоторые прямо-таки выдающиеся местные деятели. В их числе губернаторы: петербургский А.Д. Зиновьев⁴⁴¹, московский В.Ф. Джунковский (впоследствии товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией), тверской Н.Г. Бюнтинг⁴⁴² (убитый при исполнении обязанностей в первые дни революции), харьковский М.К. Катеринич⁴⁴³, курляндский Л.М. Князев⁴⁴⁴ (впоследствии иркутский генерал-губернатор), киевский граф Пав. Н. Игнатъев (впоследствии министр народного просвещения), нижегородский А.Н. Хвостов⁴⁴⁵, черниговский Н.А. Маклаков (последние двое — впоследствии министры внутренних дел), самарский А.С. Брянчанинов (не помню, был ли он еще самарским губернатором, где он пробыл двадцать лет, или уже приглашался как член Государственного совета⁴⁴⁶). Среди общественных деятелей припоминаются предводители дворянства: московского — А.Д. Самарин (впоследствии обер-прокурор Синода), симбирского — В.Н. Поливанов⁴⁴⁷, новгородского — князь П.П. Голицын⁴⁴⁸, ярославского — князь И.А. Куракин⁴⁴⁹ (ныне настоятель православной церкви в Милане), харьковского — князь А.Д. Голицын⁴⁵⁰ (один из выдающихся ораторов съезда), полтавского — князь Н.Б. Щербатов⁴⁵¹ (впоследствии министр внутренних дел), самарского — А.Н. Наумов⁴⁵² (впоследствии министр земледелия), курского — граф В.Ф. Доррер⁴⁵³. Помню также среди земских деятелей членов Государственного совета от Саратовской губернии — графа Д.А. Олсуфьева⁴⁵⁴ (также выдающегося оратора), от Курской — М.Я. Говорухо-Отрока⁴⁵⁵ (вместе с графом Доррером — крайне правое крыло съездов), от Бессарабской губернии — М.В. Пуришкевича⁴⁵⁶ (отца известного члена Государственной думы), от Виленской губернии — Ип. Оск. Корвин-Милевского⁴⁵⁷ (своеобразного, особенно по выговору своему, но несомненно одного из самых блестящих ораторов съезда), а также от

Северо-Западного края – гг. Конча, Мейштовича⁴⁵⁸, Скимунта⁴⁵⁹. Помню в некоторых совещаниях по приглашению Столыпина участвовал один из лидеров правой в Государственной думе П.Н. Крупенский и другие, которых за давностью времени не берусь точно переименовать.

Съезды, внушительные по составу, были устроены во всех отношениях образцово. Главным их организатором был тогдашний товарищ министра внутренних дел Сергей Ефимович Крыжановский, так еще недавно в эмиграции, здесь в Париже, скончавшийся. Он обыкновенно заменял в председательствовании на съезде Столыпина. При этом Крыжановский оказался на редкость блестящим председателем больших собраний: спокойным, находчивым, прекрасно знающим предметы, подлежащие обсуждению. Он заслуженно пользовался большим авторитетом и общим уважением всех членов съездов без всякого различия их политических оттенков.

Собирались съезды в бывшем доме министра внутренних дел на Мойке (пом. 101), приспособленного для этой цели под общим руководством С.Е. Крыжановского и обставленного всеми удобствами: с канцелярией, в которой был сосредоточен весь нужный справочный материал, с особым почтовым и даже, кажется, телеграфным отделением. В большой столовой был устроен буфет, где подавались прекрасные завтраки (кажется, от Контана⁴⁶⁰). По канцелярии и по оборудованию и устройству помещения главным неутомимым помощником С.Е. Крыжановского был М.В. Иславин⁴⁶¹ (бывший вологодский вице-губернатор, а впоследствии нижегородский губернатор), пользовавшийся единодушными симпатиями всех членов съезда.

Собрания происходили обыкновенно с 10 часов утра и до 6 часов вечера. Затем расходились, причем часто собирались обедать по группам, как говорили тогда, «по профессиям». Особенно помнятся собрания губернаторов. Сходились мы обыкновенно раз в неделю, иногда и чаще, вместе обедать в Кюба или к Донону⁴⁶², в отдельном кабинете, «в своей среде» – одни губернаторы. На этих обедах могли быть также губернаторы, не участвующие в съезде, а прибывшие в Петербург по другим делам; но никого «постороннего». Это строго соблюдалось даже для бывших губернаторов, и для вице-губернаторов не делалось исключения. Остряки в министерстве называли наши обеды ввиду их замкнутости и таинственности «собраниями мафии». На губернаторских обедах всегда было оживленно и интересно. Обменивались мнения-

ми и впечатлениями, в большинстве случаев совершенно откровенно. Чувствовалось полное взаимное доверие, вызываемое общностью интересов. При этом, конечно, часто обсуждалась деятельность различных лиц центральных управлений, преимущественно ведомства внутренних дел, иногда очень тонко и зло. В этом отношении некоторые губернаторы проявляли много остроумия и наблюдательности. Помнится, особенно губернаторы были почти все против тогдашнего директора Департамента полиции (Трусевича⁴⁶³). Вскоре, впрочем, он оставил свой пост, как говорили в министерстве, по проискам «собрания мафии».

Но, кроме суждений о коварстве и неумении петербургских властей, на губернаторских обедах – и это составляло, по-моему, главную их прелесть – были рассказы чисто из местной жизни, имевшие мало общего с политикой, так сказать бытовые. Рассказывались они с полной откровенностью, причем рассказчик обыкновенно брал с присутствующих обещание, что то, что он расскажет, «дальше этой комнаты не пойдет...» Все охотно и, видимо, искренне давали такое обещание, но обычно в общем, так сказать, порядке рассказы эти на другой же день делались достоянием всего съезда.

Возрождение. 1935. 13 мая. № 3631. С. 3.

В.Ф. РОМАНОВ. «ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ»

Романов Владимир Федорович (1874–?) – государственный деятель. Родился в Киеве. В 1897 г. окончил юридический факультет Университета св. Владимира в Киеве. В 1898–1901 гг. служил в Земском отделе Министерства внутренних дел. В 1901–1906 гг. – в ведомстве водных и шоссейных путей. С 1906 г. в Переселенческом управлении, начальник департамента, заведующий переселением на Дальний Восток и Северный Кавказ, чиновник особых поручений VI класса. Впоследствии перевелся в Отдел земельных улучшений. С 1914 г. уполномоченный Красного Креста на Юго-Западном фронте. После 1917 г. в эмиграции, в Сербии.

Воспоминания охватывают период с 1874 по 1920 г. Рукопись хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 5881).

...Около восьми лет лучшей поры моей служебной деятельности было отдано мной переселенческому делу, наиболее интересному и жизненному в ряду правительственных работ моего времени. Дело это было сосредоточено с 1906 г. в ведении образованного из Министерства земледелия Главного управления землеустройства и земледелия, в состав которого было включено Переселенческое управление, ранее представлявшее из себя орган Министерства внутренних дел.

Когда мысленно взором бегло оглядываешься на те этапы, которые прошло это дело, как в области критической, так и в области практической – правительственного отношения к нему, невольно мне всегда приходит в голову вульгарное сопоставление судеб его с моим фракком. Как этот единственный парадный костюм мой на протяжении двадцати лет то попадал в особую честь у модников, то забрасывался ими как старомодный, так и в переселенческой нашей политике одни и те же принципы и явления признавались то прогрессивными, либеральными, то реакционными в зависимости не от тактики, а от необъективного отношения к делу. Впрочем, то же самое можно сказать и относительно остро волновавших в свое время общественные и правительственные круги и других основных вопросов нашей сельской жизни: о земских начальниках и об общине. Я сам читал в старых номерах 70-х гг. серьезного прогрессивного органа печати «Голос» горячие доводы против предрассудка, побуждающего нашу власть слепо следовать теории Монтескье о разделении властей, газета ссылаясь на английских мировых судей как на пример целесообразного и экономичного соединения судебной и административной функций. Та же газета через десять лет метала уже гром и молнии против введения института земских начальников как грубо нарушающего именно общепризнанное в науке начало о недопустимости совмещения упомянутых функций. Надо ли вспоминать, как защита крестьянской общины признавалась у нас то признаком славянофильской ретроградности, то на наших глазах модным, либеральным лозунгом против так называемых «столыпинских» землеустроительных реформ.

Переселение крестьян в наши азиатские колонии долго встречало препятствие со стороны реакционных наших кругов, защищавших классовые интересы нашего крупного землевладения: боязнь помещиков остаться без дешевой рабочей силы делала их врагами свободного переселения. Право переселения было обставлено различными более или менее сложными формальнос-

тями и разрешениями. Наша прогрессивная печать справедливо негодовала на внесение в это великое государственное дело узких эгоистических стремлений одного сословия. В девяностых годах ко времени окончания предпринятой по инициативе императора Александра III постройки величайшего в мире железнодорожного пути, соединившего в конечном итоге Европу с побережьем Тихого океана, общегосударственные задачи начали побеждать частно-классовые, как это обычно бывало у нас при самодержавном строе, вопреки утверждениям, которые любят повторять наши утописты. Правила крестьянского переселения постепенно смягчались, и с 1904 г. (если мне память не изменяет, я пишу ведь без всяких материалов — только на память) была установлена незыблемая полная свобода переселения в Сибирь для лиц сельского состояния; требовалось только, по соображениям осмотрительности, ознакомиться предварительно с земельным участком, лично или через групповых представителей — так называемых ходоков. Кроме того, разными, большей частью административно-полицейскими, правилами регулировались очереди отправки переселенцев из разных губерний Европейской России, во избежание массового скопления переселенцев на железной дороге и т. п. Само собой разумеется, что свобода переселения обуславливала широкое усиление работ по размежеванию земельных участков, ускорению землеустройства местного инородческого и старожилого населения, по ряду вспомогательных работ: гидротехнических, агрономических, ботанических и почвенных обследований, дорожных, наконец, даже по постройке школ, церквей и организации продажи и кредита сельскохозяйственных орудий. Для осуществления таких работ требовался громадный кадр всякого рода специалистов. Понятно также, что при объявленной свободе переселения надо было широко распространять среди населения сведения об отводимых под заселение землях. Уже при мне лично начальником Переселенческого управления было составлено написанное простым и образным языком объявление-листовка, сжато дававшее все главнейшие сведения, необходимые для лиц, задумывающих переселение; объявление, напечатанное жирным шрифтом, предупреждало о всех ожидающих переселенцев трудностях; кроме такого объявления, на основании литературных данных и подробных донесений с мест, составлялись справочные популярные книжки по каждому отдельному району заселения, массами рассылавшиеся в волости для продажи по дешевой цене. В книжке, помимо сведений о земле, климате, промыслах и т. п.,

содержались все главнейшие правила переселения и ряд справочных сведений с адресами правительственных учреждений, почтово-телеграфных контор, расстояниями от станции до станции на железных дорогах, реках и грунтовых дорогах.

В первые же месяцы моей службы в Переселенческом управлении я составил такую книжку по Забайкальской, Амурской и Приморской областям.

И вот, прежде всего, именно эти ценные справочники, а ничто другое, были использованы оппозицией в нашем новом законодательном учреждении⁴⁶⁴, чтобы обрушиться на новую переселенческую политику правительства, пошедшую именно по пути, который еще недавно противопоставлялся реакционным классовым интересам. Какой-то кавказец, не помню его фамилии, потрясая листовкой-объявлением Глинки⁴⁶⁵, гневно вскрикивал с кафедры Думы банальные фразы о том, как правительство наше, желая оградить классовые интересы дворянства, торопится переселить малоземельных крестьян в Сибирь и тем затормозить разрешение аграрного вопроса. Листовки, наши книжки рассматривались исключительно как реклама, как зазывание, сбивание с толку «бедного» крестьянина; жирно напечатанное предостережение об осторожности, о необходимости подумать, [прежде] чем решиться на переселение, игнорировалось, конечно, оппозицией и рабски вторившей ей нашей либеральной прессой. В жертву партийности, выброшенному оппозицией лозунгу раздачи помещичьих земель приносилось большой государственной важности дело заселения наших окраин. Наши социалисты, особенно грузины, отличались вообще крайним невежеством, но партия народной свободы не могла не понимать, какой вред приносит она государственному делу, дискредитируя в общественном мнении мероприятия по заселению русскими людьми наших окраин. Это было тем более непростительно, что вдумчивые представители партии, как и сам Г.В. Глинка, отлично знали, что в основе нашей переселенческой политики лежит не стремление устранить безземелье в губерниях Европейской России, а именно забота о заселении, главным образом, Сибири и Туркестана русскими людьми, почему в справочниках прямо подчеркивалась трудность быстрого, хорошего устройства на новых местах для лиц, не располагающих никаким запасом собственных средств. Неумная, не по существу дела, которое как всякая человеческая работа имело, конечно, свои недостатки, о чем скажу ниже, а чисто демагогическая формальная критика переселенческой политики отбивала у

нашей интеллигенции, без того чрезвычайно невежественной в отношении отечествознания, в особенности знания наших колоний, какое бы то ни было желание знакомиться с «казенными» трудами Переселенческого управления. Между тем, его ученые партии изучали всю Сибирь в естественно-историческом отношении; ими был издан Атлас Азиатской Сибири, который по художественности исполнения, руководимого известным профессором по истории искусств Проховым, и по его научному знанию составил предмет гордости любого европейского ученого общества. Хотя бы в этой, так сказать, чисто ученой изыскательной области, несчастная наша оппозиция — этот идейный вождь нашей интеллигенции, сочла необходимым рекомендовать ей труды «казенного» ведомства? Нет, это было ниже ее достоинства и сокровенных намерений; похвалить за что-нибудь царского министра — это значило бы отделить от себя момент завоевания его портфеля. До большого нравственного ничтожества доводит людей политиканство!

Тот размах, который вполне естественно, не в рекламном, конечно, порядке, принимало переселенческое дело, требовал, чтобы оно возглавлялось смелым, порывистым русским человеком, и А.В. Кривошеин, этот с необыкновенным чутьем выбирать способных и талантливых людей чиновник, не мог ничего сделать более удачного, чем рекомендовать своим заместителем по должности начальника Переселенческого управления Г.В. Глинку. Его энергии и его умению успешно преодолевать препятствия мы были обязаны тем, что бюджет по колонизации Азиатской России, несмотря на невероятную скупость наших министров финансов, вырос за десятилетие, кажется, в пятнадцать раз, дойдя с 2 миллионов до 30 миллионов в год.

Здесь я подхожу к наиболее слабому или, вернее, просто слабому месту нашей переселенческой политики; оно обнаружилось уже после того, как первые две Государственные думы, показавшие полную свою деловую импотенцию, были разогнаны; так говорю, ибо считаю, что проявление одного «гнева», включительно до юмористически-гневной поездки части разогнанных депутатов в Выборг, не может, конечно, почитаться деловой работой. Слабая сторона переселенческого дела составляла уже предмет критики, порой довольно резкой, со стороны Третьей Государственной думы, критики, которая, надо сказать, встречала сочувствие со стороны большинства самих переселенческих чиновников, являвшихся в лице их старших представителей лишь коз-

лами отпущения за общие грехи правительства, что было неизбежно при единстве кабинета министров.

Энергия переселенческого ведомства в развитии специально дела переселения крестьян не находилась в соответствии с работой и взглядами других ведомств, особенно финансового и путей сообщения, без участия которых не могла идти правильным путем колонизация азиатских наших владений.

Несчастливая наша централизация и плохое вообще понимание окраинных условий порождали ничем не оправдываемый взгляд на Сибирь, Степные области, Туркестан как на обычные российские губернии. Понятие «колония» и нашему правительству, и нашему обществу было чуждо, если не считать наивных украинофильских увлечений в Сибири... Хотя наши азиатские владения и по отдельности их, и по своеобразию местных условий, и в особенности по пространству их ничем не отличались от колоний крупнейших западноевропейских держав, у нас они управлялись не вице-королем, а в лучшем случае генерал-губернатором с совершенно призрачной самостоятельностью от центра; их особые права, в сущности, сводились к мелочам чисто полицейского характера, которыми они только и отличались от обыкновенной губернской власти.

Что касается губернаторов, то это были фактически чиновники Министерства внутренних дел. При этом как раз в окраинные наши губернии, где не было должного общественного контроля в виде выборных земских и дворянских учреждений, назначались наименее опытные администраторы, преимущественно военные; перевод в Европейскую Россию считался повышением, в то время как в деловом отношении, в смысле разнообразия и ответственного значения действительно крупных культурно-колониционных задач, губернаторство в Забайкалье или Приамурье, например, требовало гораздо больших инициативы, знаний и опыта, чем где-нибудь в Москве, Киеве и т. п. Во время одной из моих поездок по Сибири я дал в письме на имя Г. В. Глинки подробную характеристику нашей дальневосточной губернской администрации; о некоторых из губернаторов я выразился так резко, что когда Глинка прочел мое письмо нашему министру Кривошеину, последний отказался передать его Столыпину, посоветовав Глинке самому это сделать при удобном случае. Столыпин на моем письме сделал надпись: «К сожалению, он прав». Но система выборов военных губернаторов осталась прежняя.

То же отношение к нашим колониям отражалось и на деятельности центральных ведомств. Интересы Европы преобладали над азиатскими. В то время, как железнодорожные вопросы легко проходили, поскольку они касались наших западных границ, особенно по стратегическим соображениям, громадная наша колония Сибирь оставалась при одной колее. Если экономическое влияние магистрали распространяется на 100–150 верст от нее, то легко понять, что усиленный прилив хлебопашцев в Сибирь требовал одновременно подъездных путей и параллельной даже магистрали для нашей Сибири. Между тем, только в 1913 г. появилась одна ветка Тобольск–Омск и с громадными трениями было дано разрешение на проведение нашей магистрали от Туркестана на Алтай. Переселенческое управление выполняло свои колонизационные задачи, другие ведомства отставали от них, и настало время, когда избыток хлеба оставался на местах у крестьян; его экспорт по отдаленности железнодорожной магистрали был невыгоден.

Я не буду говорить подробно о нелепостях нашей тарифной политики в отношении окраин, о недостатке средств, отпускавшихся на водные и грунтовые сообщения, почему, в сущности, единственным строителем дорог в Сибири являлось Переселенческое управление специально для крестьян-переселенцев, а не в интересах, конечно, сколько-нибудь крупной промышленности и т. п. Несколько слов по этому поводу мне придется сказать при описании мной работ Амурской экспедиции⁴⁶⁶. Теперь же мне важно только отметить, что в России не было, одним словом, специального ведомства колоний, существующего во всех крупных государствах Европы, а потому и не было с надлежащей государственностью и полнотой продуманного колонизационного плана, а было только переселение крестьян, имевшее несомненно первостепенное культурно-экономическое значение для наших азиатских владений, но являющееся лишь одной стороной всякой колонизации, требующей одновременно и торгово-промышленных мероприятий. Переселенческому управлению приходилось по собственной инициативе и собственными силами корректировать одностороннее направление этой работы, вводя в круг ее отвод земельных участков под поселение городского типа и под бессловное промысловое использование.

Под крестьянские чисто земледельческие участки отводилось до 15 дес. удобной земли на каждую душу мужского пола, а в Приамурском крае до издания новых правил даже по сто деся-

тин на каждую семью. 15-тидесятинная норма понижалась, конечно, там, где качество земель было особенно высоко, например, в Алтайском округе, в котором покойный император Николай II уступил под переселение крестьян громадные земельные пространства из личной собственности царя за ничтожную сумму (10 и 20 коп. с десятины, дабы не создавать прецедента безвозмездного отчуждения частновладельческой земли). Земли были таковы, что 8–10 десятин на душу признавались вполне достаточными для обеспечения хозяйственного благополучия переселенцев. Один сельский сход, узнав, что ходоки его деревни отказались от зачисления земли в Алтайском округе ввиду уменьшения в нем душевого надела с 15 до 8 десятин, так был огорчен нераспорядительностью ходоков, что постановил воротить их, когда они вернулись в свою деревню из Сибири. Под промысловые участки отводилось от нескольких сот квадратных сажень до нескольких десятков десятин в зависимости от рода хозяйства.

Меры по отводу таких участков развивались сравнительно медленно. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что большую роль в этом отношении играли народнические тенденции. Начальник Переселенческого управления, который, может быть, и без умысла каждую пядь земли берег для крестьянства и прямо ликовал, когда царь щедро уступил свои земли под переселение, Глинка, по моему мнению, не мог быть по свойствам своего увлекающегося характера объективен там, где дело касалось «мужичков», этой «соли земли русской» в его представлении. Без сомнения, в известной степени он был прав, но высшие задачи государства требовали, по моему мнению, иных взглядов.

Когда я пытаюсь объяснить себе, почему наше правительство так упорно придерживалось каких-то кустарных приемов в отношении богатейших колоний России, я думаю, что и правительство, и наше общество находились всегда под гипнозом целостности территории Российской империи; было странно признавать колонией те части ее, которые соединены со столицами сплошным железнодорожным путем, а не отделены от метрополии морем, подобно английским, германским и французским колониям.

Итак, поскольку дело касалось собственного развития — крестьянского переселения, трудно было найти более подходящего, скажу прямо, талантливого, проникнутого горячей любовью к русскому землепашцу и верой в его творческие силы исполнителя, чем Г.В. Глинка; его руководство Переселенческим ведомст-

вом составило самую блестящую страницу в этом деле. Но поскольку Григорию Вячеславовичу приходилось сталкиваться с теми затруднениями, которые проистекали от общего дефекта нашей колониционной политики, он, мне кажется, разбирался в них слабо, слишком примитивно, приписывая некоторые неудачи только скаредности нашего финансового ведомства. Препятствия и неудачи при горячности характера Глинки приводили его в раздраженное состояние; с годами он делался таким же вспыльчивым крикуном, каким сделался и Б.Е. Иваницкий⁴⁶⁷. Одним словом, и третий мой начальник по отсутствию выдержки в русских людях, школы, так сказать, самообладания, был тяжел в служебных отношениях, то, что называется, капризен. Все это в конце концов не могло не отразиться на моем собственном от природы чрезвычайно холоднокровном характере. Разговоры в повышенном тоне с начальством сделались для меня обычным явлением. К чести Глинки должен сказать, что им всегда допускался обоюдный громкий разговор — это был горячий, порой грубый, но всегда товарищеский спор; а не разнос начальником подчиненного. Поэтому почти все сослуживцы по Переселенческому управлению действительно горячо были привязаны к своему начальнику: им гордились и его любили, и слабости прощались...

...Я не могу не вспомнить, какое вообще значение придавал Глинка религии в жизни нашего крестьянства. Ему пришлось вести горячую борьбу за отпуск кредитов на постройку костелов в польских переселенческих деревнях. Он, до мозга костей православный человек, любивший и знавший православные обряды во всех мелочах, чрезвычайно скептически относившийся ко всему нерусскому и неправославному, понимал своим сердцем верующего, как тяжело и опасно положение тех инославных, которые надолго будут лишены своих храмов. Наше духовенство, так же как и католическое, уйдя в свои богословские споры, забывало нередко о живой душе человека, о том, что Христос — главное, а остальное — второстепенное, и готово было бы иногда предпочесть полное отсутствие церкви постройке лишнего костела, как теперь поляки в изуверстве своем рушат русские церкви, которые могли бы быть в Польше лучшими свидетелями культурной веротерпимости ее. Глинка был более чуток и так горячился за польские переселенческие церкви, что когда дело увенчалось успехом, к нему на дом приехал католический митрополит благодарить его. Глинка много смеялся по поводу вопроса митрополита, не католик ли он. Так странен был для такого православного человека,

как Глинка, этот вопрос. Но, очевидно, иначе психология Глинки для католического иерарха становилась совершенно не доступной: он, вероятно, не разрешил бы православным переселенцам постройку своих церквей...

...Говоря об абсолютной честности Переселенческого управления времен Глинки, я могу рассказать один характерный случай, иллюстрирующий наивный «романтизм» старорежимных чиновников, как говорят теперь некоторые современные дельцы, отзываясь о «чрезмерной» нравственной щепетильности. Типографические работы управления исполнял обычно студент-еврей Вайсберг, имевший собственную типографию⁴⁶⁸, унаследованную от отца. Помимо материальных соображений, действительно искренне был привязан к составу нашего управления, привык к нему, любил даже Глинку, несмотря на нередкую грубость последнего, когда запаздывала хоть бы на один день какая-нибудь работа. Желая отблагодарить всех нас чем-нибудь за постоянные заказы ему, Вайсберг в день Нового года разложил на столе каждого чиновника роскошно изданный иллюстрированный календарь. Такой подарок вызвал смущение среди чиновников, начались разговоры, не будет ли принятие дорогого календаря компрометировать нас как взятка, а после совместного обсуждения решено было вернуть все календари Вайсбергу. Последний, зная наши нравы, не придавал, конечно, сколько-нибудь плохого значения своему подарку и был огорчен чрезвычайно. Успокоить его удалось принятием всеми в подарок от него простенького карманного календарика, разъяснив ему, что для него и нас важна память, внимание от него, а не стоимость календаря.

Кстати, в связи с этой, может быть, наивной, но все-таки хорошей историей, я припоминаю случай вымогательства от Вайсберга процентного вознаграждения за принятие исполненной им работы. Глинка, для оживления наших литературных трудов, решил взять на службу одного сотрудника какой-то большой московской газеты. Он составил справочную книжку для переселенцев, сдал ее печатать Вайсбергу и не принимал от него исполненной работы, пока тот не заплатит ему какой-то процент со стоимости работы. Смущенный Вайсберг пришел к нам в управление советоваться с нами, как ему быть, не скомпрометирует ли такая необычная в нашем обиходе сделка управление. Об этом от нас узнал Глинка, и, к счастью, представитель свободной профессии был изгнан из управления, пробыв в нем без всякой существенной пользы для дела менее двух месяцев.

В жизни провинциальных наших учреждений ввиду многочисленности и разрозненности их состава случались, конечно, различные служебные злоупотребления, но и здесь они были сравнительно редки; масса работников, особенно землемеров и агрономов, работала идейно, часто была неблагонадежна политически, справедливо и несправедливо будировала против центра, страдала утопической мечтательностью, как большинство средней провинциальной интеллигенции, но на службу не смотрела как на средство наживы. О местных наших работниках я буду говорить ниже. Здесь же только замечу, что всякое злоупотребление в нашем ведомстве чрезвычайно нервировало и удручало искренне весь состав нашего управления, как одну семью. За время моей службы в центральном управлении был только один случай растраты по легкомыслию казенных денег недолго служившим у нас кассиром. Когда еще не была выяснена точно сумма растраты, мы решили сложиться и пополнить растрату, чтобы не выносить сора из избы при систематической враждебности к нам думской оппозиции. Однако впоследствии растроченная сумма оказалась нам не по средствам, и дело было передано суду. В провинциальных наших учреждениях громкое сравнительно дело возникло о растрате довольно большой казенной суммы при постройке дорог в Иркутской губернии. В растрате оказался замешанным, совершенно неожиданно, руководитель переселенческим делом в этой губернии С. Он пользовался тем лучшей репутацией, что был очень дружен с нашим абсолютно честным и преданным делу ревизором землеотводных работ У., который незадолго перед обнаружением растраты ревизовал его и нашел все в полном порядке. Известие о растрате С., который запутался в силу несчастных личных обстоятельств, произвело такое впечатление на нашего ревизора, что он долго нервно болел, а от дрожания головы так и не излечился.

Кстати, говоря о служебных злоупотреблениях, я должен упомянуть, что и в первом учреждении по крестьянским делам, в котором я служил — Земском отделе⁴⁶⁹, не было за мое время ни одного случая взятки или растраты. Мой приятель Б. был уволен только за то, что в срок не отдал долг знакомому земскому начальнику; последний в чем-то попался, был привлечен к ответственности и в оправдательных своих донесениях, между прочим, упомянул, что «вот мол Б., служа в делопроизводстве по ответственности земских начальников, должен ему 200 рублей; однако этот факт сам по себе нельзя ведь рассматривать как принятие

взятки». На переписке по этому делу П.А. Столыпин по поводу ссылки на Б. наложил резолюцию: «Б. сам должен догадаться, что он теперь обязан сделать». И Б. подал в отставку.

Переселенческое управление делилось на несколько отделений – делопроизводств, дела между которыми распределялись не по обычно принятой во всех департаментах системе в зависимости от рода их, но территориально, т. е. были следующие отделения: 1) Европейская Россия – дела по выселению; 2) по Дальнему Востоку и Кавказу; 3) по Степным областям и Туркестану и 4) по губерниям Сибири. Кроме того, были, конечно, специальные отделения: счетное, ревизорское, по складам и т. п. Во главе делопроизводств стояли чиновники особых поручений VI, а по выслуге более продолжительного срока и V класса, дававшего право на производство в «генеральский» гражданский чин.

Мне было поручено заведование дальневосточными и кавказскими делами; последние давали сравнительно мало инициативной работы, так как с учреждением Кавказского наместничества дело было в значительной степени децентрализовано; за Петербургом оставалось, главным образом, рассмотрение и обоснование перед законодательным учреждением сметных предположений. Дальний Восток потребовал большого изучения материалов и представлял возможность проявления широкой инициативы.

Заведующим переселенческим делом в Приамурской области был С.П. Шликевич⁴⁷⁰, человек с большой инициативой, горячего темперамента, который приводил его порой к несправедливой оппозиции центральному ведомству. Он, как многие из наших провинциальных агентов, не считался с объективными условиями работы центрального управления, с теми затруднениями, которые приходилось последнему преодолевать в Государственной думе, задерживавшей утверждение смет на полгода и более. По закону до утверждения сметы приходилось жить месячными отпусками кредитов в размере одной двенадцатой прошлогоднего бюджета; понятно, что никакое большое хозяйство, в особенности столь живое и многостороннее, как переселенческое дело, не может идти правильно, раз финансовые средства на него переводятся не сразу в необходимой сумме, а небольшими частями, тем более что потребность в том или ином расходе не распределялась равномерно по отдельным месяцам; например, выдавать ссуды переселенцам нельзя было в течение всего года, а требовалось немедленно по приступе их к хозяйству на новом месте, также необходимо было сразу снабжать необходимым запасом средств

межевых и других техников при самом отъезде их на полевые работы, нередко в весьма отдаленные от центров глухие места. Задержка в кредитах не могла не нервировать местных руководителей делом, в особенности когда истомленные долгим путем крестьяне начинали волноваться по поводу неполучения обещанной им денежной помощи на домообзаводство, грубили местным агентам, порой подозревали их в расхищении денег, назначенных на помощь переселенцам и т. п. Местные агенты, сами нервничая, склонны были обвинять свое центральное ведомство в недостатке энергии, в неумении ускорить отпуск кредитов, испросив их в размере достаточном для действительных потребностей дела. Кроме того, на нашем Дальнем Востоке назрел ряд вопросов государственно-колониционного значения, разрешение которых встречало препятствие в упомянутых мною выше общих условиях, в отсутствии широкого колониционного плана. В последнем отношении положение заведующего Приамурским районом переселения было особенно интересно и ответственно. Предшественники Шликевича были такие незаурядно-крупные деятели, как А.А. Риттих, будущий последний министр земледелия Империи, и Н.Л. Гондатти⁴⁷¹, впоследствии приамурский генерал-губернатор. Но в их время для переселения землепашцев, притом в относительно весьма скромных размерах, было вполне достаточно удобных земельных пространств, а, кроме того, желтая опасность не вырисовывалась еще так ярко, как после Японской войны, когда пришлось работать Шликевичу. Глубокий патриот, он чрезвычайно горячился, что различные его широкие предложения тормозятся в Государственной думе.

В это время я вступил в заведование дальневосточным отделением в центральном управлении; познакомился с имеющейся литературой о Дальнем Востоке, с трудами т. н. Хабаровских съездов, которые созывались местными генерал-губернаторами и имели значение настоящих местных земских соборов. Опять-таки широкой публике эти труды, несмотря на все их прогрессивно-общественное и государственное значение, почти совершенно не были известны. Я изучил переписанное законодательство времен мало оцененного русским обществом, по незнанию и непониманию им наших колониционных задач, великого государственного деятеля графа Муравьева-Амурского⁴⁷². Все эти материалы дополнялись живыми нетерпеливыми донесениями Шликевича. Передо мной открывался схематический план, которым необходимо руководствоваться нашему правительству для освоения на-

ших богатств дальневосточных окраин. О плане этом я буду говорить при описании Амурской экспедиции, подведшей под ним прочный, основанный на научных данных, фундамент. Разрабатывая схему плана, я чувствовал себя вначале весьма беспомощно и одиноко. Слишком завалено было наше управление мелочами крестьянского переселения, чтобы могло уделить много внимания широким колониционным мероприятиям в отношении одной нашей самой далекой окраины, а, главное, разработка и осуществление такого плана выходили за пределы одного землеустроительно-крестьянского ведомства; требовалось создание какого-то органа, объединяющего начинания различных ведомств. План касался и устранения тех стратегически-кабинетных препятствий, которые чинились военным ведомством колонизации Приамурья, например, запрещения проводить дороги от побережья в глубь страны, и разрешения земельного казачьего старожило-крестьянского вопроса, который получил, в искажение государственной мысли графа Муравьева-Амурского, узко-классовое направление предоставлением в пользование небольшой кучки людей громадных земельных и лесных пространств, наиболее удобно расположенных по береговой полосе Амура и Уссури, и устройства сети дорог, необходимых для оживления нашей промышленности, главным образом золотой и лесной, и приведения в порядок подъездных водных путей и пересмотра тарифа на рыбу, так составленных, что русская кета попадала в Петербург из Лондона и т. п.

Я приступил к разработке проекта об учреждении особого дальневосточного комитета. Глинка в общем сочувственно отнесся к этому моему начинанию, хотя и не очень долюбивал те общие вопросы, которые не имели прямого отношения к интересам крестьян, но в «сферах» против проекта было чрезвычайное предубеждение под не забытым еще впечатлением от печальных результатов деятельности подобного комитета, приведшего к русско-японской войне. Мое упорство в этом деле привело к некоторым результатам: князь Васильчиков, стоявший тогда во главе ведомства землеустройства и земледелия, получил принципиальное согласие государя на разработку положения о предметах ведения Постоянного совещания по делам Дальнего Востока, как решено было назвать этот орган во избежание напоминания о печальной памяти комитете. Государь повелел даже князю Васильчикову представить ему список лиц, наиболее подходящих к должности председателя в намеченном совещании. Составить этот список с деловой характеристикой каждого кандидата было

поручено мне с указанием, что в список не должен быть включен никто из деятелей прежнего комитета, в особенности же адмирал Алексеев, опозорившийся в Порт-Артуре. Я теперь не помню фамилий всех внесенных мною в список лиц: уверенно могу сказать только, что в него были включены генерал Куропаткин и Б.Е. Иваницкий — наиболее подробная и яркая справка была дана, по вполне естественным причинам, о последнем. Я указал на те преимущества его, которые заключаются в знании им крестьянского дела и вопросов, связанных с нашим дорожным делом. Предположения, близившиеся к осуществлению, почему-то затормозились года на два, и единственный результат моих настояний по этому делу свелся к приглашению Б.Е. Иваницкого, который в то время уже не был у активной работы, будучи назначен сенатором, на должность товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием. Назначение это было для него совершенно неожиданным и обрадовало его, как возвращение на активный пост. При встрече он мне, не без удивления, говорил, что его по телефону князь Васильчиков просил переговорить относительно сотрудничества. Между тем, он знаком с князем ранее не был. Без сомнения, моя справка сыграла решающую роль в выборе князем Васильчиковым ближайшего помощника себе. Еще лишний штрих в подтверждение высказанных мною соображений о минимальном значении протекции в нашем старом служебном строе по сравнению с деловыми соображениями.

В разгар моих работ приехал в Петербург из Владивостока С.П. Шликевич. Когда он появился в нашем управлении, ко мне прибежали молодые чиновники сказать об этом и, смеясь, предсказывали немедленную мою распрю с ним; очень де у него злой вид. Действительно, взаимное наше представление отличалось чрезвычайной сухостью: он злился на меня, видя во мне столичного «чинуша», ничего не понимающего в местных делах и бездействующего, а я злился, чувствуя себя заранее несправедливо обвиняемым. Светлые свирепые глаза Шликевича впились в меня без каких-либо признаков не только приветливости, но даже вежливости. Как-то под влиянием выражения этих глаз одна дама, сидевшая на пароходе против Шликевича, смущенная его пристальным машинальным взглядом на нее, долго крутилась и, наконец, не выдержала и громким шепотом, слышным всей палубе, воскликнула: «У-у, демон!» Я тоже, вероятно, был мало приветлив, ибо по складу моего лица даже тогда, когда хочу быть любезным, часто заслуживаю упреки в отсутствии приветливости.

Через несколько часов собеседования, когда Шликевич увидел во мне единомышленника и не ленивого, а работающего, у нас установились хорошие отношения, перешедшие через несколько месяцев при моей поездке на Дальний Восток в близкие, приятельские.

Особенно тогда волновал Шликевича у меня казачий и старожило-крестьянский вопрос. Это первое дело, которое требовалось, и его можно было бы разрешить, не выжидая созыва дальневосточного совещания. Граф Муравьев-Амурский для защиты пограничной полосы начал селить вдоль Амура и Уссури забайкальских и других казаков, обычно штрафных, от которых рады были отделаться их общества. Никогда в своих правилах о переселении не предвещал Муравьев вопроса о том, что вся указанная полоса будет предоставлена казакам. Равным образом, надо сказать, что нигде в его правилах не имелось постановления, в силу которого подлежали бы безусловному закреплению и за крестьянами-переселенцами стодесятинные их наделы; наоборот, говорилось прямо, что надел, который в течение пяти лет не будет личным трудом переселенца обрабатываться, подлежит отобранию от него. Таким образом, дело по плану Муравьева покоилось на истинно-государственных колонизационных основаниях, а не на узко-сословных и частноправовых началах. Между тем, с течением времени муравьевские заветы были забыты. Генерал-губернатор Духовской⁴⁷³, основываясь на одном весьма юридически спорном положении наказного атамана, чертил на карте совершенно произвольно район войскового казачьего землепользования, чтобы, во избежание чересполосицы, в этот район не допускались крестьяне. Войско начало считать себя чуть ли не собственником всего очерченного района, не ожидая его окончательного землеустройства. По этой причине до 15 миллионов десятин земли и леса оказались под запретом для крестьянского населения, в то время как вся численность войскового населения не превышала ничтожной цифры в 60 000 обоюбого пола. Запрет коснулся именно наиболее удобно расположенных пространств, ибо опыт переселенческого дела показывает, что массовое заселение всегда идет по долинам рек и до их заполнения не может быть искусственно переброшено в оторванные от естественных путей сообщения регионы. Обширные наделы не могли, конечно, не привлекать к себе «желтых арендаторов» — китайцев; земля истощалась, казак отвыкал от земледелия, повторялось, одним словом, нечто вроде башкирской земельной истории, но гораздо более опасно

по своим политическим последствиям. Казачество в наших правящих сферах, несмотря на давно изменившиеся исторические условия, являлось каким-то фетишем, прикасаться к которому не разрешалось. Кубанские и прочие рады, кажется, показали в наше смутное время узкий сословный эгоизм и антигосударственность нашего казачества в его массах, но и теперь все-таки упорно повторяются слова в защиту «исконных прав», как в свое время исконным признавалось и крепостное право. Борьба в казачьем дальневосточном вопросе была трудна и крайне медленна; шаг за шагом, путем утомительнейших ведомственных трений и представлений Сенату удавалось отвоевать под общие переселенческие нужды тот или иной кусок земли, пока не последовало общее разрешение вопроса по образованию Дальневосточного совещания. Неприкосновенность наделов старожилов-крестьян, в нарушение муравьевских правил, так и не удалось поколебать, хотя и они могли бы дать некоторый колонизационный фонд, и хотя бы этой мерой тоже была бы сокращена «желтая аренда».

Я не могу останавливаться на всех перипетиях земельного вопроса, тянувшегося несколько лет, на всех тех волнениях, обидах и столкновениях, которые переживали по этому поводу Шликевич на месте во Владивостоке, я — в центре. Кончилось дело тем, что мы оба заболели довольно сильным нервным расстройством. Шликевич — раньше, я — позже. У Шликевича было много врагов, на него писали доносы. Знаменитый фельетонист «Нового времени» Меньшиков, не проверив достоверности своего корреспондента, посвятил большую статью делам Дальнего Востока, в которой обвинял Шликевича чуть ли не в государственной измене. Сведения Меньшикова указывали, что Шликевич как поляк, которым он, кстати сказать, никогда не был (он дворянин Курской губернии), умышленно тормозит дело заселения Уссурийского края, имеет отношения с Японией и т. п. Я написал Меньшикову довольно резкое письмо, в котором рассказал, как Шликевич борется за каждую пядь земли в интересах русских переселенцев; предлагал лично или через кого-нибудь другого ознакомиться со всеми делами и перепиской моего отделения, чтобы убедиться, что мои заявления не голословны. Меньшиков ничего не ответил на мое письмо, если не считать вскользь брошенной им в следующей статье фразы о том, что некоторые упрекают его в неточности иногда даваемых им сведений, не понимая, что он не министр, имеющий на местах в своем распоряжении массу чиновников. Поразительно легко относилась наша пресса к репутации и нервам

чиновников: напишет что-нибудь и даже не сочтет долгом исправить свою ошибку. Я уж не говорю о нашей оппозиционной прессе — та допускала заведомую ложь...

...Для того чтобы подготовить материалы [для Совещания] по делам Дальнего Востока, мысль о котором не была оставлена, главноуправляющий нашим ведомством⁴⁷⁴ испросил в 1906 г. Высочайшее соизволение на командирование с этой целью в Приамурский край Б.Е. Иваницкого. Я был назначен в его распоряжение в качестве начальника его канцелярии для систематизации собранных материалов, ведения журнала местных совещаний и составления отчета... Поездка наша и в деловом, и в бытовом отношении была чрезвычайно интересна, в особенности для меня, впервые побывавшего на нашей дальневосточной окраине...

...Знакомясь при моих поездках в Сибирь все ближе с разнообразными агентами нашего ведомства, я все более и более проникался чувством глубокой радости за русский народ, который мог выдвинуть из своей среды столько оригинальных недюжинных работников. Их имена оставались неизвестными обществу, они не достигали ни крупного служебного, ни сколько-нибудь прочного материального положения, они получали личное удовлетворение в самой работе. Сотни неизвестных людей совершали часто географические экспедиции, часто в места, в которых еще не было ни разу ноги исследователя; многие доклады землеотводных чинов имели большое научно-литературное значение. Работа их часто сопрягалась с большими опасностями для жизни. Я знаю случаи, когда приходилось в далекой тайге лишаться всех запасов продовольствия, чтобы облегчить себе продвижение вперед к поставленной цели. Знаю одного фанатика-исследователя из дальневосточных переселенческих чиновников, который умышленно потопил все продовольственные запасы своей партии, чтобы отрезать ей путь отступления, когда в ее среде начались колебания и возникло предположение с остатком провианта вернуться в Благовещенск. Такие люди становились похожи на Майн-Ридовских героев; они знали всеми фибрами своего тела и души, знали и чувствовали дикую прелесть природы диких окраин Сибири, почти обожествляя эту природу, были красиво суеверны. Мне не забыть с каким выражением лихорадочно блестящих черных глаз и верою в особую духовную мощь моря закричал на нас упомянутый мной финансовый чиновник⁴⁷⁵, когда мы смеялись по поводу невероятно сильного подбрасывания волнами нашей моторной лодки при входе в свежую погоду из устья пограничной с Кореей реки в открытое

море, где на рейде ожидал нас пароход. «Молчите, море мстит за смех над ним!» — было сказано нам таким тоном и с таким повелительным жестом, что невольно среди нас установилось гробовое молчание. Впрочем, положение наше в устье реки — самом опасном месте плавания в Японском и Охотском морях — было действительно весьма рискованное: остановись мотор на несколько секунд только, и мы погибли бы; волна в устье достигает высоты почти двухэтажного дома, лодку медленно втягивает на гребень и затем стремительно бросает вглубь, так что кажется, будто вот-вот разобьется о дно, всегда более приподнятое в устье реки.

Князь Г.Е. Львов, будущий неудачный глава Временного правительства, и тот, ознакомившись с составом местных переселенческих работников, не постеснялся дать им эпитет «героев». Этим заявлением кончается большой печатный труд Всероссийского земского союза по обследованию Приамурья⁴⁷⁶. Книга эта составлена тенденциозно, проникнута вся желанием показать несостоятельность нашего правительства, почему верные критические мысли перепутаны в ней с необоснованными мелкими выпадами. Но тем ценнее заключение книги о личном землеотводном составе переселенческого ведомства. Кстати, всякому, кто хочет познакомиться в кратких, но ясных чертах с историей освоения нами Приморской окраины, стоит прочесть прекрасно составленный сжатый исторический очерк, являющийся введением в книгу Земского союза. В остальном собранные данные значительно устарели и недостаточны по сравнению с обширными трудами Амурской экспедиции, о которых я буду говорить ниже...

...Местные наши агенты были любимы населением. Слово «переселенный» произносилось крестьянами совершенно иным тоном, чем «земский». «Переселенных» знали и с ними охотно советовались. Однажды на одну нашу партию обследователей, спускавшуюся по реке в лодке, было сделано с берега вооруженное нападение; «производитель работ» был ранен. Когда нападающие с берега узнали форменные фуражки наших чиновников, они начали выкрикивать извинения: «Не узнали сразу, мол, кто это».

Иваницкий, сделав визит приамурскому генерал-губернатору Унтербергеру⁴⁷⁷ в Хабаровске, решил объехать сначала наиболее типичные старожилые и переселенческие деревни, осмотреть некоторые работы по отводу переселенческих участков, посетить некоторые лесопромышленные и рыболовные предприятия и т. п., а затем уже обсудить собранные данные и планы дальнейших действий в совещании под председательством генерал-губернатора.

Поездка по переселенческим районам представляет тот особый интерес, что наглядно видишь процесс зарождения хозяйственно-культурной жизни, начиная от первого шалаша вновь прибывшего переселенца и кончая богатыми, каких может быть мало и в метрополии, селами с школами, здания которых не уступают нашим средним губернским гимназиям, с церквями и проч. Срок более или менее прочного хорошего устройства на новом месте достигал пяти лет. Все стадии пятилетнего развития новосельческих поселений можно было наглядно изучить в день—два, так как группы новых отведенных участков примыкают к отведенным за последние годы. В бытовом отношении чрезвычайно интересно то, что в течение тех же двух дней можно проехать, так сказать, по всей России. Переселенческие деревни за небольшими исключениями заселяются выходцами из одной и той же губернии или даже уезда и волости. Поэтому из чисто хохлацкой, например, деревни с уютными белыми мазанками, через несколько часов пути попадаешь в бойкую ярославскую губернию, либо к профессионалам по нищенскому промыслу пензенцам, либо в серую, лениво бездарную жизнь белоруса, наконец, даже в старобрядческую обстановку наших реэмигрантов из Турции и Румынии и т. п. Быт, особенности русского крестьянства нигде нельзя, кажется, изучить скорее и легче, чем в наших колониях. В один день, бывало, то приходишь в восторг от самостоятельности, сметливости и жизнерадостности наших северян (архангельцев, ярославцев и проч.), то смеешься по поводу нытья и детской хитрости малоросса, вечно ноющего, чтобы выпросить что-нибудь лишнее для улучшения своего хозяйства, обычно всегда и так прекрасно устраиваемого, то злишься, когда видишь полную апатию какого-нибудь витебца и т. д. Кстати, о пресловутой малоросской хитрости: как-то в приморском переселенческом участке в разгаре лова рыбы, количество которой днепровские жители и вообразить себе не могут, я шутя спросил хохла-новосела у громадной лодки, полной рыбы: «Хорошо ловится?» Он почесал себе затылок и отвечал угрюмо, что ожидал большего, а затем добавил: «А ще же буде добавочна допомога?» Как контраст с этим, всегда ожидающим чего-то лучшего, вспоминаю мою встречу у паромы с ярославской очень красивой молодичей, проживавшей в одном из самых диких таежных участков — в Тарском уезде Тобольской губернии. «Ну как живете?» «А как на каторге», — последовал со смехом веселый бойкий ответ. Действительно, в этом лесном участке происходила героическая борьба с богатой, но суровой при-

родой, но никто ни о каких «допомогах»-пособиях не заикался. Там жили те, кем сильна Русь.

При моих поездках я всегда думал о том, как хорошо узнала бы наша учащаяся молодежь родину, если бы, кроме европейских столиц, она совершала экскурсии по нашим колониям. И как бы она научилась тогда любить коренное русское население.

С Иваницким мы посетили подготовительные работы к постройке Амурской железной дороги. Тогда начинались, кажется, только изыскания. В совершенно глухой, дикой местности, на границе Забайкальской и Амурской областей устраивался материальный склад, строились бараки для рабочих. На р. Зее⁴⁷⁸ у меня остался в памяти переселенческий участок Суржевка⁴⁷⁹. Он был так назван в честь единственного переселенца, выходца из Суржского уезда Черниговской губернии, который почему-то расположился на этом далеком, неприветливом и в землевладельческом отношении мало интересном участке. В официальной ведомости участков Амурской области так и значилось в графе о населенности участков: «душ обоего пола — одна». Тогда нельзя было предвидеть, что население с одной душой обоего пола обратится в довольно большой уездный город. Такие чудеса делает железная дорога в дикой тайге...

...Путешествие наше с Иваницким по приморским селениям на север и юг от Владивостока (Татарский пролив и залив Посьет) познакомило нас с опасностями, которым подвергались так часто местные агенты. Мы были близки к гибели, чему в следующие мои странствия по Приамурью я подвергался, впрочем, неоднократно. По пути из Татарского пролива во Владивосток море стало тихо, как зеркало, и постепенно стало обволакиваться густым молочным туманом. Это было предвестником бури. Через несколько часов мы попали в «тайфун» — так называется воздушный смерч на Тихом океане, направление которого объявляется телеграфом во все порты, и мореплаватели в этом случае избегают регионов, близких к движению тайфуна. Нашу «рыбоохранную» изящную, но не большую, всего в 500 т яхту «Лейтенант Дыдымов» начало сильно трепать. К вечеру появился у Иваницкого командир яхты Щербина спрашивать указаний; нас наносило на еще не убранные после войны с Японией минные заграждения. Неминуемо предстояло нам взорваться на них. Поэтому надо было бы взять курс в открытое море на Японию. Но за благополучие поворота ввиду высокой волны командир не ручался. Иваницкий распорядился, конечно, сделать поворот в открытое море.

Ощущение было чрезвычайно сильное. Во время поворота приамурский управляющий государственными имуществами В.К. Бражников⁴⁸⁰, известный ученый-ихтиолог и человек большой отваги, лично стоял у капитанской рубки; его смыло волной и он уцелел лишь случайно, ухватившись в темноте рукой за железную перекладину и подвиснув на некоторое время в воздухе. Всю ночь мы держали курс на Японию и потом очень сожалели, что под утро повернули на Посыет, будучи уже вблизи Японии, куда мы могли зайти на законном основании...

...В разгар наших работ в Хабаровске мною было получено сообщение о том, что последовало Высочайшее повеление образовать Постоянное совещание по делам Дальнего Востока под председательством П.А. Столыпина как председателя Совета министров. Управление делами совещания было возложено на Г.В. Глинку. Это известие дало мне большое нравственное удовлетворение, так как я знал, что принятая мера есть плод моей личной инициативы и настойчивости. Такое сознание являлось всегда большим стимулом к производительной усиленной работе.

К сожалению, смерть Столыпина в 1911 г., т. е. через полтора приблизительно года после учреждения совещания, не дала возможности извлечь из этого учреждения всей той пользы, на которую можно было рассчитывать. Наши финансовые ведомства боялись крупных затрат, которые требовались сколько-нибудь широкими, планомерными колонизационными мероприятиями. С утратой Столыпина, если не считать энергичного, но сравнительно недостаточно влиятельного А.В. Кривошеина, заменившего князя Б.А. Васильчикова на должности главноуправляющего землеустройством, не оставалось у нас лица, которое могло бы с настойчивостью и влиянием покойного премьера отстаивать необходимые ассигнования. Однако, многие вопросы, в т. ч. и знаменитый казачий, получили, если не полное, то хотя бы частичное разрешение. Главнейшим же результатом деятельности дальневосточного совещания было широко задуманное и выполненное изучение в колонизационном отношении строящейся Амурской железной дороги.

По инициативе Столыпина с этой целью было испрашено Высочайшее повеление на командирование в Приамурье особой экспедиции. Начальником экспедиции был назначен томский губернатор Н.Л. Гондатти, а управляющим делами ее и представителем ведомства землеустройства и земледелия — я. В состав экспедиции, помимо представителей всех ведомств, входили различ-

ные специалисты: по геологии, агрономии, ботанике, водным и шоссейным сообщениям, гидротехнике, санитарии, статистике, животноводству и проч. Кроме того, в распоряжение экспедиции была прикомандирована партия военных геодезистов и топографов. Одним словом, состав экспедиции обеспечивал выполнение возложенных на нее задач вполне научными, истинно колонизационными методами, что во всяком случае, при всяких практических трениях и затруднениях должно было дать громадный вклад в область познания русским правительством и обществом значительнейшей части нашей дальневосточной окраины. Сознание открывающихся перед экспедицией возможностей поднимало настроение, воодушевляло ее участников, а состав их был весьма незаурядный...

...Ко времени приезда Гондатти в Читу – штаб и сборный пункт нашей экспедиции в первый год ее работы – я составил общий подробный план действий. Партии специалистов подлежали отправке непосредственно в район Амурской железной дороги для подробных обследований различных природных богатств этого района, с одновременной съемкой тех местностей, на которые не имелось еще карты, и разработкой плана подъездных путей. Но так как Амурская железная дорога, соединяя Забайкалье с Хабаровской магистралью – около 1500 верст, должна была внести крупное изменение вообще в экономическую жизнь Приамурья, то отдельные чины экспедиции получили задание обследовать уже в общих чертах, каждый по своей специальности, и более отдаленные районы, на которые должно было распространиться влияние дороги, включительно до богатейших рыбных промыслов устья Амура и Охотского побережья. Для глазомерной съемки некоторых совершенно не изученных еще окраин (например, перевала из Забайкальской области в Якутскую) в наше распоряжение с разрешения генерала Селиванова⁴⁸¹ была командирована партия офицеров местных стрелковых полков. Эти офицеры, покрывшие впоследствии неуязвимой героической славой свои родные полки во время европейской войны, и в мирное время держали себя героями культурной работы. Вполне интеллигентные, добросовестные и выносливые, они с опасностью для жизни совершили трудный переход через Становой Хребет, привезя нам уже к зиме, которая застала их в тайге и без провианта (пробавлялись охотой), ценные географические описания и схематические карты, заставившие наших ученых признать ошибочность некоторых мест на прежней карте указанного района. Опять хочется

мне сказать: как досадно сознавать, что наше общество знало нашу офицерскую среду, главным образом, по рассказу Куприна «По-единок»⁴⁸² и т. п., а ничего не слышало о культурной ее работе.

Наиболее ответственным делом экспедиции, кроме работ по сельскохозяйственному обследованию, было проектирование подъездных путей. Во главе этого дела стоял энергичный, живой инженер П.П. Чубинский⁴⁸³. Организованные им партии своими обследованиями охватили все главнейшие левобережные притоки Амура, произвели изыскания некоторых шоссейных магистралей от Амура к нашим богатым приисковым районам на границе Амурской и Якутской областей и выяснили экономическое значение служебных подъездных путей к Амурской железной дороге, так называемых «временок», которые всегда после постройки магистралей уничтожаются, здесь же вдоль ее имели серьезное колониционное значение. Можно смело утверждать, что работам партии Чубинского Приамурье было обязано тем, что экономическое влияние Амурской железнодорожной магистрали сразу же было расширено. По получении кредитов на приступ к постройке намеченных грунтовых путей Чубинский прибег к героическому средству для осуществления полностью плана дорожного строительства, одобренного Амурской экспедицией. Кредиты отпускались, как всегда, по частям, скуповато, по смете 1911 г. на первые сто—двести верст и т. д. Не было уверенности, что какие-либо события не задержат отпуск денег в следующем году, и вместо тысяч верст путей дело сведется только к постройке сотен. Поэтому, чтобы отрезать пути отступления правительству, Чубинский, получая деньги на определенное число верст, не строил их, а производил предварительные работы по всей сети задуманных дорог. Когда это обнаружилось в конце концов, Чубинский едва не лишился места, но вышел победителем: к войне 1914 г. почти весь наш план был осуществлен.

А какое значение имело дорожное строительство для экономического развития Приамурья, можно судить хотя бы по такому примеру, оставшемся у меня в памяти: цена драги (машина для правильной добычи золота) в Америке была в мою бытность на Дальнем Востоке 200 000 р., столько же стоило доставить драгу при бездорожье края от станции р. Амура до приисков. Неудивительно, что на большинстве приисков золото добывалось кустарными, портившими залежи, способами. Я лично был на приисках одной английской компании у Охотского побережья. Это были прииски, считавшиеся уже отработанными, невыгод-

ными, но англичане, привезя машины, с большой выгодой работали на них. Рядом возникло, конечно, огородное хозяйство, имевшее прочный сбыт, началась вообще культурная жизнь в дикой глуши. Никогда не забуду того впечатления, которое произвела на меня английская колония после долгого странствия в бурный и проливной дождь по тайге. За мною к пристани был выслан изящный английский кэб, представлявшийся чем-то несуразным на фоне мрачно дождливой таежной непогоды. Он сломался на первой же версте пути. Я всю дорогу полувисел на сидении, обнимая кучера с длинным хлыстом за шею. Вода обливала меня как душ от головы до пяток, деревья силою ветра ломались то там, то сям. Обратный путь нам пришлось совершить с партией дровосеков, шедших впереди нас и рубивших упавшие деревья. Иначе двигаться по дороге нельзя было. И вот из мрака, холода и дождя я вдруг попал в какой-то уголок Европы. Хорошо освещенная, теплая, с хорошей мебелью комната, мягкое волохатое белье, прекрасный одеколон, хороший ужин с закусками, ромом и винами, в желтой обложке современные романы, томный доктор в шезлонге, про которого я вскоре узнал, что в тайгу из Лондона его загнала неудачная любовь — все это было какой-то сказкой, а главное — жизненная работа на приисках и вокруг них, как будто бы какой-то оазис в пустыне. Иностраный капитал, техника и русские рабочие создали жизнь там, где десятки, а, быть может, сотни лет все еще было бы мертво. Колонизационный закон таков, что жизнь порождает новую жизнь: там, где появился какой-нибудь одинокий «заимщик»⁴³⁴, за ним потянется другой, тем более это относится не к отдельному человеку, а целому предприятию.

Я видел «заимки», окруженные уже поселением; новоселы учатся у первого «заимщика»; он же их обычно презирает. Сибирский «заимщик» — это особый тип человека: сильный, здоровый, храбрый, он больше всего на свете любит самостоятельность и независимость от людей, которых ему заменяет природа. Он ищет далекого от селения места, [где] приводить в культурное состояние участок земли некому: ни правительству, ни отдельным людям не нужный еще. С величайшими трудами добывается пшеницы или арбузов там, где им, казалось бы, никогда не расти, и вдруг бросает с героическим трудом устроенное хозяйство, как только к его «заимке» приближается поселение, идет дальше, как будто бы его провиденциальная роль — завоевать природу. Это первый добровольный переселенческий обследователь. Такие же

«обследователи» извлекают залежи золота в одиночном порядке, по их пути идут ученые-геологи.

Геологические партии нашей экспедиции обследовали различные обширные районы на золото и каменный уголь, громадные залежи которого (бурого, впрочем) были найдены у самой линии строившейся железной дороги.

Общие же вопросы по золотопромышленности, равно как вообще по торговле и промышленности, изучал представитель Министерства торговли профессор-технолог А.Н. Митинский⁴⁸⁵. «Купец, а не технолог», — как живо и весело отрекомендовался мне при первой нашей встрече. По свойствам своего характера это был действительно типичный русский купец: умный, энергичный, жизнерадостный, наблюдательный, но с явно выраженным признаком «моему нраву не препятствуй», особенно когда он для подъема своего настроения и работоспособности придавался отдыху за бутылочкой вина. Он очень быстро приобрел громадную популярность среди представителей местных промышленников, особенно в приисковых районах, к большинству из них обращался на «ты», ругал их последними словами за косность и вообще разносил их при всяком удобном случае, что заставило их признать безусловную авторитетность профессора. Как-то в ожидании владельца одного из крупных приисков Митинский разделся и влез в реку, чтобы отдохнуть от жары. Приехал владелец, обрадовался, что у него профессор и пошел его разыскивать. Митинский вышел к нему в костюме Адама, но тот, нисколько тоже не смущаясь, представился профессору, пожал его мокрую руку и титуловал «превосходительством». Митинский все свои выводы и наблюдения записывал немедленно во всякой обстановке на длинных полосках бумаги и в таком виде сдал свой отчет нам. Мне как редактору всех трудов экспедиции пришлось в буквальном смысле слова измучиться над разбором и приведением в систему этих разрозненных записей. Тем не менее отчет Митинского был удивительно жизнен, интересен и мог служить для правительства почти исчерпывающей базой для направления нашей торгово-промышленной политики в Приамурье. Резко не любя стесняться в выражении своих мыслей, раскритиковал, между прочим, Митинский отсталость хозяйственно-технических приемов на приисках Его Величества в Нерчинском округе. Управляющие ими преследовали обычно одну цель — дать доход не менее того, который давался их предшественниками. Всякая затрата на улучшение дела увеличивала этот доход в десятки раз, но, понятно,

не сразу, а через несколько лет, может быть, уже при другом управляющем, а, следовательно, для личных целей данного управляющего представлялась невыгодной. Государя обманывали, и не возмущаться этим нельзя было...

Что касается собственно сельскохозяйственных работ, то, как и в других областях, они производились, с одной стороны, специальными партиями ученых-почвоведов и ботаников, изучавших новые районы, а, с другой стороны, отдельными людьми, которым поручалась разработка того или иного специального общего вопроса.

Во главе почвенных изысканий стоял глубоко преданный делу многолетний сотрудник Переселенческого управления Н.И. Прохоров⁴⁸⁶. В его распоряжении находился целый кадр студентов и студенток. Я посетил, между прочим, самый северный пункт этих работ – Токмак на реке Зее близ границы с Якутской областью. Там производилось изучение явлений т. н. вечной мерзлоты и опыты с посевами путем неоднократной перепашки местных почв. Один студент был оставлен экспедицией в этом пустынном диком месте на всю зиму для заведования опытной почвенно-метеорологической станцией. Когда я с ним прощался, мне было даже страшно за него: какая-нибудь серьезная болезнь – и юноша без помощи мог бы пропасть. Помню, как я встретил там одного заболевшего аппендицитом студента. Требовалась срочная операция. Он пролежал в шалаше недели две в ожидании парохода и условился с одним лодочником о сплаве его вниз на лодке в ближайшую больницу, т. е. приблизительно верст за 500 от Токмака, когда случайно подошел наш пароход...

...На всех станциях профессора Прохорова я наблюдал любовное, порою даже близкое к экстазу искание знания местных условий нашей учащейся молодежью: всходы, например, пшеницы там, где она еще не культивировалась, приветствовались с таким восторгом, как появление на море долгожданной земли.

Из работ по сельскому хозяйству отдельных членов экспедиции я должен особо отметить, не останавливаясь на подробностях, следующие. С.П. Шликевич, принявший охотно участие в экспедиции уже будучи в отставке, дал на основании собранных им лично и другими сотрудниками историческо-экономических данных очень интересную, тонко продуманную монографию о земледелии в Приамурье в его настоящем состоянии в отношении видов на будущее. Эта монография должна была бы служить исходной базой для нашей земледельческой политики на Даль-

нем Востоке. Она обосновала разрозненные взгляды на невозможность прочного закрепления за Россией Приамурского края при посредстве чисто крестьянской колонизации без одновременного торгово-промышленного развития края и без создания из Приамурья особой колонии, так сказать «Желтороссии», которая рядом государственно-экономических выгод была бы прочно спаяна с Россией.

Наличность этой, основанной на данных опыта и проведенных цифрах, работы должна бы исключить на будущее время такие фантастические проекты наших некоторых кустарных колонизаторов, как Генерального штаба Военного министерства, который предлагал как-то, кажется, в 1907 г. запретить переселение в Сибирь, разрешая его только в Приамурье, дабы ускоренным темпом уплотнить здесь русское население. Что-то в этом роде писал и бывший петербургский градоначальник Клейгельс, записка которого по переселенческому делу, поданная им прямо государю, пройдя различные высшие инстанции, была передана на мое заключение, как начальника дальневосточного отделения. Я испросил через Г.В. Глинку разрешение министра принять это безграмотное произведение к архивному делу, дабы не терять непроизводительно время на его критику. Теперь добытые знания и опыт могут быть снова надолго потеряны, возможность появления фантастических предположений о колонизации наших окраин не исключается, и труд С.П. Шликевича надо рекомендовать в первую голову всякому, кто хочет подойти к нашей дальневосточной проблеме.

Кроме этой основной работы, Шликевич собрал и систематизировал материалы о нашем пушном промысле и торговом.

Другую фундаментальную и первостепенную научно-практического значения работу по земледелию представил труд переселенческого агронома Крюкова⁴⁸⁷. Сведения о годных для земледелия районах Забайкальской, Амурской и Приамурской областей, их географическое и естественно-историческое описание были разбросаны в многочисленных, большей частью непечатных отчетах различных «производителей работ» переселенческого ведомства и других специалистов. Систематизировать, обработать весь имеющийся материал, дополнив его новыми данными, полученными партиями экспедиции, и было поручено Крюкову. Его труд, около 500 печатных страниц, надо рассматривать как настольную книгу по земледельческой колонизации Приамурья. Пригодный для земледелия запас земли в названных трех

областях был исчислен на основании точных данных в несколько миллионов десятин (кажется, до трех) и то при условии производства, конечно, некоторых мелиораций, преимущественно гидротехнических, но ни в каком случае не в несколько десятков миллионов, как хотелось бы некоторым мечтателям, думавшим, что употреблением русского крестьянского населения разрешается сложный вопрос о борьбе нашей с «желтой опасностью». Поэтому уплотнению ставился предел естественными условиями края: 200 000 душ мужского пола русского крестьянства на громадной территории нашего громадного Дальнего Востока (считая по 15 десятин на душу) не могли быть оплотом миллионов китайских переселенцев, которых могла принять Маньчжурия. Снова становилось ясно, а для нас подтверждалось, что для удержания Приамурья требуется ряд смелых колонизационных мер, а не одна земледельческая его колонизация. Т. е. нужна правильная работа всех, а не одного Переселенческого управления. Что было нужно самое главное в этом отношении — об этом ниже. Интересно только отметить, что разнородные труды Амурской экспедиции языком опыта и цифр различных авторов неизбежно приводили к одному заключению, к одинаковым выводам.

Параллельно с изучением новых районов в экспедиции шло подробное изучение существующих переселенческих и старожилых поселений. Амурская и Приамурская области были в этом отношении впервые обследованы подробно по весьма широкой программе особой статистической партией. Во главе партии стоял известный русский статистик С.П. Швецов⁴⁸⁸, социалист по его партийной принадлежности. Партийность, когда приходится работать над живым делом научными методами, никогда не отразится отрицательно, по моему глубокому убеждению и опыту, на результатах работы. В нашей Думе и в прессе партийность вырождалась в политиканство, в антигосударственные и антиобщественные тактические приемы. В действительно же рабочей среде, надлежащим образом руководимой, партийность побеждается интересом и целями работы...

...По возвращении в Петербург он был арестован, впрочем, кажется, ненадолго, но ценнейшие научно-статистические обследования, произведенные его партией в Приамурье, в значении и в качестве их от этого нисколько не пострадали. Все пять (кажется) больших печатных томов этого обследования всеми своими цифрами и выводами подтверждали блестящее, прочное положение крестьянского сельского хозяйства на Дальнем Востоке и оп-

ровергали излюбленные нашей левой прессой ламентации по поводу жалкой судьбы переселенца.

Отдельно велось в экспедиции обследование животноводства. Работало два специалиста: Лемперт и Чупаев. Они дали ценные указания на пути и способы улучшения скота и лошадей в Приамурье.

Наконец, надо еще сказать, что экспедицией собран был большой материал о ходе китайской колонизации в соседней с нами Маньчжурии и по вопросу о распространении на Приамурье земского самоуправления.

По первому вопросу работал представитель Министерства иностранных дел В.В. Граве⁴⁸⁹, приятный, корректный, как все наши дипломаты, молодой человек, с которым быстро установились хорошие, почти дружеские отношения, но, вопреки качествам многих наших дипломатов, относившийся с большой серьезностью к порученному ему делу. Он объехал верхом многие китайские поселения в Маньчжурии и дал интересный обзор мер китайского правительства по заселению пустующих земель. Должен попутно сказать, что земледельческий класс Китая, так мало известный русским людям, производил на меня всегда при посещении китайских деревень по его работоспособности, кротости и нравственным устоям самое хорошее впечатление. Европа много приобретет когда-то, может быть и в недалеком будущем, от сближения с настоящим китайским населением, а не с его, конечно, отбросами, которые теперь служат большевикам. Как высоко ценится нравственная личность в Китае сама по себе, независимо от ее скромного общественного положения, я сужу уже по надписи на одном памятнике, перевод которой я получил, кажется, от В.В. Граве. Памятник был поставлен по повелению императора в честь женщины, которая отказалась от личного счастья и от замужества, всю свою жизнь посвятила воспитанию многочисленных своих братьев и сестер, поставила их на ноги, вывела в люди. Надпись эта содержала подробное трогательное описание жизни женщины, исполнившей свой долг самопожертвования.

Вопрос введения в Приамурье земства наткнулся всегда в своем разрешении на то нелепое заблуждение, которое, как и масса других ошибочных выводов о русской жизни вообще, покоилось на пристрастии наших ученых, публицистов, а за ними и правителей к так называемым средним цифрам. Делят различные цифровые данные на всю площадь России и приходят в ужас, как относительно мало развита сеть железных дорог по сравнению с Ев-

ропой, даже с каким-нибудь балканским государством и т. п. Как будто бы живая часть России и ее необъятные тундры и леса — одно и то же. То же чисто механическое деление численности населения и его подоходной платежеспособности на громадном пространстве дальневосточных областей приводило к сомнениям, как же справится земство с такими пространствами, какими материальными средствами и личным составом сослужат ему, например, 37 миллионов десятин Амурской области. А, между тем, заселенная землепашцами часть этой области, два—три громадных уезда, по плотности населения, так же как значительная часть Уссурийского края, не уступали такой староземской крестьянской губернии, как Вятская.

Член экспедиции В.А. Закревский⁴⁹⁰ объехал почти все волостные правления Приамурья и на местах создал и систематизировал все подготовительные для введения земства данные о сельских сборах и повинностях. Его материалы, снабженные решительными доводами в пользу земского самоуправления в Приамурье, составили большой печатный том в несколько сот страниц.

Очень характерны для нашего старого времени условия, в которых кончал в Петербурге обработку своих материалов этот чиновник, далекий мне по некоторым личным свойствам, но глубоко уважаемый по честному исполнению им своего дела. Мы жили с ним во время печатания трудов экспедиции в одной гостинице, так как столичную квартиру свою я вследствие продолжительности командировки оставил. Перед обедом или вечером Закревский заходил в мой номер рассказать, как подвигается его работа. Иногда я звал его пообедать или поужинать вместе, но он отказывался, говоря, что зван к знакомым. Я обратил внимание, что с каждым днем Закревский становился худее и бледнее. На мои расспросы о здоровье он отвечал, что устал от работы. В конце концов выяснилось, что попросту Закревский голодал. Секретарь экспедиции Ф.В. Болтунов узнал случайно, что Закревский обедал очень редко и ел обычно один раз в день горшочек простокваши за 10 копеек. Содержание экспедиции, дополнительное к основному, было прекращено для Закревского с первого, кажется, мая, работа же его затянулась еще на несколько месяцев. На жалованье его как неперемного члена губернского присутствия проживала в Сибири его семья, и ему в Петербурге можно было существовать только при крайней экономии. Бросить работу, не закончив или скомкав ее, не проследив самому за корректурами, Закревский не хотел и предпочел жить впроголодь. Я испросил

ему из запасных средств пособие, но знаю, что не будь этого — он все равно довел бы свою работу до конца.

Все полевые работы экспедиции, как я упоминал выше, сопровождалась в новых районах производством военно-топографических работ. Неудачный выбор руководителя ими не повлиял на ход работ, так как почти все офицеры-топографы во главе со старшим из них, милейшим полковником Ладновым⁴⁹¹, в высшей степени добросовестно и с интересом относились к работе. Помимо новой съемки, топографической партией был дан систематический список всех имеющихся в крае астрономических пунктов. Один штаб-офицер, фамилию которого я, к сожалению, не помню, погиб от выстрела какого-то хулигана в самом начале полевых работ.

О работе моей с офицерами военно-топографического корпуса я всегда вспоминаю с чувством живой благодарности и искренней теплоты.

Перехожу в заключение к моей личной работе. Я уже говорил, что я был назначен управляющим делами экспедиции, т. е. на мне лежала, прежде всего, чисто канцелярская работа: разассигнование средств, распределение личного состава, проверка денежной отчетности, затем общее редактирование большинства печатных трудов экспедиции и составление единого сводного отчета с общими выводами и колонизационным планом. Вся моя канцелярия состояла из одного секретаря Ф.В. Болтунова, чрезвычайно старательного, необразованного, но от природы очень не глупого, способного чиновника, требовавшего, однако, бдительного над ним надзора во избежание вольных и невольных с его стороны ошибок; для перепечатки имелась одна, порой две машинистки; для отправки почты — пьяница сторож-сибиряк, который очень обижался, когда я его упрекал за нетрезвый вид, и категорически заявлял мне, что он уже потому не может пить, что ему давно это запрещено докторами. Вот и все наши канцелярские силы. Ясно, что работы было по горло. Гондатти очень внимательно относился к делу, ежедневно посещая канцелярию (зимой, когда все мы вернулись с полевых работ), лично проверяя денежные книги и т. п. Какую канцелярию при масштабе работ экспедиции развело бы новое правительство России, можно себе легко вообразить.

Всякие формальности, особенно контрольные, были доведены мною до минимума, что легко было сделать при таком далеком от формализма начальнике, как Гондатти. Ревизуя денеж-

ную отчетность, я руководствовался степенью возможного доверия к данному лицу. Например, когда Болтунов обратил мое внимание на подозрительность больших расходов одного землемера, представившего внешне блестящую отчетность, так любимую нашим Государственным контролем, я, несмотря на то, что стоимость купленной и проданной им партии лошадей подтверждалась даже нотариально засвидетельствованными документами, попросил Болтунова переговорить сначала частным образом с землемером, предложив ему сократить все расходные документы в два раза, а при отказе исполнить это – пригласить ко мне. Предложение мое было исполнено беспрекословно, и нотариальные документы исчезли, а были даны обыкновенные расписки, соответствующие ценам других однородных агентов экспедиции. Отсутствие формализма дало возможность составить обстоятельный финансовый отчет, в котором точно была исчислена стоимость единицы каждой отдельной нашей операции, отчетность наша и финансовый отчет Болтунова не вызвали никаких замечаний со стороны Государственного контроля.

Так как, кроме обязанностей управляющего делами, я одновременно являлся в экспедиции и представителем Главного управления землеустройства, то я объезжал работы различных наших полевых партий, а, кроме того, по соглашению с Гондатти выполнил два чрезвычайно интересных поручения: 1) обследование нужд района г. Николаевска в устье Амура как конечного пункта влияния Амурской железной дороги, от последней станции которой – г. Хабаровска – было всего около 800 верст водного пути до выхода Амура в Татарский пролив, а отсюда в Тихий океан и 2) окончательное установление пунктов на линии железнодорожной магистрали, где можно было рассчитывать на прочное устройство торгово-промысловых, городского типа поселков...

...В первое же лето работ экспедиции на линию Амурской железной дороги был командирован энергичный переселенческий чиновник Приморской области А.К. Григорьев⁴⁹² с партией землемеров, которому было поручено описать и произвести съемку всех поселений и удобных для них мест при будущих крупных станциях дороги: при депо, пересечении с железнодорожной магистралью больших рек, приисковых шоссе и т. п. Затем, руководствуясь сделанным описанием поселков, я совершил их объезд с целью зафиксировать те из них, которые обещали прочное развитие, и выработать отвечающие местным условиям правила отвода поселянам усадебных участков. Поездка моя сопровождалась

лась многими интересными приключениями, встречами, впечатлениями.

Ехать приходилось по отвратительным проселочным дорогам или по служебной времянке, наскоро устроенной, с глинистым грунтом, с гатями через обширные болота. Весь путь находился как бы на военном положении: постройка большой дороги привлекала не только местных, но даже иностранных разбойников-грабителей, например, из Кавказа и Турции. Грабежи и убийства были постоянным явлением. В одном поселке я обратил внимание на массу столовых, что ни изба, то вывеска «столовая», «отпускаются обеды» и т. п. Столовых было, вероятно, столько же, сколько и семей, проживающих у станции. Везде восточные физиономии. Ясно было, что содержание столовых – это только ярлык для легального права проживания. По сношении с губернатором был произведен арест всех рестораторов, и я в их компании ехал до Читы, откуда они последовали к себе на юг, на далекую родину. Ночевать часто приходилось под открытым небом в повозке, но ямщики в таких случаях отъезжали очень далеко от магистрали в сторону.

Первый поселок был как раз в том диком месте, где за два года перед этим я с Иваницким видел подготовительные к постройке дороги работы. Он был назван по имени железнодорожной станции Ерофей Павлович в честь Хабарова*, фамилию которого носит конечный пункт Амурской железной дороги город Хабаровск.

Странное ощущение, понятное только людям, увлеченным колонизационной работой, владело мной, когда я обедал в этом поселке в ресторане под звуки небольшого оркестра и бильярдных шаров в соседней комнате. Матери, вероятно, испытывают подобное чувство, следя за подрастанием их детей.

Всего торгово-промысловых поселков по линии Амурской дороги возникло до 30. Благодаря заблаговременным межевым работам экспедиции удалось предупредить их обычно хаотическое, беспорядочное заселение.

Наиболее интересный пункт представила из себя упоминавшаяся мною знаменитая Суржевка «с одной душой обоюго пола». Пересечение здесь с железнодорожной магистралью мощной реки Зеи, впадавшей в Амур у города Благовещенска, то обстоя-

* Хабаров Ерофей Павлович (ок. 1603 – после 1671) – землепроходец. В 1632–1638 гг. исследовал бассейн реки Лены. В 1649–1653 гг. исследовал Приамурье.

тельство, что именно от Благовещенска Амур полноводен, экономическое тяготение к этому пункту приисковых работ — все это указывало на возможность создания здесь крупного городского центра. Поэтому Гондатти и я посетили Суржевку в самом начале полевых работ. Шел дождь, мы с трудом по липкой глине обходили неудачный переселенческий участок. Я живо помню, как Гондатти, уйдя вперед, начал звать меня: «Идите скорее сюда, какой дивный вид на Зею; этот лесок обязательно надо сохранить для городского парка». Я охотно поспешил к Гондатти, но так увяз в глине, что кучерам пришлось меня вытаскивать. Распланировку будущего города решено было произвести согласно позднейшим научным данным: улицы шли от торгового центра города радиусами; были сохранены, конечно, все насаждения, необходимые для будущих скверов. Переселенцы-суржевцы, приехавшие сюда по совету своего земляка-пионера, получили усадьбы, но полевые земли им были отведены наново, в другом месте.

Через год я снова был в Суржевке: на месте пустыни и грязи я видел уже магазины, парикмахерские, кинематографы. Пьяные суржевцы сдавали свои усадьбы по баснословно высоким ценам, они стали жертвой неожиданного для них благополучия, но нарождалась вместо землешествия новая городская торгово-промышленная жизнь. К следующей зиме был одобрен составленный мною проект продажи усадеб и участков, и через год здесь был уже довольно оживленный город, получивший с Высочайшего соизволения в честь наследника название «Алексеевск», а во время смуты, отнявшей у российских граждан все свободы, переименованный в «Свободск».

Описание всех железнодорожных поселков вошло в общий сводный отчет экспедиции и в составленные А.К. Григорьевым и дополнительно мной специальные очерки, причем очерк Григорьева появился в печати, а мой остался в рукописи.

Все печатные труды Амурской экспедиции составили свыше двадцати пяти больших томов, не считая карт и чертежей, на издание которых не хватило средств. Ценный картографический материал хранился (цел ли теперь?) в музее Управления водных путей Амурского бассейна. Гондатти, получив назначение на должность генерал-губернатора, срочно уезжал из Петербурга, не успев даже прочесть общий сводный отчет. Подпись его на нем я получил по телеграфу. Мне же пришлось предоставить все печатные труды экспедиции председателю Совета министров и доложить ему подробно о результатах и выводах наших работ. Это был

единственный случай, когда я долго разговаривал с покойным П.А. Столыпиным, оставившим во мне большое впечатление.

Принят я был около 5 часов вечера. Я боялся, что утомленный очень большим в тот день приемом самых разнообразных провинциальных деятелей Столыпин отнесется недостаточно внимательно к моему специальному докладу. Я был поражен бодрым видом Столыпина, хотя он за весь день, по словам дежурного чиновника, ни одной минуты не отдыхал и, стоя, только раз перекусил. Столыпин внимательно прочел подробное оглавление всех трудов Амурской экспедиции. Читая, он задавал ряд вопросов, требовал подробных объяснений. Особенно заинтересовался работой агронома Крюкова о земельных запасах Приамурья, и вообще сразу было видно, что главные колонизационные надежды он возлагал на наше крестьянство. Он правильно учитывал значение крестьянского переселения, как единственного способа массового заселения русскими людьми пустующих окраин. Но, как я уже говорил выше, такой взгляд был односторонен, неосуществим по естественно-экономическим причинам, т. е. неосуществим в тех, конечно, размерах, которые давали бы нам уверенность в прочном удержании Приамурья под нашим влиянием. Угадывая по вопросам Столыпина его заблуждение в оценке этого дела, которое так широко было тогда распространено в наших правительственных кругах, я искал случая, чтобы высказать свои соображения. Повод к этому подал сам Столыпин, в свою очередь, видимо, догадавшийся, что моя точка зрения иная. «Ну, вот вы близко ознакомились с нуждами нашего Дальнего Востока. Скажите мне, что, по вашему мнению, самое главное для того, чтобы нам сохранить этот край за Россией?» Я ответил: «Самое главное — это правильная внешняя политика». Столыпину мой ответ был не по душе. Он живо, с легкой даже резкостью возразил мне: «Я совершенно с вами не согласен, прежде всего, надо уплотнять в Приамурье русское население, и этого можно достигнуть только переселением землепашцев — это самое главное». Я, задетый за больное место, встретив возражение против того, что составляло мое глубоко продуманное убеждение, понимая, какое практическое значение имело бы перевести главу правительства на правильный широкий колонизационный путь, начал горячо возражать, доказывать, что земледельческое переселение — это только одно из звеньев общего колонизационного плана, важнейшее, но не самое главное, ибо пока мы поселим в Приамурье каких-нибудь двести тысяч крестьян, могут произойти такие мировые со-

бытия, при которых без политического союза с нашими «желтыми соседями» и тесной экономической связи с Америкой мы не справимся с нашей исторической миссией на Дальнем Востоке. Столыпин задумался и потом уже приветливо сказал буквально следующее: «Я получаю отпуск на два месяца. Я даю вам слово, что все это свободное время мною будет отдано изучению трудов Амурской экспедиции, и тогда, я надеюсь, у меня будет окончательное представление об этом важном государственном деле».

Я слышал от лиц, близко знавших покойного нашего премьера, от массы лиц, говоривших с ним о различных местных делах, что он чрезвычайно добросовестно изучал всякое дело и никогда не действовал по-дилетантски, как, например, его заместитель по должности министра внутренних дел Маклаков⁴⁹³. Он решительно не мог бы, подобно последнему, не знать, что нет железнодорожного пути от Камчатки до Петербурга. Я был уверен, что Столыпин свое слово сдержит — это был человек, которому нельзя было не верить даже при мимолетном знакомстве с ним. В каждом слове Столыпина выражалась искренность, нравственная порядочность и воля. Такое впечатление он производил на всех. Мое и других моих сослуживцев наблюдение заставляли нас, однако, признавать, что по силе и, главное, по гибкости ума он, быть может, уступал некоторым нашим крупным деятелям, например, Витте. Но отсюда еще весьма и весьма далеко до такой характеристики Столыпина, которую ему дал Витте в своих мемуарах, характеристики, унизившей зря автора мемуаров, а не того, кого он хотел унижить из явного чувства какой-то мелкой ревнивой зависти... Я ушел от Столыпина, окрыленный надеждой на успех наших начинаний на Дальнем Востоке...

...Я уехал в 1911 г. в Хабаровск с одной надеждой на то, что Столыпин поймет все и поможет.

По дороге в вагоне я узнал из газет о покушении на жизнь Столыпина. Подъезжая к Харбину, я прочел, что опасность для его жизни миновала. В Харбине, где я остановился на день, парикмахер-еврей брил меня и с большим чувством произнес: «Какое несчастье потерять такую силу, как Столыпин». Я ему на это возразил, что по газетным сведениям опасности уже нет. «Ну, что же вы говорите, он уже умер», — патетически воскликнул еврей...

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 230–285.

Раздел V

СМЕРТЬ П.А. СТОЛЫПИНА

А.Ф. ГИРС. «ЖИЗНЬ ПРОЖИВШИЙ ЗА РОССИЮ»

Гирс Алексей Федорович (1871–1918) – государственный деятель, действительный статский советник, камергер. В 1909–1911 гг. киевский губернатор, с 1912 г. минский губернатор. В 1915–1917 гг. нижегородский губернатор. Расстрелян большевиками в 1918 г.

Воспоминания А.Ф. Гирса описывают обстоятельства убийства П.А. Столыпина. Они впервые были опубликованы в книге А.П. Столыпина «П.А. Столыпин» (Париж, 1927).

1-го сентября 1911 года был четвертый день пребывания в Киеве императора Николая II, посетившего с августейшей семьей Мать городов русских, чтобы присутствовать на открытии памятника Царю Освободителю и на маневрах войск казачьего округа.

Утро 1 сентября было особенно хорошим, солнце на безоблачном небе светило ярко, но в воздухе чувствовался живительный осенний холодок. В восьмом часу утра я отправился ко дворцу, чтобы быть при отъезде государя на маневры. После проводов государя ко мне подошел начальник Киевского охранного отделения полковник Кулябко⁴⁹⁴ и обратился со следующими словами: «Сегодня предстоит тяжелый день; ночью прибыла в Киев женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористический акт в Киеве; жертвой намечен, по-видимому, председатель Совета министров, но не исключается и попытка царевубийства, а также покушения на министра народного просвещения Кассо; рано утром я доложил обо всем генерал-губернатору, который уехал с государем на маневры; генерал Трепов⁴⁹⁵ заходил

к П.А. Столыпину и просил его быть осторожным; я остался в городе, чтобы разыскать и задержать террористку, а генерал Курлов и полковник Спиридович⁴⁹⁶ тоже уехали с государем». Мы условились, что полковник Кулябко вышлет за председателем Совета министров закрытый автомобиль, чтобы в пять часов дня отвезти его в Печерск на ипподром, где должен был происходить в Высочайшем присутствии смотр потешных. Кулябко передаст шоферу маршрут, чтобы доставить министра туда и обратно кружным путем. По приезде П.А. Столыпина к трибуне я встречу его внизу и провожу в ложу, назначенную для председателя Совета министров и лиц свиты, возле царской; вокруг Кулябко незаметно расположит охрану. Кулябко просил провести министра так, чтобы он не останавливался на лестнице и в узких местах прохода. Я спросил Кулябко, что он предполагает делать, если обнаружить и арестовать террористку не удастся. На это он ответил, что вблизи государя и министров он будет все время держать своего агента-осведомителя, знающего террористку в лицо. По данному этим агентом указанию она будет немедленно схвачена. До крайности встревоженный всем слышанным, я поехал в городской театр, где заканчивались работы к предстоящему в тот же вечер парадному спектаклю, и в Печерск на ипподром. Поднимаясь по Институтской улице, я увидел шедшего мне навстречу П.А. Столыпина. Несмотря на сделанное ему генерал-губернатором предостережение, он вышел около 11 часов утра из дома начальника края, в котором жил. Я повернул в ближайшую улицу, незаметно вышел из экипажа и пошел за министром по противоположному тротуару, но Петр Аркадьевич скоро скрылся в подъезде Государственного банка, где жил министр финансов Коковцов.

В пятом часу дня начался съезд приглашенных на ипподром. На кругу перед трибунами выстроились в шахматном порядке учащиеся школ Киевского учебного округа. Яркое солнце освещало их рубашки, белевшие на темном фоне деревьев. Незадолго до 5 часов прибыл председатель Совета министров, и я встретил его на условленном месте. Выйдя из автомобиля, П.А. Столыпин стал подниматься по лестнице, но встретившие его знакомые задерживали его, и я видел обеспокоенное лицо Кулябки, который делал мне знаки скорее проходить. Мы шли мимо лож, занятых дамами. Петр Аркадьевич остановился у одной из них, в которой сидела вдова умершего сановника. Здороваясь с ним и смотря на его обвешанный орденами сюртук, она промолвила: «Петр Аркадьевич, что это за крест у вас на груди, точно могильный?» Известная сво-

им злым языком, дама незадолго до того утверждала, что дни Столыпина на посту председателя Совета министров сочтены, и она хотела его уколоть, но эти слова, которым я невольно придал другой смысл, больно ударили меня по нервам. Сидевшие в ложе другие дамы испуганно переглянулись, но Столыпин совершенно спокойно ответил: «Этот крест, почти могильный, я получил за труды Саратовского местного управления Красного Креста, во главе которого я стоял во время японской войны».

Затем министр сделал несколько шагов вперед, и я просил его войти в ложу, предназначенную, как я уже сказал, Совету министров и свите. Министр войти в ложу не пожелал и на мой вопрос «Почему?» возразил: «Без приглашения министра Двора я сюда войти не могу». С этими словами П.А. Столыпин стал спускаться с трибуны по лестнице, направляясь на площадку перед трибунами, занятыми приглашенной публикой. У окружавшего площадку барьера, с правой стороны, министр остановился. Через несколько минут я увидел, что сидевшие кругом, в разных местах, лица в штатских костюмах поднялись со своих сидений и незаметно стали полукругом, на расстоянии около 20 шагов от нас, по ту и другую сторону барьера. П.А. Столыпин имел вид крайне утомленный. «Скажите, — начал Петр Аркадьевич свою беседу со мной, — кому принадлежит распоряжение о воспрещении учащимся-евреям участвовать 30 августа, наравне с другими, в шпалерах во время шествия государя с крестным ходом к месту открытия памятника?» Я ответил, что это распоряжение было сделано попечителем Киевского учебного округа Зиловым⁴⁹⁷, который мотивировал его тем, что процессия имела церковный характер. Он исключил поэтому всех не христиан, т. е. евреев и магометан. Министр спросил: «Отчего же вы не доложили об этом мне или начальнику края?» Я ответил, что в Киеве находился министр народного просвещения, от которого зависело отменить распоряжение попечителя округа. П.А. Столыпин возразил: «Министр народного просвещения тоже ничего не знал. Произошло то, что государь узнал о случившемся раньше меня. Его Величество крайне этим недоволен и повелел мне примерно взыскать с виноватого. Подобные распоряжения, которые будут приняты как обида, нанесенная еврейской части населения, нелепы и вредны. Они вызывают в детях национальную рознь и раздражение, что недопустимо, и их последствия ложатся на голову монарха». В конце сентября попечитель Киевского учебного округа, тайный советник Зилов был уволен от службы⁴⁹⁸.

Во время этих слов я услышал, как возле меня что-то шелкнуло, я повернул голову и увидел фотографа, сделавшего снимок со Столыпина. Возле фотографического аппарата стоял человек в штатском сюртуке с резкими чертами лица, смотревший в упор на министра. Я подумал сначала, что это помощник фотографа, но сам фотограф с аппаратом ушел, а он продолжал стоять на том же месте. Заметив находившегося рядом Кулябко, я понял, что этот человек был агентом охранного отделения, и с этого момента он уже не возбуждал во мне беспокойства.

Знакомые начали подходить к Петру Аркадьевичу, но министр не был на этот раз словоохотлив, и разговор не завязывался. Вскоре он опять остался один со мной. Стрелка показывала далеко за 5, но государь против обыкновения сильно запаздывал, а из Святошина сообщили, что он еще не проехал с маневров. Я стал рассказывать о киевских делах. Министр слушал безучастно. Он оживился только, когда я заговорил о ходе землеустроительных работ по расселению на хутора в Уманском уезде — первом в России по количеству расселенных и по площади, охваченной движением, принявшим в целой округе стихийный характер. После минуты раздумья министр сказал: «Если ничто не помешает, я съезжу после отъезда государя на несколько дней в Корсунь, а оттуда проеду посмотреть уманские хутора, но об этом никому не говорите, пока я не переговорю с начальником края». Когда я заговорил о выборах в земство и о достигнутых результатах, министр стал слушать внимательно. Он называл фамилии некоторых лиц и интересовался их характеристикой, а затем сказал следующее: «Государь очень доволен составом земских гласных. Он надеется, что их воодушевление искренно и прочно. Я рад, что уверенность в необходимости распространения земских учреждений на этот край сообщилась государю. Вы увидите, как край расцветет через десять лет. Земство можно было ввести здесь давно, конечно, с нужными ограничениями для польского землевладения. Я заметил также, что та острота, которой сопровождалась прения Государственного совета и Думы по вопросу о национальных куриях, не имеет корней на месте. Поляки везде с большим интересом и вполне лояльно отнеслись к выборам. Я сам в свое время много работал с поляками, знаю, что они прекрасные работники, и потому не сомневаюсь, что земская деятельность послужит к общему сближению». С опозданием часа на полтора приехал государь с детьми. Петр Аркадьевич встретил государя внизу и прошел в ложу рядом с царской. Охранявшая министра охрана, в

том числе и агент, стоявший у фотографического аппарата, сошла со своих мест и окружила государя, его семью, министров и свиту. Смотр потешных прошел, и разъезд закончился около 8 часов вполне благополучно.

К 9 часам начался съезд приглашенных в театр. На театральной площади и прилегающих улицах стояли сильные наряды полиции, у могучих дверей — полицейские чиновники, получившие инструкции о тщательной проверке билетов. Еще утром все подвальные помещения и ходы были тщательно осмотрены. В зале, блиставшей огнем и роскошным убранством, собиралось избранное общество. Я лично руководил рассылкой приглашений и распределением мест в театре. Фамилии всех сидевших в театре мне были лично известны, и только 36 мест партера, начиная с 12 ряда, были отправлены в распоряжение заведовавшего охраной генерала Курлова для чинов охраны по его письменному требованию. Кому будут даны эти билеты, я не знал, но мне была известна цель, для которой они были высланы, и этого было достаточно. В кармане сюртука у меня находился план театра и при нем список, на котором было указано, кому какое место было предоставлено.

В 9 часов прибыл государь с дочерьми. К своему креслу, к первому от левого прохода с правой стороны, прошел Столыпин и сел в первом ряду. Рядом с ним, налево по другую сторону прохода, сел генерал-губернатор Трепов, направо — министр Двора граф Фредерикс. Государь вышел из аванложи. Взвился занавес и раздались звуки народного гимна. Играл оркестр, пел хор и вся публика. Патриотический подъем охватил и увлек всех. Шла «Сказка о Царе Салтане» в новой, чудесной постановке. Мне казалось, что здесь можно быть спокойным: ведь все сидящие в театре известны, а снаружи он хорошо охраняется и ворваться с улицы никто не может. Кончилось первое действие. Я встал около своего кресла во втором ряду, за креслом начальника края. К председателю Совета министров подошел генерал Курлов. Я слышал, как министр спрашивал его, задержана ли террористка и настаивал на скорейшей ликвидации дела.

Началось второе действие, прослушанное с тем же напряженным вниманием. При самом начале второго акта, когда государь отошел в глубь аванложи, а П.А. Столыпин встал и, обернувшись спиной к сцене, разговаривал с графом Фредериксом и графом Иосифом Потоцким⁴⁹⁹, я на минуту вышел к подъезду, чтобы сделать какое-то распоряжение. Возвращаясь, я встретил министра финансов Коковцова, пожимавшего руку встречным и го-

ворившего: «Я уезжаю сейчас в Петербург и тороплюсь на поезд». Простившись с министром, я медленно пошел по левому проходу к своему креслу, смотря на стоявшую передо мной фигуру П.А. Столыпина. Я был на линии шестого или седьмого ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер, и я услышал два коротких сухих выстрела, следовавших один за другим. В театре громко говорили и выстрел слышали немногие, но когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П.А. Столыпина и на несколько секунд все замолкло. Петр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено». Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя». Увидя государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руку и стал делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич на виду у всех благословил его широким крестом.

Преступник, сделав выстрел, бросился назад, руками расчищая себе путь, но при выходе из партера ему загородили проход. Сбежалась не только молодежь, но и старики, и стали бить его шашками, шпагами и кулаками. Из ложи бельэтажа выскочил кто-то и упал около убийцы. Полковник Спиридович, вышедший во время антракта по службе на улицу и прибежавший в театр, предотвратил едва не происшедший самосуд; он вынул шашку и, объявив, что преступник арестован, заставил всех отойти.

Я все-таки пошел за убийцей в помещение, куда его повели. Он был в изодранном фраке, с оторванным воротничком на крахмальной рубашке, лицо в багрово-синих подтеках, изо рта шла кровь. Каким образом вы прошли в театр? – спросил я его. В ответ он вынул из жилетного кармана билет. То было одно из кресел в 18 ряду. Я взял план театра и список и против номера кресла нашел запись: «отправляю в распоряжение генерала Курлова для чинов охраны». В это время вошел Кулябко, прибежавший с улицы, где он все старался задержать террористку по приметам, сообщенным его осведомителем. Кулябко сразу осунул-

ся, лицо его стало желтым. Хриплым от волнения голосом, с ненавистью глядя на преступника, он произнес: «Это Богров, это он, мерзавец, нас морочил». Всмотревшись в лицо убийцы, я признал в нем человека, который днем стоял у фотографа, и понял роль, сыгранную этим предателем. Я вышел искать начальника края. Генерал Трепов распоряжался у царской ложи, готовя отъезд государя. Он опасался, что выстрел в театре был первым актом более широкого плана и что засады могут быть на улице. Всю площадь перед театром сильными нарядами полиции очистили от публики, у подъезда царской ложи было несколько закрытых автомобилей, в один из них поместился государь с дочерьми, в других разместилась свита. Начальник края ехал впереди, минуя улицы, на которых собрался народ, чтобы видеть проезд царя, привез его во дворец.

Проводив государя до автомобиля, я вернулся в театр. П.А. Столыпина уже вынесли, зал наполовину опустел, но оркестр все продолжал играть гимн. Публика пела «Боже, царя храни» и «Спаси, Господи, люди твоя», но в охватившем всех энтузиазме чувствовался надрыв, слышался вопль отчаяния, как будто люди сознавали, что пуля, пробившая печень Столыпина, ударила в сердце России. Я распорядился понемногу тушить огни и прекратить музыку. Когда публика разъехалась, я вошел в комнату, где на диване с перевязанной раной и в чистой рубашке с закрытыми глазами лежал П.А. Столыпин. От окружавших его профессоров, известных киевских врачей, я узнал, что они распорядились отвезти раненого в лечебницу доктора Маковского, что на Малой Владимирской, и что у подъезда театра уже стоит карета скорой помощи. Я обратился к одному из врачей и спросил его, есть ли надежда на спасение. «Рана очень опасная, — сказал доктор, — но смертельная она или нет — сказать нельзя. Все зависит от того, в какой степени повреждена печень». Когда Петра Аркадьевича, смертельно бледного, на носилках выносили в карету, он открыл глаза и скорбным, страдающим взглядом смотрел на окружающих.

В то время, когда В.Н. Коковцов находился в приемной, в лечебницу приехал генерал Курлов. Он стал докладывать Владимиру Николаевичу по поводу случившегося, но Владимир Николаевич выслушал его сухо и сделал суровую реплику. Курлов отошел и, заметив меня, сказал: «Всю жизнь я был предан Петру Аркадьевичу, и вот результат». Он протянул мне руку и на его глазах заблестели слезы. Всю ночь до самого рассвета провел В.Н. Коковцов у изголовья кровати раненого, в беседе с ним.

Видя во Владимире Николаевиче своего естественного заместителя, изнемогавший от раны Петр Аркадьевич последние силы свои отдал на посвящение его в текущие и сложные вопросы государственной жизни беззаветно любимой им матери России.

На следующий день государь ездил в Овруч. По выходе из дворца его величество объявил, что желает навестить Столыпина. Царский автомобиль направился на Малую Владимирскую. При входе в лечебницу государь спросил встретивших его врачей, может ли он видеть Петра Аркадьевича. На это старший врач ответил, что свидание с его величеством взволнует больного и может ухудшить его состояние, о чем он откровенно докладывает по долгу врача и верноподданного. Узнав, что в лечебнице находится только что прибывшая из ковенского имения супруга П.А. Столыпина – Ольга Борисовна – государь пожелал ее видеть и ненадолго прошел к ней в приемную.

В тот же день по инициативе группы членов Государственной думы из партии националистов и земских гласных края в 2 часа дня во Владимирском соборе высокопреосвященнейшим Флавианом Киевским и Галицким⁵⁰⁰, соборно с четырьмя епископами, было отслужено торжественное молебствие о выздоровлении Столыпина. Собор был переполнен. Собравшиеся истово молились, и многие плакали.

Два последующих дня прошли в тревоге: врачи еще не теряли надежды, но по вопросу о возможности операции и извлечения пули консилиум с участием прибывшего из Петербурга профессора Цейдлера⁵⁰¹ вынес отрицательное суждение. 4-го сентября вечером здоровье Петра Аркадьевича сразу ухудшилось, силы стали падать, сердце слабело и около 10 часов вечера 5 сентября он тихо скончался.

Весть о кончине Столыпина быстро распространилась по городу и все подернулось скорбью и печалью. Государь 5 сентября находился в Чернигове. 6-го сентября утром он возвратился в Киев на пароходе по Днепру и с пристани, не заезжая во дворец, проехал поклониться праху своего верного слуги, жизнь прожившего за Россию. В присутствии государя, вдовы и ближайших лиц свиты у тела Столыпина была отслужена панихида.

«Я хочу быть похороненным там, где найду свою смерть», – говорил Петр Аркадьевич, предчувствуя свой близкий конец от руки революционера. Указание Столыпина было свято исполнено его близкими, и местом вечного его успокоения была избрана Киево-Печерская лавра.

8 сентября вечером печальная процессия двинулась из лечебницы в Печерск, сопровождаемая многочисленной толпой русских людей. Все было величественно и, вместе с тем, просто, и это так гармонировало со светлым обликом того, кто безвременно отошел в вечность. 9-го сентября утром в Трапезной церкви, заставленной венками с национальными лентами, собралось правительство, представители армии и флота и всех гражданских ведомств, многие члены Государственного совета, центр и почти все правое крыло Государственной думы, а также более сотни крестьян, приехавших из ближайших деревень отдать последний долг почившему. Киевский генерал-губернатор генерал-адъютант Трепов по повелению уехавшего 7 сентября государя представлял его особу. Старшие чины Министерства внутренних дел и чины Государственной канцелярии несли дежурство у гроба. После отпевания гроб вынесли и опустили возле церкви рядом с исторической могилой другого русского патриота Кочубея.

Сейчас же после смерти Столыпина в той же группе земских гласных и членов Государственной думы из партии националистов возникла мысль о постановке ему памятника в Киеве. Было использовано пребывание в Киеве государя императора и заместителя председателя Совета министров Коковцова, и на Всероссийский сбор пожертвований уже 7 сентября утром последовало Высочайшее соизволение. Пожертвования потекли столь обильно, что в три дня в одном Киеве была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятник — так обаятельна была память Столыпина. Местом постановки памятника была избрана площадь возле городской думы, на Крешатике, а исполнение его поручено Ксименесу⁵⁰², бывшему в Киеве. В 1912 г., ровно через год после смерти Петра Аркадьевича, памятник был открыт в торжественной обстановке среди съехавшихся со всех концов России его почитателей. Столыпин был изображен как бы говорящий с думской кафедры, на камне высечены сказанные им слова, ставшие пророческими: «Вам нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия».

Большевики, полонившие нашу Родину, конечно, не могли перенести вида памятника и его уничтожили, но из русской души они не вытеснят образ Столыпина. Пройдет лихолетье, и в историю возрожденного Отечества имя Столыпина войдет еще более прославленным. В его заветах будет строиться Россия.

Гирс А.Ф. Смерть Столыпина. Из воспоминаний бывшего киевского губернатора // Столыпин А.П. П.А. Столыпин. Париж, 1927. С. 86–102.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ОТЧЕТ САРАТОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА, 1903 г.

Вступив 26 марта 1903 года в управление Высочайше вверенной мне Вашим Императорским Величеством Саратовской губернией и ознакомившись путем личного обозрения с ее положением, я не могу не остановиться прежде всего на современном ее экономическом состоянии и на сильно развитом в значительной ее части политическом движении.

Часто повторяющиеся за последнее годы неурожаи хлебов неблагоприятно отозвались на хозяйственном строе сельского населения: обеднели главным образом крестьяне малоземельные, увеличилось количество безлошадных дворов, и потребовалась энергичная помощь населению со стороны правительства, как по выдаче продовольственных и семенных ссуд, так и по устройству общественных работ.

При объезде губернии⁵⁰³ я убедился, что острая нужда была повсюду своевременно удовлетворена и народ с обновленными силами занят полевыми работами, причем господствует бодрое настроение, ввиду удовлетворительных пока видов на урожай.

Помощь правительства выразилась в 1902 году в ссудах на продовольствие на сумму 840 000 руб., на обсеменение яровых полей на сумму 674 500 руб., и на тот же предмет на сумму свыше 100 000 руб. из остатка от операции по неурожаю 1901 года, и кроме того, распоряжением Министерства финансов было доставлено 582 434 пуда семенной ржи. Всего населению в 1902 году

было выдано хлеба из запасных магазинов и за счет имперского капитала на сумму 1 920 891 руб. В предыдущий 1901 год хлеба выдано на сумму 2 121 694 руб.

Кроме этого Министерством внутренних дел ассигновано было на производство общественных работ сначала 325 000 руб., а затем дополнительно еще 75 000 руб., причем производство этих работ передано земским учреждениям, которые, следует надеяться, приложат все старание, чтобы оправдать оказанное им в этом деле доверие.

В настоящее время долг населения по ссудам из продовольственных капиталов равняется 6 754 525 руб., кроме долга государственному казначейству по ссудам в голодные 1891 и 1892 годы, равняющегося 1 200 000 руб. Если принять во внимание, что к 1 мая сего года местных хлебных запасов состояло по губернии налицо до 3 000 000 пудов, вместо 8 198 836 пудов, установленных по норме по числу душ, то экономическое положение населения должно признать сильно поколебленным и достигнуть удовлетворительного положения оно может лишь после нескольких лет хорошего урожая.

Одним из тяжелых последствий неурожая были эпидемии цинги и тифа, появившиеся в Хвалынском уезде еще в июле месяце 1901 года.

Борьбу с ними всецело приняло на себя Общество Красного Креста.

При первых тревожных известиях о заболеваниях, Саратовское управление Общества сформировало и отправило в Хвалынский уезд два врачебно-продовольственных отряда из врачей, фельдшеров и сестер милосердия. Повсюду, где были заболевания, на средства Общества были открыты столовые и организована раздача пищевых продуктов. Число столовых достигло 39; из них было 32 бесплатных и 7 дешевых; последние — для рабочих, на местах общественных работ. Врачебно-продовольственные отряды и столовые действовали в Хвалынском уезде до начала июля 1902 года, то есть до окончательного прекращения эпидемий.

Больных было в этом уезде до 2000 цинготных и до 150 тифозных.

Обедов и ужинов из столовых Общества Красного Креста отпущено: бесплатных — 1 884 459 и дешевых — 56 849.

Вслед за Хвалынским уездом цинга и тиф появились в начале 1902 года в уездах Балашовском, Вольском, Саратовском и

Сердобском, но здесь заболевания были немногочисленны и слабее по своей форме.

И в этих уездах борьбу с эпидемиями взяло на себя Общество Красного Креста. Где появлялись заболевания, оно или открывало столовые, или организовывало раздачу пищевых продуктов на руки.

Эта помощь в пяти уездах обошлась Обществу Красного Креста свыше 100 000 рублей.

* * *

Неблагополучное материальное положение сельского населения дало возможность врагам государственного порядка направить свою деятельность в среду крестьянскую и произвести попытки к возбуждению крестьян против землевладельцев с целью нанесения последним ущерба, главным образом, путем земельных захватов и поджогов владельческих построек.

Если революционная деятельность в городах может быть и предупреждена, и парализована действиями полиции и не вызывает настоятельной тревоги, не захватывая широких и самых крепких кругов городских обывателей, то малейший успех противоправительственной агитации в деревне должен останавливать на себе самое бдительное внимание администрации, так как спокойствие крестьянского населения служит залогом порядка в государстве, отдельные же вспышки среди темного сельского люда могут неожиданно принять крупные размеры и заразительно действуют на неразвитые крестьянские массы.

Вследствие сего я, при первом же обозрении губернии, старался лично вникнуть в причины столь нежелательного явления и пришел к убеждению, что единственная почва, на которой может иметь успех агитация среди крестьян, это вопрос земельный. Неурожай может создать недовольство, жалобы и подготовить почву для агитации, но крестьянин отлично осознает, что на помощь ему во время недорода приходит правительство, и сбить его с толку могут только рассказы и слухи, иногда даже самые вздорные и нелепые, о переделе или прирезке земли.

Это доказывает насколько жизненно важно для крестьянства решение вопроса о землеустройстве и об обеспечении землею. В Саратовской губернии фабрик и промыслов очень мало, население привыкло исключительно к земледельческому труду и хотя острого малоземелия не ощущается, но в тех обществах, где крестьяне на малом и дарственном наделах⁵⁰⁴, нужда в земле велика

и таких малоземельных до 25% общей крестьянской массы. Для этих крестьян трудно осуществимо и приобретение земли с помощью Крестьянского банка, так как у них нет средств на требуемую Банком приплату, трудно им при бедности дается и переселение в Сибирь: аренда же частновладельческих земель достигла в некоторых уездах небывало высоких размеров. Объясняется это чрезмерным поднятием цен на землю, вследствие громадного на нее спроса, главным образом, со стороны тех крестьян, которые могут осилить покупку земли; соразмерно с ростом ценности земли растет и земельная рента, что вызывает в некоторых местах волнение и недовольство крестьян. Последним обстоятельством пользуются агитаторы и, полагая, что разрешение земельного вопроса не под силу правительству, стараются поставить на очередь этот вопрос в деревне и всеми способами его раздуть.

К счастью, насколько я мог убедиться при личном объезде губернии, крестьяне в огромном большинстве ждут улучшения своего положения от правительства. Знают и верят, что царь озабочен их судьбою, и сильно обнадежены тем местом Всемиловейшего манифеста Вашего Императорского Величества, в котором Вашему Величеству благоугодно было указать на предстоящее направление деятельности Крестьянского банка к дальнейшему упрочению народного хозяйства и благосостояния крестьянства.

В упомянутых выше поджогах и беспорядках участвуют в большинстве случаев лишь незначительные группы молодых крестьян, поставленных на ложный путь пропагандистами, внушающими им противоправительственные и социалистические идеи. Особенно сильно велась пропаганда в Балашовском уезде, но настолько ловко и осторожно, что в последнее только время усилия жандармской и общей полиции имеют некоторый успех; несколько злонамеренных лиц, самых влиятельных и опасных, уже удалены из губернии. Вследствие сего и группы крестьян-агитаторов потеряли отчасти свою силу, не так уже запугивают своих односельчан и я смею надеяться, что мерами воздействия, которые дает мне Положение об усиленной охране, удастся понемногу поколебать их значение и ослабить пропаганду в деревне.

К весьма печальным явлениям я должен отнести участие в этой пропаганде нескольких учителей народных училищ. К сожалению, в учительской среде, мало обеспеченной, предоставленной самой себе, разбросанной по отдаленным малокультурным селам и деревням, легко развивается недовольство и, при недос-

таточном сравнительно развитии учителей, они легко поддаются влиянию лиц, якобы обнаруживающих к ним интерес и сочувствие и наталкивающих их на политическую пропаганду.

Хотя покуда явление это нельзя признать общим, но обнаруженные отдельные случаи политической неблагонадежности учителей указывают, казалось бы, на необходимость обратить на этот предмет особенное внимание, причем желательно было бы принять меры к улучшению их материального положения, особенно к обеспечению их в старости, безразлично при службе их в императорских или земских школах.

Кроме упомянутых отдельных случаев пропаганды в наших школах, обнаружена, к сожалению, и преступная агитация среди учеников Мариинского земледельческого училища под Саратовом, которые перепечатывали нелегальные издания – прокламации и брошюры и распространяли их среди крестьян. В настоящее время виновные задержаны и агитация прекращена, но в высшей степени прискорбно то, что в училище этом воспитываются по большей степени крестьянские дети, близкие к народу, ввиду чего проникновение в их среду революционной заразы особенно опасно.

В частности, бывшие в прошлом 1902 году в Саратове и в Саратовской губернии волнения и беспорядки сводятся к нижеследующему.

В Саратове агитация имела некоторый успех, главным образом, среди фабричных и заводских рабочих, но стачки и забастовки, происходившие между ними в 1901 году, в 1902 году не повторялись, хотя злонамеренные лица и прилагали все усилия, чтобы их вызвать.

Так, в конце апреля были получены сведения, что на 1 мая, в день рабочего праздника, в Саратове готовится уличная демонстрация, участвовать в которой призывались все рабочие, с целью предъявить требования не только экономического, но и чисто революционного характера. Принятые властями меры предосторожности предотвратили демонстрацию 1 мая, но она состоялась в ближайшее воскресенье, 5 мая.

В этот день, около часа, на центральном базаре появилась толпа демонстрантов с красными и черными флагами.

Толпа с пением революционных песен и разбрасывая прокламации, призывавшие народ к свержению правительства и самодержавия, направилась на главную улицу, куда подоспела и полиция. Произошла свалка, в которую вмешалась и посторон-

няя публика. При содействии последней, полиции вскоре удалось загнать большинство манифестантов в ближайший двор и арестовать. При этом выяснилось, что рабочих к манифестантам примкнуло очень мало.

Из виновников демонстрации часть приговорена Саратовской судебной палатой к бессрочной ссылке на поселение, часть выслана административным порядком, а относительно некоторых вопрос о высылке еще не разрешен Министерством внутренних дел. Высылка административная была предпринята по ходатайству моего предшественника, который просил об удалении из Саратова 32 лиц, состоящих под полицейским надзором (в числе их организаторы демонстрации).

Несмотря, однако, на удаление значительного числа лиц, занимавшихся революционной пропагандой, последняя не прекращается, хотя после обнаружения одного из главарей противоправительственного движения, члена городской управы Милашевского, и ареста его, заметна некоторая разъединенность в действиях агитаторов.

В крестьянском населении агитация имела успех, главным образом, в уездах Балашовском, Сердобском, Петровском и Аткарском, где местами возникали аграрные беспорядки, для прекращения которых посылались пехотные войска, временно расположенные с этой целью на узловой станции железной дороги «Ртищево», и небольшие казачьи отряды, нанятые на время моим предшественником из свободных казаков Астраханского войска на средства, исходатайствованные у Министерства внутренних дел. При пользовании войсками наглядно выяснилось преимущество казаков в деле водворения порядка перед пехотою: не говоря уже о большой их подвижности, их действия уже потому успешнее, что не влекут за собою кровопролития, так как они разгоняют толпу с самого начала, в случае надобности, не оружием, а нагайками. Такого рода казачья полицейская команда имеется и в настоящее время в моем распоряжении, с разрешения г. министра внутренних дел, и при малочисленности войск в губернии является неоценимым органом охранения порядка.

Из крестьянских беспорядков необходимо отметить следующие.

В Сердобском уезде, в с. Хованщине, упорно циркулировали слухи, что земли помещиков в недалеком будущем должны перейти к крестьянам. Крестьяне волновались, и отношение их к землевладельцам крайне обострилось. Воспользовавшись этим,

один из местных крестьян, Иван Серков, из корыстных целей, стал убеждать своих доверчивых односельцев, что у него уже имеются неоспоримые доказательства их прав на землю соседнего помещика, причем показывал шкатулку, в которой, будто бы, хранились эти документы. Волнение крестьян возрастало.

Между тем полиция получила сведения, что в шкатулке хранятся прокламации, привезенные им из Петербурга, куда он ездил на счет общества якобы для ведения дела об отобрании в пользу крестьян помещичьей земли. Местный полицейский урядник явился с понятыми в дом Серкова, в отсутствие последнего, и взял шкатулку, чтобы доставить ее пристава. Соседи Серкова подняли тревогу и погнались за урядником, но последний успел передать шкатулку сотскому и ускакать на лошади в село Беково, к становому приставу, который и поспешил в Хованщину. Здесь пристав встретил толпу крестьян, настолько возбужденная, что никакие убеждения на нее не действовали. Толпа бросилась на пристава, тяжело его изувечила, избив урядника, старшину, бросившегося защищать пристава, и сотского.

Получив по телеграфу эти сведения, бывший губернатор⁵⁰⁵ немедленно явился в Хованщину, куда вызвал две роты солдат со станции «Ртищево». К волостному правлению немедленно собралась огромная толпа крестьян, которая не поддавалась убеждениям губернатора и не хотела допустить ареста зачинщиков. Когда же войска оцепили самую шумную часть толпы, в которой находились главные виновники беспорядков и нанесения побоев пристава, остальные крестьяне стали требовать их освобождения, заявляя, что виновато все село и что они не допустят арестов. Принять какие-либо решительные меры губернатор не мог: пришлось бы действовать оружием, но в таком случае пострадали бы, прежде всего, ни в чем не повинные женщины и дети, которых толпа умышленно выставляла вперед. Тогда губернатор вызвал из Саратова только что сформированную полсотню казаков, быстрое прибытие которых сразу дало возможность наказать и развеять шумевшую толпу и произвести аресты главных виновников беспорядка.

Прибытие казаков сразу подчинило толпу авторитету губернатора и полное усмирение села было делом не больше двадцати минут.

По дороге из Хованщины губернатор получил известие о тревожном настроении крестьян села Владыкина, тоже Сердобского уезда. Оказалось, что здесь крестьяне предъявили землевладелице Олсуфьевой требование или продать, или сдать им в

аренду землю на условиях, ими самими определенных. Явившиеся с этим требованием уполномоченные от сельского общества вели себя по отношению к владелице возмутительно и предложили ей обдумать вопрос до 12 часов ночи. После этого срока крестьяне грозили разгромить усадьбу.

Губернатор с отрядом в 40 казаков явился в с. Владыкино, при содействии казаков собрал сход и тех уполномоченных, которые приходили к г-же Олсуфьевой со своими требованиями, подвергнул наказанию розгами. Эта мера сразу водворила порядок: весь сход стал на колени, выражал раскаяние в своем поступке и дал обещание никогда не повторять беззаконий.

В Балашовском уезде был ряд самовольных захватов крестьянами помещичьего имущества и поджогов, и отношения крестьян к властям были вызывающи. Губернатор из Сердобского уезда отправился в центр преступной пропаганды Балашовского уезда, село Ключи.

Здесь им был собран сельский сход, которому разъяснена преступность действий крестьян, сделано предупреждение против распространяемых среди них злоумышленниками подпольных изданий и подвергнуты наказанию розгами 10 главных подстрекателей.

В деревне Глебовке, тоже Балашовского уезда, крестьяне напали на усадьбу землевладельца Сафонова и произвели там разные бесчинства. Губернатор отправился в эту деревню, вызвав туда же роту солдат и отряд казаков, созвал сельский сход, дал ему соответствующее нравоучение, а главных виновников наказали розгами.

В селе Макарове, Балашовского же уезда, произошли крупные беспорядки 8 июля на ярмарке. Крестьяне-торговцы напали на патруль казаков из 3 человек; на помощь последним явился исправник с казачьим отрядом. Произошла свалка. Крестьяне огромной толпой нападали, вооруженные кольями и оглоблями, и казакам только после больших усилий удалось оттеснить их, арестовать 15 виновных и восстановить порядок.

В Петровском уезде, как и в Балашовском, агитация вызвала целый ряд поджогов имущества землевладельцев. Виновных удалось обнаружить, и все они преданы суду.

В Аткарском уезде пропаганда имела значительно меньший успех, тем не менее, в некоторых селениях крестьяне прониклись преступными идеями, хотя и держали себя в прошлом году спокойно.

В остальной части Высочайше вверенной мне Вашим Величеством губернии подпольная деятельность была менее энергична, влияния не имела и население оставалось спокойным, за исключением двух селений Камышинского уезда — Верхней Добриники и Жирного, где в 1902 году повторились давнишние споры о праве пользования землею, вызвавшие необходимость вмешательства властей и удаления административным порядком 5 крестьян, подстрекавших своих односельцев к самовольному захвату чужой собственности.

В общем, почитаю долгом своим еще раз засвидетельствовать перед Вашим Императорским Величеством, что из объезда губернии и личных повсеместно расспросов крестьян и разговоров с ними я вынес полное убеждение, что значительное большинство их одушевлено чувствами законности и порядка.

Вследствие сего я смею надеяться, что неуклонное принятие мер строгости по отношению к виновникам агитации и вместе с тем внимательное отношение к действительным нуждам народа и созидательная в этом направлении деятельность, согласно Всемиловейше предначертанным Вашим Императорским Величеством в манифесте от 26 февраля сего года указанием⁵⁰⁶, обеспечит в будущем спокойное и нормальное течение сельской жизни Саратовской губернии.

* * *

В 1902 году, во исполнение утвержденного 22 марта 1902 года Вашим Императорским Величеством положения Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, об учреждении губернских и уездных комитетов, были открыты таковые и в Саратовской губернии⁵⁰⁷.

Обсудив почти все вопросы по программе, выработанной Особым совещанием, означенные комитеты воспользовались предоставленным им правом рассмотреть вопросы и не вошедшие в программу, но имеющие то или другое значение в интересах поднятия сельскохозяйственной промышленности и экономического положения губернии.

По большинству вопросов многими из участвовавших в комитетах лиц были составлены особые записки, которые могут служить не бесполезным материалом для правильного освещения нужд сельскохозяйственной промышленности в Особом совещании, куда в строго систематизированном порядке направлены бывшим саратовским губернатором тайным советником Энгель-

гардтом с его заключениями и несколькими личными его записками труды губернского и уездных комитетов.

В общем итоге, при окончательном рассмотрении работ в губернском комитете, в значительном большинстве случаев получились довольно согласные решения как о причинах, влияющих на упадок сельскохозяйственной промышленности, так и относительно мер к улучшению ее положения, при этом деятельность комитетов протекала без всяких обострений, и если в редких случаях в некоторых уездных комитетах имели место частичные уклонения в суждениях отдельных лиц, то [они] устранялись тайным советником Энгельгардтом и не вызвали каких-либо последствий, которые в той или другой степени могли бы невыгодно отразиться на решении вопросов по их существу.

Такое в общем спокойное, серьезное и добросовестное отношение к делу я объясняю тем, что большинство членов комитетов были серьезно проникнуты важностью предложенной их вниманию задачи и искренно желали оправдать доверие Вашего Величества, будучи преисполнены в то же время чувством глубокой благодарности к заботливому попечению Вашего Императорского Величества по отношению к одному из важнейших вопросов экономического преуспеяния России.

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 10243. Л. 1–7. Машинопись.*

ПИСЬМА П.А. СТОЛЫПИНА

Письмо В.К. Плеве

3 мая 1903 г.

Конфиденциально

Господину министру внутренних дел.

Телеграммой от 18 минувшего апреля я имел честь донести Вашему Превосходительству о повторяющихся во вверенной мне губернии поджогах на аграрно-политической подкладке и о тревожном настроении землевладельцев в Балашовском уезде и части Царицынского. Ввиду сего я сам поехал в Балашовский уезд, а вице-губернатора командировал в с. Ольховку, Царицынского

уезда, где произошли поджоги в нескольких помещичьих усадьбах, с тем, чтобы по прибытии моем из Балашова в Царицын, иметь уже точные и верные сведения о произошедшем, для принятия мер к успокоению населения.

С внешней стороны последние события представляются в следующем виде: в Балашовском уезде 16 февраля, в с. Бельщине, в 7 верстах от с. Макарова, сожжена рига, принадлежащая землевладелице Вагнер; 23 февраля сожжен стог сена в имении землевладельца Ловена, тоже близ с. Макарова; 9 марта в 8 часов вечера был поджог в с. Трубецком у волостного старшины, а через полчаса сожжен омет сена крестьянина Томилина, проданный им помещице Суровцевой; 13 марта в с. Макарове сожжены две риги у крестьян Полякова и Хохлова; 16 марта в 7 верстах от с. Макарова, в имении Зацепина сожжена рига; 8 апреля сожжена рига и землевладельческие машины в имении Ловена при с. Макарове; 10 апреля сожжены в с. Макарове дома крестьян Мишкова, Угарова и Сергачева; тогда же сожжена рига крестьянина Игонина в с. Григорьевке, Макаровской волости, и скотный двор в имении принца Гогенлоэ, при с. Журавке; 12 апреля сгорел от поджога амбар с хлебом в имении Васильева при с. Марьине; 13 апреля в третий раз был поджог у землевладельца Ловена при с. Макарове, причем сгорел стог сена; тогда же сгорел от поджога стог сена в имении Орловой, тоже близ с. Макарова, и, наконец, 14 апреля сожжены надворные постройки в усадьбе землевладельца Сусанова.

Во время последнего пожара — в имении Сусанова, на место происшествия явились окрестные крестьяне из с. Голицына и Сестренки и, не принимая участия в тушении, стали с хохотом и насмешками разбрасывать спасенное имущество, насмехаться над священником, явившемся на пожар, говоря: «У Вас есть молитва на это. Вы должны обойти двор с молитвой и прекратить пожар; всегда должны быть готовы и являться с молитвой». Затем кто-то сломал замок у уцелевшей от огня кладовой, вытащил оттуда ведро водки, и варенье, и крестьяне здесь же расположились пить водку, заедая ее вареньем.

В Царицынском уезде были поджоги: в ночь на 13 апреля в трех имениях землевладельцев Персидских и Перфилова, при с. Ольховке, причем ольховские крестьяне не только не помогли тушению огня, но и удалили сельские пожарные обозы. Затем 17 апреля сгорела тоже от поджога лесная караулка землевладельца Персидского в 4 верстах от Ольховки.

Независимо от пожаров и на той же, по-видимому, почве противоправительственной агитации, в день первого пожара у помещика Ловена, за 8 верст от с. Макарова, в окрестностях которого произведены поджоги, в с. Чирикове совершено дерзкое покушение на убийство полицейского сотского Капитонова. Названный сотский, отличаясь усердием по службе, посещал по приказанию урядника сельские сходы и передавал ему о происходивших между крестьянами беседах; в день покушения несколько крестьян, известных полиции, как лица неблагонадежные, угрожали Капитонову бедою за посещение схода, вечером же он был тяжело ранен выстрелом из ружья через окно своей избы в то время как ложился спать.

Нужно заметить, что Чириково было местом жительства ныне выселенного в административном порядке землевладельца Ченыкаева⁵⁰⁸, откуда им и велась деятельная пропаганда, так что местная крестьянская молодежь, зараженная его идеями, слывет у крестьян под названием «Ченыкаевских студентов».

Проехав на лошадях вдоль большей части Балашовского уезда, посетив места пожаров, беседуя повсеместно с помещиками и крестьянами, я вынес нижеследующее впечатление о положении этого наиболее тревожного уезда, в одинаковых, приблизительно, условиях с которым находятся, по-видимому, уезды Петровский, Аткарский и часть Сердобского с тою только разницею, что в Балашовском уезде чувствуется особое настроение интеллигентного общества, о котором мною будет сказано особо.

Прежде всего, бросается в глаза совершенно индифферентное отношение к пожарам и поджогам со стороны крестьянской массы. Повсюду один ответ: «Горели постоянно и раньше», «Божья воля», «поджигателей не знаем, мало ли озорников». Там, где крестьяне, по словам пострадавших, принимая якобы участие в тушении пожара, ломали вещи и пьянствовали (Сестренская волость), замечается нежелание назвать и выдать виновных, и очевидна полная невозможность для сельских должностных лиц действовать в этом отношении вразрез с большинством.

В общем же картина безусловной покорности к начальству, почтительное отношение и ожидание от правительства улучшения земельно-экономического положения. Ожидание это является преобладающею нотою во всех крестьянских разговорах и жалобах: на пути моем повсеместно, особенно там, где крестьяне получили дарственные наделы, они обращались ко мне с просьбой распорядиться сдачею землевладельцами земель в аренду не

купцам и не отдельным крестьянам и кулакам, а всему крестьянскому обществу. На мои внушения о невозможности кому бы то ни было распоряжаться чужою собственностью, они сознавали справедливость моих слов, но при этом замечали, что им приходится гибнуть, так как нет своей земли, нет арендной, нет посторонних заработков и нет кустарных промыслов. Следует при этом заметить, что жалобы подобного рода принимают общий характер и слышатся в таких тоже сельских обществах, которые землею вполне обеспечены.

На общем фоне крестьянской массы, вполне пока поддающейся воздействию административной власти, индифферентной ко всему, кроме вопросов земельного устройства, резко выступают группы крестьянской молодежи, отличающейся крайним озорством, начитавшейся прокламаций, совершенно не дисциплинированной и выделяющей из своей среды отдельных личностей, готовых и на активное сопротивление и на поджоги. В тех местах, где такая молодежь является хозяином положения и терроризирует большинство, имеются по большей части налицо и разработчики ее, старающиеся воспитать ее в началах противогосударственных. Так, в местах, где произошли последние Балашовские пожары, действовал прежде Ченькаев, а в настоящее время в самом селе Макарове учителями министерской школы состоят Лысковский и госпожа Спув, оба вредного направления, учительницею земской школы состоит Пызина, действующая с ними заодно и имеющая сильное влияние на своего мужа, местного писаря, за которым в прошлом году установлено было наблюдение и производился обыск. Последний поджог у помещика Ловена произвел и признался в нем некто Степанов, бывший помощник волостного писаря Пызина. Письмоводитель местного земского начальника — бывший студент — распространяет, по общим отзывам, в населении ложные слухи об отказе в Саратове войск стрелять в народ и старается дискредитировать в глазах народа самого земского начальника.

Не буду утомлять внимание Вашего Высокопревосходительства перечислением отдельных нежелательных явлений, порождающих смуту в Балашовском уезде, считаю долгом лишь упомянуть о том, что интеллигенция в деревнях, состоящая из учителей, врачей и наших земских агентов, в руках которых находится заведование народными домами, чайными, библиотеками и вообще сельскими просветительными учреждениями, задается преимущественно целями отвлеченными, а часто и идущими

вразрез с видами правительства. Во всяком случае, народные дома, библиотеки со своими чтениями и спектаклями не применены к условиям народной жизни, а скорее отрывают крестьян из среды нормального труда и здоровой работы. Это порождает и раскол среди самих сельских обществ, в которых иногда отцы становятся на этой почве в антагонизм с детьми. Иллюстрацию этого служит, например, заявление, сделанное мне группой крестьян в с. Самойловке о желании их составить приговор о закрытии народного дома, развращающего молодежь. К сожалению, в Балашовском уезде сочувствие местных влиятельных кругов несомненно на стороне вышеупомянутых интеллигентных деятелей, причем даже деятельность нелегальная не вызывает осуждения.

Настроение это, о котором я упомянул выше, созданное продолжительною деятельностью в уезде, без всякого тому противодействия, целой партии людей энергичных, умных, но полагавших излишним не только входить в виды правительства, но даже считаться с ними, ставит деятельность полиции и администрации в этом уезде в крайне затруднительное положение. Всякое проявление власти толкуется в неблагоприятном смысле, и недоброжелательство к полиции порождает сплетни, вызывающие в свою очередь волнение и тревогу. К сожалению, в составе правительственного персонала недостаточно деятелей, могущих по своему авторитету и влиянию служить противовесом деятельности агитаторов, так как местных землевладельцев недостаточно для занятия должностей земских начальников и во многих крупных центрах должности эти остаются подолгу незамещенными. Инспекция народных училищ действует в этом уезде крайне слабо и недостаточно ознакомлена с деятельностью и направлением учителей, но назначение более авторитетного и энергичного инспектора, по словам директора народных училищ, невозможно, так как он намечен земскою управою и получает жалование (притом довольно скудное) от земства.

Картину настроения уезда довершает перепуг тех землевладельцев, которые пострадали от пожаров: с их стороны раздаются требования присылки войск, заявления об опасности жить в деревне и необходимости принятия экстренных мер.

Несколько в ином положении обстоит дело в Царицынском уезде. Уезд этот в общем спокоен. Помещиков в нем мало, и большинство владений и усадеб расположено вокруг крупного базарного села Ольховки. Там-то на праздничной неделе и произошел

у помещиков Персидских ряд поджогов, оставшихся не открытыми. Прискорбною особенностью этих пожаров является поведение местных крестьян, не допустивших крестьян соседних деревень, прибывших на пожар со своими обозами, тушить огонь. Объясняют они это мнимую необходимость сберечь собственные избы от огня и отказом помещиков участвовать в расходах на содержание пожарных обозов.

Мне представляется, что столь безобразные явления – результат бездействия местных властей. Сами пострадавшие почти все должностные лица: председатель земской управы, и. д. уездного предводителя, земский начальник. Испуг их дошел до степени паники. Они посылали мне отчаянные телеграммы, но вместе с тем во время пожара у себя же в имении земский начальник скрылся в своем доме и побоялся выйти к крестьянам. Он же пропустил и не представил в съезде к отмене незаконный приговор крестьян об обложении помещиков денежным оброком за содержание пожарных обозов. Понятно, что крестьяне, видя страхи помещиков, не признавая авторитета начальства, не знают предела своему своеволию. К посланному же мною вице-губернатору они относились с должным почтением и уважением.

Ознакомившись лично с положением дела и придя к вышеизложенным заключениям, я решил принять ряд мер, как по отношению к крестьянам, проявляющим своеволие, так и по отношению к агитаторам и лицам, проявляющим антиправительственную, якобы просветительскую, деятельность в деревнях, успокоив вместе с тем и встревоженных владельцев.

Крестьян, обнаруживших своеволие, я признал полезным ознакомить с воздействием административной власти и наказал лишением свободы на 7 суток крестьян Балашовского уезда, с. Сестренки – Федора Хлебалина, Григория Быкова, Якова Шишкова, Михаила Шишкова и Филиппа Коренкова, за их возмутительное поведение на пожаре при с. Сестренки, в имении Сусанова.

В Царицынском уезде крестьяне отказались назвать бесчинствовавших на пожаре односельчан. Вице-губернатор, вследствие данных мною ему указаний, подвергнул тюремному заключению троих крестьян села Ольховки: Василия Берва <текст утрачен>, Алексея Атарщикова и Ивана Арнаутова и живущих в том же селе Камышинов <текст утрачен> мещан: Максима Матвиенко и Петра Митрофанова, отличающихся плохим поведением и пагубным влиянием на общество; срок ареста этих лиц я

полагаю ограничить двумя неделями, если же в селе Ольховке вновь будет нарушен порядок и придется задержать новых лиц, то и арестованных невозможно будет освободить до водворения в этом селе нормального течения жизни. Кроме того мною в Аткарском уезде наказаны арестом крестьяне с. Малых Копен Дмитрий Попов, Яков Пчелинцев, Иустин Кузовков и Фаддей Головачев, первый на две недели, а остальные на одну, за подстрекательство крестьян к составлению приговора о понуждении помещика сдать им землю по назначенной ими цене. Аткарские крестьяне наказаны сравнительно мягко вследствие выраженного ими полного раскаяния.

Исправникам нужно доносить мне о каждом случае агитации против собственников земли для немедленного наложения взыскания.

В Балашовском уезде мною сделано распоряжение об удалении учителя Лысковского и учительниц Спув, Пызиной и Федоровой. Удален волостной писарь Пызин и письмоводитель земского начальника.

С целью воздействия на лиц, позволяющих себе производить чтения в чайных и училищах, без надлежащего разрешения и вопреки даже запрещению полиции в надежде на полную безнаказанность, мною издано обязательное постановление о воспрещении всякого рода сборищ и собраний, не дозволенных установленным порядком.

От губернской земской управы я потребовал сообщения мне точных сведений о маршруте, времени пребывания в данной местности и продолжительности поездок всех командированных земством в уезд лиц.

В Балашовский уезд мною назначается исправником лицо, на такт и умение которого я имею основание рассчитывать, чтобы, не раздражая население, укрепить в уезде порядок и быть в курсе всех агитационных течений.

В Ольховке Царицынского уезда мною смещен пристав и назначен более деятельный чиновник.

Просьбы о присылке войск со стороны землевладельцев мною нигде не удовлетворены, так как я считаю, во-первых, крайне нежелательным приучать народ к появлению войск и убежден, кроме того, что такая мера, не вызванная пока необходимостью, породила бы массу преувеличенных слухов и способствовала бы усилению тревоги среди населения, достигшей уже и без того сильной степени напряжения и требующей успокоения.

ния. Предпочтительно, конечно, водворить прочный порядок нормальными мероприятиями, не эскрвирующими⁵⁰⁹ население. Возможность осуществить некоторое упорядочение тревожных пунктов я получил вследствие ассигнования мне, по приказанию Вашего Высокопревосходительства, 10 тысяч руб. на казачью команду из 50 человек. Я решил пока несколько уменьшить число казаков и на полученную экономию нанять в самые беспокойные селения несколько постоянных полицейских служителей, которые могли бы с введением закона о стражниках поступить в состав их. Это даст мне возможность требовать от исправников полной осведомленности и охранения порядка, который, надеюсь, не будет нарушен, в случае же какой-либо вспышки, будет немедленно восстановлен уже при помощи казачьей команды, положение о которой буду иметь честь представить Вашему Высокопревосходительству в самом непродолжительном времени.

Пока я обратился к г. командующему войсками округа с просьбою не выводить из Саратова и Царицына всех войск в лагерные сборы, расположенные далеко от этих городов.

Из доклада моего Ваше Высокопревосходительство изволило усмотреть, что мною намечены некоторые меры репрессии против деятельности отрицательных элементов крестьянства и сельской интеллигенции. Не скрою от Вашего Высокопревосходительства моего твердого убеждения в том, что обузданием этих элементов не исчерпывается задача водворения нормального порядка в течение народной жизни. Мне представляется чреватым большими опасностями то непоколебимое ожидание со стороны спокойной и покорной массы сельского населения правительственных мероприятий по обеспечению землею нуждающихся в ней крестьян. Масса эта верит в правительство и взоры ее обращены на его представителей, но при обострении нужды та же спокойная ныне масса может обратиться и против землевладельцев, и против охраняющей их администрации.

Вот почему я придаю первостепенное и настоятельное значение для Саратовской губернии вопросу о направлении деятельности Крестьянского банка к работам по землеустроению беднейшего класса сельского населения, не имеющего средств на приплаты к ссудам и представляющего для Банка в кредитном отношении материал непригодный и неблагодарный.

По вопросу этому, применительно к нуждам Саратовской губернии, мною собираются сведения, и в скором времени будет

составлена особая записка, которую я буду иметь честь представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

Губернатор Столыпин

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 6517. Л. 22–25. На бланке саратовского губернатора.
Машинопись. Копия.*

ПИСЬМО В.К. ПЛЕВЕ

17 мая 1903 г.

Господину министру внутренних дел.

В дополнение к донесению моему от 3 сего мая за № 2660, имею честь представить при сем, на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, проект Положения о конно-полицейской команде, в разработке которого принял по моему приглашению участие прокурор судебной палаты и начальник губернского местного управления.

В основание означенного проекта положен принцип сохранения за командою, насколько это возможно при несении полицейской службы, военного характера, присвоения всем чинам команды прав и преимуществ действительной службы и применения по возможности отдельных статей Положения к существующим узаконениям и практике последних лет (маньчжурская пограничная стража). Обозначение и служебное положение чинов команды выработаны на основании переговоров и переписки с чинами войска Уральского и Астраханского, причем приняты во внимание минимальные требования.

Ввиду отношения Департамента⁵¹⁰, письма от 25 минувшего апреля, приглашение в первую очередь 50 казаков на отпущенный мне кредит в 10 тысяч рублей производится командированными мною в Астраханское казачье войско и в область Войска Донского лицами, на точном основании представляемого Положения, причем эти казаки нанимаются на год, и на такой же срок снято для них в городе казарменное помещение.

Формирование команды в полном составе в наискорейшем времени крайне желательно, так как поддержание дисциплины среди казаков — нижних чинов, без наличия офицера затруднительно, и временная команда в 50 человек может оказаться весьма недостаточна, если принять во внимание обширность Саратовской губернии, при абсолютном почти отсутствии в ней войск, и

бывшую уже примером внезапных волнений в минувшем году и во время холеры, несмотря на присутствие в то время в Саратове целой дивизии.

При сем же имею честь представить Вашему Превосходительству выработанную для конно-полицейской команды инструкцию⁵¹¹.

Губернатор Столыпин

ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.

Оп. 1. Д. 6517. Л. 27–27об.

На бланке саратовского губернатора. Черновик. Рукопись. Автограф.

ПИСЬМО В.К. ПЛЕВЕ

24 июня 1903 г.

Секретно

Милостивый государь

Вячеслав Константинович,

Вследствие письма от 11-го сего июня за № 14, имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что для производства намеченного опыта устранения недостатков существующего землепользования я нахожу подходящими деревни Самодуровку и Боровую (расположенные рядом и составляющие одно почти целое) и село Мирное. Первые расположены в Кунчеровской волости Кузнецкого уезда, а второе в <пропущено автором> волости Камышинского уезда.

Крестьяне деревни Самодуровки и Боровой являются типичными представителями малоземельных крестьян Саратовской губернии. Помещица Аничкова, которой принадлежали эти крестьяне, распродала, по их словам, почти все свое имение перед 1861 годом, и при освобождении крестьян им предоставлена была на выкуп вся наличная земля, а именно — в Самодуровке 9 десятин на 51 ревизскую душу и в Боровой 28 десятин на 150 ревизских душ. В настоящее время на помянутых 37 десятинах живет и питается почти учетверившееся сельское население. Крестьяне эти в 1882 году пытались переселиться на казенные земли Балашовского уезда, но поневоле, в местность нездоровую, с плохой водой, вернулись в свои деревни лишь сильно обнищавшими.

Вследствие сего я полагаю, что они подходят к указываемой в письме Вашего Высокопревосходительства категории кре-

стьян, которые не в состоянии собственными средствами устранить недостатки земельного своего устройства. Затем я полагаю, что крестьяне эти достойны помощи, так как, при всей своей скудости, они не занимаются нищенством, а промышляют кое-какими кустарными промыслами и с трудом, но перебиваются.

Несомненно также, что они примут правительственную помощь с горячею благодарностью, так как когда я проезжал через их селение, то сход встретил меня, стоя на коленях и умоляя помочь им приобрести землю с помощью Крестьянского банка, указывая на то, что обычным путем они земли через банк приобрести не могут, так как у них нет верхов (принята наличными и ссуда), по соседству же продается подходящее имение помещика Неклюдова и есть казенный участок.

Таким образом, помощь этим крестьянам едва ли вызвала бы и какие-либо толки и надежды среди населения и была бы принята лишь как последствие обращения их к начальнику губернии. Желательно было бы улучшить быт этого села и потому, что после бывшей там в минувшем году экзекуции крестьяне сдержали данное ими обещание, ведут себя примерно и ждут помощи исключительно от правительства.

В одинаковом положении в этом отношении стоит и село Мирное, так как дело об устройстве крестьян этого села поднималось неоднократно, и местная администрация уже входила даже в переговоры с бывшими помещиками этого села князьями Гагариными о продаже им прилегающего к их наделам земельного участка.

Поручить выполнение предположенной задачи я полагал бы — в Кузнецком уезде местному уездному предводителю дворянства Хардину⁵¹², деятелю крайне разумному, осторожному и знающему быт и нужды населения, а в Мирном — члену губернского присутствия В.Д. Юматову⁵¹³, умелое руководство которого могло бы восполнить некоторую неопытность местного земского начальника, недавно еще назначенного и едва ли поэтому подходящего для единоличного проведения столь сложного дела.

Самое же дело представляется мне в виде переселения части крестьян названных выше селений на соседние земли, принадлежащие казне или Крестьянскому банку (пункт «г» письма Вашего Высокопревосходительства), разделения остальных в пределах их надела с устройством в потребных случаях выделов, <1 нрзб.> и выдаче пособий на переносы усадеб (пункт «а» письма), в отношении же села Мирного — даже содействия к перехо-

ду к хуторской системе хозяйства (пункт «д» письма), что может выясниться лишь при начале землеустроительных работ и находится пока под сомнением.

Таким образом, не использованными остались бы лишь предначертания, преподанные Вашим Высокопревосходительством в пунктах «б» и «в» вышепомянутого письма, т. е. размежевание совместных наделов нескольких обществ и исправление неправильного очертания надела.

Я бы мог указать на села, где настоятельно необходимы и подобного рода работы, но воздержался от этого на первый раз, так как крупнейшая дача, нуждающаяся в размежевании, Турковская, включает в себя и чересполосные [земли] частных владельцев, затем большинство такого рода работ пришлось бы на Балашовский уезд, где среди крестьянского населения существует весьма заметное брожение и, наконец, риск неудачи гораздо опаснее именно в Балашовском уезде, в котором сама интеллигенция пока сдержанно и весьма недоверчиво относится к начинаниям правительства.

По отношению же к проектируемым работам смею высказать свое мнение, что предпочтительно, может быть, было бы, вместо продажи крестьянам смежных с их наделами участков при помощи Крестьянского банка, приобретение этих участков самим банком и сдача их крестьянам в аренду с устройством их соответственно нуждам крестьянского быта (разумная нарезка полей, устройство несгораемых мельниц, водоемов, обсадка оврагов и проч.) и обещание продажи в рассрочку на льготных условиях после нескольких лет аккуратного взноса арендной платы, которая в последнем случае могла бы быть засчитана в части и в счет погашения. Этим путем за период аренды, несомненно, отпало бы несколько человек, наименее тяготеющих к земле, которая и осталась бы в крепких руках лиц, способных ее использовать и оправдать вложенные в нее затраты. Я полагаю, что сельское население обязательно должно дать [себе] такой отчет, что государство не может взять на себя задачи всех наделить землею, так как это повело бы к распылению земли, и что обязательное приращение к земле крестьян, даже неспособных с нею справиться, в высшей степени нежелательно.

Быть может, было бы целесообразно устроительные работы на землях, купленных Крестьянским банком для поселения крестьян, точно так же, как и самое их поселение, изъять из ведения банка, учреждения чисто кредитного, и передать коллегиальному

учреждению с участием представителя земства и правительственного агронома. Во всяком случае, такого рода новые операции явились бы существенным дополнением к чисто кредитным операциям банка, которые, в качестве таковых, касаются преимущественно крестьян, случайно лучше обеспеченных, и оставляют совершенно в стороне вопрос землеустройства, самый важный в настоящее время вопрос нашей деревни.

Если бы Ваше Высокопревосходительство изволили одобрить предположения мои относительно намеченных мною селений, о земельном положении которых памятная записка при сем прилагается, и сочли возможным разрешить затрату на это дело необходимой суммы, размер которой выяснился бы при детальной разработке вопроса, то по возвращении в конце августа из разрешенного мне отпуска, немедленно дали бы делу надлежащий ход.

Губернатор П. Столыпин

ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.

Оп. 1. Д. 10253. Л. 27–30об.

На бланке саратовского губернатора. Черновик. Рукопись. Автограф.

ПИСЬМО В.В. ФОН ВАЛЮ⁵¹⁴

*Начало сентября 1903 г.*⁵¹⁵

Когда вернется министр, письмом от моего имени сообщите его Высокопревосходительству о моих нижеследующих опасениях: выбор офицеров крайне ограничен обязательством брать пенсионеров, вышедших по возрасту. Я лишен возможности пригласить намеченных, хорошо рекомендуемых лиц.

Конные стражники получают 350 рублей с готовою квартирою от города, казакам же во время выезда в уезд фураж обходится дороже городских стражников. Квартиры в Саратове так дороги, что при норме 40 рублей на стражника нанятая казарма представляет из себя нечто невозможное по тесноте в санитарном отношении. Полицмейстер, командированный мною в область Войска Донского и Астраханскую губернию, из переговоров с наказными атаманами и начальниками штабов пришел к выводу о невозможности нанять казаков дешевле 400 рублей. Овес в Саратове стоит 65 копеек пуд, цены на продукты столичные. За 340 рублей можно нанять только отбросы войск, пьяниц и воров.

Между тем, казачьей команде приходится часто выезжать в уезд и постоянно нести службу в городе. Малейшее своеволие и самоуправство в таком населении, как саратовское, вызвало бы ожесточение и озлобление против команды. Между тем, ни жалоб на них нет, ни прокламаций против них не издается, так как малейшая провинность казака вызывает его удаление и между ними поддерживается строгая дисциплина.

При таких условиях уже теперь чувствуется трудность доставать людей за 400 рублей (по какой-либо цене они наняты). Если на меня министерство возлагает тяжелую обязанность поддерживать в настоящее тревожное время порядок в губернии, имея всего 84 конных в распоряжении, то я ходатайствую о сведении команды к 60 человекам, так как предпочитаю иметь 60 испытанных человек, чем 80 людей, не дорожащих службою. Ко всему этому на казаков возложена обязанность покупки револьвера, который не входит в их вооружение.

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 6517. Л. 94–94об. Черновик. Рукопись. Автограф.*

ПИСЬМО В.К. ПЛЕВЕ

22 сентября 1903 г.

Милостивый государь
Вячеслав Константинович,

Ознакомившись с утвержденным 27 минувшего августа Положением и штатом конно-полицейской команды Саратовской губернии, считаю долгом доложить Вашему Высокопревосходительству нижеследующие опасения мои относительно применимости этого Положения.

Выбор офицеров для команды крайне ограничен обязательством принимать на службу только офицеров казачьего войска, уволенных от службы по предельному возрасту (пункт 4 Положения). Это обстоятельство лишает меня возможности пригласить в состав команды офицеров, рекомендованных мне с хорошей стороны и уже намеченных мною.

Затем, определенное казакам-стражникам по штату содержание в 340 рублей является недостаточным: существующие ныне конные полицейские стражники получают 350 рублей, при готовой квартире от города, но они несут службу только в городе,

где фураж обходится им значительно дешевле, чем стражникам вновь учреждаемой команды, для которых фураж будет предметом весьма ощутительных для них расходов во время их частых командировок по губернии, а быть может и в другие губернии. Притом же и цены на фураж в Саратове весьма высоки, так, в настоящее время пуд овса стоит 65–70 копеек, пуд сена – 25–30 копеек, воз соломы – 1 рубль 50 копеек – 2 рубля, осенью и зимою цены эти еще поднимутся. Квартиры в Саратове настолько дороги, что нанятая в настоящее время для временной казачьей команды казарма за плату по расчету 40 рублей на стражника в год оказалась по тесноте и недостатку воздуха не удовлетворяюще самым непритязательным требованиям. Расквартирование же казаков наймом отдельных помещений (пункт 9 Положения) я считаю в Саратове невозможным, т. к. команда должна представлять из себя военную силу, находящуюся в каждый данный момент в готовности к действию. Кроме того, стражники команды обязуются иметь револьверы (пункт 7 Положения), которые не входят в их казачье вооружение и, следовательно, должны быть ими вновь приобретены на свои средства. Невозможность положенного содержания в 340 рублей вытекает также из сопоставления с жалованием городских. Вычитая из содержания казака 140 рублей на содержание лошади, 40 рублей на квартиру и 40 рублей на обмундирование, остается ему 10 рублей в месяц, тогда как городской получает от 12 рублей 50 копеек до 16 рублей 66 копеек в месяц, не затрачивая капитала на лошадь, и пользуется добавочным жалованием по истечении семилетнего срока в размере 50 рублей.

Саратовский полицмейстер, командированный мною в область Войска Донского и Астраханскую губернию, из переговоров с наказными атаманами и начальниками штабов пришел к выводу, что наем проверенных и толковых казаков дешевле 360 рублей при готовой квартире и обмундировании – невозможен.

Между тем казачьей команде приходится часто выезжать в уезды и нести постоянную службу в городе. Малейшее самоуправство и своеволие стражника в таком населении, как саратовское, вызвало бы ожесточение и озлобление против команды.

В настоящее время младшие стражники временной казачьей команды в Саратове, нанятой с разрешения Вашего Высочайшего превосходительства, получают 360 рублей жалования, 40 рублей на обмундирование и 40 рублей на квартиру. Жалоб на них не поступало, подпольные листки не имеют возможности против них агитировать, но лишь благодаря тому, что среди них поддержива-

ется строгая дисциплина и за малейшую провинность казак увольняется. При таких условиях уже и теперь чувствуется трудность доставать людей за 440 рублей, не говоря уже о новом содержании в 340 рублей.

Смею обратить еще внимание Вашего Высокопревосходительства и на то, что в пределах Саратовской губернии совершенно не расположено кавалерии, что порядок мне приходится поддерживать исключительно при помощи казачьей команды, которая оказала в течение настоящего лета делу порядка неоценимые услуги, и что при таких условиях мне необходимо иметь в своем распоряжении людей верных и испытанных. Если предположенный мною состав команды по недостатку средств сокращен до 84 человек, то предпочтительнее убавить его до 60 человек с одним офицером, лишь бы сохранить существующий ныне временный оклад. Должен, однако, заметить, что при таком составе команду невозможно будет дробить. В заключение должен, считаю, доложить Вашему Высокопревосходительству, что в Положении совершенно не предусмотрено расходов на продвижение команды, тогда как мне весьма часто приходится проезжать и по железным дорогам.

Почтительнейше прошу принять уверение в глубоком моем уважении и отличной преданности, с которыми имею честь быть Вашего Высокопревосходительства [покорнейший слуга].

П. Столыпин

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 6517. Л. 98–99об. На бланке саратовского губернатора.
Черновик. Машинопись с правкой и вставками П.А. Столыпина.*

ПИСЬМО В.К. ПЛЕВЕ

Начало октября 1903 г.

Милостивый государь
Вячеслав Константинович,

Только что закончившаяся сессия Балашовского уездного земского собрания не могла не обратить на себя моего внимания по страстности, с которой обсуждался на ней вопрос об удалении некоторых учителей земских и министерских школ, по крайне резким нападкам на духовенство и незаконченности некоторых постановлений собрания.

Вопрос об учителях, видимо, поставлен был в собрании по соглашению нескольких лиц так называемой в уезде либеральной партии, во главе которой стоит бывший председатель губернской земской управы Н.Н. Львов, балашовский предводитель дворянства С.А. Унковский* и председатель уездной земской управы К.Б. Веселовский**. Усматриваю я это из того, что несколько времени тому назад мне было представлено губернским предводителем дворянства ходатайство уездного предводителя дворянства, возбужденное им по требованию 15 дворян, о созыве экстренного дворянского собрания для обсуждения действий дворянки Спув, на которую пало будто бы обвинение в тяжком политическом преступлении. Эта дворянка Спув была в мае месяце сего года уволена по моему требованию от должности учительницы министерской народной школы в селе Макарове, вместе с учителем Лысковским и учительницею земской школы Пызиной, причем муж последней был уволен от должности волостного писаря в том же селе. Все названные лица не были лишены права продолжать службу, но дальнейшая служба их именно в Балашовском уезде была мною признана недопустимою. Вынужден я был принять эту меру, так как в селе Макарове незадолго перед этим застрелился старый учитель Цепурин, бумаги которого оказались по большей части сожженными, но уцелевшая часть дневника и посмертного письма указывали на увлечение его учительницею Спув, на какие-то политические разговоры, которые велись макаровскими учителями, причем был даже ясный намек на готовящееся политическое покушение. Сама Спув из хорошей дворянской семьи, брат ее земский начальник⁵¹⁶, она передовая идейная девушка с сильною волей и всегда имевшая большое влияние на своих сослуживцев. Предшественник Цепурина сошел с ума, и это приписывается также влиянию Спув. Село Макарово центр той местности Балашовского уезда, где не прекращаются аграрно-политические поджоги, где пропаганда свила себе прочное гнездо, и молодежь отличается крайнею необузданностью и нахальством.

Что принятая мною мера была целесообразна, доказывается тем, что около месяца тому назад одна из уволенных — учительница Пызина, явившись ко мне, чистосердечно заявила, что ви-

* Унковский Семен Александрович – предводитель дворянства Балашовского уезда.

** Веселовский Константин Борисович – председатель Балашовской уездной земской управы.

новна в том, что держалась, по ее выражению, середины, между благонамеренными людьми и их противниками, просила меня допустить ее опять на службу, в доказательство своего раскаяния сделала разоблачения относительно виновности разных лиц, и взялась и вперед доставлять полезные администрации сведения. По соглашению с жандармским управлением она допущена мною на должность заведующей земским книжным складом в Турках и находится в постоянном сношении с начальником охранного отделения ротмистром Бобровым⁵¹⁷.

Кроме названных лиц, в Балашовском уезде было возбуждено еще несколько дознаний против учителей в порядке 1035 ст., и лица эти также уволены. При этом <1 нрзб.> заметить, что инспектор народных училищ (получающий жалованье от земства), ввиду воздействия на него с моей стороны и со стороны попечителя, стал в последнее время более требователен к учителям, вследствие чего уронил свою популярность и подвергается сильным нападкам.

Экстренное дворянское собрание, на основании ст. <пропущено автором> разрешено мною не было, и протест в пользу пострадавших решено, видимо, было перенести на собрание земское. На собрании этом, кроме очень сильных речей гласных, сам председатель, предводитель дворянства Унковский, произнес обвинительную речь против духовенства, доказывал, что оно занимается клеветой и доносами, причем речь свою он начал словами «факты и т. д., подчеркн[утые] синим карандашом», и кончил заявлением о том, что в настоящее время высшая администрация губернии изменила свой взгляд и «отдает теперь достодолжное слухам и наветам на учителей». При дальнейшем обсуждении действий священников г. Унковский подчеркивал, какими нехорошими средствами ведется борьба с земскими общественными школами, и в конце прений поставил, между прочим, следующие, принятые единогласно, предложения: обратить внимание преосвященного⁵¹⁸ на прискорбное поведение священнослужителей в этом деле, просить о недопущении к преподаванию Закона Божьего лиц, заявивших себя этими прискорбными фактами, постановить, чтобы без согласия управы училищный совет не назначал ни одного учителя и чтобы доводилось до сведения земского собрания о каждом случае назначения учителя без ведома или против воли управы. Затем собрание постановило еще «в благодарность за заслуги В.Д. Ченыкаева по постройке турковской больницы повесить портрет В[ладимира]

Д[митриевича] в здании урковской больницы». Как небезызвестно Вашему Высокопревосходительству, этот Ченыкаев в продолжение долгих лет сеял пропаганду в Балашовском уезде и в минувшем году был выслан административным порядком в Вологодскую губернию. Находя невозможным санкционировать молчанием неумеренное вмешательство земского собрания в действия администрации, я вызвал по телеграфу в Саратов балашовского уездного предводителя дворянства и поставил ему нижеследующие вопросы:

1) На каком основании он, будучи лицом официальным, приписал перед земским собранием начальнику губернии известного рода мнение и выставил дело увольнения учителей в таком виде, как будто бы они пострадали невинно по клевете, в настоящее же время они реабилитируются и допущенная ошибка исправляется, причем в речах предводитель не счел нужным выдел[ить] дела находящихся в тюрьме, достаточно изобличенных в революционной пропаганде?

2) Чем руководствовался предводитель дворянства, позволив себе с высоты председательского кресла бросить обвинение против всего духовенства уезда, подкрепив к тому же это обвинение рядом сомнительных анекдотов, не имеющих фактической подкладки?

3) Что имел в виду предводитель, обвиняя людей 20 числа⁵¹⁹ в неблагоприятных поступках и клевете?

4) Каким образом допустил предводитель баллотировку незаконных предложений, особенно же относительно постановки портрета изобличенного в политической неблагонадежности лица в земской больнице?

На это г. Унковский спросил меня о цели моих вопросов. Я ответил ему, что люблю во всем ясность и желал бы выяснить, желало ли земское собрание открыто объявить войну администрации или же собрание невинно впало в ряд ошибок.

На это г. Унковский дал мне следующие объяснения: 1) О перемене, происшедшей в моих взглядах, он догадался потому, что некоторые из уволенных учителей вновь получили места, а именно Пызина в Турках, сообщил об этом собранию, действуя не во вред мне, а думал быть полезным, так как вообще в Балашове полагали сначала, что у меня предвзятый взгляд против балашовского земства. Пристегнул он это заявление к вопросу об учителях, так как не имел в виду сидящих в тюрьме заслуженно, а остальные, по его мнению, оклеветаны духовенством.

2) Против духовенства он говорил то, что думает, и если приводил факты голословные, то при дознании может представить свидетелей под присягою (учителей земских школ) в доказательство того, что священники недостойными приемами ведут борьбу с земскими школами.

3) Под людьми 20 числа он разумел бывший состав полиции, причем против полиции в настоящее время он ничего, кроме хорошего, сказать не может.

4) Портрет Ченькаеву решено поставить как общественному деятелю, не касаясь его политических убеждений, причем он, предводитель, считал это несвоевременным, но вопрос прошел единогласно, так же, как и о стипендии в честь работавшей с ним фельдшерицы (до получения протокола собрания сведений о личности этой фельдшерицы представить не могу).

Затем г. Унковский добавил, что если либеральное направление считать противоположительственным, то, пожалуй, в этом можно обвинять балашовское земство, т. к. оно весьма либерально. Кроме того, г. Унковский старался во все время разговора поставить вопрос таким образом, что он, не умея вести прений и заслужив неудовольствие начальника губернии, не может оставаться предводителем. А потому должен обратиться к своим избирателям, чтобы дать отчет в своих действиях и узнать их мнение о своем поведении.

Я на это возразил ему, что таким образом вопрос ставить не желаю, отставки его не требую, либеральные воззрения не отождествляю с антиправительственными, а считаю обязанностью своею указать ему на допущенные им ошибки, а именно: он не имел права приписывать мне произвольное мнение и тем способствовать созданию между учителями известного нежелательного повышенного настроения; он, в качестве председателя, не должен был тенденциозно бросать обвинение против духовенства и тем как бы подстрекать население против него, особенно в настоящее, богатое отрицательными веяниями время; он не должен был голословно обвинять и чиновничество (люди 20 числа), тем более что они лишены были возможности защищаться, и, наконец, он должен был употребить все свое влияние, дабы не допустить вопроса о портрете Ченькаеву.

На этом г. Унковский и ушел от меня.

Для ясности картины я должен присовокупить, что г. Унковский человек, выставленный Львовым, говорящий и действующий исключительно с его голоса, причем это до того про-

зрачно, что в конце разговора он просил меня хорошенько ре-
зюмировать ему все сказанное, так как по возвращении в Бала-
шов он должен будет обо всем дать отчет.

Г. Унковский службою не интересуется, он человек обес-
печенный, очень чувствительный к рекламе и, очевидно, жела-
ющий уйти с треском. Им, быть может, и решили пожертвовать,
и необычный уход его, вследствие столкновения с губернато-
ром, был бы, видимо, встречен сочувственно. Совершенно ина-
че обстоит дело с председателем уездной управы К.Б. Веселов-
ским: это человек в высшей степени горячий, нервный, крайне
передовых воззрений. Он совершенно не принимал участия в
прениях об учителях и держался в стороне. Его, видимо, берегут.
Он вновь избран председателем управы, человек он дельный и
работающий.

Мне казалось большою ошибкою в данном деле сыграть в
руку руководителям балашовской оппозиции и сделать из г. Ун-
ковского, величины крайне посредственной, жертву правитель-
ства. Разговор же с ним и осуждение его действий я считал не-
обходимым, дабы не поощрять балашовское земство в принятом
им ложном направлении. По-видимому, пока намеченная мною
цель достигнута: г. Унковский не уходит и замечание мое вы-
слушал. Но я не ручаюсь, что после возвращения его в Бала-
шов, его не заставят оттуда послать демонстративное мотивиро-
ванное прошение об отставке. Кроме того, я предвижу, что на
предстоящем губернском собрании опять те же вопросы могут
послужить предметом горячих и маложелательных прений.

Ввиду сего я и счел своим долгом подробно обо всем изло-
женном доложить Вашему Высокопревосходительству, присовокуп-
ляя, что я не теряю надежды на то, что путем неуклонной последо-
вательности и твердости, при постепенном улучшении состава по-
лиции и содействии преосвященного Гермогена, иерарха, выдающе-
гося по своим личным качествам и административным способно-
стям, в Балашовском уезде деятельность земской оппозиции примет
менее резкую форму и отношения земства и администрации станут
более или менее нормальны.

Имею честь и прочее.

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 10253. Л. 43–46об. На бланке саратовского губернатора.
Черновик. Рукопись. Автограф.*

ПИСЬМО В.К. ПЛЕВЕ

18 октября 1903 г.

Секретно

Милостивый государь

Вячеслав Константинович.

Вместе с сим я вошел к Вашему Высокопревосходительству с представлением по поводу разрешения князю Александру Александровичу Ухтомскому⁵²⁰ совмещения занимаемой им должности саратовского уездного предводителя дворянства с должностью председателя Саратовской уездной земской управы, на которую он избран минувшим земским собранием.

В дополнение к изложенному в том представлении, имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что князь Ухтомский является весьма желательным председателем земской управы по своему легальному, строго консервативному направлению, которое, быть может, будет служить противовесом господствующему в саратовском уездном земстве оппозиционному течению и обеспечит привлечение на земскую службу людей желательных, что и побуждает меня особенно ходатайствовать о разрешении моего представления в благоприятном смысле.

Покорнейше прошу принять уверение в глубоком моем уважении и отличной преданности, с которыми имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга
П. Столыпин.

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 10253. Л. 19–19об. На бланке саратовского губернатора.
Машинопись с правкой и подписью П.А. Столыпина.*

ПИСЬМО В.К. ПЛЕВЕ

4 ноября 1903 г.

Совершенно конфиденциально

Господину министру внутренних дел.

Имею честь при сем представить Вашему Высокопревосходительству копию телеграммы, посланной 1 сего ноября председателем губернской земской управы графом Олсуфьевым от имени съезда врачей и председателя земской управы высланному административным порядком в Вологодскую губернию врачу Ченыжаеву. На потребованные мною объяснения граф Олсуфьев зая-

вил мне, что телеграмма была отредактирована за товарищеским ужином, последовавшим вслед за закрытием съезда и что когда кем-то высказано было предложение послать доктору Ченыкаеву приветственную телеграмму, он громогласно заявил, что согласен на это, если приветствие будет относиться к Ченыкаеву как деятелю по земской медицине, не касаясь причин, вызвавших его пребывание в Вологде.

Вследствие указания моего на невозможность расчленить личность Ченыкаева, в котором деятельность агитатора совершенно поглотила профессию врача, на наивность предположения, что в публике телеграмме этой не будет дано тенденциозное толкование, наконец, на самый текст телеграммы и на официальную подпись в качестве председателя съезда, граф Олсуфьев объяснил, что он не желал отказом своим от посылки телеграммы вызвать резкий, тенденциозный обмен мнений, так как съезд прошел весьма корректно, без отвлечения в сторону и исключительно за серьезную, деловую работою, в настоящее же время он жалеет, что подписал эту телеграмму. Я высказал графу, что считаю его поступок малодушною уступкою и крайне огорчен обнаруженным им недостатком твердости, который, несомненно, будет эксплуатироваться противоположительным элементом в пользу своей партии.

К сему считаю нужным присовокупить, что самый съезд врачей прошел без всяких инцидентов, и лишь за помянутым ужином одним из врачей была произнесена речь с грубыми намеками антиправительственного характера.

Губернатор П. Столыпин

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 10253. Л. 20–21. На бланке саратовского губернатора.
Черновик. Рукопись. Автограф.*

ПИСЬМО В.К. ПЛЕВЕ

12 ноября 1903 г.

Секретно

Господину министру внутренних дел.

В дополнение к представлению от 10 минувшего октября, за № 6923, имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что, независимо от составленного минувшим Балашовским уездным земским собранием постановления о помещении в тур-

ковской земской больнице портрета высланного в Вологду врача Ченькаева, некоторые гласные земского собрания послали Ченькаеву сочувственную телеграмму, копию которой, для доклада Вашему Высокопревосходительству, я препроводил г. директору Департамента полиции.

В числе гласных, подписавших эту телеграмму, оказались балашовский городской голова — купец Безбородов и земский начальник 7 участка Балашовского уезда Спув, которых я по сему поводу и вызвал к себе для объяснений.

Городской голова Безбородов объяснил свое участие в посылке Ченькаеву телеграммы своею глупостью, заявив, что подписал он телеграмму совершенно бессознательно, только потому, что это делали другие. Человек он действительно мало развитый умственно, и объяснение его меня удовлетворяет. Внушение мое подействовало на него угнетающим образом, и я уверен, что он сдержит свое обещание политикою больше не заниматься.

Земский начальник Спув — еще совсем молодой, бывший саперный офицер, производит на меня впечатление человека застенчивого, слабой воли — несамостоятельного, но с добрыми намерениями и желающего принести населению посильную пользу. Участие свое в подписи телеграммы Ченькаеву он объясняет тем, что не отдавал себе отчета в том, что телеграмме этой придано будет демонстративное значение, что Ченькаева он знал как весьма полезного деятеля по земской медицине и что у него просто не хватило смелости идти против остальных гласных.

В той среде, в которой приходится действовать Спуву в качестве земского начальника, надо обладать большою силою характера и твердо установившимися взглядами, чтобы противостоять влиянию нескольких талантливых и энергичных деятелей оппозиционного лагеря, преобладающих в балашовском земстве. Такими качествами Спув не обладает, и из него, при его хороших способностях и трудолюбии, мог бы выработаться полезный административный деятель лишь в том случае, если он был бы поставлен в другие условия и имел дело с другими людьми. Поэтому я находил бы желательным перевести Спува в другой уезд, не спрашивая его согласия. Это представляется мне тем более необходимым, что в Балашовском уезде, где революционная пропаганда в народе особенно сильна и где оппозиционное течение не обходит иногда и должностных лиц крестьянского управления, — я лишен опоры в борьбе с этим движением со стороны некоторых земских начальников, людей недостаточно самостоятельных

и стойких. К числу таких земских начальников надо прежде всего отнести вышеупомянутого Спува и земского начальника 4 участка Штейнфельда, который совсем не сумел поставить себя в положение, достойное земского начальника.

Поэтому мне и представляется необходимым перевести Спува (тем более что он живет в городе, имение его родителей расположено не в его участке и его родная сестра должна была недавно оставить должность учительницы в Балашовском уезде вследствие неприятностей, в которых невиновность ее не могла быть вполне выяснена), а также Штейнфельда, не имеющего в Балашовском уезде земского центра, в другой уезд, помимо их согласия, а на их место представить или перевести других лиц, известных мне по своему подходящему направлению, твердости убеждений и самостоятельности.

Мера эта желательна еще и потому, чтобы и другие земские начальники поняли недопустимость для них оппозиции и уяснили себе обязанности свои в деле борьбы с этим явлением.

Представляя об изложенном, позволяю себе покорнейше просить разрешения Вашего Высокопревосходительства войти с представлением в установленном порядке о перемещении гг. Спува и Штейнфельда на свободные или имеющиеся освободиться вакансии в других уездах, где не имеется налицо местных кандидатов.

Губернатор П. Столыпин

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 10253. Л. 74–75об. На бланке саратовского губернатора.
Черновик. Машинопись с правкой и вставками П.А. Столыпина.*

ПИСЬМО В.К. ПЛЕВЕ

17 апреля 1904 г.

Секретно

Господину министру внутренних дел

Г[осподин] министр земледелия и государственных имуществ⁵²¹ препроводил ко мне копию с представления сего министерства в Комитет министров, с объяснением сведений по Высочайшему вопросу на всеподданнейшем отчете моем за 1902 год о состоянии Саратовской губернии, — об обнаружении среди учеников Мариинского земледельческого училища преступной агитации.

Так как сказанная записка г. министра земледелия и государственных имуществ, при сем в копии прилагаемая, находится в некотором противоречии с моим всеподданнейшим отчетом и с теми обстоятельствами, которые я имел честь лично докладывать Вашему Высокопревосходительству во время последнего моего приезда в Петербург, то я считаю себя обязанным еще раз доложить Вашему Высокопревосходительству, что я никоим образом не могу разделить точки зрения Министерства земледелия и государственных имуществ на этот предмет, изложенный между прочим в помянутой записке.

Я в отчете своем указывал на то, что преступная агитация учеников Мариинского земледельческого училища выражалась в перепечатывании нелегальных изданий и распространении их среди народа, и находил прискорбным проникновение революционной заразы в среду учеников, по большей части крестьянских детей, близких народу.

Министерство земледелия и государственных имуществ с своей стороны находит, что участие некоторых учеников Мариинского училища в противоправительственной агитации явилось лишь следствием постороннего влияния саратовских агитаторов, избравших предметом своей возмутительной деятельности многие учебные заведения.

Я, останавливая внимание государя императора на факте революционной деятельности учеников названного училища, желал, конечно, указать на явление общее, дающее училищу известную окраску, а Министерство земледелия и государственных имуществ сводит в своей записке все дело к единичному факту нахождения на печи одного из классов запрещенной брошюры и на частной квартире одного из учеников — нескольких запрещенных книжек и гектографа с принадлежностями. При этом министерство заявляет, что из арестованных по подозрению 9 учеников большая часть была освобождена.

Несомненно лишь, что недостаточная осведомленность министерства и незнание с установленными фактами могли дать ему ошибочное представление о духе и окраске учебного заведения, на котором, по моему глубокому убеждению, должно быть сосредоточено особенное внимание высшего начальства.

Министерство полагает, что агитация в училище проникла извне, из Саратова, т. е. была как бы случайною и заносною, но дознание, препровожденное в Министерство юстиции г. прокурором палаты 27 минувшего марта, за № 1236, подтвердило, что в

училище производилась перепечатка прокламаций и рассылка их по другим училищам, найдена книга записей по этой операции и, наконец, в пропаганде достаточно уличены и привлечены к дознанию 20 учеников и 4 бывших ученика, причем ученики изобличаются в участии на собраниях у крестьян, которых они революционизировали.

О таком положении дел в Мариинском земледельческом училище я докладывал Вашему Высокопревосходительству и в представлении от 13 октября прошлого года, за № 7020. Эта деятельность учеников заставила меня воспретить устройство при училище зимою 1903 года сельскохозяйственных курсов для крестьян Саратовской губернии.

Таким образом, училище представляло из себя самостоятельный революционный центр, действовавший активно, и не было лишь пассивным объектом действий внешних агитаторов.

В записке г. министра земледелия и государственных имуществ упоминается, что я не сообщал министерству никаких неблагоприятных отзывов о служащих училища и что ревизия не подтвердила дурного влияния на учеников инспектора и некоторых других служащих, но мнение свое об училище я сообщал Вашему Высокопревосходительству, а ревизора, посланного министерством, я в Саратове не видел. Что касается бывшего инспектора, который или потворствовал агитации среди учеников, или смотрел на нее сквозь пальцы, то я о нем настолько плохого мнения, что текущею зимою отказал допустить его на службу губернского земства в качестве страхового агента, тем более что и сыновья его, учащиеся в Саратове, неблагонадежны в политическом отношении.

Про выговор директору училища я ничего не знал, но, как и все в Саратове, не мог не знать о награждении его прошлою Пасхою орденом Св. Владимира 4 степени. Хотя, по общим отзывам, директор человек благонамеренный, но награждение его, непосредственно после обнаружения непорядков в училище, произвело впечатление нежелательное.

С мерами, проектируемыми министерством для устранения нежелательных (прискорбных) явлений, нельзя не согласиться, но замечу, что ими не устранится одно капитальное зло — крайняя разновозрастность воспитанников в одном классе, зависящая от приема в училище (одновременно) учеников со стороны и кончивших низшие училища; кроме того, указанные министерством мероприятия, по словам записки, могут получить осуществление толь-

ко в течение ближайших лет. Мое же мнение, что дисциплина и порядок должны быть введены в училище немедленно.

Докладываю я все это Вашему Превосходительству не только для того, чтобы подтвердить основательность фактов, приведенных мною во всеподданнейшем отчете, но и вследствие вынесенного мною из всего того, что я знаю про училище, убеждения, что хотя ученики теперь ведут себя несколько скромнее и притихли, но проживание их на вольных квартирах, в избах у крестьян и отсутствие достаточного надзора заставляют постоянно опасаться возобновления агитации в училище. Между тем и в настоящем году, по приказанию министерства, было принято несколько учеников сверх нормы и при таком переполнении училища никакое внутреннее наблюдение за учащимися неосуществимо.

Губернатор П. Столыпин

ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.

Оп. 1. Д. 6628. Л. 3, 3об., 5, 5об.

На бланке саратовского губернатора. Черновик. Машинопись.

Письмо князю П.Д. Святополк-Мирскому⁵²²

23 ноября 1904 г.

Министру внутренних дел

Результат частного совещания земских деятелей⁵²³ в Петербурге вызвал, с одной стороны, радостные надежды в земских кругах, с другой же стороны — разочарование и недовольство между лицами радикального образа мыслей и многочисленными поднадзорными, находящими, что только путем демонстраций и беспорядков возможно добиться от правительства уступок.

Взаимодействие этих двух настроений является ключом к разъяснению некоторых происшествий в Саратове, о которых считаю необходимым донести Вашему Сиятельству.

Во-первых, то разочарование крайних групп, о котором я упомянул, вынуждает представителей земства, для того чтобы не подвергнуться обвинению в слишком большой умеренности, заигрывать с местной радикальной партией и вообще позаботиться об ограждении своей популярности.

Это особенно ярко выразилось в съезде кооперативных товариществ, созванном Саратовской губернской земской управой.

На съезде происходили горячие прения по вопросам народного развития и образования, успех которых был ораторами по-

ставлен в зависимость от полного отстранения духовенства от школы, отделения первой от государства. Один из ораторов, член губернской управы М.В. Безобразов*, порицая полное стеснение личности в России, преследование всяких коопераций, имеющих культурные цели, и, признавая в этом одну из главных помех народному образованию, предложил съезду представить будущему губернскому земскому собранию подробный доклад по этому поводу, прибавив в нем, что гарантия свободы и прав личности может быть лишь при незыблемости законов. После этого, по предложению председателя управы А.Д. Юматова⁵²⁴, съезд единогласно принял такую резолюцию: «Свобода и право личности должны быть гарантированы законом, в издании которого принимает участие сам народ». В конце концов, участники съезда договорились до необходимости регулирования вознаграждения духовенству за требы.

Особенно прискорбно, что на съезде, где присутствовали и участвовали в большом числе крестьяне, много говорилось о вреде, приносимом духовенством. В числе прочих лиц на съезд были приглашены все крестьяне, которые участвовали в работах подкомиссий, образованных саратовским губернским совещанием по пересмотру законоположений о крестьянах (представление мое к Вашему Сиятельству от 19 сего ноября, за № 7676).

Впрочем, общие политические вопросы не могут быть ныне обойдены ни в одном собрании, и член управы Безобразов сам предложил губернскому земскому санитарному совету по телеграфу просить Ваше Сиятельство вернуть высланного из Балашовского уезда в Вологодскую губернию известного врача Ченькаева.

Телеграмму эту привез ко мне председатель управы, прося указаний, может ли он отправить ее непосредственно или должен это сделать через меня. Я ответил ему, что представлю Вашему Сиятельству свое заключение по вопросу о Ченькаеве, если оно будет у меня спрошено, телеграфировать же министру никому не запрещено.

При этом я высказал г. Юматову, что посылке такой телеграммы я придаю гораздо менее значения, чем тенденциозному ведению заседаний кооперативного съезда, возбуждению на нем вопросов не программы, а постановлению резолюций по политическим вопросам. Г. председатель управы согласился со мною в неуместности подобных прений на кооперативном съезде, пояснив,

* Безобразов Михаил Владимирович – член Саратовской губернской земской управы.

что он бессилён был удержать присутствовавших в рамках программы и что в печатном протоколе все острые вопросы будут смягчены.

Наибольшего напряжения нервное состояние саратовской публики достигло 20 числа, в день юбилея судебных уставов.

Фактическую сторону весьма многолюдного банкета, состоявшегося по поводу этого юбилея, Ваше Сиятельство изволите усмотреть из представляемого при сем особо описания.

Так как мне было известно, что распорядители вечера решили избежать открытых демонстраций, то меня более озабочивала в этот день группа поднадзорных и радикальной молодежи, которая, по имевшимся у меня сведениям, решила протестовать против «робкой» политики лиц «свободных профессий».

И, действительно, около 11 часов ночи я узнал, что залом народных развлечений при чайно-столовой Общества пособия бедным завладела группа лиц числом более 600 человек, которая не допускает в зал полицию, пропускает туда своих единомышленников по особым билетам, причем в зале произносятся речи и принимаются какие-то резолюции. При появлении перед домом собрания, по моему приказанию, полицмейстера, в зал было дано об этом знать особым сигналом, и он немедленно опустел.

Однако 5 человек рабочих под предводительством сотрудника газеты «Саратовский листок»⁵²⁵ Герасимова, от имени собравшихся в зале народных развлечений, отправились в гостиницу «Россия» к участникам банкета и предъявили им принятые на собрании резолюции, а именно: добиться участия народного представительства в высшем управлении государственным, потребовать немедленного прекращения военных действий на Дальнем Востоке и освобождения лиц выселенных.

Все эти резолюции были приняты при гоме аплодисментов всеми присутствовавшими с полным одобрением.

Главным организатором и оратором на <текст утрачен> народных развлечений был сотрудник га[зеты] «Саратовский листок» Герасимов.

Тогда как банкет в гостинице «Россия», кроме эпизода принятия депутации от рабочих, имел характер юбилейного обеда, причем участники его все связаны между собою одинаковостью профессии и знакомством, а политические речи имели характер застольных — сборище в зале народных развлечений имело все признаки конспиративной сходки с целью со стороны группы интеллигентов воздействовать на рабочих и простонаро-

дье. К сожалению, такого рода цель явно сквозит в намерениях всех немалочисленных «непримиримых» элементов, действующих не только в городе Саратове, но и вкрапленных по всей Саратовской губернии в тех местностях, где, по их мнению, могут быть шансы на успех.

Яркою иллюстрацией образа действий этой группы лиц является печальный случай на благотворительном вечере 21-го ноября в Саратовском коммерческом собрании. Сюда к концу вечера явилась толпа рабочих в <пропущено автором> человек, с криком «теперь конституция, — долой полицию», — насильно вошла в помещение клуба, где выделившиеся из их числа и [из числа] их единомышленников, бывших внутри здания, ораторы, стоя на бильярде, стали произносить зажигательные речи о прекращении войны, о необходимости участия народа в управлении государством и т. д.

Затруднение для изыскания спокойной равнодействующей между всеми этими, находящимися в высшей степени напряжения, партиями, увеличивается намерением некоторых дворян во главе с графом Уваровым⁵²⁶ и дворянином Н.А. Павловым (оба служат чиновниками особых поручений при Вашем Сиятельстве) на экстренном дворянском собрании, открывающемся непосредственно перед очередным земским (дворянское 1 декабря, земское 4-го), представить доклад, осуждающий будто [бы] постановления, принятые на частном съезде земских деятелей в Петербурге. Если мне не удастся склонить губернского предводителя дворянства не обострять на дворянском собрании вопросов самое <текст утрачен> которых в настоящее время волнует страсти, то и <текст утрачен> собрание едва ли пройдет в нынешнем году спокойно.

Что касается мер, принимаемых лично мною, то независимо от воздействия на влиятельных лиц, в смысле устранения всего того, что может вызвать демонстрации и беспорядки, я решил положить предел провокации среди рабочих и простонародья, так как попустительство в этом случае было бы понято, я в этом уверен, как слабость и повело бы к уличным беспорядкам. Беспорядки эти могли бы принять особенно нежелательный характер, если бы совпали с предполагаемою на 7 декабря в Саратове мобилизацией, так как все резолюции о немедленном прекращении войны рассчитаны, несомненно, на то впечатление, которое могут произвести на среду запасных.

Принятыми сразу резкими полицейскими мерами и наложением кары на руководителей народных сходок из интеллиген-

тов, я, несомненно, вызвал бы немедленную вспышку и какое-либо открытое демонстративное действие.

Вследствие сего я выбрал следующий путь: издал прилагаемое при сем объявление к населению и вызвал к себе трех главных интеллигентных агитаторов, имеющих наибольшее влияние на рабочих.

Издание объявления вызвано опасением беспорядков во время мобилизации, а также циркулирующими среди учащих и рабочих упорными слухами о том, что я получил от Вашего Сиятельства приказание относиться пассивно ко всем проявлениям народного движения, ввиду предстоящего объявления конституции.

Личное объяснение мое с лицами, влияющими на рабочих, имело следующий характер: я заявил им, что не могу уяснить себе, каким образом люди развитые, прикосновенные к журналистике, видя искреннее стремление правительства в трудную для родины минуту приложить все усилия к достижению благих результатов, прибегают к противозаконным средствам для создания правительству и администрации затруднений посредством подстрекательства темных масс к беспорядкам. Если это недоразумение и недомыслие, то я <текст утрачен> помниться, если это злая воля, то я прошу откровенно это мне заявить, дабы я мог лишить их физической возможности совершить что-либо непоправимое.

Сотрудник «Саратовского листка» Герасимов, самый влиятельный из вызванных мною лиц, пытался выяснить мне свою роль как умиротворителя, старающегося сдерживать на сходках все крайние элементы от активных противоправительственных действий. Согласившись, однако, что участие его в организации недозволенных сходбищ незаконно, он объяснил это недоразумением, так как будто бы полагал, что теперь публичное обсуждение политических вопросов фактически разрешено, в заключение же дал мне честное слово в сходках более не участвовать.

Я полагаю, что теперь наступит кратковременное затишье, хотя вчера опять была попытка устроить сходку, главным образом, учащейся молодежи в фельдшерской школе, ученицы которой, преимущественно же еврейки, всегда являются, как уже я неоднократно сообщал министерству, ядром всякого брожения и беспорядка. Сегодня же объявлена забастовка в духовной семинарии с требованиями со стороны учеников: увольнения инспектора, свободы отпусков и свободы чтения.

Во всяком случае, я предвижу в ближайшем будущем возможность беспорядков в г. Саратове, так как интенсивность ожи-

дания изменений в форме правления и вообще брожение во всех слоях общества достигли наивысшего предела. Все меры мною приняты, никаких серьезных последствий от городских демонстраций и беспорядков я не ожидаю, так как действительно опасными считаю беспорядки крестьянские, аграрные.

В настоящее время дело в Саратове осложнилось тем, что на местном сталелитейном заводе сильно сократились работы и в конце месяца останется без работы третья сотня рабочих. Люди эти скопом явились ко мне, как к представителю власти, указывая на свою беспомощность. Я не счел возможным при теперешнем положении уклоняться от принятия участия в их судьбе и обещал изыскать средства на отправку их всех с семьями на родину, что и надеюсь выполнить.

Употребив вс[е] <текст утрачен> предупреждению беспорядков убеждением, словом, предоставлением самой широкой возможности высказываться, устранением всего того, что могло бы вызвать нарекания и напрасное раздражение, я все же предусматриваю возможность наступления печальной необходимости прибегнуть, во избежание худших последствий, к некоторым мерам репрессии и даже, быть может, к силе. Все старания мои будут приложены к тому, чтобы удержать население, без всякого давления, в пределах законности, но о существующем настроении и возможных его последствиях считаю долгом своим представить заблаговременно на благоусмотрение Вашего Сиятельства.

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 6627. Л. 1–4. На бланке саратовского губернатора.
Черновик. Машинопись с правкой П.А. Столыпина.*

Письмо А.Г. Булыгину

24 марта 1905 г.

Министру внутренних дел.

В дополнение к телеграмме от 18 марта имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что демонстрация 17 марта представляется в следующем виде. В отсутствие мое в Петербурге управлявший губерниею вице-губернатор⁵²⁷ разрешил председателю 1-го городского санитарного попечительства доктору Соколову устройство в городском театре вечером 17 марта 6-ти платных лекций о холере, причем лекция одного из врачей носила заголовок «Холерные бунты».

Принимая во внимание брожение в обществе, обширное помещение театра, крайнюю политическую окраску всех деятелей попечительства, я с некоторым опасением ожидал исхода этого чтения. К этому присоединились городские слухи о готовящейся в этот вечер в театре демонстрации. Отменить чтения не считал возможным, так как это вызвало бы нареkanie на то, что администрация не разрешает даже ознакомления со способами борьбы с холерою. Вследствие сего я вызвал к себе доктора Соколова, предупредил его о своих опасениях и поставил ему в обязанность принять все меры к предупреждению демонстрации. Несмотря на успокоительные заверения Соколова, я приказал ввести в театр усиленный наряд, а эскадрону драгун быть наготове. И, действительно, оказалось, что, хотя сами лекции не заключали в себе каких-либо крайностей, но публика, наполнившая театр до чрезмерности (в ложах сидело по 25–30 человек) собралась с явно демонстративными целями, так как во время чтения о холере раздавались возгласы «скорее к делу». Устроители, видимо, были с публикою за одно, так как приготовили политических докторов и затем обратились ко мне в телефон за разрешением допустить политические речи, не отвечая иначе за порядок. О том же просил балашовский уездный предводитель дворянства Унковский, человек весьма ограниченный, но любящий играть роль и быть представителем самых передовых либеральных взглядов. Отказав решительным образом в домогательстве этих лиц, я приказал полицмейстеру опустить занавес и объявить публике, что собрание, по моему приказанию, закрыто и присутствующие должны разойтись. Таким образом, дальнейшее имело характер недозволенного собрания, за которое участники должны были отвечать, как за нарушение моего обязательного постановления. Многочисленная публика подняла невообразимый крик, шум и свист, стали требовать речей политического характера, приглашая выступать в качестве ораторов прибывшего в Саратов присяжного поверенного Куперника⁵²⁸ и других местных адвокатов, выступавших ранее на бывших в Саратове банкетах, Кальмановича⁵²⁹ и Поляка⁵³⁰. Какая-то неизвестная дама сгоряча бросила в полицмейстера кошелек. После этого с галереи неизвестное лицо обратилось к публике с речью такого содержания: «Г.г., здесь во время лекций нам читали наставления по холере и о способе борьбы с ней. По моему мнению, говорили все не о той холере, которая путем заражения бактериями уносит человеческие жертвы. У нас есть еще другая холера — это правительство, борьба с которым гораздо труднее,

чем с азиатской холерой» и т. п. В конце речи оратор призывал всех к вооруженной борьбе. Затем из ложи третьего яруса другой неизвестный оратор произнес речь также противоправительственного характера и при этом высказался против вооруженной борьбы. Третьим говорил с галереи один из служащих местного железнодорожного телеграфа, известный под кличкой «Философ», который коснулся январских событий в Петербурге, вызванных рабочим движением, причем главным образом старался обрисовать мероприятия, принятые администрацией к подавлению беспорядков, закончив речь приблизительно словами «правительство расстреляло тысячи народа, но не расстреляло самого стремления к революции».

Далее выступил оратором сотрудник местной газеты «Поволжский край» — Лопуховский, который в крайне вызывающей речи приглашал к вооруженному сопротивлению против действий администрации. После него говорил сотрудник той же газеты Мовшович, коснувшийся исключительно Высочайших манифестов, которые он порицал.

Так как демонстранты бросились в пивные, во дворы, в рестораны и даже в первоклассный ресторан (гостиница) «Россия», то пришлось произвести аресты в этих публичных местах, что вызвало протесты и недовольство публики.

Всего арестовано было 41 человек. Из них 2 оратора, 22 известных полиции и жандармскому управлению лица и 17 пассивных участников демонстрации. В настоящее время разыскиваются остальные ораторы и, хотя их личности трудно установить, так как они, говоря, прятались за спины публики, но, по-видимому, розыск приходит к успешному результату. Из числа арестованных на другой день было освобождено 9 человек, а остальные подвергнуты мною нижеследующим взысканиям: 4 человека трехмесячному аресту, 15 — двухмесячному, 2 — двухнедельному, 5 — на 5 суток и 2 оштрафованы на 50 рублей каждый.

В оппозиционных кругах выстрелы в толпе приписывают войскам или переодетым жандармам, местные прокламации вызывают к вооружению граждан для нанесения последнего удара правительству.

Мое мнение, что выстрелы произвели ученики технического или реального училища. Вообще в городе идет усиленный сбор пожертвований на вооружение пролетариата, и ученики старших классов ходят часто с револьверами. Вследствие сего я издал обя-

зательное постановление о запрещении ношения оружия в г.г. Саратове, Царицыне и Вольске.

Я предвижу в скором времени всеобщую забастовку, ввиду чего во время возможных беспорядков мне нужно иметь законное право накладывать взыскания на лиц вооруженных, что достижимо лишь с изданием обязательного постановления. Сегодня уже забастовал один механический завод, с которого всегда начинаются забастовки.

Сильное также брожение началось среди учеников средних учебных заведений, которые могут также бросить занятия. Я прилагаю все усилия, чтобы предотвратить это, так как уличные демонстрации учащихся я считаю одним из самых для администрации опасных по последствиям проявлений общественного психоза.

Вообще в г. Саратове царит весьма приподнятое настроение, которое может во всякое время разразиться уличными беспорядками. Для возбуждения народных масс пушена, наряду с революционными прокламациями, масса листовок, якобы от лица монархистов, с угрозами избиения интеллигенции 25 сего марта. Листки идут от нелегальных кружков и злобно приписываются преосвященному Гермогену для возбуждения против него за его патриотические проповеди.

Даже учреждения правительственные, как Мариинское сельскохозяйственное училище, в совете, на который призваны были родители учащихся, заявляют об избиении учащихся, о черных сотнях и обращаются в Департамент земледелия с просьбой предупредить подобные факты. В печати такие постановления искажаются в том смысле, что совет заведения не ручается за целостность учащихся.

О настроении только что закончившегося чрезвычайного губернского земского собрания Ваше Высокопревосходительство имели возможность судить по донесению моему о приеме собранием депутации женщин. В последний день заседания толпою учащихся и интеллигентов была передана собранию жалоба на действия полиции при арестах во время театральной демонстрации. Петицию эту передал собранию балашовский уездный предводитель дворянства Унковский, и собрание передало ее председателю управы для направления прокурору. Так как ни одного пострадавшего во время арестов не было и заявлений о толчках полицейских поступило всего от двух лиц — интеллигентных женщин, принимавших участие в демонстрации, то, видимо, само со-

брание боялось попасть в смешное положение, заслушать петицию, но не принять ее не решилось, действуя под гипнозом третьего элемента.

Как иллюстрацию настроения саратовских земцев, прилагаю при сем розданный гласным управой протокол заседания частного совещания саратовских гласных, изданный в форме отношения управы к гласным. Из него Ваше Высокопревосходительство усмотрите, насколько интерес гласных поглощен исключительно политическими вопросами, причем едва ли взгляды гласных вполне во всем соответствуют взглядам населения, так что выборы представителей для предварительного рассмотрения законопроектов, если бы они состоялись непосредственно от населения, навряд ли сошлись бы с выборами земских собраний.

Все политические постановления собрания, не отвечающие указу Сенату от 18 февраля, как не представляющие из себя челобитных на имя государя императора, а представления на имя Вашего Высокопревосходительства, мною опротестованы, что вызовет, вероятно, еще большее возбуждение земцев.

Еще гораздо дальше земских собраний идут в суждениях своих различные ответственные группы. Недавно в Обществе взаимопомощи врачей лица из публики произносили крайние политические речи, то же повторилось 13 марта и в Санитарном обществе, о временном закрытии которого имею честь вместе с сим ходатайствовать особым представлением. Окончательное закрытие этого общества, имеющего крупную недвижимую собственность, долги, создавшее фельдшерскую школу, едва ли удобно. В настоящее время, до полного успокоения общества, необходимо лишь воспрещение собраний Общества. Возможно это было [бы] по п. 2 ст. 16 Положения об усиленной охране, но так как она в Саратовской губернии отменена, то я не вижу другого выхода, кроме временного закрытия Общества, так как собрания его посещаются чернорабочими, которые под влиянием слышанного готовы перейти ко всяким насилиям. Необходимо останавливать такого рода явления своевременно. Они перешли и в уезды. Привлечение ораторов к ответственности путем возбуждения дознания ничем не кончается, за неимением свидетелей, кроме полиции, и трудности установления преступности речей согласно новому Уголовному уложению⁵³¹. Приходится карать за нарушение моего обязательного постановления там, где возможно доказать незаконность самого собрания. Так, мною подвергнут аресту зубной врач Львович, собравший, помимо старшин, под своим предсе-

дательством политический митинг в Камышинском клубе, на котором кроме обычных резолюций об учредительном собрании, свободе слова, союзов и проч., было еще постановлено о прекращении войны.

Так как в настоящее время репрессия исходит исключительно от администрации, то против нее и полиции направлена злоба агитаторов и участвовавшие угрозы покушений.

В этом отношении в случае покушений также большое преимущество представляло бы Положение об усиленной охране, ст. 17, которой предоставляется министру внутренних дел передавать отдельные дела на рассмотрение военного суда.

Вообще настоящее переходное время представляется мне в виде такого болезненного процесса, для проведения которого без потрясения требуются и особые полномочия, особая бдительность, и напряжение власти, конечно, при условии крайне осторожного пользования ею.

Лучше предвидеть события, чем оправдывать усиление власти допущенным беспорядком.

Между тем, настоящее состояние деревни дает основание предвидеть возможность крестьянских беспорядков. Хотя я установил наблюдение во всех опасных пунктах и везде по мере возможности приняты будут предупредительные меры, но, долгом считаю поставить Ваше Превосходительство в известность, что никогда еще деревня не была так наводнена прокламациями, никогда еще так открыто не велась в ней пропаганда и никогда еще крестьяне не были так нервно настроены.

Достаточно указать на приложенную при представлении моем о приостановлении деятельности Санитарного общества резолюцию съезда врачей балашовского земства, в которой требуется освобождение и восстановление в правах лиц, пострадавших за крестьянские беспорядки. Однородно с этим предложение вольского земского врача Савастьянова крестьянам в подкомиссии по холере баллотировать вопрос о необходимости прирезки к их землям земель помещичьих и государственных (врач мною уволен). Столь же беззастенчива и пропаганда некоторых учителей. Есть даже случаи такой же пропаганды со стороны землевладельцев <1 нрзб.> в Сердобском уезде.

Немудрено, что деревня волнуется: были случаи составления приговоров о прирезке помещичьей земли (в Аткарском уезде около имения члена Государственного совета Дурново⁵³²), кое-где наблюдаются попытки массовых порубок в помещичьих и в одном случае

удельного леса и, главное, в местах, где крестьяне малоземельны, распространяются упорные слухи о захвате весной владельческих земель. Зачинщики везде подвергаются наказанию, и если своевременно прибудет к нам обещанный казацкий полк, я надеюсь поддержать и, во всяком случае, своевременно восстановить повсеместно в губернии порядок.

Губернатор П. Столыпин

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 6822. Л. 6–9. На бланке саратовского губернатора.
Черновик. Машинопись. Копия.*

Письмо А.Г. Булыгину

8 мая 1905 г.

Господину министру внутренних дел.

В дополнение к представлению моему от <пропущено автором> за № <пропущено автором> имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству о результатах моего расследования мною была * о составлении Ивановским 2-ым сельским обществом приговора с требованиями о прекращении войны, о скорейшем созыве народных представителей, о том, чтобы земля была общею как воздух и вода и т. п. Останавливаю я внимание Вашего Превосходительства на этом деле, потому что оно является типичным результатом продолжительной и удачной революционной агитации в сельской местности, к чему направлены теперь все усилия местных революционных деятелей.

Ивановка 2-ая, расположенная в 18 верстах от Балашова, была известна предшественникам моим и мне, как объект деятельности б[ывшего] крестьянина этого села, разбогатевшего и вышедшего в частные поверенные А.П. Осологова, который никогда не порывал связи со своим родным селом, построил там просторное училище, народный дом, постоянно вел разные дела крестьян и даже, как говорят, нажил на этом немалые деньги, но тем [не] менее завоевал себе в этой местности громадное, а среди молодежи даже преобладающее влияние.

Когда я вступил в управление губерниею, этому Осологову, за довольно смелую и открытую пропаганду, было только

* Так в тексте.

что перед этим воспрещено жительство в Саратовской губернии, но за время своего пребывания в Борисоглебском уезде соседней Тамбовской губернии он все время поддерживал сношения с Ивановкою.

Осенью настоящего года, перед снятием в Саратовской губернии Положения об усиленной охране, Осологову было разрешено возвращение в Саратовскую губернию. С этого времени, поселившись вновь в Балашове и редко сам показываясь в Ивановке, он является главным советчиком крестьян и действует через преданную ему группку крестьян и через учителей министерской школы.

Следует заметить, что на школу эту было обращено особенное внимание дирекцією и инспекцією народных училищ. Туда были назначены лучшие учителя, но в течение двух лет они всецело подпали под влияние балашовских крайних деятелей, особенно уволенного учителя Апполова, перешедшего на службу балашовского земства, и его единомышленника Осологова. Это было известно инспектору, и он временно терпел там незваных учителей, главным образом потому, что подыскание надежных лиц является в настоящее время делом затруднительным.

Благоприятную почву для пропаганды создала для Ивановки 2-ой и мобилизация, повторявшаяся в Балашовском уезде 7 раз и не коснувшаяся некоторых соседних уездов (я своевременно ходатайствовал, но безуспешно, о замене при последней мобилизации Балашовского уезда другим), а также то обстоятельство, что все частное землевладение кругом в руках купцов, всячески эксплуатирующих сельское население и доведших арендные цены на земли до крайних пределов. Противовеса всем этим вредным влияниям не существует, так как земский начальник призван на военную службу, и ввиду того, что в Балашовском уезде их призвано 4 человека, то участком заведует соседний земский начальник, мало знакомый с населением и не имевший возможности посвятить достаточно времени делам отдаленного общества. К тому же, при принятии им участка в свое заведование, обнаружилась растрата <1 нрзб.> общественных сумм, сильно озлобившая общество.

На почве всех этих неблагоприятных условий плоды пропаганды должны были созреть гораздо скорее, чем в других местах, и сказались <1 нрзб.>, с одной стороны в помянутом приговоре, с другой стороны, в целом ряде покушений на собственность соседних землевладельцев. Так, за два последних месяца разновре-

менно увезено по ночам у землевладельцев 23 стога сена, <1 нрзб.> мякины, <1 нрзб.> ловля рыбы во владельческих прудах, прорытие плотин и, наконец, даже увод скота. Ввиду солидарности крестьян, никакие полицейские меры не могут оказать на них влияния, виновные, за редкими исключениями, объявились необнаруженными, дерзость краж дошла до того, что 19 апреля в народном доме, после чтения о холере, хор крестьян, по просьбе присутствующих, пел нелегальные песни, не стесняясь присутствия пристава и урядника, служащий земства Апполов читал рассказ об убийстве девушки, совершенном следователем и доктором после гнусного над нею насилия, крестьяне говорили речи против духовенства и полиции. На дворе перед народным домом стреляли из револьверов. О чтении полиция не была предупреждена, и случайно находившийся в доме пристав не имел средств прекратить незаконные действия разошедшейся толпы. События такого рода всегда возможны в Балашовском уезде, ввиду полного сочувствия агитаторам со стороны предводителя дворянства (председатель комитета трезвости), председателя управы и вообще влиятельных общественных сил.

Выехав в Ивановку 2-ую и проверив собранные местною полициею сведения, я пришел к убеждению, что приговор составлен местными учителями, согласно указаниям Осологова, и писан сельским писарем, молодым человеком, близким Осологову, обещавшему взять на себя всю ответственность по этому делу.

Несомненность этого подтвердилась поручением мне местного священника, жена которого, заведующая чайной комитета трезвости, была в народном доме, когда учителя составляли приговор и читали его самым преданным им 18-ти крестьянам и сельскому писарю, который потом по домам собирал подписи под ним отдельных крестьян. Из боязни мщения, жена священника просила лишь не привлекать ее к формальному дознанию. Агентурным путем добыты те же сведения, причем дознано, приговор возили на поправку Осологову. Детали этого дела не могут, конечно, иметь значения для Вашего Высокопревосходительства, но весьма характерно и поучительно отношение к нему со стороны крестьян.

Я впервые натолкнулся на замкнутую, вполне солидарную крестьянскую массу, фанатически верующую в грядущий социалистический порядок землепользования, причем новое учение, по видимому, заняло место прежних идеалов, так как усердие к церкви заменилось полным равнодушием, авторитет царской власти не является уже чем-то незыблемым и осязательно проявляется лишь

недоверие к тому, чтобы правительство сделало что-либо для улучшения крестьянского быта.

Я говорил со сходом два дня: в первый день я вполне ясно доказал крестьянам, что они не могут уверить меня, будто приговор писали они. Во-первых, сельский писарь не сумел в достаточно грамотной форме вновь изложить содержание приговора, затем крестьяне и сами не помнили его содержания. Так, относительно нежелательности церковно-приходских школ со славянским языком они согласились с тем, что у них таковой нет, и написано это по недоумению. Что касается прекращения войны и общности земли, то они находили пожелания эти законными и на разъяснения мои о прерогативах в первом вопросе царской власти и о неоднократных подтверждениях с высоты престола о неизблемости прав частной собственности, упорно отмалчивались. В заключение, видимо для формы, некоторые просили прощения, объясняя все недоумением.

Я дал крестьянам срок до следующего дня, если они пожелают составить приговор о том, что первый приговор составлен был по недоразумению, и назвать лиц, составивших его. Я полагал, что они в общих выражениях выскажут сожаление, хотя бы о резкостях против правительства и начальства, допущенных в первом приговоре. Вместо этого я на следующий день встретил совершенно спокойное заявление, что сход во всем подтверждает первый приговор и во всех частях его поддерживает.

Передо мною стояла необходимость оказать воздействие на упорствующих крестьян, так как иначе санкционировано было бы открытое порицание властей и духовенства, сношение сходов, помимо администрации, через губернскую земскую управу с министерством и проповедь земельного коммунизма, уже проводимого в жизнь посредством захвата чужой собственности.

Я решил применить в данном случае свое обязательное постановление о недозволенных сборищах, так как сход по данным вопросам не мог считаться законным, ссылка же на рескрипт от 18 февраля⁵³³ не могла иметь никакого значения, так как сход не обращался, согласно Указу Сенату от 18 февраля, на Высочайшее имя через <1 нрзб.> министров, а через губернскую земскую управу министр <1 нрзб.>.

Вследствие сего я подверг месячному аресту <пропущено автором>, а сельского писаря двухмесячному. Большинство арестованных участвовало, по сведениям полиции, в увозе стогов.

Аресты произведены без всякого сопротивления, благодаря, быть может, присутствию казаков.

Вполне сознавая, что арест на месяц не задержит пропаганды, я просил директора народных училищ уволить 2 из учителей и 1 перевести.

Управляющего акцизными сборами я просил уволить помощника заведующего балашовским винным складом, уговаривавшего крестьян петь нелегальные песни.

От уездной земской управы потребую увольнения вышеупомянутого Апполова, который зимою еще, по сведениям жандармского управления, рассылал учителям в земских школах послания Гапона⁵³⁴. Прокурорский надзор едва ли возбудит какое-либо преследование по этому делу, так как даже в таких нелегальных делах трудно путем свидетельских показаний установить состав преступления.

Наряду с репрессивными мерами, я счел необходимым вызвать к себе окрестных купцов-землевладельцев и старался убедить их несколько облегчить весьма тяжелые условия аренды земли, что они мне и обещали.

Описанное мною настроение крестьян захватывает многие части Саратовской губернии и особенно Балашовского уезда.

В Ивановке 2-ой оно более интенсивно: тут как будто приподняты край завесы, и видна картина близкого будущего, если не приняты будут меры к земельному переустройству крестьянской массы.

В этом деле интересна еще одна сторона — это право сельских и волостных сходо́в обсуждать, согласно Указу 18 февраля, вопросы государственного благоустройства и народного благосостояния. В данном случае я мог признать сход незаконным сходбищем, так как он формально неправильно направил свои ходатайства. Но я полагаю, что теперь будет вестись агитация, чтобы сельские сходы, собирающиеся по закону <1 нрзб.> разрешения земских начальников заявляли через Совет министров ходатайства приблизительно такого же характера, как и Ивановка 2-ая.

Несомненно, что такая агитация и приговоры поведут за собою учащенные покушения на собственность землевладельцев.

Между тем, в настоящее время весьма усилились поджоги, а в некоторых местах ведутся открытые разговоры о насилиях над усадьбами и назначаются для этого даже дни. В три пункта при-

шло отправить кавалерийские части (имение графа Воронцова-Дашкова Б. Екатериновка, Николаевский городок и Б. Дмитриевка – имение Дурново). Появление кавалерии предупредило беспорядки, а в имении Дурново полсотни стоит до сего времени, так как происшедшая там забастовка с[ельско]хоз[яйственных] рабочих имела довольно беспокойный характер (описать в нескольких словах по рапорту исправника эту стачку).

Ввиду циркулярного распоряжения Вашего Высокопревосходительства, я в настоящее время не обращаюсь с просьбами к высочайшему начальству о военных прогулках, но убежден, что <1 нрзб.> в Саратовской губернии предупредили подготовленные в некоторых местах беспорядки, и в случаях безусловной необходимости принужден буду, для предупреждения насилий, обращаться в крайности к этой мере.

Что касается г. Саратова, то начавшаяся 2-го мая забастовка продолжается еще до настоящего времени, и требуется полное напряжение всех сил гарнизона для предупреждения насилий со стороны коноводов стачки. Я надеюсь, что газета начнет выходить с 10 числа и что к тому времени начнут работать некоторые фабрики и железнодорожные мастерские. Так как Управление железной дороги и фабрика вывешивали объявления к рабочим и устанавливали сроки для начала работ, то я первые дни стачки не препятствовал рабочим собираться в загородной роще против железнодорожных мастерских для переговоров между собою. Но ввиду того, что там началось произнесение политических речей и раздача прокламаций, причем некоторые рабочие и исключенные из учебных заведений молодые люди начали даже собираться в центре города и начали насильно закрывать магазины, то я принужден был прекратить деятельность этих собраний и за нарушения моего обязательного постановления о собраниях подвергнуть 16 человек зачинщиков аресту от двух недель до 3 месяцев.

В городе порядок во все время не нарушался. В случае дальнейшего упорства рабочих возможно закрытие нескольких заводов и даже железнодорожных мастерских.

*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.
Оп. 1. Д. 6896. Л. 491–495об., 497.
Черновик. Рукопись. Автограф.*

Письмо Е.О. Шмиту⁵³⁵

1907 г.

Вх. 7547. Копия

Доверительно

Милостивый государь Евгений Оттович.

Вследствие письма от 26 минувшего мая считаю долгом уведомить Ваше Высокопревосходительство, что применение к членам Государственной думы, хотя бы и левых партий, предположенной Вами на основании исключительных прав административной высылки из края немедленно по прибытии их туда представляется, по моему мнению, совершенно невозможным, так как такая мера несомненно явилась бы поводом к нежелательному возбуждению как в обществе, так, в частности, среди членов Государственной думы, и даже послужила бы основанием для думского запроса. Ввиду сего единственное, что можно было бы сделать в данном случае, это установить за деятельностью членов Думы по прибытии их в край тщательное наблюдение, в случае проявления ими незаконных действий, возбуждать вопрос об ответственности виновных с соблюдением существующих на сей предмет указаний (циркуляр 24 февраля 1907 г. № 224, циркулярная депеша 16 апреля 1907 г. № 235 и 1 июня 1907 г. № 804 и резолюция Правительствующего Сената от 22 мая 1907 г. № 54).

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Подписал: П. Столыпин

ГАРФ. Ф. 102. IV д-во. Д. 119. Ч. 15. Л. 28.

На бланке министра внутренних дел. Машинопись.

Письмо А.Н. Куропаткину

30 марта 1907 г.

Милостивый государь Алексей Николаевич.

Если Вы свободны в воскресенье в 2 часа дня, то я буду Вас ждать и с удовольствием побеседую по интересующему Вас вопросу.

Примите уверение в искреннем уважении моем и совершенной преданности.

П. Столыпин

30 марта 1907 [г.]

РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3739. Л. 1.

На бланке председателя Совета министров. Рукопись.

ПИСЬМО А.Ф. РЕДИГЕРУ

26 октября 1907 г.

Милостивый государь Александр Федорович.

Обсудив в заседании 23 сего октября возбужденный министром путей сообщения⁵³⁶ вопрос о том, в каком количестве экземпляров необходимо вносить в Государственную думу третьего созыва представления ведомств и из какого источника покрывать расходы на печатание означенных представлений, Совет министров признал, что представления эти должны быть вносимы в Думу, как то было установлено журналом Совета министров 8 декабря 1906 г., в количестве 800 экземпляров, а потребные на печатание их средства надлежит изыскивать в пределах сметных по ведомствам ассигнований и ожидаемых от них остатков.

Сообщая о сем Вашему Высокопревосходительству, прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

№ 5904

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70489. Л. 30.

На бланке председателя Совета министров. Машинопись.

ПИСЬМО А.Ф. РЕДИГЕРУ

31 октября 1907 г.

Милостивый государь Александр Федорович.

Обсудив возбужденный в Совете министров вопрос о порядке внесения ведомствами во вновь собранную Государственную думу законодательных представлений, внесенных уже на уважение Государственной думы второго созыва, но оставшихся в ней не рассмотренными, Совет остановился на следующих заключениях:

1. Относительно законопроектов, представленных в Государственную думу второго созыва в общем законодательном порядке (Осн. гос. зак., изд. 1906, ст. 86), главным начальникам ведомств надлежит войти в сношение с председателем новой Государственной думы, прося его представить означенные законопроекты вновь на рассмотрение Государственной думы. При этом надо отметить, остаются ли эти законопроекты без изме-

нений или же ведомства находят нужным внести в них некоторые изменения и какие именно (форма отношения по этому предмету к председателю Государственной думы при сем прилагается, форма № 1⁵³⁷).

2. Относительно представлений, внесенных в Государственную думу второго созыва в оправдание мер, принятых по статье 87 Основных государственных законов изд. 1906, главным начальникам ведомств следует просить председателя Государственной думы назначить их вновь к рассмотрению Государственной думой. При этом точно так же необходимо отметить, поддерживает ли ведомство означенные представления в том виде, в каком они внесены или же считает нужным в чем-либо изменить их и в чем именно (форма отношения по этому предмету к председателю Государственной думы прилагается, форма № 2⁵³⁸).

Сообщая о сем, прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70489. Л. 34.

На бланке председателя Совета министров. Копия.

ПИСЬМО А.Ф. РЕДИГЕРУ

1 ноября 1907 г.

Милостивый государь Александр Федорович.

В дополнение к письму моему от 26 октября № 5904, имею честь сообщить, что Совет министров, коснувшись в заседании 30 минувшего октября вопроса о том, в каком количестве экземпляров необходимо вносить в законодательные учреждения представления ведомств, признал, что общее число заготавливаемых печатных экземпляров таковых представлений должно быть определено в 800, из коих 550 подлежит внесению в Государственную думу, а 250 в Государственный совет.

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70489. Л. 37.

На бланке председателя Совета министров. Машинопись.

ПИСЬМО А.Ф. РЕДИГЕРУ

1 ноября 1907 г.

Милостивый государь Александр Федорович.

Во время минувших сессий Государственной думы товарищи министров, директора департаментов и другие чины центральных ведомств, являвшиеся в заседания Государственной думы, занимали места в министерской ложе, причем иногда количество этих должностных лиц было столь значительно, что в ложе не оставалось свободных мест для некоторых министров и главноуправляющих. В устранение возникших отсюда неудобств и по руководству Высочайше утвержденными 18 октября сего года правилами об охране порядка в помещении Государственной думы и о допущении в заседания Думы посторонних лиц (Собр. узак. 1907 г., № 170) я признаю необходимым установить на будущее время нижеследующий порядок допуска означенных должностных лиц в заседания Думы и размещения их в отведенных правительству ложах.

Товарищи министров имеют постоянные билеты для входа в помещение Государственной думы через павильон министров. В зале заседания министры и главноуправляющие размещаются в особо назначенной для них ложе, а товарищи их в боковой ложе по правую сторону от председателя Государственной думы, в которой каждому из них отводится определенное кресло. В том же случае, когда товарищ министра заменяет министра в Государственной думе или дает в ней разъяснение, он занимает место в ложе, предназначенной для министров.

Прочие должностные лица, присутствие которых в заседаниях Государственной думы на случай представления объяснений признают необходимым министры и главноуправляющие (Высоч. утв. 18 окт. сего года правила. Ст. 12), помещаются в названной выше боковой ложе за креслами товарищей министров. Означенные должностные лица получают билеты от заведующего охраной Таврического дворца и проходят на свои места через главный подъезд дворца на Шпалерной улице. Доступ же в павильон министров разрешается этим лицам лишь по особому требованию министров и главноуправляющих отдельными частями, обращенному к заведующему павильоном чиновнику особых поручений⁵³⁹, которому, Ваше Высокопревосходительство, не откажите также передавать указания о чинах вверенного Вам ведомства, командируемых на заседания Государствен-

ной думы на предмет выдачи им билетов. На обязанности названного чиновника особых поручений лежит также указание командируемым в зал заседаний должностным лицам отведенных для них мест.

При этом ввиду недостаточности мест в ложе желательно командирование Вами в каждое заседание Государственной думы только тех должностных лиц, присутствие которых в этом заседании действительно необходимо, потому они и будут снабжаться билетами для входа на определенные заранее дни. Выдача же настоящих входных билетов может быть допущена только в исключительных случаях для особо указанных Вами чинов, в числе по возможности не более двух от ведомства.

Помимо сего, ввиду устранения Высочайше утвержденными 18 октября сего года правилами из помещений, отведенных для членов Государственной думы, посторонних лиц, в т. ч. и представителей печати, я признаю необходимым, чтобы чины центральных ведомств, за исключением, конечно, министров и их товарищей, воздерживались от посещения без крайней в том необходимости означенных помещений.

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в совершенном почтении и преданности.

Подписал: П. Столыпин

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70489. Л. 46–47.

На бланке председателя Совета министров. Копия.

Письмо А.А. Поливанову

4 января 1909 г.

Милостивый государь Алексей Андреевич.

В текущем январе месяце в г. Санкт-Петербурге созывается съезд неперменных членов губернских присутствий для обсуждения вопросов, касающихся крестьянского землеустройства и других, изложенных в препровождаемой при сем программе.

О командировании для участия в заседании означенного съезда представителей от центральных управлений Министерством внутренних дел уже сделаны соответственные сношения. Независимо сего, долгом считаю обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой, не признаете ли возможным лично почтить своим присутствием заседание помянутого съезда.

Первое заседание съезда назначено 10 сего января в 9 часов вечера в помещении Совета по делам местного хозяйства (Морская ул., д. 61).

Примите уверение в моем отличном к Вам уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 20. Л. 27.

На бланке председателя Совета министров. Машинопись.

ПИСЬМО А.Н. КУРОПАТКИНУ

12 апреля 1910 г.

Милостивый государь Алексей Николаевич.

Принося Вам выражение моей искренней благодарности за присланные мне экземпляры Ваших трудов, покорнейше прошу Вас не отказать заехать ко мне в среду 14 текущего апреля в 2 часа дня, чтобы поговорить по затронутым в Вашей книге вопросам.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

12 апреля 1910 г.

РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3739. Л. 3. Машинопись.

ПИСЬМО А.Н. КУРОПАТКИНУ

1911 г.

Милостивый государь Алексей Николаевич.

Просматривая свои бумаги, я усмотрел, что до настоящего времени не поблагодарил Вас за полученную еще в конце прошлого года от В.Н. Коковцова интересную записку Вашу по поводу новых ассигнований на армию и флот⁵⁴⁰. Не знаю, была ли эта записка в руках министров военного и морского⁵⁴¹, но если Вы ее дали на прочтение лишь В.Н. Коковцову и мне, то не разрешите ли мне снять с нее две копии для вышеназванных двух министров.

Принося Вам сугубую благодарность за весьма поучительную работу Вашу, прошу Вас принять уверение в совершенном моем к Вам уважении и преданности.

П. Столыпин
Колноберже

РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3739. Л. 2. Рукопись.

ЗАПИСКА С.Н. СЫРОМЯТНИКОВУ⁵⁴²

12 марта 1911 г.

Записка для памяти от министра внутренних дел⁵⁴³

Конец кризиса по поводу земства в Западном крае.

1. Государь всецело одобряет национальную политику.

2. Государь узнал, что препятствия создаются искусственно.

Препятствия эти устранены.

3. Одновременно ясно, что все толки о том, что какая-то закулисная руководящая роль принадлежит реакции, неверны.

4. Законопроект акта: прошел через Государственную думу, через комиссию Государственного совета, через общее собрание (переход к постатейному чтению) и [все] рушилось на интриге.

5. В порядке инициативы новое прохождение закона не имеет шансов пройти до лета в общем положении. Западный край останет[ся] смущен и нравственно потрясен.

6. Государь это понял и положил предел колебаниям.

7. Права палат не нарушены, так как всякие поправки могут быть внесены при прохождении дела по ст. 87.

РГАЛИ. Ф. 1757. Оп. 2. Д. 6. Л. 4. Рукопись. Подлинник.

ПИСЬМО С.Н. СЫРОМЯТНИКОВУ

8 июня 1911 г.

Милостивый государь Сергей Николаевич.

Прошу Вас, милостивый государь, принять и передать Вашим ближайшим сотрудникам мои поздравления с пятилетним существованием редактируемой Вами газеты «Россия». Высоко ценю издательские труды по названной газете. Мне в особенности приятно отметить тот период ее существования, когда в го-

дину лихолетья она с успехом боролась с антиправительственными выступлениями левой печати.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

П. Столыпин

№ 3526

8 июня 1911 г.

РГАЛИ. Ф. 1757. Оп. 2. Д. 6. Л. 5а.

На бланке председателя Совета министров. Машинопись.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ П.А. СТОЛЫПИНА

ДОНЕСЕНИЕ В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОТ 10 АПРЕЛЯ 1909 г.

На интимном обеде председателя Государственной думы с представителями центральных фракций в роли докладчиков выступили Балашев⁵⁴⁴ и Крупенский, изложившие сущность переговоров, происходивших в последние дни между ними, некоторыми членами Государственного совета и представителями придворных кругов в целях упрочить положение П.А. Столыпина и указать политические последствия, которые повлекло бы за собой падение кабинета П.А. Столыпина⁵⁴⁵. Переговоры выяснили, что положение П.А. Столыпина вовсе не так тревожно, как рисует его русская и иностранная печать. Вопрос совершенно потерял ту остроту, которая была ему присуща во время Страстной недели. Вопрос о штате Морского Генерального штаба будет разрешен при непосредственном участии П.А. Столыпина. Из обмена мнений выяснилось, что Государственной думе как учреждению наиболее целесообразно не принимать никакого участия в дальнейшем движении этого дела и в то же время всемерно устранять со своего пути все такие дела, при обсуждении которых могли бы возникнуть в ближайшее время сомнения относительно широты прерогатив верховной власти. Обед закончился сердечными уверениями в сплоченности центра, в обоюдном желании совместной работы как со стороны октябристов, так и умеренно правых и в полной готовности поддержать во всех случаях избранных большинством членов президиума. Провозглашался и лозунг изоляции правых, но по поводу этого последнего лозунга сведения так разноречивы, что возникает вопрос в достоверности этого лозунга.

Ротмистр

ГАРФ. Ф. 102. IV д-во. Д. 119. Ч. 15. Л. 27.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ По всей видимости, А. А. Столыпин ошибается. Архитектор усадьбы неизвестен. Но некоторые исследователи полагают, что им был Иван Егорович Старов (1745–1808), один из основоположников русского классицизма, архитектор Таврического дворца в Санкт-Петербурге.
- ² Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – поэт.
- ³ Арсеньева Елизавета Алексеевна (урожд. Столыпина) (1773–1845) – бабушка М.Ю. Лермонтова.
- ⁴ Столыпин Аркадий Дмитриевич (1821–1899) – генерал от артиллерии, генерал-адъютант, тайный советник, шталмейстер (с 1877 г.). Атаман Уральского казачьего войска. Участвовал в венгерской кампании 1849 г. и в Крымской войне 1853–1856 гг., в ходе которой стал адъютантом командующего русской армией князя М.Д. Горчакова. Во время Крымской войны подружился с Л.Н. Толстым. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., был назначен комендантом Восточной Румелии. В последние годы жизни – комендант Кремлевских дворцов в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.
- ⁵ А. А. Столыпин ошибается. И.Г. Фирсанов купил имение Средниково в 1869 г.
- ⁶ Фирсанов Иван Григорьевич (1817–1881) – купец первой гильдии, меценат, председатель Сиротского суда. Владелец Сандуновских бань в Москве.
- ⁷ Фирсанова Вера Ивановна (в замужестве Гонцекая) (1862–1934) – дочь И.Г. Фирсанова. Инициировала строительство Петровского пассажа в Москве (построен в 1906 г.). Умерла в эмиграции, в Париже.
- ⁸ Столыпин Михаил Аркадьевич (1859–1882) – старший сын А.Д. Столыпина от второго брака (с Н.М. Горчаковой). Прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Убит на дуэли с И.Н. Шаховским.
- ⁹ Столыпина Мария Аркадьевна (1861–1923) – сестра П.А. Столыпина. Замужем за В.А. Офросимовым.
- ¹⁰ Имеется в виду П.А. Столыпин.
- ¹¹ А. А. Столыпин ошибается: А.Д. Столыпин был моложе М.Ю. Лермонтова на семь лет.
- ¹² Столыпин Алексей Аркадьевич («Монго») (1816–1858) – двоюродный дядя и друг М.Ю. Лермонтова. С 1835 г. – лейб-гусар. Секундант поэта на дуэли с Н.С. Мартыновым. М.Ю. Лермонтов посвятил «Монго» одноименную поэму. Умер во Флоренции. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге.
- ¹³ Столыпин Дмитрий Аркадьевич (1818–1893) – автор трудов по сельскому хозяйству, философии, социологии, композитор-любитель, двоюродный дядя и друг

М.Ю. Лермонтова. Последователь О. Конта. Участник войны на Кавказе, Крымской войны 1853–1856 гг.

¹⁴ Воейкова (урожд. Игнатъева) Прасковья Александровна – дочь от первого брака Екатерины Аркадьевны Столыпина (урожд. Анненковой), жена Д.А. Столыпина, сводная сестра А.Д. Столыпина. Была знакома с М.Ю. Лермонтовым. Посещала уроки танцев у Иогеля, где встречала поэта.

¹⁵ Шан-Гирей (урожд. Клинберг) Эмилия Александровна (1815–1891) – падчерица генерала П.С. Верзилина, в доме которого произошла ссора между М.Ю. Лермонтовым и Н.С. Мартыновым. Замужем за А.П. Шан-Гиреем.

¹⁶ Речь идет о террористическом акте 12 августа 1906 г., направленном против П.А. Столыпина, в результате которого 27 человек было убито, а 32 ранено. Были тяжело ранены дочь (Н.П. Столыпина) и сын П.А. Столыпина. Сам П.А. Столыпин не пострадал.

¹⁷ Елагинский дворец был построен в 1818–1822 гг. Архитектор – К.И. Росси.

¹⁸ Богров Дмитрий Григорьевич (Мордехай Гершкович) (1887–1911) – сотрудник Киевского охранного отделения (с 1906 г.), которое информировал о деятельности эсеровских, социал-демократических и анархистских организаций. 1 сентября 1911 г. в Оперном театре Киева смертельно ранил П.А. Столыпина. Согласно приговору военно-окружного суда был повешен.

¹⁹ Юсупова-Сумарокова-Эльстон Зинаида Николаевна, княгиня (1869–1939) – помощница попечительницы 1-й Васильевской школы Императорского женского патриотического общества в С.-Петербурге, помощница попечительницы петербургского приюта «В память 19 февраля 1861 г.». Мать Ф.Ф. Юсупова, участвовавшего в убийстве Г.Е. Распутина.

²⁰ Подмосковная усадьба кн. Юсуповых.

²¹ Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт.

²² Александр III (1845–1894) – российский император в 1881–1894 гг.

²³ Мария Федоровна (урожд. Луиза Фредерика Дагмара) (1847–1928) – российская императрица, жена Александра III, мать Николая II.

²⁴ Вероятно, имеется в виду Волконская Елизавета Михайловна (1843–1921), с 1864 г. жена А.А. Куракина (1845–1936).

²⁵ Речь идет о ночи со 2 на 3 июня 1907 г. П.А. Столыпин принял С.Н. Булгакова, В.А. Маклакова, П.Б. Струве, М.В. Челнокова.

²⁶ Анастасия Николаевна (Стана) (1868–1935) – великая княгиня, жена великого князя Николая Николаевича, дочь короля Черногории Николая I.

²⁷ Милица Николаевна (1866–1951) – великая княгиня, жена великого князя Петра Николаевича, дочь короля Черногории Николая I.

²⁸ Т. е. стилизованная под античный интерьер (имеется в виду стиль Помпей).

²⁹ Император Николай I (1796–1855).

³⁰ Белосельский-Белозерский Сергей Сергеевич, князь (1895–1978) – общественный деятель. В 1914 г. окончил Пажеский корпус. В 1914–1917 гг. на военной службе. В 1917 г. эмигрировал в Финляндию, затем последовательно переезжал в Англию, во Францию, в США (Нью-Йорк). В 1945 г. участвовал в создании Русско-американского союза защиты и помощи русским вне СССР. Основатель Российского антикоммунистического центра, переименованного впоследствии во Всероссийский комитет освобождения (1950).

³¹ Ольденбургский Александр Петрович, принц (1844–1932) – военный и государственный деятель. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета, сенатор, в 1885–1889 гг. командир гвардейского корпуса. В 1914–1917 гг. главноначальствующий санитарной и эвакуационной частью.

³² Бухарский эмир Алим-хан (1880–1944) – правитель Бухарского эмирата в 1911–1920 гг. В 1920 г. эмигрировал в Афганистан.

³³ Хивинский хан Исфандийар-хан (1871–1918) – правитель Хивинского ханства в 1910–1918 гг.

³⁴ А.П. Столыпин ошибается: это случилось в один месяц, в мае 1911 г.

³⁵ Этот прием состоялся 31 января 1910 г.

³⁶ П.А. Столыпин принял Бухарского эмира в мае 1911 г.

³⁷ П.А. Столыпин принял Хивинского хана в мае 1911 г.

³⁸ Столыпина Наталья Петровна (1891–1949) – дочь П.А. Столыпина. Замужем за князем Ю.Н. Волконским. Скончалась во Франции.

³⁹ Столыпина Ольга Петровна (1895–1920) – дочь П.А. Столыпина.

⁴⁰ Здание Министерства внутренних дел на Мойке.

⁴¹ Мария (1885–1985), Наталья (1891–1949), Елена (1893–1985), Ольга (1895–1920), Александра (1897–1987), Аркадий (1903–1990).

⁴² 21 июля 1905 г. имел место так называемый «балашовский инцидент», который был описан самим П.А. Столыпиным следующим образом: «Вчера, 21 июля, в Балашове случилось печальное происшествие. Обыватели города, озлобленные против медицинского персонала, оставившего службу в земстве, собрались в количестве 2000 лиц против гостиницы, где происходило совещание врачей и посторонних лиц, из окон которой раздавалось пение незволенных песен, и угрожали расправиться с ними самосудом. Хотя при появлении моем толпа, в передних рядах которой держали портрет государя императора, пропев народный гимн, обещалась мне не прибегать к насилию и, казалось, удовлетворилась моим обещанием переписать находящихся в гостинице лиц и в случае их виновности возбудить против них судебное преследование, но когда я лично выводил из гостиницы врачей, укрывавшихся в номерах, в подвале и на чердаке, для препровождения их под конвоем казаков на вокзал железной дороги, некоторые лица из толпы начали бросать в них камнями, причем я лично получил повреждение пальца, и мне с большим трудом удалось оградить уезжавших от разошедшейся толпы. За препровождением на вокзал толпа разгромила дом бывшего частного поверенного Фелогова и купца Тараксина, избива врачей Шмелева и Невзорова, попавшихся ей на улице» (*Саратовские губернские ведомости. Официальная часть. 24 июля. 1905. № 55. С. 1*).

⁴³ 6 марта 1907 г. П.А. Столыпин во время прений в Государственной думе произнес следующие слова: «За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ пред историей. Я убежден, что та часть Государственной Думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более. Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: “Не запугаете”» (*П.А. Столыпин. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 64*).

⁴⁴ П.А. Столыпин служил Петербурге с 1884 по 1889 г.

- ⁴⁵ Предводителем дворянства Ковенского уезда П.А. Столыпин стал в 1889 г.
- ⁴⁶ Имеется в виду имение Колноберже.
- ⁴⁷ Видимо, А.П. Столыпин путает Амурскую железную дорогу с КВЖД.
- ⁴⁸ А.П. Столыпин ошибается: конечным пунктом Амурской железной дороги должен был стать Хабаровск.
- ⁴⁹ Речь идет о правой группе Государственного совета во главе с П.Н. Дурново и В.Ф. Треповым.
- ⁵⁰ Речь в данном случае идет об учреждении земства в Западном крае в 1911 г., против чего резко возражали правые в Государственном совете, а Николай II был склонен с ними согласиться. Лишь угрожая своей отставкой, П.А. Столыпин добился проведения этой меры в чрезвычайно-указном порядке.
- ⁵¹ А.П. Столыпин ошибается: П.А. Столыпин был назначен министром внутренних дел 26 апреля 1906 г., т. е. за день до начала работы I Думы. Председателем же Совета министров он стал 8 июля 1906 г., т. е. в день подписания указа о роспуске Думы первого созыва.
- ⁵² Речь идет об избирательном законе 11 декабря 1905 г.
- ⁵³ А.П. Столыпин ошибается: 64% депутатских мест приходилось на русских, украинцев, белорусов.
- ⁵⁴ Речь идет об избирательном законе 3 июня 1907 г., который был введен в действие без санкции законодательных учреждений. Именно поэтому данный акт правительства получил в публицистике наименование «третьеиюньского переворота».
- ⁵⁵ А.П. Столыпин, вероятно, имеет в виду не численность населения, а состав Государственной думы.
- ⁵⁶ Избирательный закон 3 июня 1907 г. изменил не только национальный, но и социальный состав Думы. Крупные землевладельцы получили заметное преимущество при выборах депутатов.
- ⁵⁷ III Государственная дума работала с 1907 по 1912 г.
- ⁵⁸ Торжества в Киеве были посвящены открытию памятника императору Александру II.
- ⁵⁹ Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг.
- ⁶⁰ Речь идет о 2-й Тихоокеанской эскадре, совершившей переход из Балтийского моря на Дальний Восток. Она была разбита при Цусиме 14–15 мая 1905 г.
- ⁶¹ Это цитата из выступления П.А. Столыпина 10 мая 1907 г. в Государственной думе, посвященного устройству быта крестьян и праву собственности.
- ⁶² Бок Борис Иванович, фон (1879–1955) – муж М.П. Столыпиной. Капитан 1 ранга, военно-морской атташе России в Германии. Скончался в США, в Сан-Франциско.
- ⁶³ Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997) – писатель.
- ⁶⁴ Солженицын Александр Исаевич (р. в 1918) – писатель, мыслитель, публицист, общественный деятель. Окончил физико-математический факультет университета в Ростове-на-Дону. В 1943–1945 гг. участвовал в Великой Отечественной войне. В 1945–1953 гг. заключенный ГУЛАГа. Реабилитирован в 1957 г. В 1969 г. исключен из Союза писателей СССР. В 1970 г. получил Нобелевскую премию по литературе. С 1974 г. в эмиграции. До 1976 г. – в Цюрихе, затем в штате Вермонт, США. В 1994 г. вернулся в Россию.
- ⁶⁵ «Красное колесо» – многотомная историческая эпопея А.И. Солженицына.
- ⁶⁶ Имеется в виду Макаренко Александр Сергеевич (1861–1932) – военный деятель, генерал-лейтенант (с 1911 г.). С 1908 г. помощник начальника, а с 1911 г. начальник и главный военный прокурор Главного военно-судного управления. После Февральской революции отстранен от должности. В 1920 г. председатель Главного военного суда в армии генерала П.Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции в Югославии.

⁶⁷ Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) – государственный деятель, генерал-лейтенант. С 1903 г. курский вице-губернатор; с 1905 г. минский губернатор; с 1906 г. член совета министра внутренних дел; в 1907 г. и. д. вице-директора Департамента полиции; с 1907 г. начальник Главного тюремного управления; с 1909 г. товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир отдельного корпуса жандармов. В 1911 г. в связи с убийством П.А. Столыпина уволен со службы. В 1914 г. уполномоченный по гражданскому управлению Прибалтикой. В 1916 г. товарищ министра внутренних дел. В 1918 г. эмигрировал.

⁶⁸ Сборник «Порт-Артур» вышел в Нью-Йорке в 1955 г.

⁶⁹ Яблонский Михаил Владимирович – чиновник особых поручений, секретарь П.А. Столыпина.

⁷⁰ В имени П.А. Столыпина в Колноберже.

⁷¹ Гейден Александр Федорович, граф (1859–1919) – военный и государственный деятель. В 1900–1906 гг. начальник канцелярии Императорской Главной квартиры. В 1906–1908 гг. начальник Морской походной канцелярии. С 1908 г. контр-адмирал, а с 1913 г. вице-адмирал. С 1916 г. член Адмиралтейств-совета.

⁷² Порецкий Александр Николаевич (?–1915) – военный деятель, генерал-лейтенант. Командир лейб-гвардии Измайловского полка и сводно-гвардейского батальона.

⁷³ Орлов Владимир Николаевич, князь (1868–1927) – военный деятель, генерал-лейтенант (с 1915 г.). С 1901 г. помощник начальника, а с 1906 г. начальник военно-походной канцелярии Его Величества. Входил в ближайшее окружение Николая II. С 1915 г. помощник по гражданской части наместника на Кавказе. После Февральской революции отстранен от службы. После 1917 г. в эмиграции. Скончался во Франции.

⁷⁴ Хрусталева Петр Алексеевич (настоящее имя – Носарь Георгий Степанович) – политический деятель. С октября 1905 г. председатель Петербургского совета рабочих депутатов. В ноябре 1905 г. арестован. В 1906 г. сослан в Сибирь. В 1906–1909 гг. член РСДРП, меньшевик. В 1907 г. бежал из ссылки за границу. В 1914 г. вернулся в Россию. Расстрелян большевиками.

⁷⁵ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – политический и государственный деятель. Участвовал в социал-демократическом движении с 1896 г. В 1902 г. кооптирован в редакцию газеты «Искра». В 1903–1904 гг. – меньшевик. С октября 1905 г. заместитель председателя, а с ноября председатель Петербургского совета рабочих депутатов. В декабре 1905 г. арестован. В 1907 г. бежал за границу. В 1908–1912 гг. редактор газеты «Правда». С августа 1917 г. – большевик. С сентября 1917 г. председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Был одним из руководителей Октябрьского переворота. В октябре 1917 г. и в 1919–1926 гг. член Политбюро ЦК. В 1917–1918 гг. нарком по иностранным делам; в 1918–1925 гг. нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики. В 1927 г. исключен из партии, сослан в Алма-Ату, в 1929 г. выслан за границу. Убит в Мексике агентом НКВД Р. Меркадером.

⁷⁶ Витте Сергей Юльевич, граф (с 1905 г.) (1849–1915) – государственный деятель. С 1889 г. директор департамента железных дорог Министерства финансов; с 1892 г. управляющий Министерством путей сообщения, а с августа 1892 г. – Министерством финансов. С 1893 г. – министр финансов. Инициатор важнейших реформ в сфере финансовой политики (введение винной монополии, золотого рубля и т. д.). В 1903 г. был уволен с поста министра финансов и назначен на должность председателя Комитета министров. 5 сентября 1905 г. подписал Портсмутский мирный договор, за что был удостоен титула графа. В 1905 г. возглавил делегацию для мирных переговоров с Японией. С октября 1905 по апрель 1906 г. председатель Совета министров. После своей отставки оставался членом Государственного совета. Автор воспоминаний.

⁷⁷ Балыц Владимир Александрович (1871–?) – государственный деятель. С 1906 г. товарищ прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты, с 1909 г. – прокурор Ка-

занской судебной палаты. С 1915 г. директор Второго департамента Министерства юстиции. С 1916 г. товарищ министра внутренних дел. В 1917 г. председатель Особой комиссии для расследования злоупотреблений по военному ведомству.

⁷⁸ Имеется в виду Боснийский кризис 1908–1909 гг., возникший в результате аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в октябре 1908 г.

⁷⁹ Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император в 1888–1918 гг.

⁸⁰ Встреча состоялась 3–4 июня 1909 г.

⁸¹ Королевский парк в Берлине.

⁸² Улица в Берлине.

⁸³ Остен-Сакен Николай Дмитриевич, граф (1831–1912) – дипломат. В 1869–1880 гг. министр-резидент в Гессене, в 1880–1882 гг. посланник в Баварии, в 1884–1895 гг. – в Баварии и Гессене, в 1895–1912 гг. посол в Германии.

⁸⁴ Т. е. яхта императора Вильгельма II.

⁸⁵ Татищев Илья Леонидович, граф (1859–1918) – военный деятель, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. В 1905–1914 гг. состоял при Императоре Вильгельме II. Убит большевиками.

⁸⁶ Урусов Николай Петрович, князь (1863–1918) – тайный советник, шталмейстер (с 1906 г.), сенатор (с 1907 г.). В 1894–1895 гг. председатель правления Томской губернии. В 1895–1901 гг. вице-губернатор Владимирской губернии. В 1901–1902 гг. гродненский губернатор. В 1902–1906 гг. полтавский губернатор. В 1908–1917 гг. – екатеринославский губернский предводитель дворянства. В 1912–1915 гг. член Государственного совета.

⁸⁷ П.А. Столыпин прибыл в Гродно в качестве и. д. губернатора 21 июня 1902 г.

⁸⁸ Тышкевич Александр Иосифович (1864–?) – крупный помещик Виленской, Ковенской и Минской губерний, камер-юнкер, подпоручик гвардии в отставке. Член Государственного совета в 1906–1909 гг. Член группы «польское коло».

⁸⁹ П.А. Столыпин владел 835 дес. в Ковенской губернии. Кроме того, именно в Ковенской губернии располагалось любимое Столыпинскими имение Колноберже.

⁹⁰ П.А. Столыпин оставил пост и. д. гродненского губернатора в 1903 г.

⁹¹ Александр II (1818–1881) – российский император в 1855–1881 гг.

⁹² Так, С.Ю. Витте писал о П.А. Столыпине: «Что он был человек мало книжно образованный, без всякого государственного опыта и человек средних умственных качеств и среднего таланта, я это знал и ничего другого и не ожидал, но я никак не ожидал, чтобы он был человек настолько неискренний, лживый, беспринципный; вследствие чего он свои личные удобства и свое личное благополучие, и в особенности благополучие своего семейства и своих многочисленных родственников, поставил целью своего премьерства...» (*Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания: В 2 т. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 738*).

⁹³ Нейгардт Ольга Борисовна (1859–1944) – жена (с 1884 г.) П.А. Столыпина. Скончалась в Париже.

⁹⁴ Имеется в виду М.А. Столыпин.

⁹⁵ М.А. Столыпин был убит на дуэли.

⁹⁶ П.А. Столыпин был уездным предводителем ковенского дворянства в 1889–1899 гг.; в 1899–1902 гг. он был губернским предводителем ковенского дворянства.

⁹⁷ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – общественный и политический деятель. Из московской купеческой семьи. Один из основателей и лидер партии «Союз 17 октября». Депутат и с 1910 г. председатель 3-й Государственной думы. В 1907 г. и с 1915 г. член Государственного совета. В 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета. 2 марта 1917 г. вместе с В.В. Шульгиным принял отречение Николая II. С марта 1917 г. первый военный и морской министр Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции. Скончался в Париже.

⁹⁸ Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – государственный деятель. В 1884–1893 гг. директор Департамента полиции. С 1893 г. сенатор. С 1900 г. товарищ министра внутренних дел, а в 1905–1906 гг. министр внутренних дел. С 1906 г. член Государственного совета, лидер правой группы.

⁹⁹ Трепов Владимир Федорович (1860–1918) – государственный деятель. В 1902–1905 гг. таврический губернатор. С 1905 г. сенатор. С 1908 г. член Государственного совета, один из лидеров группы правых. В 1911 г. уволен со службы. В 1918 г. арестован и убит в Кронштадте.

¹⁰⁰ Речь идет о правительственном законопроекте (1911 г.) о введении земства в шести губерниях Западного края. Согласно этому законопроекту, выборы в новообразованные земства должны были происходить по национальным куриям (польской и русской). Эта законодательная инициатива вызвала жесткое неприятие со стороны правых в Государственном совете, которые при фактической поддержке императора ее отвергли. П.А. Столыпин, угрожая своей отставкой, добился принятия закона в чрезвычайном порядке: Государственная дума и Государственный совет были распущены на три дня, а проект был утвержден императором согласно 87 ст. Основных законов. Лидеры правой группы Государственного совета П.Н. Дурново и В.Ф. Трепов были отправлены в «отпуск».

¹⁰¹ Цитата из выступления П.А. Столыпина 10 мая 1907 г. в Государственной думе, посвященного устройству быта крестьян и праву собственности, в данном случае передается неверно. В действительности П.А. Столыпин закончил свою речь так: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия» (*П.А. Столыпин. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 96*).

¹⁰² К ответственности были привлечены П.Г. Курлов, Н.Н. Кулябко, А.И. Спиридович, М.Н. Веригин.

¹⁰³ Коковцов Владимир Николаевич, граф (с 1914 г.) (1853–1943) – государственный деятель. В 1896–1902 гг. товарищ министра финансов. В 1902–1904 гг. государственный секретарь. В 1904–1905 гг. и 1906–1914 гг. министр финансов, в 1911–1914 гг. председатель Совета министров. С 1918 г. в эмиграции. Автор воспоминаний «Из моего прошлого».

¹⁰⁴ Речь идет о военной мобилизации в связи с русско-японской войной.

¹⁰⁵ Московский сельскохозяйственный институт учрежден в 1865 г. При основании Московским обществом сельских хозяев получил название Петровская сельскохозяйственная и лесная академия. В 1890 г. переименован в Петровскую сельскохозяйственную академию. С 1894 по 1917 г. носил название Московская сельскохозяйственная академия. С 1917 г. вновь переименован в Петровскую академию. В 1923 г. Академии было присвоено имя К.А. Тимирязева.

¹⁰⁶ Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922) – журналист, публицист, театральный критик. Работал землекопом, грузчиком, корректором, актером, давал частные уроки. С 1880 г. сотрудник «Московского листка», журналов «Будильник», «Развлечение». Был знаком с А.П. Чеховым. Совершил путешествие на Дальний Восток и в 1903 г. опубликовал серию очерков «Сахалин». В 1902–1917 гг. возглавлял газету «Русское слово».

¹⁰⁷ Атабеков Андрей Адамович, князь – генерал-лейтенант (с 1906 г.), генерал от артиллерии (с 1916 г.). Окончил 3-е Александровское военное училище в 1870 г., затем курс в Михайловской артиллерийской академии по 1 разряду. В 1891–1895 гг. командовал 4-й батареей гвардейской конно-артиллерийской бригады, в 1895–1900 гг. был начальником артиллерийского полигона в Одесском военном округе. В 1900–1903 гг. командовал 1-й гренадерской артиллерийской бригадой в Москве. В 1903–1907 гг. начальник Константиновского артиллерийского училища. В 1907 г. начальник артиллерии 19-го армейского корпуса; в 1907–1913 гг. начальник артиллерии 17-го армейского корпуса; с 1913 г. начальник артиллерии Московского военного округа.

¹⁰⁸ Ведро – мера емкости жидких тел, равная 12,3 л.

¹⁰⁹ Таврическим губернатором тогда был В.Ф. Трепов.

¹¹⁰ Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – военачальник, полярный исследователь, участник Гражданской войны. В 1900–1902 гг. участвовал в полярной экспедиции Э.В. Толля. В 1904–1905 гг. находился на театре военных действий на Дальнем Востоке. В 1908–1911 гг. принимал участие в полярной экспедиции. В 1916–1917 гг. командующий Черноморским флотом. Один из лидеров Белого движения. 18 ноября 1918 г. провозгласил себя верховным правителем Российского государства, установив свой контроль над территорией Сибири и Дальнего Востока. В 1919 г. потерпел поражение в борьбе с большевиками. В 1920 г. был арестован и, согласно приговору Иркутского ВРК, расстрелян.

¹¹¹ Гурко Владимир Иосифович (1862–1927) – государственный и политический деятель. Сын фельдмаршала И.В. Гурко-Ромейко. С 1895 г. работал в Государственной канцелярии. С 1902 г. управляющий Земским отделом МВД. С 1906 г. товарищ министра внутренних дел. В 1907 г. отстранен от службы в связи с делом Лидваля. С 1909 г. гласный тверского губернского земского собрания, член Постоянного совета Объединенного дворянства, управляющий его делами. В 1910 г. получил чин камергера. С 1912 г. член Государственного совета от тверского земства, состоял в группе правых. С 1913 г. уездный предводитель дворянства. С 1915 г. член Прогрессивного блока. В 1918 г. член Совета государственного объединения России, участник Ясского совещания. С 1918 г. в эмиграции (в Германии, затем во Франции).

¹¹² Лидваль Леонард Иванович (Эрик Леонард) – шведский подданный, коммерсант.

¹¹³ Эстер (Цеховая) А.И. – мешанка из Таганрога, аферистка, владелица корсетной мастерской. Была замешана в деле «Гурко-Лидваль» по поставке ржи в голодающие губернии России. Героиня очерков А.Т. Аверченко, А.В. Амфитеатрова, Л.Г. Мунштейна.

¹¹⁴ В 1906 г. В.И. Гурко заключил с Л. Лидвалем договор о поставке 10 миллионов пудов хлеба в местности, пострадавшие от неурожая. Лидваль получил задаток в 800 тыс. руб. Однако контракт практически не был исполнен. В итоге В.И. Гурко был привлечен к суду Особого присутствия Сената.

¹¹⁵ Гербель Сергей Николаевич (1858–?) – государственный деятель. С 1892 г. председатель Херсонской уездной, а с 1900 г. – губернской земской управ. В 1902–1903 гг. харьковский вице-губернатор, в 1903–1904 гг. и. д. харьковского губернатора. В 1904–1912 гг. начальник Главного управления по делам местного хозяйства МВД. С 1912 г. член Государственного совета. В 1915–1917 гг. начальник тыла Юго-Западного фронта. В 1918 г. министр продовольствия Украины, в ноябре–декабре 1918 г. председатель Совета министров Украинской державы. В 1919 г. главноуполномоченный по продовольственным делам в армии А.И. Деникина. В 1919 г. эмигрировал в Германию.

¹¹⁶ Александровский Сергей Васильевич (1863–1907) – государственный деятель. Сын пензенского губернатора В.П. Александровского. В 1904 г. главноуполномоченный Российского общества Красного Креста, затем возглавлял санитарную часть 1-й армии. В 1906–1907 гг. пензенский губернатор. В январе 1907 г. был убит террористом.

¹¹⁷ Пешков Николай Николаевич (1857–?) – государственный деятель, генерал-лейтенант (с 1906 г.). Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1906–1908 гг. харьковский губернатор. С 1910 г. член Главного совета Союза русского народа. В 1912–1913 гг. председатель Совета Русского собрания. Возглавил Комитет по организации экспедиций к Северному полюсу. С 1916 г. генерал-губернатор завоеванных областей Турции.

¹¹⁸ Лыкошин Александр Иванович (1861–1918) – государственный деятель, тайный советник (с 1908 г.), сенатор (с 1911 г.). Окончил Училище правоведения. С 1901 г. обер-прокурор гражданского департамента Сената. В 1907–1914 гг. товарищ мини-

стра внутренних дел. В 1914 г. назначен к присутствию в Государственном совете. Один из основателей Союза русского народа.

¹¹⁹ Речь идет о съезде неперменных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий, который открылся 10 января 1909 г.

¹²⁰ Риттих Александр Александрович (1868–1930) – государственный деятель, действительный статский советник (с 1906 г.), сенатор (с 1916 г.). Воспитанник Александровского лицея. Начал службу в 1888 г. в Земском отделе МВД. С 1901 г. чиновник особых поручений Переселенческого управления. С 1903 г. – в министерстве. С 1905 г. директор Департамента государственных земельных имуществ, с 1912 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. 16 ноября 1916 г. возглавил Министерство земледелия и Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. После 1917 г. в эмиграции. Скончался в Лондоне.

¹²¹ Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) – журналист, публицист. В 1901–1917 гг. ведущий сотрудник газеты «Новое время». Один из идеологов Всероссийского национального союза. Расстрелян по приговору Чрезвычайного полевого штаба Новгородской ЧК. Похоронен на Валдае на кладбище Храма святых апостолов Петра и Павла. В 1993 г. реабилитирован.

¹²² Литвинов Яков Яковлевич (1852–?) – государственный деятель. В 1901–1906 гг. товарищ начальника крестьянского отдела Министерства внутренних дел. В 1906–1907 гг. председатель Особой комиссии по крестьянским делам Царства Польского. В 1907 г. привлечен по делу Л.И. Лидваля. Впоследствии был назначен управляющим Земским отделом МВД.

¹²³ Бафталовский Викентий Иванович – действительный статский советник, член совета Министерства внутренних дел, впоследствии помощник начальника Переселенческого управления при Главном управлении землеустройства и земледелия.

¹²⁴ Указ 9 ноября 1906 г. предоставлял крестьянину свободу выхода из общины и право «укрепить» свой надел в частную собственность.

¹²⁵ Текст телеграммы, посланный от имени П.А. Столыпина, был следующий: «Открывшийся 10 сего января съезд неперменных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий обратился ко мне с просьбой повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества одушевляющие всех участников съезда верноподданические чувства и горячую их готовность употребить все силы на служение обожаемому Государю и родине, о чем приемлю долг всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству» (П.А. Столыпин. *Биохроника*. М., 2006. С. 269).

¹²⁶ А.В. Цеклинский ошибается: представление императору участников съезда состоялось 22 января 1909 г.

¹²⁷ Ленивец Николай Михайлович – неперменный член нижегородского губернского присутствия

¹²⁸ А.В. Цеклинский ошибается: волнения в Полтавской и Харьковской губерниях имели место в 1902–1903 гг.

¹²⁹ Бельгард Александр Карлович – полтавский губернатор в 1896–1902 гг.

¹³⁰ Оболенский Иван Михайлович, князь (1853–1910) – государственный деятель, действительный статский советник, шталмейстер, генерал-адъютант. В 1897–1902 гг. херсонский губернатор, в 1902–1903 гг. харьковский губернатор. Подавил волнения крестьян в Валковском уезде Харьковской губернии. В 1904–1905 гг. финляндский генерал-губернатор.

¹³¹ Фредерикс Владимир Борисович, граф (с 1913 г.) (1838–1927) – государственный деятель, генерал от кавалерии (с 1900 г.), генерал-адъютант. В 1891–1893 гг. управляющий придворной конюшенной частью. В 1893–1897 гг. помощник министра, в 1897–1917 гг. министр Императорского двора. С 1905 г. член Государственного совета. После 1917 г. в эмиграции

¹³² Нарышкин Кирилл Анатольевич (1868–1924) – флигель-адъютант, друг детства Николая II. С 1916 г. генерал-майор и начальник военно-походной канцелярии императора.

¹³³ Кноль Иосиф Грацианович, барон – государственный деятель, действительный статский советник (с 1907 г.). С 1890 г. на службе в Министерстве внутренних дел. Управляющий канцелярией саратовского губернатора П.А. Столыпина, член губернского Статистического комитета. В 1905–1907 гг. бессарабский губернатор. В 1907–1911 гг. директор канцелярии министра внутренних дел П.А. Столыпина.

¹³⁴ А.В. Цеклинский ошибается: Морозова Саввы Тимофеевича (1862–1905) к этому моменту уже не было в живых. Возможно, речь идет о Морозове Сергее Тимофеевиче (1860–1944), предпринимателе и меценате.

¹³⁵ Кошко Иван (Мячеслав) Францевич (1859–1927) – государственный деятель, статский советник (с 1906 г.). С 1890 г. на службе в Министерстве внутренних дел. В 1907–1910 гг. пензенский губернатор. В 1911–1914 гг. пермский губернатор. Скончался в эмиграции, в Париже.

¹³⁶ Лиленфельд-Тоаль Анатолий Павлович (1865–1931) – государственный деятель. Служил в Министерстве внутренних дел чиновником особых поручений при губернаторе Петербурга. Впоследствии был назначен правителем его канцелярии. Вице-губернатор в Архангельской и Петербургской губерниях. В 1910–1914 гг. пензенский губернатор. Скончался в эмиграции, в Килле (Германия).

¹³⁷ Бисмарк Отто-Эдуард-Леопольд, фон (1815–1898) – немецкий государственный деятель. С 1862 г. президент прусского министерства и министр иностранных дел. С 1867 г. канцлер Северо-Германского союза. В 1871–1890 гг. канцлер объединенной Германии.

¹³⁸ А.В. Цеклинский ошибается. Женой А.А. Столыпина была Ольга Николаевна Мессинг (?–1953) – умерла в эмиграции, в Берне. Е.А. Устинова была первой супругой А.Д. Столыпина, отца П.А. и А.А. Столыпиных.

¹³⁹ И.Ф. Кошко ушел с поста пензенского губернатора в 1910 г.

¹⁴⁰ Воейков Владимир Николаевич (1868–1942) – генерал-майор свиты Его Величества (с 1907 г.). Был женат на дочери министра Императорского двора В.Б. Фредерикса. С 1913 г. главнонаблюдающий за физическим развитием населения Российской империи. В 1913 г. назначен дворцовым комендантом. Скончался в эмиграции во Франции.

¹⁴¹ Крестьянский поземельный банк был основан в 1882 г. для облегчения возможности для крестьян «увенчивать свои надежды покупкою продающихся земель» (Банк выдавал для этих целей льготные ссуды).

¹⁴² Беседовский Григорий (Иван Карпов, Кирилл Калинов) (1896–1949) – дипломат. До 1917 г. член Партии социалистов-революционеров. Впоследствии вошел в РСДРП(б). После 1917 г. работал в полпредствах в Австрии, Польше, Японии и Франции. С 1922 г. консул Украины в Австрии, агент Коминтерна. В дальнейшем был переведен в Польшу. В 1929 г. замещал полпреда во Франции Довгалевского. Опасаясь репрессий, попросил политического убежища во Франции. Автор ряда разоблачительных работ о И.В. Сталине. Во время Второй мировой войны был арестован гестапо, но, объявив себя мусульманином, избежал репрессий. После окончания войны сотрудничал с советской разведкой.

¹⁴³ Фриш Владимир Эдуардович (1863–1931) – государственный деятель, шталмейстер, сенатор (с 1915 г.). В 1894–1900 гг. ярославский вице-губернатор. В 1900–1905 гг. помощник петербургского градоначальника. С 1905 г. член совета министра внутренних дел. С 1909 г. управляющий продовольственной частью империи. С 1915 г. петербургский вице-губернатор.

¹⁴⁴ Т. е. 1 сентября 1911 г.

¹⁴⁵ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – государственный деятель, сенатор (с 1894 г.). С 1884 г. обер-прокурор Сената. С 1891 г. товарищ министра юстиции.

В 1895–1899 гг. министр внутренних дел. С 1899 г. член Государственного совета. В 1905 г. председатель Особого совещания по укреплению крестьянского землевладения. В 1906 г. и 1914–1916 гг. председатель Совета министров. В 1917 г. был убит.

¹⁴⁶ Речь идет о заседании Совета министров 18 мая 1906 г.

¹⁴⁷ Извольский Петр Петрович (1863–1928) – государственный деятель, гофмейстер (с 1912 г.). Брат А.П. Извольского. В 1899–1902 гг. помощник попечителя Киевского учебного округа. С 1902 г. попечитель Рижского, а с 1904 г. – Петербургского учебных округов. В 1905–1906 гг. товарищ министра народного просвещения. В 1906–1909 гг. обер-прокурор Св. Синода. С 1909 г. член Государственного совета. В 1920 г. эмигрировал. В 1922 г. принял священнический сан. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

¹⁴⁸ Васильчиков Борис Александрович, князь (1863–1931) – государственный деятель, шталмейстер (с 1899 г.). В 1890–1902 гг. предводитель новгородского губернского дворянства. В 1900–1903 гг. псковский губернатор. В 1904–1905 гг., в ходе русско-японской войны, главноуправляющий Российского общества Красного Креста в районе действия армии. В 1906–1908 гг. главноуполномоченный землеустройством и земледелием. В 1909–1911, 1912–1917 гг. назначался к присутствию в Государственном совете. В 1918 г. был арестован, долгое время находился в заключении. В 1920 г. эмигрировал в Англию. Впоследствии переехал во Францию.

¹⁴⁹ Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – государственный деятель, сенатор (с 1911 г.). С 1903 г. обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената. С 1905 г. директор 1-го департамента Министерства юстиции. С февраля 1906 г. товарищ министра юстиции. С апреля 1906 г. по июль 1915 г. министр юстиции. В 1916–1917 гг. назначен к присутствию в Государственном совете. В феврале 1917 г. был арестован, в марте переведен в Петропавловскую крепость, в августе 1918 г. перевезен в Москву и в сентябре расстрелян на Ходынском поле.

¹⁵⁰ Цукки (Zucchi) Вирджиния (1847–1930) – итальянская балерина, педагог. В 1885–1892 гг. гастролировала в России. Выступала в Мариинском театре.

¹⁵¹ Мещерская Софья Николаевна (1867–1942) – жена Б.А. Васильчикова, дочь попечителя Московского учебного округа Н.П. Мещерского.

¹⁵² Вероятно, с этим было связано отстранение Б.А. Васильчикова от должности члена Государственного совета 10 февраля 1917 г.

¹⁵³ Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) – государственный деятель. Внук крепостного крестьянина. С 1904 г. начальник Переселенческого управления. С 1905 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. С 1906 г. товарищ министра финансов, член Государственного совета. В 1908–1915 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием (с 1915 г. министр). В 1917 г. член Главного совета Всероссийского союза земельных собственников. В 1918 г. один из организаторов Правого центра в Москве. В 1919 г. товарищ председателя Совета государственного объединения России. В 1919–1920 гг. начальник Управления снабжения правительства при главнокомандующем ВСЮР генерале А.И. Деникине. В 1920 г. эмигрировал во Францию, впоследствии переехал в Германию.

¹⁵⁴ Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916) – государственный деятель, сенатор (с 1906 г.), действительный тайный советник (с 1913 г.). С 1898 г. статс-секретарь. С 1904 г. товарищ государственного секретаря. С 1906 г. член Государственного совета. В 1907–1916 гг. государственный контролер.

¹⁵⁵ Нольде Эммануил Юрьевич, барон (1854–1909) – государственный деятель, статс-секретарь (с 1904 г.), действительный тайный советник (с 1908 г.). В 1902–1906 гг. управляющий делами Комитета министров. С 1906 г. член Государственного совета.

¹⁵⁶ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – военный и государственный деятель. С 1899 г. начальник штаба Киевского военного округа. С 1902 г. помощник командующего войсками Киевского военного округа, с 1904 г. – коман-

дующий. С 1905 г. киевский, подольский и волинский генерал-губернатор. С 1908 г. начальник Главного штаба. В 1909–1915 гг. военный министр. В 1916 г. вследствие обвинения в злоупотреблении властью арестован и помещен в Петропавловскую крепость. В том же году по причине нервного расстройства выпущен на свободу. В 1917 г. был вновь арестован и приговорен к бессрочной каторге. В 1918 г. был освобожден в связи с достижением 70-летнего возраста. Эмигрировал в Финляндию. Впоследствии переехал в Германию, консультировал рейхсвер по восточноевропейским вопросам.

¹⁵⁷ Воеводский Степан Аркадьевич (1859–1937) – военный и государственный деятель. С 1907 г. начальник Николаевской морской академии и директор Морского кадетского корпуса. С 1908 г. товарищ морского министра. В 1909–1911 г. морской министр. С 1911 г. член Государственного совета. После 1917 г. эмигрировал во Францию.

¹⁵⁸ Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) – военный и государственный деятель. В 1906–1912 гг. помощник военного министра (с правами товарища министра). С 1912 г. член Государственного совета. В 1915–1916 гг. военный министр. С 1920 г. на службе в РККА.

¹⁵⁹ Бострем Иван Федорович (1857–1934) – военный и морской деятель, вице-адмирал. В 1901–1905 гг. военный агент в Великобритании. В 1907–1909 гг. товарищ министра Морского флота. В 1909–1911 гг. командующий Черноморским флотом. В 1911 г. командир Севастопольского порта. После 1920 г. в эмиграции. Во Франции был председателем Парижской кают-компании и почетным членом Военно-Морского союза. Скончался в Париже.

¹⁶⁰ Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935) – государственный деятель, тайный советник (с 1907 г.), статс-секретарь (с 1916 г.). С 1904 г. помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД. С февраля 1905 г. директор 1-го департамента Министерства юстиции. С марта 1905 г. вновь помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД. В 1906–1911 гг. товарищ министра внутренних дел. В 1911–1917 гг. государственный секретарь. В 1918 г. член Совета государственного объединения России. С 1919 г. в эмиграции.

¹⁶¹ Макаров Александр Александрович (1857–1919) – государственный деятель, сенатор (с 1907 г.), действительный тайный советник (с 1917 г.). С 1889 г. прокурор Ревельского, с 1894 г. – Нижегородского, с 1907 г. – Московского окружных судов. С 1899 г. председатель Киевского окружного суда. С 1901 г. прокурор Саратовской судебной палаты. С 1906 г. председатель Харьковской судебной палаты. В 1906–1911 гг. товарищ министра внутренних дел. В 1911–1912 гг. министр внутренних дел. С 1912 г. член Государственного совета. В 1916 г. министр юстиции. В 1919 г. был арестован и расстрелян.

¹⁶² Имеется в виду Училище правоведения.

¹⁶³ Речь идет о выпуске 1882 г.

¹⁶⁴ Стахович Михаил Александрович (1861–1923) – политический и общественный деятель. Окончил Училище правоведения. С 1882 г. служил по Министерству юстиции. С 1891 г. уездный предводитель дворянства. В 1895–1907 гг. орловский губернский предводитель дворянства. В 1904–1905 гг. уполномоченный Российского общества Красного Креста. Член кружка «Беседа». Один из основателей партии «Союз 17 октября». В 1905–1906 гг. член ЦК партии. Вышел из ее состава и участвовал в организации Партии мирного обновления. Был депутатом I и II Государственной думы. В 1907–1917 гг. член Государственного совета. В 1912–1914 гг. член ЦК Партии прогрессистов. В 1917 г. финляндский генерал-губернатор. С 1917 г. в эмиграции. Скончался во Франции.

¹⁶⁵ 87 ст. Основных законов давала право императору издавать указы, имеющие силу законов, в перерывах между сессиями Государственной думы и Государственного совета. Правда, эти указы должны были вноситься в законодательные палаты в двухмесячный срок со дня возобновления их работы.

¹⁶⁶ П. А. Столыпин окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета.

¹⁶⁷ Гурлянд Илья Яковлевич (1868 – после 1921) – государственный деятель, литератор, юрист, действительный статский советник (с 1909 г.). В 1902–1904 гг. профессор Демидовского лицея. В 1904–1907 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел. В 1907 г. директор-распорядитель Петербургского телеграфного агентства, возглавлял газету «Россия». В 1907–1917 гг. член совета министра внутренних дел. После 1917 г. – в эмиграции.

¹⁶⁸ «В здравом смысле и в чутье на людей ему [Б. В. Штюмеру] все-таки отказать нельзя. Он сумел найти себе великолепного сотрудника, умело покрывавшего и восполнявшего недостаточность и легковесность штюмеровских государственных способностей и знаний. Это И. Я. Гурлянд. Штюмер извлек его из дебрей Ярославской губернии, где он профессорствовал в Демидовском лицее. С тех пор Гурлянд верой и правдой работал на Штюмера, много облегчая ему его блестящее служебное продвижение. В Петербурге ему дали прозвище: «Пишущая и думающая машина Штюмера». Вспоминается шутка великого князя Николая Михайловича. При виде как всегда величественно шествующего Штюмера он воскликнул: «Смотрите, к нам приближается герцог Гурляндский!» Однако и Гурлянд не всегда в состоянии был выручить Штюмера. Присутствовал я в ложе Государственного совета при первом выступлении премьера Штюмера в Государственной думе. Читал он декларацию, написанную Гурляндром. Тетрадь с нею он держал перед своим лицом. Шамкал. Ничего нельзя было понять. Труды Гурлянда пропали даром. Невольно вспоминалось впечатление от произведений того же автора, блестяще преподнесенных Столыпиным. Этот последний умел извлечь всю пользу из талантливых трудов умного профессора государственного и полицейского права, покинувшего ученую карьеру ради должности члена совета Министерства внутренних дел. Вероятно, поэтому Гурлянд работал для Столыпина с особенным удовлетворением и подъемом. Искренне преклонялся перед ним. О Штюмере же предпочитал молчать.

Что говорить, Гурлянд был хитрый, ловкий малый, умевший устраивать свои дела. Но многие из нападок на него мне кажутся неосновательными. Я хорошо его узнал.

Женился он на очень красивой курской помещице Наталье Валерьяновне Секириной, которая развелась для него с первым мужем, сыном известного железнодорожного туза и члена Государственной думы Н. А. Маркова 1-го. Моя мать очень любила Наташу Секирину, ставшую мадам Гурлянд. Поэтому мы стали довольно часто друг у друга бывать. С Гурляндром я имел много продолжительнейших откровенных бесед. И всегда поражал он меня блеском мыслей, ясным пониманием людей и событий.

Как-то горячо спорили мы, сидя у него в кабинете. В пылу спора вытащил он из шкапа толстую тетрадь и предложил мне прочесть несколько страниц. Это был секретный всеподданнейший доклад Штюмера о тверском земстве, которое он ездил ревизовать.

Читая, не мог не восхищаться необыкновенной меткостью и едкой тонкостью характеристики тогдашних столпов тверского земства. И никаких преувеличений. На редкость верно и правдиво. Русская общественность – и правая, и левая – относилась к нему недружелюбно, чуть ли не с презрением. Я так и не мог добиться, чтобы мне объяснили истинные причины такого отношения. Единственное объяснение – полная будто бы беспринципность Гурлянда, отсутствие у него твердых убеждений, вечная приспособленность к взглядам начальства, главным образом – Штюмера.

Но насколько я мог судить, держался он неизменно крайне правых, однако не ретроградных убеждений и ни разу не изменил им. В спорах со мной всегда отстаивал свое мировоззрение, говоря, что мы, дворяне, критикующие верховную власть, рубим сук, на котором держимся.

Мне кажется, что Гурлянд вкладывал в Штюмера свои мысли, свои взгляды, а не наоборот. Его ценили не только Штюмер и Столыпин. Очень хорошо к нему

относились и часто у него бывали А.В. Кривошеин, Пуришкевич, А.С. Дубасова, его близкий друг член Государственной думы Половцев. Всех не перечислишь.

Супруги Гурлянд отличались гостеприимством и радушием, а также готовностью услужить и быть приятными. Общество у них собиралось интересное. И уж всегда можно было встретить у них приехавших в Петербург губернаторов (ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 110. Л. 55–58).

¹⁶⁹ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – государственный деятель. В 1894–1896 гг. новгородский губернатор. В 1896–1902 гг. ярославский губернатор. В 1902–1904 гг. директор Департамента общих дел МВД. С 1904 г. член Государственного совета. С января по ноябрь 1916 г. председатель Совета министров; с марта по июль 1916 г. министр внутренних дел; с июля по ноябрь 1916 г. министр иностранных дел. В 1917 г. был арестован. Умер в заключении.

¹⁷⁰ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – общественный и политический деятель. В 1895 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1890-е гг. один из лидеров легального марксизма. В 1896 г. принимал участие в Лондонском конгрессе II Интернационала. С 1902 г. редактор журнала «Освобождение». Был одним из основателей «Союза освобождения». В 1906–1915 гг. член ЦК партии кадетов. С 1906 г. преподавал в Петербургском политехническом институте. Редактировал журналы «Полярная звезда», «Свобода и культура», «Русская мысль». В 1907 г. депутат II Государственной думы. В 1909 г. опубликовал свою статью в сборнике «Вехи». С 1913 г. экстраординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1915–1917 гг. председатель секретного Особого межведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при Министерстве торговли и промышленности. В 1917 г. директор Экономического департамента Министерства иностранных дел. В 1919 г. член Особого совещания при А.И. Деникине. В 1920 г. начальник Управления внешних сношений в правительстве П.Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции. Редактировал газету «Возрождение». Скончался в Париже.

¹⁷¹ С.С. Онгирский ошибается. До назначения в 1903 г. на должность саратовского губернатора П.А. Столыпин был и. д. гродненского губернатора.

¹⁷² Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) – государственный деятель. В 1910–1912 гг. черниговский губернатор. В 1913–1915 гг. министр внутренних дел. С 1915 г. член Государственного совета, входил в группу правых. В 1917 г. был арестован, а в 1918 г. расстрелян.

¹⁷³ С.С. Онгирский ошибается: секундантом М.Ю. Лермонтова на дуэли с Н.С. Мартыновым был двоюродный дядя П.А. Столыпина – А.А. Столыпин.

¹⁷⁴ П.А. Столыпин был женат на О.Б. Нейгардт.

¹⁷⁵ За Б.И. Бока вышла замуж старшая дочь П.А. Столыпина Мария.

¹⁷⁶ Бок Федор, фон (1880–1945) – фельдмаршал нацистской Германии (с 1940 г.). Командующий группой армий «Центр» во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

¹⁷⁷ А.Д. Арбузов писал в своих воспоминаниях: «Однажды, в ближайшие дни после назначения графа (Витте – *Ред.*), сижу я в своем кабинете в доме министерства на площади Александринского театра и жду, когда можно будет уйти, время подходило к вечеру, вдруг вызов по телефону. «Есть у нас причисленный к министерству князь Михаил Андронников?» – слышу я вопрос министра. Знать всех причисленных наизусть невозможно, почему я ответил, что тотчас наведу справку. «Сделайте это поскорей, граф Витте требует, чтобы князь Андронников был сделан чиновником особых поручений 5-го класса при министре внутренних дел и откомандирован немедленно в распоряжение председателя Совета министров». Я вызвал начальника отделения, дал ему необходимое указание и просил его разыскать Андронникова и на следующий же день вызвать его ко мне. На мой вопрос, – что нам о нем известно, начальник отделения многого сказать мне не мог, кроме того, что князь получил образование в Пажеском корпусе и никаких обязанностей в

министерстве не несет, но что разыскать его большой трудности не представится; и действительно, на следующий день, в назначенный час, явился ко мне молодой человек кругленький, толстенький, румяный, необычайно чисто вымытый и причесанный, в вицмундире нашего ведомства; манера держать себя крайне изысканная, с округлыми жестами, какими обладают хорошие учителя танцев, и с таким выражением, что он по вашему слову готов лететь куда угодно, хоть в поисках жарптицы или Царь-девицы, однако, все это не без достоинства. Я просил его сесть и после нескольких слов изложил ему поручение министра. Вдруг он вскакивает и с наклоненным вперед корпусом: «Извините, это предложение меня не устраивает, и я принять его не могу». Такой ответ со стороны причисленного, которому предлагают место, на какое он не имел никакого права, отказ от карьеры, признаюсь, поразил меня так, что я с недоумением на него посмотрел и не мог удержаться, чтобы не высказать ему свое удивление. «Я адъютант Господа Бога, готов служить Моему Государю и отечеству за правду, но зависеть от министров не желаю; я скромный причисленный, но у меня в кармане всегда прошение об отставке: не нравится вам моя деятельность – прощайте». Такой тип встречался мне впервые и шел вразрез со всем мировоззрением чиновничьих деятелей, которые, служа даже не за один страх, но и за совесть, все же постоянно имели в виду интересы своей карьеры. Я заинтересовался поэтому князем, вступил с ним в разговор и от него узнал, что он друг и единомышленник Шарапова, издававшего в то время разного рода политические листки, что он способствовал сближению Шарапова с графом Витте и из политического врага сделал его другом графа и выхлопотал Шарапову ссуду на полное дело фабрикации особого типа плугов для крестьянских хозяйств, и что если я разрешу, то он придет ко мне с Шараповым, что это человек удивительный, и что идеи его об устранении наших неурядиц и необходимом для России укладе заслуживают внимательного к себе отношения.

На вопрос мой, что же сказать министру, князь мне ответил, что он рад служить у графа Витте, но в качестве откомандированного к нему лица, оставаясь причисленным у нас, чтобы иметь возможность говорить графу правду и не быть ничем связанным.

Этот ответ я тотчас передал министру, который был тоже немало удивлен сим явлением, и велел спросить графа Витте и выслать его согласие сделать, как хотел князь Андронников. Так и было исполнено, и князь был откомандирован в распоряжение председателя Совета министров, оставаясь причисленным к нашему ведомству.

Замечу здесь, что два письма Шарапова к князю Андронникову, переданные им мне и приводимые ниже, представляют большой интерес как по верности картины современного положения в 1904 году, так и по тем мыслям о необходимых реформах, в особенности по реформе местного управления, так и по силе и таланту, с которыми они написаны. Написаны они были князю, очевидно, с целью, чтобы он распространил их в сферах и пропагандировал изложенные в них мысли. Очевидно, Шарапов считал, что князь может быть в этом направлении полезен. Шарапов был славянофил по убеждениям своим, относившийся крайне враждебно к деятельности графа Витте и его экономической политике, и благодаря стараниям князя Андронникова, в конце концов, помирился с С.Ю. Витте, каковое примирение было закреплено вышеупомянутой ссудой на изготовление плугов» (*ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 54. Л. 1–16*).

¹⁷⁸ Андронников Михаил Михайлович, князь (1875–1919) – из старинного княжеского кахетинского рода. С 1897 г. – причисленный к МВД, в 1914 г. уволен от службы и назначен чиновником особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода. Авантюрист, близок к Г.Е. Распутину. В 1919 г. – член Национального центра, расстрелян в сентябре 1919 г. по приговору ВЧК.

¹⁷⁹ Т. е. в Министерство внутренних дел.

¹⁸⁰ Это признание С.Н. Палеолога сильно расходится с его мемуарами. В своих воспоминаниях Палеолог всячески отрешивается от знакомства и общения с причисленными. К разряду причисленных, по словам Палеолога, и он, и А.Д. Арбузов

относились с крайней неприязнью и брезгливостью: «Последнюю категорию мы не особенно долюбливали и чинили всякие препятствия к пополнению ими рядов “причисленных”» (*Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 182*).

¹⁸¹ Так себя в шутку именовал М.М. Андронников.

¹⁸² Этот факт подтверждает С.Н. Палеолог, характеризуя крайне отрицательное отношение к институту причисленных со стороны П.А. Столыпина: «Столыпин, рыцарь с ног до головы, всегда держал нашу сторону» (*Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 182*).

¹⁸³ 24 мая 1908 г. Государственная дума приняла законопроект о штатах морского Генерального штаба. Государственный совет, посчитав, что Дума тем самым нарушает прерогативы верховной власти, его отверг. П.А. Столыпин вторично внес законопроект в Думу. И он был вновь утвержден депутатами 19 декабря 1908 г. 19 марта 1909 г. законопроект был принят и Государственным советом, но был отклонен императором. П.А. Столыпин поставил вопрос о возможности своей отставки. Однако император отказался ее принять и, вместе с тем, не утвердил штаты морского Генерального штаба.

¹⁸⁴ Министр Императорского двора и уделов с 1897 по 1917 г. – Фредерикс Владимир Борисович.

¹⁸⁵ Поляков Лазарь Соломонович (1842–1914) – предприниматель, основатель банковского дома, тайный советник, турецкий генеральный консул в Москве. С 1865 г. принимал деятельное участие в постройке железных дорог в России. В 1871–1908 гг. председатель правления Московского Международного торгового банка, в 1871–1908 гг. председатель правления Орловского коммерческого банка, в 1895–1904 гг. председатель совета Петербургско-Московского коммерческого банка, в 1873–1908 гг. председатель правления Коммерческого страхового общества. В 1871 г. учредил Азовско-Донской банк, а в 1890 г. – Русский Торгово-промышленный банк.

¹⁸⁶ Никольсон (Nicholson) Артур (1849–1928) – английский дипломат. В 1906–1909 гг. посол Великобритании в Петербурге. Впоследствии был назначен постоянным помощником министра иностранных дел Великобритании. За свои заслуги получил титул лорда.

¹⁸⁷ Наполеон Бонапарт (1769–1821) – полководец, первый консул Франции в 1799–1802 гг., пожизненный консул в 1902–1904 гг., император Франции в 1804–1814, 1815 гг.

¹⁸⁸ Тимирязев Василий Иванович (1849–1919) – государственный деятель. В 1902–1905 гг. товарищ министра финансов, заведующий делами торговли и промышленности. В 1905–1909 гг. министр торговли и промышленности. С 1906 г. член Государственного совета. В 1918 г. участвовал в работе комиссии для предварительной разработки возникающих при переговорах в Брест-Литовске вопросов о будущих торговых отношениях России с центральными державами. Участвовал в создании Совета Союза международных торговых товариществ. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве.

¹⁸⁹ С.И. Тимашев ошибается: А.В. Кривошеин был главноуправляющим землеустройством и земледелием.

¹⁹⁰ Ливадия – резиденция императора на юге Крыма, близ Ялты.

¹⁹¹ Речь идет о нефтеносных участках на Апшеронском полуострове.

¹⁹² Штейн (Stein) Лоренц, фон (1815–1890) – немецкий юрист и экономист. Развил теорию государства в соответствии с идеями Г.Ф. В. Гегеля. Дал обстоятельную разработку теории налогов и государственного кредита.

¹⁹³ Вагнер (Wagner) Адольф (1835–1917) – немецкий экономист. В своих работах продемонстрировал связь хозяйственной жизни с правовыми условиями. Сформулировал закон расширяющейся деятельности государства, который обозначил тен-

денцию в социально-экономической политике европейских государств во второй половине XIX в.

¹⁹⁴ Бунге Николай Христофорович (1823–1895) – государственный деятель. С 1852 г. экстраординарный профессор Университета св. Владимира в Киеве. С 1854 г. ординарный профессор. С 1859 г. ректор Университета св. Владимира. С 1862 г. управляющий киевской конторой Государственного банка. В 1863–1864 гг. преподавал теорию финансов цесаревичу Николаю Александровичу. В 1867 г. декан юридического факультета Университета св. Владимира. В 1869 г. переведен на кафедру полицейского права. В 1871–1875 и в 1878–1880 гг. ректор Университета св. Владимира. С 1876 г. заслуженный профессор Университета св. Владимира. В 1880–1881 гг. тов. министра финансов. В 1882–1887 гг. министр финансов. В 1887–1895 гг. председатель Комитета министров.

¹⁹⁵ Журнал-газета «Гражданин» (Санкт-Петербург, 1872–1914) – орган крайне правого направления. Издатель – князь В.П. Мещерский.

¹⁹⁶ Рубрика журнала «Гражданин», которую вел сам кн. В.П. Мещерский.

¹⁹⁷ Мещерский Владимир Петрович, князь (1839–1914) – общественный деятель, публицист, камергер (с 1869 г.). Внук Н.М. Карамзина. В 1872–1914 гг. издатель журнала-газеты «Гражданин». Чиновник особых поручений при министре внутренних дел. Оказывал влияние на политику Александра III и Николая II.

¹⁹⁸ Крестовников Григорий Александрович (1855–1918) – предприниматель, общественный деятель. С 1887 г. директор правления Фабрично-торгового товарищества «Братья Крестовниковы». В 1903–1917 гг. председатель Совета Московского купеческого банка. В 1905–1914 гг. председатель Московского биржевого комитета. В 1906–1915 гг. член Государственного совета. В 1905 г. один из организаторов Торгово-промышленной партии. С 1906 г. член ЦК «Союза 17 октября». С 1910 г. потомственный дворянин. После 1917 г. в эмиграции.

¹⁹⁹ Речь идет о заседании 17 ноября 1909 г.

²⁰⁰ Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord) Шарль Морис (1754–1838) – французский дипломат, государственный деятель. Министр иностранных дел в 1797–1799 гг. (в правительстве Директории), в 1799–1807 гг. (при Наполеоне Бонапарте). В 1815 г. возглавил правительство Людовика XVIII. Как дипломат и политик отличался невероятной хитростью и ловкостью. Талейранизмом стали называть «гибкость» во взглядах и убеждениях, граничащую с беспринципностью.

²⁰¹ Шванебах Петр Христианович (1848–1908) – государственный деятель. В русском подданстве с 1862 г. В 1867 г. окончил Училище правоведения. В 1903–1905 гг. товарищ министра земледелия и государственных имуществ. С 1905 г. член Государственного совета. В 1906–1907 гг. государственный контролер.

²⁰² Леруа-Болье (Lerou-Beaulieu) Анатолий (1842–1912) – французский журналист либерального направления, профессор истории, русист, автор книг и статей о России.

²⁰³ Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918) – государственный деятель. С 1897 г. статс-секретарь Департамента государственной экономии Государственного совета. С 1903 г. товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием и портами. С 1905 г. член Государственного совета. В 1909–1915 гг. министр путей сообщения. В 1918 г. был взят большевиками в заложники и расстрелян.

²⁰⁴ Григорович Иван Константинович (1853–1930) – военный и государственный деятель. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. С марта по декабрь 1904 г. командир порта в Порт-Артуре. С 1905 г. начальник штаба Черноморского флота. С 1906 г. командир порта императора Александра III в Либаве. С 1908 г. временный и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря и военный губернатор г. Кронштадта. С 1909 г. главный командир Кронштадтского порта. С 1909 г. товарищ морского министра. В 1911–1917 гг. морской министр. После 1917 г. жил в Петрограде. С 1920 г. преподаватель курса морской практики на навигационном отделении Высшей школы водного транспор-

та. С 1921 г. сотрудник Петроглавархива. В 1924 г. выехал за границу на лечение. Остался жить в Ментоне (Франция). Зарабатывал на жизнь рисованием. Похоронен на кладбище в Ментоне.

²⁰⁵ Извольский Александр Петрович (1856–1919) – дипломат, государственный деятель. В 1875 г. окончил Императорский Александровский лицей. С 1894 г. министр-резидент в Ватикане. С февраля 1897 г. чрезвычайный посланник в Сербии, с 11 ноября 1897 г. – в Баварии, с 1899 г. – в Японии, с 1902 г. – в Дании. В 1906–1910 гг. министр иностранных дел. С 1909 г. член Государственного совета. В 1910–1917 гг. чрезвычайный и полномочный посол в Париже. После 1917 г. оставался во Франции. Скончался в Париже.

²⁰⁶ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – дипломат, государственный деятель. В 1883 г. окончил Императорский Александровский лицей. С 1906 г. министр-резидент в Ватикане. С 1909 г. товарищ министра иностранных дел. В 1910–1916 гг. министр иностранных дел. С 1913 г. член Государственного совета. В 1917 г. назначен чрезвычайным и полномочным послом в Лондоне. В марте 1917 г. был уволен с должности посла и возвратился в Петроград. В 1918 г. эмигрировал во Францию. В октябре 1918 г. принимал участие в Особом совещании при А.И. Деникине. Возглавил Совет по делам внешней политики. В декабре 1918 г. вернулся в Париж. В 1919 г. был назначен министром иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака. В конце 1919 г. был отстранен от должности А.И. Деникиным, однако приказу не подчинился. Сложил свои полномочия в июне 1920 г. Проживал в своем имении под Белостоком в Польше. Похоронен на русском кладбище в Ницце.

²⁰⁷ Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – государственный деятель, сенатор (с 1905 г.), действительный тайный советник (с 1910 г.). В 1868 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. С 1884 г. экстраординарный профессор по кафедре теории и истории искусств Московского университета. С 1885 г. директор 1-й московской прогимназии. С 1887 г. директор 5-й московской гимназии. В том же году был переведен на кафедру классической филологии Московского университета. В 1891 г. утвержден советом в степени доктора греческой словесности. С 1892 г. ординарный профессор Императорского Московского университета по кафедре классической филологии. С 1897 г. директор Константиновского межевого института. С 1900 г. попечитель Рижского, с 1902 г. Варшавского, а с 1905 г. – Московского учебных округов. С 1907 г. член Государственного совета. В 1908–1910 гг. министр народного просвещения. Похоронен в Донском монастыре в Москве.

²⁰⁸ Причины отставки А.Н. Шварца не исчерпывались его физическим состоянием. Как впоследствии вспоминал сам А.Н. Шварц: «Он (П.А. Столыпин – *Ред.*) понимал, что кое-что ему приходится читать между строк моего письма (о болезни А.Н. Шварца – *Ред.*), что есть причина более серьезная, нежели выставляемая мною для моей отставки... При личном свидании он только просил меня докончить бюджетный год, пробыть до конца сессии и очень настойчив не был, даже в мае, когда я написал ему о необходимости доложить дело Государю» (*Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 48*).

²⁰⁹ Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – государственный деятель. С 1893 г. экстраординарный профессор Дерптского университета по кафедре местного права. С 1895 г. и. д. экстраординарного профессора Императорского Харьковского университета. В 1899 г. утвержден Советом Университета св. Владимира в Киеве в степени доктора гражданского права. С 1899 г. ординарный профессор Императорского Московского университета по кафедре гражданского права. С 1908 г. директор Лицея в память цесаревича Николая. В 1911–1914 гг. министр народного просвещения.

²¹⁰ Лукьянов Сергей Михайлович (1855–1935) – государственный и общественный деятель, сенатор (с 1905 г.). В 1879 г. окончил Императорскую Медико-Хирургическую академию. С 1894 г. директор Императорского института экспериментальной медицины. С 1902 г. товарищ министра народного просвещения. С 1906 г. член Государственного совета. В 1909–1911 гг. обер-прокурор Св. Синода. С 1918 г.

преподавал в Институте для усовершенствования врачей, Петроградском медицинском институте, Педагогическом институте дошкольного образования. С 1919 г. научный сотрудник Публичной библиотеки. В 1919 г. арестован ЧК. В 1920 г. освобожден. В том же году был избран профессором Государственного клинического института для усовершенствования врачей. С 1930 г. академический пенсионер.

²¹¹ Саблер (Десятковский) Владимир Карлович (1845–1929) – государственный деятель, сенатор (с 1896 г.). В 1867 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. С 1892 г. товарищ обер-прокурора Св. Синода. С 1905 г. член Государственного совета. В 1911–1915 гг. обер-прокурор Св. Синода. После 1917 г. переехал в Тверь.

²¹² Отставка С.М. Лукьянова произошла под давлением кругов, близких к Г.Е. Распутину.

²¹³ Малый совет министров был образован в 1909 г.

²¹⁴ Мордвинов Николай Семенович (1754–1845) – военный и государственный деятель. В 1802–1812 гг. министр морских сил.

²¹⁵ Байдарская долина – котловина в юго-западной части Крымского полуострова.

²¹⁶ Партийный состав III Государственной думы был следующим: крайних правых депутатов – 50, умеренно-правых и националистов – 97, октябристов и примыкавших к ним – 154, «прогрессистов» – 28, кадетов – 54, мусульманская группа – 8, литовско-белорусская группа – 7, Польское коло – 11, трудовиков – 14, социал-демократов – 19.

²¹⁷ Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925) – общественный и политический деятель. Сын мыслителя А.С. Хомякова, крестник Н.В. Гоголя. В 1874 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. уполномоченный Красного Креста от московского дворянства. В 1880–1886 гг. и с 1902 г. дворянский предводитель Сычевского уезда, а в 1886–1895 гг. смоленский губернский предводитель дворянства. В 1896–1901 гг. директор Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. С 1901 г. член кружка «Беседа». Участник земских съездов 1904–1905 гг. С 1906 г. член ЦК партии «Союз 17 октября». С 1906 г. член Государственного совета. Депутат II, III, IV Государственной думы. В 1907–1910 гг. председатель III Государственной думы. В 1913–1915 гг. председатель петербургского клуба общественных деятелей. В ноябре 1918 г. принимал участие в Яском совещании. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. Скончался в Дубровнике.

²¹⁸ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – общественный и политический деятель. В 1886–1891 гг. новомосковский уездный предводитель дворянства. В 1901–1906 гг. председатель Екатеринославской губернской земской управы. В 1905 г. основал Народную партию «Союза 17 октября», примкнувшую к партии «Союз 17 октября». С 1905 г. член ЦК партии «Союз 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы. В 1911–1917 гг. председатель Государственной думы. Участник Государственного совещания августа 1917 г. Участвовал в Белом движении. В 1920 г. эмигрировал в Югославию.

²¹⁹ Алексеенко Михаил Мартынович (1847–1917) – общественный и политический деятель. В 1868 г. окончил юридический факультет Императорского Харьковского университета. С 1879 г. доктор финансового права. В 1879–1880 гг. экстраординарный, а в 1880–1895 гг. ординарный профессор Харьковского университета по кафедре финансового права; в 1886–1891 гг. декан юридического факультета; в 1890–1899 гг. ректор университета. С 1895 г. заслуженный профессор. В 1899–1901 гг. попечитель Казанского, а в 1901–1906 гг. – Харьковского учебных округов. Октябрист. Депутат III и IV Государственной думы, председатель бюджетной комиссии.

²²⁰ Речь идет о конфликте, связанном с законопроектом о введении земств в Западном крае.

- ²²¹ Министерство торговли и промышленности выделилось из Министерства финансов в 1905 г.
- ²²² II Государственная дума работала с 20 февраля по 3 июня 1907 г.
- ²²³ Роспуск I Государственной думы состоялся 8 июля 1906 г.
- ²²⁴ Речь идет о переговорах П.А. Столыпина с А.И. Гучковым, П.А. Гейденем, А.Ф. Кони, Н.Н. Львовым и др.
- ²²⁵ Восстание в Кронштадте датируется 19–20 июлем 1906 г. Оно стало реакцией на сведения о начале восстания в Свеаборге. К утру 20 июля Кронштадтское восстание было подавлено.
- ²²⁶ Выборгское воззвание было подписано 10 июля 1906 г. в Выборге депутатами распушенной Государственной думы из фракций кадетов, трудовиков и социал-демократов. Оно призывало граждан к пассивному сопротивлению (т. е. не платить налоги и не идти в армию) в знак протеста против разгона I Думы.
- ²²⁷ Указанные министры не были членами конституционно-демократической партии. Вероятно, П.Х. Шванебах подозревал их в тайной симпатии к партии кадетов.
- ²²⁸ Философов Дмитрий Александрович (1861–1907) – государственный деятель. В 1883 г. окончил физико-математический, а в 1885 г. – юридический факультеты Императорского Санкт-Петербургского университета. С 1901 г. товарищ государственного контролера. В 1905–1906 гг. государственный контролер. В 1906–1907 гг. министр торговли и промышленности.
- ²²⁹ Военно-полевые суды были образованы 19 августа 1906 г. Они рассматривали дела в ускоренном порядке – за 48 часов; приговор же должен был приводиться в исполнение через 24 часа после его вынесения. В сфере компетенции военно-полевого суда находились те случаи, когда виновный был пойман с поличным и его действия были направлены против представителя власти. В работе этих судов не принимала участие защита, не привлекались свидетели. В апреле 1907 г. военно-полевые суды были упразднены. За восемь месяцев их существования было казнено 683 человека.
- ²³⁰ Период между роспуском I Думы 8 июля 1906 г. и созывом II Думы 20 февраля 1907 г.
- ²³¹ Элукубрация – кропотливая ученая работа.
- ²³² Владимиров Всеволод Васильевич – действительный статский советник, директор Департамента иностранных исповеданий МВД.
- ²³³ Т. е. с разрешения государства.
- ²³⁴ Сатурналии – ежегодные празднества в Древнем Риме в честь Сатурна. Традиционно сопровождалась карнавалом, во время которого господа перевоплощались в рабов, а рабы – в господ.
- ²³⁵ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – политический и общественный деятель, историк. В 1882 г. окончил Императорский Московский университет. С 1886 г. приват-доцент на кафедре русской истории. В 1892 г. защитил диссертацию на степень магистра истории. В 1894 г. уволен из университета и выслан в Рязань (до 1897 г.). Читал лекции по русской истории в Софийском и Чикагском университетах. С 1902 г. один из авторов журнала «Освобождение», член «Союза освобождения». В 1905 г. – один из основателей Союза Союзов. С 1905 г. лидер партии кадетов, редактор партийного органа печати – газеты «Речь». С 1907 г. председатель ЦК партии кадетов. Депутат III и IV Думы. С 1915 г. один из лидеров Прогрессивного блока. С марта по май 1917 г. министр иностранных дел во Временном правительстве. Нота Милюкова от 18 апреля 1917 г. стала причиной Апрельского кризиса, приведшего к его отставке. С 1920 г. в эмиграции, издавал в Париже газету «Последние новости».
- ²³⁶ Макиавелли (Machiavelli) Николо (1469–1527) – итальянский политический мыслитель, писатель, историк. С 1498 г. секретарь Совета десяти Флорентийской

республики. В 1512 г., после восстановления власти Медичи, был отстранен от службы. Его наиболее известное сочинение – трактат «Государь» (1532), в котором Макиавелли доказывает, что политика существует по иным законам, нежели того требует мораль. «Макиавеллизм» – понятие, характеризующее политику, основанную на пренебрежении нормами морали во имя достижения и укрепления власти.

²³⁷ П.Х. Шванебах ошибается: указ о роспуске был подписан 8 июля 1906 г.

²³⁸ Секрет полишинеля – нечто, всем известное, но почему-то хранящееся в тайне.

²³⁹ Бобринский Алексей Александрович, граф (1852–1927) – политический и общественный деятель, камергер (с 1883 г.), действительный статский советник (с 1883 г.), сенатор с 1896 г. Петербургский уездный (1875–1878) и губернский (1878–1899) предводитель дворянства, гласный Петербургской городской думы. С 1886 г. председатель Археологической комиссии. В 1905 г. основатель и председатель Отечественного союза, член Центрального совета Всероссийского союза земельных собственников, в 1906–1912 гг. председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ. Избран в III Государственную думу, в 1908 г. товарищ председателя бюро фракции правых. В 1909 г. учредитель и член Совета старшин Всероссийского национального клуба. В 1911 г. сложил с себя звание депутата Государственной думы. С 1912 г. член Государственного совета, входил в группу правых. В 1916 г. министр земледелия. В 1917–1918 гг. жил в Петрограде. В 1918 г. переехал в Киев, где возглавил Совет монархического блока. В 1918–1919 гг. член Совета государственного объединения России. В 1919 г. эмигрировал в Германию. Впоследствии вернулся в Россию и был эвакуирован в Константинополь весной 1920 г. Эмигрировал во Францию. Скончался в Ницце.

²⁴⁰ Сессия открылась 20 февраля 1907 г.

²⁴¹ Фирмативно – т. е. утвердительно.

²⁴² Симилизм (от фр. *simili*) – имитация.

²⁴³ Трансакция (транзакция) – банковская операция, состоящая в переводе денежных средств с одного счета на другой; в перен. смысле: переход с одной позиции на другую.

²⁴⁴ Морбидный (от фр. *morbide*) – нездоровый, паталогический.

²⁴⁵ Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) – общественный и политический деятель. Из купеческой семьи. В 1891–1894 гг. председатель Московской уездной земской управы. Член Московской губернской земской управы и московской городской управы. Член кружка «Беседа», «Союза земцев-конституционалистов». Член Конституционно-демократической партии, с 1907 г. входил в ее ЦК. Депутат II Государственной думы и ее секретарь. Впоследствии депутат III и IV Думы. С 1914 г. главноуполномоченный Всероссийского союза городов, в ноябре 1914 – марте 1917 г. московский городской голова. Со 2 по 6 марта 1917 г. – комиссар Временного комитета Государственной думы по управлению Москвой. В мае 1917 г. назначен уполномоченным комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора и делов по делам Русского музея. В 1918 г. член Правого центра. С 1920 г. в эмиграции. Скончался в Сербии.

²⁴⁶ Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943) – общественный и политический деятель, юрист и публицист. В 1889 г. экстерном окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. С 1896 г. юрисконсульт в Министерстве юстиции. С 1898 г. сотрудничал с газетами «Русские ведомости» и «Сын отечества». В 1898 г. под его редакцией начал выходить журнал-газета «Право». С 1903 г. член «Союза освобождения». С 1904 г. присяжный поверенный. В 1905 г. вошел в партию кадетов. С 1906 г. член ЦК партии. Депутат II Государственной думы от Петербурга. С сентября 1917 г. член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Входил в Политический центр при штабе генерала Н.Н. Юденича. В 1919 г. эмигрировал в Финляндию, впоследствии переехал в Германию. С 1920 г. вместе с А.И. Каминкой и В.Д. Набоковым издавал газету

«Руль». С 1921 г. издавал документальные сборники «Архив русской революции». В 1936 г. переехал в Париж, а в 1941 г. – в США. Скончался в Нью-Йорке.

²⁴⁷ Головин Федор Александрович (1867–1937) – общественный и политический деятель. В 1898–1907 гг. член Московской губернской земской управы, с 1904 г. – ее председатель. Входил в кружок «Беседа», член «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов»; в 1904–1905 гг. председатель бюро земских и городских съездов. Член партии кадетов, с 1906 г. член ее ЦК. Депутат II и III Государственной думы, председатель II Думы. В 1910 г. сложил депутатские полномочия. Во время Первой мировой войны участвовал в работе Всероссийского Союза городов. В марте 1917 г. комиссар Временного правительства над бывшим Министерством Императорского двора и уделов. В 1921 г. член ВСЕРПОМОГОЛа (Всероссийского комитета помощи голодающим). Затем работал в советских учреждениях. Расстрелян органами НКВД. Реабилитирован в 1989 г.

²⁴⁸ В 1907 г. Пасха падала на 22 апреля по старому стилю.

²⁴⁹ Зурабов Аршак Герасимович (1873–1919) – депутат II Государственной думы от Тифлиса. С 1903 г. член РСДРП, большевик. С 1906 г. меньшевик. В 1907 г. осужден на пять лет каторжных работ. Бежал с каторги, эмигрировал. В 1917 г. вернулся в Россию. В сентябре 1917 г. член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Избран депутатом Учредительного собрания. В 1918 г. выслан правительством Грузии в Армению. Умер от тифа.

²⁵⁰ 16 апреля 1907 г. во время обсуждения численности контингента новобранцев на 1907 г. А.Г. Зурабов заявил: «Наша армия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена, сколько бы с этих скамей ни говорили, в целях внешней обороны, что вот такая армия будет великолепно воевать с нами и вас, господа, разгонять, и будет всегда терпеть поражения на востоке». Эти слова вызвали бурное возмущение на правых трибунах. Присутствовавшие на заседании министры демонстративно покинули свои места.

²⁵¹ Имеется в виду, что Ф.А. Головин просил А.Г. Зурабова «не высказываться так, так как это ни на чем не основанное утверждение». Ф.А. Головин заявил, что оратора неправильно поняли и предоставил вновь А.Г. Зурабову слово для объяснений, что лишь усугубило конфликт.

²⁵² Военным министром тогда был А.Ф. Редигер.

²⁵³ Редигер Александр Федорович (1853–1920) – государственный и военный деятель, генерал от инфантерии (с 1907 г.). Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1882–1883 гг. товарищ военного министра, управляющий делами военного министерства Болгарии. С 1884 г. профессор Николаевской академии Генерального штаба. В 1890–1905 гг. начальник канцелярии военного министра. С 1905 г. член Государственного совета. В 1905–1909 гг. военный министр. После 1917 г. занимался литературной деятельностью. В октябре 1917 г. переехал с семьей в Полтавскую губернию, в начале 1918 г. – в Переяславскую, а в конце 1918 г. – в Севастополь.

²⁵⁴ Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – общественный и политический деятель. В 1890–1895 гг. экстраординарный, в 1895–1904 гг. ординарный, а с 1905 г. заслуженный профессор кафедры военно-уголовного права Военно-юридической академии. В 1904 г. по настоянию министра внутренних дел В.К. Плеве вышел в отставку. Участвовал в русско-японской войне в 1904–1905 гг. на посту председателя военно-судной комиссии. Сотрудничал с журналами «Право», «Вестник права». В конце 1905 – начале 1906 г. участвовал в организации Партии демократических реформ. Член ее Центрального бюро. Депутат I и II Государственной думы. С 1908 г. читал курс военно-уголовного права в Императорском Санкт-Петербургском университете. С 1909 г. присяжный поверенный. Вел раздел в журнале «Вестник Европы». Во время Первой мировой войны член Главного и Петроградского комитетов Всероссийского союза городов, уполномоченный петроградского земства во Всероссийском земском союзе. В августе 1917 г. участник Государственного совещания. В период Гражданской войны министр юстиции в правительстве Н.Н. Юденича. С 1919 г. в эмиграции в Париже.

²⁵⁵ Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) – политический и государственный деятель. В 1882 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. С 1891 г. управляющий Симбирской казенной палатой. С 1892 г. вице-директор, а с 1899 г. директор Департамента окладных сборов Министерства финансов. В 1904–1905 гг. товарищ министра внутренних дел. В 1905 г. товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским банками. В 1905–1906 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием. С 1906 г. член партии кадетов, член ЦК партии. Депутат II и III Государственной думы. В 1915–1917 гг. член Центрального военно-промышленного комитета. В сентябре 1917 г. председатель Торгово-промышленной фракции Временного совета Российской республики (Предпарламента). Депутат Учредительного собрания от Петрограда. В 1918–1919 гг. неоднократно арестовывался. С 1919 г. заведовал сметным отделом Народного банка. Работал в Институте экономических исследований при Наркомате финансов. С 1921 г. в правлении Госбанка РСФСР. В 1922–1924 гг. участвовал в подготовке денежной реформы.

²⁵⁶ Кониц Генрих Самуилович (1860–1934) – польский общественный деятель. В 1881 г. окончил юридический факультет Варшавского университета. Присяжный поверенный. С 1897 г. редактор-издатель еженедельника «Газета Сондова Варшавска». Один из лидеров Прогрессивно-демократической партии. Депутат II Государственной думы, член польского коло. С 1907 г. лидер Польской прогрессивной партии. Член Главного совета Польского прогрессивного объединения. Последовательный сторонник независимости Польши. С 1921 г. профессор права Варшавского университета. С 1927 г. член Правового совета при Министерстве юстиции Польши.

²⁵⁷ Нечитайло Сергей Васильевич (1862–?) – депутат II Государственной думы от Киевской губернии. Крестьянин. Член Трудовой группы.

²⁵⁸ Пьяных Иван Емельянович (1863–1929) – депутат II Государственной думы от Курской губернии. Крестьянин. С 1903 г. член Партии социалистов-революционеров. В 1905–1907 гг. член Всероссийского Крестьянского союза. Во II Думе вошел в группу социалистов-революционеров. В 1907 г. был арестован за агитацию во пользу вооруженного восстания. Обвинялся в убийстве провокатора В. Тихонова. В 1909 г. был приговорен к смертной казни, которая была заменена бессрочной каторгой. Освобожден в 1917 г. Представитель Совета крестьянских депутатов во Временном совете Российской республики. Депутат Учредительного собрания от Курской губернии. В 1920-х гг. член Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

²⁵⁹ Пройда Артемий Гордеевич (1873–?) – депутат II Государственной думы от Екатеринославской губернии. Крестьянин. Входил в Трудовую группу.

²⁶⁰ Сардонически – т. е. злобно и насмешливо.

²⁶¹ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (с 1900 г.), генерал-адъютант (с 1902 г.). Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. В 1890–1898 гг. начальник Закаспийской области. В 1898–1904 гг. военный министр. В 1904–1905 гг. главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами в русско-японской войне. В Первую мировую войну в 1915 г. командовал корпусом, затем 5-й армией, в 1916 г. Северным фронтом. В 1916–1917 гг. туркестанский генерал-губернатор. С 1917 г. член Александровского комитета о раненых. В 1918 г. один из организаторов народного музея в г. Холм Псковской губернии. С 1920 г. член совета школы в с. Лебедево Холмского уезда. С 1921 г. преподавал экономическую географию в сельскохозяйственной школе в с. Яблоново. Похоронен в с. Шешурино Торопецкого уезда Тверской губернии. А.Н. Куропаткина обвиняли в крайне нерешительном ведении военных действий в ходе русско-японской войны; «куропаткинская тактика» – это тактика постоянного отступления и уступок.

²⁶² Речь идет о выступлении П.А. Столыпина 10 мая 1907 г.

²⁶³ Плеве Николай Вячеславович (1871 – после 1929) – государственный деятель, камергер (с 1907 г.), гофмейстер (с 1913 г.), тайный советник (с 1916 г.), сенатор (с 1916 г.). Сын В.К. Плеве. В 1906–1910 гг. помощник управляющего делами, в 1910–1914 гг. – управляющий делами Совета министров. С 1914 г. товарищ министра внутренних дел. В 1917 г. член Государственного совета.

²⁶⁴ Мемория – памятная записка.

²⁶⁵ Вакант – каникулы.

²⁶⁶ Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957) – общественный и политический деятель. В 1893 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. С 1896 г. присяжный поверенный. Участвовал в процессах Н.Э. Баумана, М.А. Стаховича, М. Бейлиса, С.И. Мамонтова, о Выборгском воззвании. С 1904 г. член кружка «Беседа», его секретарь и архивариус. Член «Союза освобождения». С 1906 г. член ЦК партии кадетов. Представлял правое крыло партии. Депутат II, III, IV Государственной думы. Один из основных ораторов кадетской фракции. С 1915 г. член Прогрессивного блока. Один из организаторов убийства Г.Е. Распутина в 1916 г. В апреле 1917 г. возглавил Юридическое совещание, однако вскоре был заменен Ф.Ф. Кокошкиным. Член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Временным правительством был назначен послом во Францию. По сути дела, не вступил в должность, так как 17 ноября 1917 г. решением Л.Д. Троцкого был смещен с этого поста. В 1924 г. возглавил Эмигрантский комитет во Франции, предназначенный для помощи русским беженцам. Во время немецкой оккупации 5 месяцев провел в тюрьме (1941). Принимал участие в организации движения Сопротивления.

²⁶⁷ Акимов Михаил Григорьевич (1847–1914) – государственный деятель, сенатор (с 1899 г.), действительный тайный советник (с 1907 г.), статс-секретарь (с 1908 г.). Шурин П.Н. Дурново, свояк А.Г. Булыгина. С 1881 г. товарищ прокурора Киевской судебной палаты, с 1883 г. председатель Одесского, с 1887 г. – Пензенского окружных судов, с 1889 г. прокурор Одесской, с 1891 г. – Московской судебных палат. В 1894–1899 гг. старший председатель Одесской судебной палаты. С 1899 г. сенатор Уголовного кассационного департамента. В 1905–1906 гг. министр юстиции. С 1906 г. член Государственного совета, в 1907–1914 гг. его председатель.

²⁶⁸ Голубев Иван Яковлевич (1841–1918) – государственный деятель, сенатор (с 1881 г.), действительный тайный советник (с 1901 г.), статс-секретарь (с 1910 г.). В 1860 г. окончил Училище правоведения. С 1895 г. член Государственного совета. С 1906 г. товарищ председателя Государственного совета. С 1914 г. – председатель Государственного совета.

²⁶⁹ Гончаров Сергей Сергеевич (1842–1918) – государственный деятель, сенатор (с 1891 г.), действительный тайный советник (с 1904 г.). С 1900 г. член Государственного совета. В 1906–1911 гг. назначался к присутствию в Государственном совете. Принадлежал к группе центра.

²⁷⁰ Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917) – государственный деятель, действительный тайный советник (с 1896 г.), статс-секретарь (с 1903 г.). В 1866 г. окончил Императорский Александровский лицей, а в 1871 г. – Петербургский земледельческий институт. С 1867 г. служил по Министерству государственных имуществ, а с 1872 г. – по Министерству финансов. В 1883–1892 гг. директор Департамента неокладных сборов. С 1892 г. товарищ министра финансов. С 1893 г. управляющий Министерством государственных имуществ. В 1894–1905 гг. министр государственных имуществ. С 1905 г. член Государственного совета; председатель бюро группы центра.

²⁷¹ Самарин Федор Дмитриевич (1858–1916) – общественный деятель, публицист. В 1880 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. В 1884–1891 гг. предводитель московского уездного дворянства. Член Постоянного совета Объединенных дворянских обществ; основатель Кружка москвичей. В 1906–1908 гг. член Государственного совета от дворянства. Один из основателей газеты «Окраины России».

²⁷² Пихно Дмитрий Иванович (1853–1913) – экономист, общественный деятель. Сын деревенского мельника. Доктор полицейского права (с 1888 г.). В 1874 г. окончил юридический факультет Университета св. Владимира в Киеве. С 1877 г. приват-доцент Университета св. Владимира. В 1879–1907 гг. редактор «Киевлянина». В 1885 г. чиновник особых поручений при Министерстве финансов в Петербурге. В 1888–1902 гг. профессор кафедры экономических наук Университета св. Владимира. Возглавлял киевский отдел Союза русского народа. В 1907–1913 гг. член Государственного совета; принадлежал к группе правых.

²⁷³ Камышанский Петр Константинович (1862–1910) – государственный деятель. С 1897 г. товарищ прокурора Петербургского окружного суда; с 1901 г. прокурор Витебского окружного суда; с 1902 г. товарищ председателя Петербургского окружного суда; с 1904 г. товарищ прокурора Петербургской судебной палаты; с 1905 г. и. д. прокурора Петербургской судебной палаты. В 1909–1910 гг. вятский губернатор.

²⁷⁴ Озол Иван Петрович (1878–?) – депутат II Государственной думы от Риги. Личный почетный гражданин, бухгалтер. Член ЦК Латвийской социал-демократической рабочей партии. Делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП в 1906 г. Эмигрировал в США. По избрании в Думу вошел в социал-демократическую фракцию.

²⁷⁵ Члены фракции обвинялись в связях с Военной организацией Петербургского комитета РСДРП. Документы, компрометировавшие фракцию, были посланы туда секретарем Военной организации Е. Шорниковой, которая в то же время была сотрудницей Департамента полиции. Эти материалы при обыске не были найдены, однако собранных доказательств оказалось достаточно для открытия уголовного дела.

²⁷⁶ Правительство требовало согласия Думы на арест представителей социал-демократической фракции, что для большинства Думы было неприемлемо.

²⁷⁷ Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) – государственный деятель, гофмейстер (с 1896 г.), статс-секретарь (с 1913 г.). В 1871 г. окончил Училище правоведения. С 1873 г. чиновник особых поручений при саратовском губернаторе. С 1879 г. инспектор Главного тюремного управления МВД. В 1881–1887 гг. предводитель зарайского уездного дворянства. С 1886 г. тамбовский вице-губернатор. С 1888 г. калужский губернатор, с 1893 г. московский губернатор. В 1902–1904 гг. помощник московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В 1905 г. министр внутренних дел. В том же году стал членом Государственного совета; принадлежал к правой группе. В 1913–1917 гг. главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии. После Февральской революции 1917 г. уехал в свое рязанское имение. В 1919 г. был арестован губЧК и расстрелян.

²⁷⁸ Дюбарри Мария Жанна, графиня (1741–1793) – фаворитка французского короля Людовика XV. Была казнена на гильотине во время Великой Французской революции.

²⁷⁹ Герасимов Александр Васильевич (1861–1944) – генерал-лейтенант. С 1894 г. помощник начальника Харьковского жандармского управления. В 1905–1909 гг. начальник Петербургского охранного отделения. В 1909–1914 гг. генерал для поручений при министре внутренних дел. После 1917 г. в эмиграции. Жил в Берлине, вел бухгалтерию мастерской дамского платья, которую организовала его жена.

²⁸⁰ Т. е. раздражен.

²⁸¹ Воронцов-Дашков Илларион Иванович, граф (1837–1916) – государственный деятель, генерал-адъютант (с 1875 г.), генерал от кавалерии (с 1890 г.), кавалер ордена Андрея Первозванного (1896). С 1881 г. один из руководителей «Священной дружины». В 1881–1897 гг. министр двора и уделов. С 1897 г. член Государственного совета. В 1904–1905 гг. председатель Главного управления Российского общества Красного Креста. В 1905–1914 гг. наместник на Кавказе.

²⁸² И.И. Воронцов-Дашков предложил В.И. Мамантову должность представителя кавказского наместника в Совете министров, которая также предоставляла ему место в Государственном совете.

²⁸³ Вероятно, речь идет о Э.Ю. Нольде, бывшем представителе кавказского наместника в Совете министров.

²⁸⁴ В итоге В.И. Мамантов по личной просьбе Николая II остался товарищем главноуправляющего канцелярией прошений.

²⁸⁵ Римский-Корсаков Александр Александрович (1850–1922) – государственный деятель, сенатор (с 1909 г.), шталмейстер (с 1909 г.). В 1903–1905 гг. витебский губернский предводитель дворянства. В 1905–1909 гг. ярославский губернатор. С 1908 г. член Главного совета «Союза русского народа» (в 1909–1910 гг. товарищ председателя). С 1915 г. член Государственного совета; входил в группу правых. В марте–сентябре 1917 г. находился под арестом. После 1917 г. в эмиграции. Скончался в Берлине.

²⁸⁶ Урусов Сергей Дмитриевич, князь (1862–1937) – политический и государственный деятель. В 1885 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. В 1886–1896 гг. предводитель дворянства Перемышльского уезда. В 1901 г. заведовал типографиями Москвы. В 1902–1903 гг. тамбовский вице-губернатор. В 1903–1904 гг. бессарабский губернатор. В 1904–1905 гг. тверской губернатор. В 1905–1906 гг. товарищ министра внутренних дел. В 1906 г. депутат I Государственной думы, вошел в группу Партии демократических реформ. В 1907 г. был осужден за подписание Выборгского воззвания (хотя его и не подписывал). После Февральской революции 1917 г. назначен товарищем министра внутренних дел. В июне 1917 г. вышел в отставку. Жил в Калужской губернии. Депутат Учредительного собрания от Бессарабской губернии. В 1919 г. призван в Красную армию, выполнял обязанности бухгалтера строевого управления штаба всех морских сил Республики. В 1921 г. освобожден от военной службы. Проживал в Москве, работал в советских учреждениях.

²⁸⁷ Лопухин Алексей Александрович (1864–1928) – государственный деятель, действительный статский советник (с 1903 г.). В 1886 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. С 1886 г. товарищ прокурора Рязанского окружного суда, с 1893 г. – Московского. С 1896 г. прокурор Тверского окружного суда, с 1899 г. – Московского, с 1900 г. – Петербургского. С 1902 г. и. д. прокурора Харьковской судебной палаты, затем и. д. директора Департамента полиции МВД. С 1903 г. директор Департамента полиции. В 1905 г. эстляндский губернатор. В 1906–1909 гг. присяжный поверенный. В 1908 г. сообщил В.Л. Бурцеву о сотрудничестве Е.Ф. Азефа с полицией. В связи с этим в 1909 г. был арестован и приговорен к пяти годам каторги, которая была заменена ссылкой в Сибирь. В 1913 г. был помилован, служил вице-директором московского отделения Сибирского торгового банка. После 1917 г. в эмиграции.

²⁸⁸ Ширинский-Шихматов Алексей Александрович, князь (1862–1930) – государственный деятель, камергер (с 1896 г.), действительный статский советник (с 1900 г.), гофмейстер (с 1904 г.), сенатор (с 1904 г.). В 1884 г. окончил Училище правоведения. В 1894–1903 гг. прокурор московской синодальной конторы. В 1903–1904 гг. тверской губернатор. В 1905 г. товарищ обер-прокурора Св. Синода, с 1906 г. – обер-прокурор. С 1906 г. член Государственного совета, входил в группу правых. В 1907–1912 гг. председатель Осведомительного бюро правых депутатов Государственной думы и членов Государственного совета. После октября 1917 г. переехал в Москву. В 1918 г. эмигрировал в Польшу, в 1920 г. переехал в Прагу, в том же году – в Берлин. С 1921 г. член Высшего монархического совета. С 1922 г. жил в Мюнхене, затем вновь переехал в Берлин. С 1924 г. жил в г. Севр под Парижем.

²⁸⁹ Рогович Алексей Петрович (1858–?) – государственный деятель, гофмейстер (с 1906 г.), сенатор (с 1910 г.). С 1891 г. самарский вице-губернатор. С 1895 г. управляющий канцелярией киевского генерал-губернатора. С 1901 г. ковенский губернатор. В 1902–1905 гг. ярославский губернатор. В 1906–1912 гг. товарищ обер-

прокурора Св. Синода. С 1912 г. член Государственного совета, принадлежал к группе правых.

²⁹⁰ Имеется в виду противостояние Н.П. Муратова с тверским губернатором С.Д. Урусовым и его родственником, директором Департамента полиции А.А. Лопухиным.

²⁹¹ Приселков Аполлон Васильевич (1859–1916) – надворный советник.

²⁹² Н.П. Муратов ошибается: после 19 июля П.А. Столыпин вел прием 2 августа и 9 августа 1906 г.

²⁹³ Шаховской Дмитрий Иванович, князь (1861–1939) – общественный и политический деятель. Внук декабриста Ф.П. Шаховского, внучатый племянник философа П.Я. Чаадаева. В 1885 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. С 1889 г. гласный уездного, а с 1895 г. губернского земских собраний. В 1891–1892 гг. участник кампании по борьбе с голодом. В 1899 г. один из основателей кружка «Беседа». Один из руководителей «Союза освобождения». Член «Союза земцев-конституционалистов», член Организационного бюро общеземских съездов. С 1905 г. член ЦК партии кадетов. Депутат I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание, за что был осужден в 1907 г. В мае–июне 1917 г. министр государственного призрения во Временном правительстве. В 1920 г. был арестован по делу Тактического центра, но вскоре освобожден. Впоследствии занимался литературной деятельностью. В 1938 г. был арестован, а в 1939 г. расстрелян.

²⁹⁴ Речь идет о Главном управлении землеустройства и земледелия.

²⁹⁵ Лауниц Владимир Федорович (1856–1906) – государственный деятель, шталмейстер (с 1903 г.). В 1901–1902 гг. архангельский вице-губернатор. В 1902–1905 гг. тамбовский губернатор. В 1905–1906 гг. градоначальник Санкт-Петербурга.

²⁹⁶ Понтий Пилат – римский прокуратор Иудеи, осудивший Иисуса Христа.

²⁹⁷ Т. е. речь идет об июле–августе 1906 г.

²⁹⁸ Ветчинин Виталий Георгиевич (1867–1925) – общественный и политический деятель, действительный статский советник (с 1913 г.), егермейстер (с 1914 г.). В 1893 г. окончил Демидовский юридический лицей в Ярославле. В 1893–1900 гг. земский начальник в Елецком уезде Орловской губернии. В 1901–1904 гг. член оренбургской межевой комиссии. С 1905 г. елецкий уездный предводитель дворянства. Член партии «Союз 17 октября». Депутат II, III, IV Государственной думы. Во II Думе изначально входил во фракцию «Союза 17 октября», потом перешел в группу правых и умеренных. В III Думе входил в Национальную группу, с 1909 г. в Русскую национальную фракцию. В IV Думе член фракции русских националистов и умеренно-правых. В 1916–1917 гг. херсонский губернатор. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, затем переехал в Югославию, в Белград. Похоронен на Новом кладбище в Белграде.

²⁹⁹ Вероятно, имеется в виду Павлов Николай Алексеевич – саратовский помещик. С 1905 г. чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел. Сотрудник «Гражданина», «Московских ведомостей». Член Постоянного совета Объединенного дворянства.

³⁰⁰ Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.

³⁰¹ Т. е. представители императорской фамилии и ее ближайшее окружение.

³⁰² Татищев Дмитрий Николаевич (1867–1919) – государственный деятель, генерал-майор (с 1915 г.). С 1895 г. служил по Министерству внутренних дел. С 1897 г. предводитель дворянства Гжатского уезда Смоленской губернии. С 1909 г. ярославский губернатор. С 1915 г. командующий Отдельным корпусом жандармов. Расстрелян большевиками как заложник.

³⁰³ Якунин Владимир Васильевич (1855–?) – государственный деятель, действительный статский советник (с 1902 г.), камергер (с 1903 г.), гофмейстер (с 1906 г.). С

1886 г. председатель Одесской уездной земской управы. С 1901 г. предводитель дворянства Одесского уезда. В 1906–1910 гг. самарский губернатор. С 1910 г. екатеринославский губернатор.

³⁰⁴ Бухарский эмир Сеид-Абдул-Ахат-хан (1857–1911) – правитель Бухарского ханства в 1885–1911 гг.

³⁰⁵ Европеус Владимир Иванович – коллежский советник, пермский вице-губернатор в 1907–1915 гг.

³⁰⁶ В 1906 г. И.Ф. Кошко, будучи самарским вице-губернатором, выступил за наказание земского начальника, уличенного в злоупотреблении властью при приемке хлеба. Самарский губернатор Якунин был резко против. Это обострило отношения между Кошко и Якунином. Конфликт был усугублен, когда стало известно о слежке революционеров за И.Ф. Кошко. Последнему было запрещено выходить из дома. Однако уже через два дня И.Ф. Кошко нарушил приказ губернатора.

³⁰⁷ Блок Иван Львович (1858–1906) – государственный деятель. Дядя поэта А.А. Блока. В 1904–1905 гг. бессарабский вице-губернатор. В 1905–1906 гг. самарский губернатор. Убит террористом.

³⁰⁸ Имеется в виду Самарин Федор Дмитриевич (1858–1916).

³⁰⁹ Т. е. Ф.Д. Самарин.

³¹⁰ Вероятно, М.М. Осоргин имел в виду известную фразу П.А. Столыпина, брошенную депутатам II Думы: «Не запугаете».

³¹¹ В тексте рукописи ошибка, надо – «Петербурге».

³¹² Немировский Александр Осипович – саратовский городской голова. Впоследствии и. д. управляющего отделом народного здоровья и общественного призрения, член совета министра внутренних дел, статский советник.

³¹³ В тексте Славиним сделана отметка «*», а внизу страницы находится сноска: «Как известно, сигналом к заявлению подобных желаний послужила декларация министра внутр[енних] дел князя Святополк-Мирского о доверии правительства к общественным силам страны, после чего была объявлена «весна» в нашей внутренней политике».

³¹⁴ Имеется в виду постановление Саратовской городской думы, принятое 1 декабря 1904 г., содержащее обращение гласных к Немировскому с предложением «стать выше положения» и не оставлять поста городского головы.

³¹⁵ Гласные Саратовской городской думы. Коробков В.А. – замещающий место городского головы.

³¹⁶ В тексте Славиним сделана отметка «*», а внизу страницы имеется сноска: «Пометы, правки, вставки, дополнения и добавления, сделанные в черновике собственноручно Столыпиным, будут мной подчеркиваться. – И.С.».

³¹⁷ Через несколько дней Немировский забрал заявление об отставке (*Приволжский край. 1904. 11 декабря. С. 3*).

³¹⁸ В тексте Славиним сделана отметка «*», а внизу страницы находится сноска: «Высшая мера наказания – исключение из службы (п[ункт] 1) и низшая – замечание более или менее строгое (п[ункт] 9)».

³¹⁹ В тексте Славиним сделана отметка «*», а на полях слева сделана приписка: «Новиков, назначенный незадолго перед тем из земских деятелей вице-губернатором, не сошелся со Столыпиным и скоро оставил службу».

³²⁰ Манифест 17 октября 1905 г. провозглашал дарование гражданских и политических прав подданным Российской империи, а также учреждение законодательной Государственной думы.

³²¹ Речь идет о покушении на жизнь С.Ю. Витте 29 января 1907 г., организованном с санкции «Союза русского народа».

³²² Речь идет о конфиденциальной записке С.Ю. Витте 1899 г., известной под названием «Самодержавие и земство». В ней он доказывал, что местное самоуправление несовместимо с самодержавием. Их параллельное существование может вылиться либо в упразднение самодержавия, либо в окончательную гибель земства.

³²³ Распутин Григорий Ефимович (1864 или 1865–1916) – из семьи крестьян. В конце XIX в. примкнул к секте хлыстов. К 1902 г. получил известность благодаря своим «исцелениям». В 1904–1905 гг. начал приглашаться в дома петербургской аристократии, в 1907 г. попал в царское окружение. Лечил наследника престола Алексея Николаевича. Пользовался большим влиянием в ближайшем окружении императора. Желая уберечь царскую власть от дальнейшей дискредитации, Ф.Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович убили Распутина.

³²⁴ На заседании кружка «Беседа» Н.Н. Львов описывал эти события следующим образом:

«Появился Н.Н. Львов и заявил, что он просит прервать обсуждение текущих вопросов и выслушать его сообщение.

Н.Н. Львов: Я видел ужасы, нечто вроде пугачевщины. Началось по соседству с моим именем у кн. Волконского. Крестьяне стали рубить лес. У Волконского есть тяжба с ними, в которой он едва ли прав, но туда же наехали сейчас крестьяне других деревень – тоже поживиться лесом. Вообще возбуждение среди крестьян растет. Еще до этого шли разные слухи: о дележе земли, о том, что господа хотят перевести царский род и т. д. Пропаганда идет с двух сторон: есть, несомненно, в наших краях революционеры-агитаторы и появляются прокламации; но, с другой стороны, ходят сыщики охраны, а священники и полиция поддерживают нелепые слухи – о том, что господа хотят стать на место царя, об измене, о подкупе Японии и Англией и т. п. Все это вместе, а также смутные слухи о войне волнуют народ. У Волконского в Романовке рубили лес дней пять, потом приехали губернатор (П.А. Столыпин – *Ред.*) и казаки и дело кончилось сравнительно мирно: порки и стрельбы не было. Потом мордово-караевские мужики стали рубить мой лес. У меня с мордово-караевскими нет никаких дел, это государственные крестьяне с полным наделом. Они зажиточны. Два года назад у них был прекрасный урожай. Я был в Саратове и приехал, когда было уже много срублено. Я сперва поскакал в свои села (т. е. в села бывших наших крестьян, но я не узнал мужиков. Это другой народ – с затаенной злобой и недоверием. Все ждут, что будет с мордово-караевскими и готовы делать то же. Скоро в Мордово-Карай также приехали губернатор с казаками. Они продолжали рубить и при нем. Они вырубали более 200 дес. на 150 000 руб. Все вывезено, продано, прожито. Приезжали со всех окрестностей покупать за бесценок. Рубили дней шесть. Губернатор приехал на громадный пьяный сход (в селе Мордово много душ). Падают на колени и в то же время кидают камнями, хохочут, рыдают, галдят. Губернатор Столыпин не хотел прибегать к репрессиям, и я его всячески просил об этом. Он требовал от них составления приговора о том, чтобы они перестали рубить лес, и требовал выдать зачинщиков. Но невозможно было чего-нибудь добиться. Когда он стал им грозить, они тоже отвечали угрозами по отношению к полиции и казакам. Тогда он один вышел к ним и сказал: «Убейте меня». Тогда они кинулись на колени. Но как только он сел в сани, в него стали кидать камнями. Тут же ранили пристава, несколько казаков и солдат. Крестьяне вооружились – насадили на палки какие-то пики. Губернатор пробовал также вызвать депутатов выборных от общества. Явилось человек 20. С ними ничего нельзя было сделать. Это обезумевшие люди, возбужденные хищники... Губернатор уехал на время и обещал приехать туда опять в понедельник, т. е. сегодня. Он мне сказал, что если дело без этого не кончится, он будет стрелять. И вот, может быть, сейчас там стреляют... Я не мог выдержать, перевез оттуда мою семью. Некоторые воображают, что аграрные беспорядки могут принести хоть какую-нибудь пользу. Ничего, кроме пугачевщины, из холерных, еврейских и аграрных беспорядков – ничего путного выйти не может. А это озлобление усмирителей. Пристав с глазами, налитыми кровью, кричал: «Я усмирю их». Я видел, как казаки с факелами тащили порубщиков из леса. Я едва удержал их, чтобы их не били. Меня лично не тронули, но мордовцы грозили мне. Что это вообще за дикость! Стоит старик перед

губернатором на коленях, совершенно пьяный и кричит: «Лес наш! Лес наш!» Война на всем этом тоже имела, по-видимому, некоторое неожиданное значение. Когда губернатор говорил, что нельзя брать чужого, то ему кто-то возразил: Маньчжурия тоже чужая, а ее вон забрали. Это царство грубой физической силы. Войска, которые привел губернатор, состояли из запасных солдат, которые были чем-то недовольны и озлоблены против крестьян. Они говорили – только дозвольте, а мы покажем этим мужикам» (*ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 243–244*).

³²⁵ Делегация земских городских деятелей была принята императором 6 июня 1905 г.

³²⁶ Трубецкой Сергей Николаевич, князь (1862–1905) – философ, общественный деятель. Друг В.С. Соловьева. В 1885 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. С 1898 г. приват-доцент, с 1900 г. профессор, а с 1905 г. ректор Московского университета.

³²⁷ В своей речи С.Н. Трубецкой призывал Николая II к политике сотрудничества с обществом на пути к широким политическим и правовым реформам.

³²⁸ Булыгинская конституция – имеется в виду манифест 6 августа 1905 г., провозглашавший созыв законосовещательного представительства.

³²⁹ Вооруженное восстание в Москве происходило с 9 по 19 декабря 1905 г.

³³⁰ Эти слова были произнесены в ответ на выступление И.Л. Горемыкина одним из лидеров кадетов В.Д. Набоковым 13 мая 1906 г.

³³¹ Имеется в виду проект аграрной реформы, выдвинутый кадетами («Проект 42-х»). Он предполагал принудительное отчуждение частновладельческих земель за «справедливое» вознаграждение.

³³² В Государственной думе процедура голосования преимущественно проходила следующим образом: голосующие «за» продолжали сидеть, голосующие «против» вставали.

³³³ Восстание в Свеаборге продолжалось с 18 по 20 июля 1906 г.

³³⁴ В июне 1906 г. батальон лейб-гвардии Преображенского полка был сослан в село Медведь Новгородской губернии, так как он отказался вступить на смену караула, пока не будут приняты его политические требования.

³³⁵ Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – юрист, общественный деятель, доктор права (1890), сенатор (с 1891 г.), почетный академик (с 1900 г.). В 1865 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. С 1871 г. прокурор Петербургского окружного суда, а с 1876 г. – председатель. Председательствовал на процессе В.И. Засулич. С 1881 г. председатель гражданского департамента Петербургской судебной палаты. С 1885 г. обер-прокурор кассационного департамента Сената. С 1907 г. член Государственного совета. С 1918 г. читал лекции в Петроградском университете. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

³³⁶ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк, член Петербургской Академии наук (с 1914 г.). Исследователь истории средневековой Англии. В 1875 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. В 1884–1902 гг. профессор Московского университета. С 1903 г. преподавал в Оксфорде. В 1908 г. вернулся в Московский университет и в 1911 г. вновь подал в отставку в знак протеста против увольнения ряда профессоров. С 1918 г. гражданин Великобритании.

³³⁷ Камер-фурьер – придворный чиновник 6-го класса. Вел запись дворцовых церемоний и быта царской семьи.

³³⁸ Имеется в виду Михаил Александрович Стахович.

³³⁹ Гейден Петр Александрович, граф (1840–1907) – общественный и политический деятель, юрист. С 1877 г. товарищ председателя Петербургского окружного суда. С 1883 г. член Петербургской судебной палаты. В 1886–1890 гг. начальник Канцелярии прошений на высочайшее имя приносимых. В 1895–1906 гг. президент

Вольного экономического общества. В 1895–1907 гг. предводитель дворянства Опочечского уезда Псковской губернии. Один из основателей «Союза 17 октября». В 1906 г. депутат I Думы от Псковской губернии. В июле 1906 г. вышел из партии октябристов и участвовал в создании Партии мирного обновления, член ее ЦК.

³⁴⁰ Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) – общественный и политический деятель. В 1872 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1893–1904 гг. председатель Московской губернской земской управы. Член кружка «Беседа». Один из основателей «Союза 17 октября», член ЦК партии. В 1906 г. вышел из нее из-за принципиальных разногласий с А.И. Гучковым. Один из основателей Партии мирного обновления. С 1906 г. член Государственного совета. С 1911 г. отошел от политики. В 1917 г. один из лидеров Национального центра. В 1919 г. был арестован органами ВЧК. Умер в тюрьме.

³⁴¹ Львов Георгий Евгеньевич, князь (1861–1925) – общественный и политический деятель. В 1886–1893 гг. служил по Министерству внутренних дел. В 1902–1905 гг. председатель Тульской губернской земской управы, в 1904–1905 гг. участник земских съездов. Член кружка «Беседа», «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов». Один из организаторов общеземской помощи раненым в русско-японскую войну. Депутат I Государственной думы. В период Первой мировой войны председатель Всероссийского земского союза. С 1915 г. председатель Земгора. В марте–июле 1917 г. председатель Временного правительства. После 1917 г. эмигрировал во Францию. В 1918–1920 гг. глава Русского политического совещания в Париже.

³⁴² Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) – один из создателей и лидеров Партии социалистов-революционеров, секретный сотрудник Департамента полиции (с 1892 г.). С 1899 г. член «Северного союза социалистов-революционеров». С 1903 г. руководил «боевой организацией» партии эсеров. Подготовил ряд террористических актов (убийство В.К. Плеве в 1904 г., великого князя Сергея Александровича в 1905 г.). В 1905 г. выдал полиции почти всех членов «боевой организации». В 1908 г. был разоблачен В.Л. Бурцевым. ЦК партии эсеров приговорил его к смерти, но Азеф сумел скрыться. В 1915 г. арестован в Германии как шпион России. Скончался в Берлине.

³⁴³ Малиновский Роман Вацлавович (1876–1918) – рабочий-металлист, секретный сотрудник Московского охранного отделения (с 1910 г.). Член РСДРП с 1906 г. В 1912 г. на VI (Пражской) конференции РСДРП избран членом ЦК. С 1912 г. депутат IV Государственной думы от рабочей курии Московской губернии, с 1913 г. председатель Российской социал-демократической рабочей фракции. По требованию товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского в 1914 г. сложил с себя депутатские полномочия и уехал за границу. Был исключен из партии за «дезертирство». В 1918 г. вернулся в Петроград. Осужден и расстрелян.

³⁴⁴ Крупенский Павел Николаевич (1863–1939) – общественный и политический деятель, действительный статский советник (с 1907 г.), камергер (с 1910 г.). В 1885 г. окончил Николаевское кавалерийское училище. С 1885 г. на военной службе. В 1892–1897 гг. адъютант при варшавском генерал-губернаторе. В 1898 г. вышел в отставку. В 1899–1908 гг. хотинский уездный предводитель дворянства. В 1906–1907, 1910–1916 гг. участник съездов уполномоченных дворянских обществ. Депутат II, III и IV Государственной думы. Во II Думе входил в группу правых и умеренных. В III Думе – во фракцию умеренно-правых, с 1909 г. – в русскую национальную фракцию, а с 1911 г. возглавил группу независимых националистов. В IV Думе входил во фракцию центра. В 1909 г. был одним из основателей Всероссийского национального клуба. С 1910 г. член Совета Всероссийского национального союза. С 1915 г. член Прогрессивного блока. В марте 1917 г. разоблачен как платный агент Департамента полиции. После 1917 г. в эмиграции, во Франции. В 1920 г. основал Свободную академию художеств в Ницце.

³⁴⁵ Скалон Георгий (Карл Георг) Антонович (1847–1914) – генерал-адъютант (с 1903 г.), генерал от кавалерии (с 1905 г.). В 1905–1914 гг. варшавский генерал-

губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа. Скончался в Варшаве.

³⁴⁶ Имеется в виду император Германии Вильгельм II.

³⁴⁷ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический и общественный деятель, действительный статский советник (с 1912 г.). В 1895 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета. В 1897–1900 гг. председатель Аккерманской уездной земской управы. В 1901 г. причислен к Министерству внутренних дел. В 1904–1906 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел. В 1905 г. участвовал в организации «Союза русского народа». С 1908 г. лидер «Союза им. Михаила Архангела». Участник съездов уполномоченных Объединенного дворянства. Член Совета «Русского собрания». Депутат II, III и IV Государственной думы. В 1916 г. участвовал в убийстве Г.Е. Распутина. Принимал участие в Белом движении. Член Совета государственного объединения России. Умер от тифа.

³⁴⁸ Муравьев Михаил Николаевич, граф (с 1865 г.) (1796–1866) – государственный деятель, сенатор (с 1842 г.), генерал-лейтенант (с 1849 г.). С 1811 г. на военной службе. Участвовал в кампании 1812 г., в заграничных походах русской армии. С 1817 г. член «Союз спасения». В 1821 г. отошел от движения декабристов. В 1826 г. определен на службу в Министерство внутренних дел. С 1828 г. моголевский губернатор. С 1831 г. гродненский губернатор. Участвовал в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. С 1835 г. курский военный губернатор. С 1839 г. директор Департамента подачей и сборов. С 1850 г. член Государственного совета. С 1856 г. председатель Департамента уделов. В 1857–1862 гг. министр государственных имуществ. С 1863 г. генерал-губернатор Северо-Западного края. Участвовал в подавлении польского восстания 1863–1864 гг. В 1865 г. возведен в графское достоинство. В 1866 г. председатель Верховной следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова. «Муравьевские воротнички» – т. е. виселицы.

³⁴⁹ Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) – общественный и политический деятель. В 1907 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. Помощник присяжного поверенного. Член РСДРП с 1903 г., один из лидеров грузинских меньшевиков. Депутат III Государственной думы, член социал-демократической фракции. С 1917 г. член Особого Закавказского комиссариата. Депутат Учредительного собрания от Закавказья. С ноября 1917 г. председатель правительства Закавказья. Впоследствии министр иностранных дел и заместитель председателя правительства Грузии. В 1921 г. эмигрировал во Францию, член грузинского правительства в изгнании.

³⁵⁰ Имеется в виду П.Н. Крупенский.

³⁵¹ Плевако Федор Никифорович (1842–1908) – адвокат, общественный и политический деятель. С 1870 г. присяжный поверенный. Известный судебный оратор. Член «Союза 17 октября», член Московского отдела его ЦК. Депутат III Государственной думы от Москвы.

³⁵² В рассказе Ф.И. Родичева отсутствует упоминание о том, что П.А. Столыпин в перерыве заседания через посредника передал Ф.И. Родичеву вызов на дуэль.

³⁵³ Стоюнина Мария Николаевна (урожд. Тихменева) – педагог, жена педагога В.Я. Стоюнина. В 1881 г. открыла женскую гимназию в Санкт-Петербурге. Преподавала до 1915 г.

³⁵⁴ Вильямс (Williams) Гарольд (1876–1928) – английский журналист, филолог, полиглот: знал более 50 языков. В 1904 г. защитил докторскую диссертацию в Мюнхенском университете. В 1904–1919 гг. работал в России в качестве корреспондента ряда английских газет. Муж (с 1906 г.) А.В. Тырковой.

³⁵⁵ Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869–1962) – журналист, писательница, общественный и политический деятель. Училась на Высших женских курсах в Петербурге. Член «Союза освобождения». С 1906 г. член ЦК партии кадетов. Сотрудник газет «Северный край», «Русские ведомости», «Русь», «Речь», «Биржевые

ведомости», «Слово», журналов «Вестник Европы», «Русская мысль», «Нива». Редактировала газету «Русская молва». Во время Первой мировой войны член Всероссийского союза городов. В 1918 г. эмигрировала в Англию. Одна из создателей в Лондоне Комитета освобождения России. Летом 1919 г. вернулась в Россию и работала в отделе пропаганды при армии А.И. Деникина. С 1920 г. обосновалась в Англии. С 1939 г. жила во Франции, а с 1951 г. – в США. Скончалась в Вашингтоне.

³⁵⁶ Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919) – участник революционного движения 1860-х гг., публицист. В 1862 г. окончил Императорский Санкт-Петербургский университет. В 1862–1863 гг. член первой «Земли и воли». В 1864 г. был арестован и приговорен к 6 годам каторжных работ, которые были заменены поселением в Енисейской губернии. В 1877–1907 гг. руководил издательством научной литературы.

³⁵⁷ Румянцев Николай Федорович (1839–1912) – политический деятель. Депутат I и III Государственной думы. В I Думе входил в прогрессивную группу, а затем в группу умеренных. В III Думе был членом прогрессивной фракции.

³⁵⁸ Бельгард Алексей Валерианович (1861–1942) – государственный деятель, камергер, сенатор (с 1912 г.). В 1902 г. вице-губернатор Лифляндской губернии. В 1902–1905 гг. и. д. эстляндского губернатора. С 1905 г. начальник Главного управления по делам печати. После 1917 г. эмигрировал в Германию.

³⁵⁹ Гершельман Сергей Константинович (1854–1910) – военный и государственный деятель, генерал-лейтенант. В 1870 г. окончил Пажеский корпус. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1903 г. начальник штаба Сибирского военного округа. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1906 г. командующий войсками Московского военного округа. В 1906–1909 гг. московский генерал-губернатор.

³⁶⁰ Законопроект «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» был утвержден 14 июня 1910 г.

³⁶¹ Брандер – метательный снаряд, наполненный зажигательным веществом.

³⁶² Имеется в виду Grimm Константин Николаевич (1858 – после 1918) – депутат III Государственной думы от Саратовской губернии, октябрист. В 1906–1908 гг. председатель Саратовской губернской земской управы. В 1910 г. сложил с себя депутатские полномочия в связи с повторным избранием председателем Саратовской губернской земской управы. Занимал эту должность до 1918 г.

³⁶³ Совет по делам местного хозяйства – консультативное учреждение при Министерстве внутренних дел, составленное из представителей органов местного самоуправления (земских и городских).

³⁶⁴ События, описываемые И.Д. Сытиным, относятся к 1911 г.

³⁶⁵ Зубовский Петр Павлович – управляющий канцелярией главноуправляющего землеустройством и земледелием, редактор газеты «Сельский вестник». Впоследствии товарищ министра земледелия. Участвовал в разработке «Закона о земле» (1920) П.Н. Врангеля.

³⁶⁶ П.Г. Курлов был назначен товарищем министра внутренних дел в 1909 г.

³⁶⁷ С.И. Шидловский, вероятно, имеет в виду инцидент с утверждением морских штатов в марте 1909 г., когда П.А. Столыпин поставил перед императором вопрос о своей отставке.

³⁶⁸ Горбунов Иван Федорович (1831–1895) – актер и писатель. С 1854 г. артист Малого театра в Москве, с 1855 г. – Александринского театра в Петербурге. Мастер устных рассказов из жизни крестьян, мещан, купцов и т. д.

³⁶⁹ С 1903 по 1906 г.

³⁷⁰ Речь идет о законопроекте «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии».

³⁷¹ Законопроект был отклонен Государственным советом 11 марта 1911 г.

³⁷² Законопроект был внесен в III Государственную думу 11 марта 1911 г. за подписями 164 депутатов; первые подписавшиеся – М.В. Родзянко (октябрист), П.В. Каменский (октябрист), П.Н. Крупенский (независимый националист).

³⁷³ Сам В.Н. Кокцов описывал свое назначение следующим образом: «Подъехавши ко дворцу, я нашел императрицу сидящей внизу на подъезде в кресле. Едва успел я поцеловать ей руку, как ко мне подошел бар. Фредерикс и сказал по-французски: «Государь Вас давно ждет». Я застал Государя в кабинете, стоящим перед выходной дверью, с фуражкой в руках. Со своей обычной улыбкой он обратился ко мне со следующими словами: «Я прошу Вас быть не председательствующим, а председателем Совета министров, оставаясь, разумеется, и министром финансов. Надеюсь, Вы мне в этом не откажете».

Я ответил на это: «Мой долг повиноваться Вашему Величеству, если Вы оказываете мне Ваше доверие и считаете меня достойным его, но в трудных условиях управления Россией мне необходимо знать, кого Ваше Величество изберете министром внутренних дел». Государь ответил мне на это: «Я уже думал об этом и остановил мой выбор на нижегородском губернаторе Хвостове». Меня это известие просто ошеломило, и я сказал Государю: «Ваше Величество, я знаю, что Вы спешите уехать, и у Вас нет времени подробно выслушать меня, но верьте моей чести, что мне больно противоречить Вам. Я по совести не могу исполнить моего долга перед Вами, если моим сотрудником по Министерству внутренних дел будет такой человек, как Хвостов, которого никто в России не уважает, и назначение которого в особенности вредно для Вас, Государь, в данную минуту, когда от министров требуется то, чего Хвостов дать не в состоянии. Дозвольте просить Вас оказать мне особую милость не считать моего назначения окончательным, если Вы решили бесспорно назначить Хвостова».

По приезде в Петербург я изложу Вам в письме самым откровенным образом мой взгляд на назначение Хвостова, предложу Вам на выбор ряд других кандидатов и, если Вы, тем не менее, предпочтете им всем или кому-либо из других кандидатов Вашего выбора того же Хвостова, то не прогневайтесь на меня и освободите меня от высокого назначения. Я слишком хорошо знаю условия нашей государственной деятельности и по чести докладываю Вам, что никакой председатель Совета не может помешать тем неосмотрительным действиям, на которые способны люди подобные Хвостову». Государь, видимо, терял терпение, дверь дважды приотворялась, и бар. Фредерикс, видимо, указывал на необходимость отъезда. Государь, подумав немного, сказал без всякого чувства раздражения, своим обычным, ласковым голосом: «Нет. Я считаю, что Вы назначение приняли, напишите все откровенно и знайте, что я уезжаю совершенно спокойно, передавши власть в Ваши руки». При этом он обнял и перекрестил меня. Следом за ним я пошел вниз, царская семья двинулась в автомобилях в дорогу, за ними поспешили другие экипажи, так что мой автомобиль попал на 6-ое или 7-ое место, и когда я подъехал к вокзалу, то императрица, видимо, уже некоторое время поджидала меня на перроне, не входя в вокзал, протянула мне руку и, когда я, сняв фуражку, поцеловал ее, она сказала мне тихо, по-французски: «Благодарю Вас и да хранит Вас Бог». Обычная суতোлка при отъезде продолжалась на вокзале лишь несколько минут. Царский поезд скоро ушел, ко мне подошел Трепов и спросил назначен ли я. Я ему ответил: «Еще не совсем, потому что не со всяким министром внутренних дел я могу вместе служить» (*Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Том I. Париж, 1933. С. 488–489*).

³⁷⁴ Бир Александр Филиппович – неперемный член новоузенской землеустроительной комиссии Самарской губернии. С 1910 г. ревизор землеустройства Астраханской, Ставропольской и Самарской губерний.

³⁷⁵ Супруга А.В. Еропкина.

³⁷⁶ Шереметев Сергей Дмитриевич, граф (1844–1918) – общественный деятель, историк, обер-егермейстер (с 1904 г.). С 1868 г. адъютант, в дальнейшем стал личным другом цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра

III. С 1877 г. полковник кавалергардского полка. С 1881 г. флигель-адъютант. С 1884 г. егермейстер двора Его Императорского Величества. В 1885–1889 гг. губернский предводитель московского дворянства. В 1888 г. основал Общество любителей древней письменности. С 1890 г. почетный член Императорской Академии наук. В 1896 г. организовал Общество ревнителей исторического просвещения в память императора Александра III. С 1900 г. член Государственного совета. С 1902 г. член Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. С 1906 г. член группы правых Государственного совета.

³⁷⁷ Шереметев Павел Сергеевич (1871–1943) – общественный и политический деятель, художник, камергер (с 1910 г.). В 1899–1911 г. звенигородский уездный предводитель дворянства. В 1899 г. один из организаторов кружка «Беседа». В 1905 г. председатель «Союза русских людей». Участник съездов уполномоченных Объединенного дворянства. В 1915–1917 гг. член Государственного совета. В 1919–1930 гг. хранитель Музея усадебного быта в Остафьево. С 1930 г. жил в Новодевичьем монастыре в Москве. Умер от истощения.

³⁷⁸ Ф.В. Шлиппе ошибается: и до 1905 г. П.С. Шереметев отличался правыми взглядами, что стало причиной его разрыва с кружком «Беседа».

³⁷⁹ Рихтер Николай Федорович (1844–1911) – общественный деятель, действительный статский советник. Председатель Московской губернской земской управы.

³⁸⁰ Грузинов Александр Евграфович – член Московской губернской земской управы, позднее заместитель председателя управы, член Совета Московского совещания общественных деятелей в 1917 г.

³⁸¹ Выборной Владимир Александрович – член Московской губернской земской управы.

³⁸² Людоговский Михаил Михайлович (1864–1935) – член Московской губернской земской управы

³⁸³ Нарожницкий Михаил Александрович (1864–1930) – общественный деятель, статский советник. Член Московской губернской земской управы. С 1914 г. помощник предводителя дворянства Клинского уезда. В 1917 г. член Главного комитета председателей земских собраний. В 1919 г. член Временного Главного комитета Всероссийского Земского союза на Юге России.

³⁸⁴ Родионов Сергей Константинович (1859–1925) – архитектор. Член Московской губернской земской управы. Архитектор собора в Яхроме (1895) и богадельни в Дмитрове. Профессор Училища живописи, зодчества и валяния.

³⁸⁵ Крюков Николай Абрамович – действительный статский советник, инспектор сельского хозяйства Московской губернии, впоследствии директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия.

³⁸⁶ Быкасово – имение Ф.В. Шлиппе.

³⁸⁷ Андреев Николай Михайлович – председатель Верейской уездной земской управы до Ф.В. Шлиппе.

³⁸⁸ Книга А.А. Ритиха «Зависимость крестьян от общины и мира» вышла в 1903 г.

³⁸⁹ Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности работа-ло в 1902–1904 гг.

³⁹⁰ Кофод Карл Андреас (Андрей Андреевич) (1855–1948) – землеустроитель, статский советник (с 1915 г.). В 1878 г. прибыл в Россию. Русский подданный с 1892 г. В 1887–1889 гг. оценщик в Обществе взаимного поземельного кредита. В 1889–1905 гг. оценщик в Дворянском поземельном банке. В 1905 г. опубликовал книгу «Крестьянские хутора на надельной земле». В 1905–1917 гг. принимал участие в землеустроительных работах: в 1905–1907 гг. чиновник особых поручений при главноуправляющем землеустройством и земледелием; с 1907 г. ревизор землеустройства; с 1912 г. член комитета по землеустроительным делам; с 1915 г. член совета министра земледелия. С 1917 г. работал в московском отделении посольства Дании. В 1920 г. покинул Россию. С 1921 г. атташе по вопросам земледелия в посольстве

ве Дании в странах Прибалтики. В 1924–1931 гг. атташе по сельскому хозяйству датской миссии в Москве.

³⁹¹ Компания «Н.И. Бландов и К^о» занималась производством молочных продуктов.

³⁹² Ф.В. Шлиппе ошибается: А.А. Риттих скончался в Лондоне в 1930 г.

³⁹³ Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) – государственный деятель, генерал-лейтенант (с 1917 г.). В 1884 г. окончил Пажеский корпус. С 1891 г. адъютант московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В 1905–1908 гг. московский вице-губернатор. В 1908–1913 гг. московский губернатор. В 1913–1915 гг. товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов. Участвовал в Первой мировой войне. С 1918 г. подвергался неоднократным арестам. Расстрелян по приговору судебной тройки при управлении НКВД.

³⁹⁴ Тарарыкин Семен Петрович – московский купец, владелец ресторана «Прага».

³⁹⁵ Волконский Михаил Сергеевич, князь (с 1856 г.) (1832–1909) – государственный деятель, тайный советник (с 1876 г.), сенатор (с 1885 г.), обер-гофмейстер (с 1890 г.). Сын декабриста С.Г. Волконского. При рождении записан в заводские крестьяне. В 1856 г. получил права дворянства и княжеское достоинство. С 1876 г. попечитель Петербургского учебного округа. С 1880 г. член совета министра народного просвещения. В 1882–1899 гг. товарищ министра народного просвещения. С 1896 г. член Государственного совета.

³⁹⁶ Маттерн Эмилий Эмильевич (1854–1938) – мировой судья, переводчик.

³⁹⁷ Пушкина-Ланская (урожд. Гончарова) Наталья Николаевна (1812–1863) – жена А.С. Пушкина с 1831 г., жена П.П. Ланского с 1844 г.

³⁹⁸ Имеется в виду особняк С.П. Рябушинского, архитектор Ф.О. Шехтель (1900–1903).

³⁹⁹ Бойцов Петр Соймонович – архитектор. 1898 г. выполнил конкурсный проект Музея Изыщных искусств. Спроектировал ряд залов Исторического музея.

⁴⁰⁰ Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932) – общественный и государственный деятель. С 1899 г. предводитель дворянства Богородского уезда. С 1908 г. предводитель московского губернского дворянства. С 1912 г. член Государственного совета. В 1915 г. и. д. обер-прокурора Св. Синода. В 1917 г. возглавил в Москве Совет объединенных приходов города. Был одним из кандидатов в патриархи. После 1918 г. неоднократно арестовывался. Скончался в Костроме.

⁴⁰¹ Имеется в виду особняк Г.А. Тарасова. Архитектор И.В. Жолтовский (1908–1909). Тарасов Гавриил Асланович – купец 1-й гильдии.

⁴⁰² Имеется в виду особняк З.Г. Морозовой. Архитектор Ф.О. Шехтель (1893–1898).

⁴⁰³ Врубель Михаил Александрович (1856–1910) – художник.

⁴⁰⁴ Морозов Сергей Тимофеевич (1860–1944) – предприниматель, меценат.

⁴⁰⁵ Четвериковы – семья предпринимателей, владельцы суконных фабрик.

⁴⁰⁶ П.А. Столыпин осмотрел землеустроительные работы в Московской губернии 19 августа 1910 г.

⁴⁰⁷ Карпов Михаил Степанович (1879–1938) – специалист по животноводству. Расстрелян.

⁴⁰⁸ Имеется в виду «Московская газета-копейка» (1909–1916).

⁴⁰⁹ Мусин-Пушкин Владимир Владимирович, граф (1870–1923) – государственный и политический деятель, статский советник (с 1913 г.). В 1893 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. С 1896 г. богородский уездный предводитель дворянства. С 1899 г. товарищ управляющего, а с 1901 г. управляющий Дворянским и Крестьянским поземельным банками. В 1905–1908 гг. чиновник особых поручений при министре финансов. В 1908–1913 гг. русский

уездный предводитель дворянства. Депутат IV Государственной думы, член фракции центра. В 1914 г. в действующей армии. Уволен от службы для исполнения депутатских обязанностей. В 1915 г. отказался от депутатского звания. С 1915 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. Участник Белого движения. Воевал в армии А.И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь. Товарищ председателя Союза спасения Родины. Впоследствии переехал в Югославию. Скончался в г. Панчево под Белградом.

⁴¹⁰ Пушин Лаврентий Иванович (1874–1929) – общественный и политический деятель. В 1899 г. окончил Императорский Александровский лицей. В 1905–1908 гг. земский начальник в Орловском уезде. С 1908 г. непреходящий член орловской уездной землеустроительной комиссии. С 1910 г. чиновник особых поручений при главноуправляющем землеустройством и земледелием. С 1912 г. непреходящий член орловской губернской землеустроительной комиссии. Депутат IV Государственной думы от Орловской губернии. Входил во фракцию русских националистов и умеренно-правых. С 1915 г. член фракции прогрессивных националистов. В Первую мировую войну уполномоченный 159-го санитарного поезда общеземской организации. С марта 1917 г. комендант Таврического дворца. После 1917 г. эмигрировал в Норвегию, затем в Великобританию. После 1921 г. поселился в США. Занимался живописью.

⁴¹¹ Голубниченко Петр Александрович (1876–?) – непреходящий член полтавской губернской землеустроительной комиссии.

⁴¹² Зноско-Боровский Александр Александрович – с 1907 г. вице-директор Департамента государственных земельных имуществ.

⁴¹³ Шлиппе Владимир Карлович (1834–1923) – государственный деятель, действительный тайный советник (с 1911 г.). В 1889–1890 гг. симбирский вице-губернатор. В 1890–1893 гг. екатеринославский губернатор. В 1893–1905 гг. тульский губернатор. С 1905 г. член Государственного совета. После 1917 г. в эмиграции.

⁴¹⁴ Съезд состоялся 10–23 января 1909 г.

⁴¹⁵ Зеринг (Sering) Макс (1857–1939) – немецкий экономист. Профессор политической экономии в Берлинской сельскохозяйственной академии.

⁴¹⁶ Ауахаген (Auhagen) Отто (1869–1945) – немецкий экономист. Профессор Берлинской сельскохозяйственной академии. Автор работ, посвященных столыпинским аграрным реформам.

⁴¹⁷ Жена Ф.В. Шлиппе – Е.П. Шлиппе (урожд. Шванебах).

⁴¹⁸ Косов Федор Михайлович – камердинер в доме Ф.В. Шлиппе.

⁴¹⁹ Уваров Федор Алексеевич (1866–1954) – общественный и политический деятель, действительный статский советник (с 1914 г.). В 1902–1912 гг. председатель Можайской уездной земской управы. С 1909 г. член Государственного совета. Участник Первой мировой войны.

⁴²⁰ Тюрмер Карл Францевич (1824–1900) – лесовод. Родился в местечке Кунцендорф в Верхней Силезии (Германия). В 1853 г. по предложению графа С.С. Уварова переехал в Россию. Работал в имении Уваровых «Поречье». В 1862 г. перешел на службу к В.С. Храповицкому и работал в имении «Муромцево». Скончался в «Муромцево». Похоронен в «Поречье».

⁴²¹ Уварова Екатерина Васильевна (урожд. Гудович) (1868–1948) – жена Ф.А. Уварова.

⁴²² Мещерский Сергей Борисович, князь – камергер, предводитель дворянства Волоколамского уезда, в 1915 г. член Совета монархических съездов.

⁴²³ Татищева (урожд. Мещерская) Екатерина Борисовна (1846–1930) – жена Татищева Алексея Никитича (1846–1896).

⁴²⁴ Имеется в виду Гончарова (урожд. Мещерская) Ольга Борисовна (1864–1926) – жена Гончарова Николая Ивановича (1861–1902).

⁴²⁵ Таширово – имение семьи Шлиппе.

⁴²⁶ Имеется в виду Шереметев Борис Петрович (1652–1719) – военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1701 г.), сподвижник Петра I.

⁴²⁷ Сергей Александрович, великий князь (1857–1905) – сын Александра II, брат Александра III. С 1891 г. московский генерал-губернатор, с 1896 г. командующий войсками Московского военного округа. Убит членом «боевой организации» Партии социалистов-революционеров И.П. Каляевым.

⁴²⁸ Щербатов Александр Григорьевич (1850–1915) – общественный деятель, публицист. В 1872 г. окончил Императорский Санкт-Петербургский университет. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в должности уполномоченного Красного Креста. В 1883–1891 гг. предводитель дворянства Рузского уезда. В 1892–1905 гг. президент Императорского Московского общества сельского хозяйства. С 1904 г. главноуполномоченный Красного Креста во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Один из основателей «Союза русских людей».

⁴²⁹ Ф.В. Шлиппе ошибается: Угримов Иван Александрович (1837–1905) скончался уже в 1905 г. Председателем Московского общества сельского хозяйства был его сын – Угримов Александр Иванович (1874–1971).

⁴³⁰ Шлиппе Карл Иванович (1803–1867) – химик. Из немецких купцов. Химик Императорского Московского общества сельского хозяйства. В 1844 г. пожалован дворянством.

⁴³¹ Щепкин Митрофан Митрофанович (1871–1921) – профессор, основатель Московского высшего зоотехнического института, почетный член Императорского Московского общества сельского хозяйства.

⁴³² Имеется в виду татарсаль – контора по прокату лошадей.

⁴³³ Голицын Дмитрий Владимирович, князь (1771–1844) – военный и государственный деятель. Участник кампаний 1805–1807 гг., 1812 г., 1813–1814 гг. В 1820–1844 гг. московский генерал-губернатор.

⁴³⁴ Игнатьев Павел Николаевич, граф (1870–1945) – государственный деятель, шталмейстер (с 1907 г.). В 1892 г. окончил Университет св. Владимира в Киеве. С 1895 г. предводитель дворянства Липовецкого уезда Киевской губернии. С 1904 г. председатель Киевской губернской управы по делам земского хозяйства. С 1907 г. и. д. киевского губернатора; с 1908 г. киевский губернатор. С 1909 г. директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия. С 1912 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. В 1915–1916 гг. министр народного просвещения. В 1918 г. был взят большевиками в заложники. Освобожден по требованию Кисловодского Совета солдатских и рабочих депутатов. В 1919 г. эмигрировал во Францию, а затем в Великобританию. Впоследствии переехал в Канаду.

⁴³⁵ Плеве Вячеслав Константинович, фон (1846–1904) – государственный деятель. В 1867 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. В том же году начал службу в Московском окружном суде. В 1880 г. утвержден в должности прокурора Петербургской судебной палаты. С 1881 г. директор Департамента полиции. С 1885 г. товарищ министра внутренних дел. С 1894 г. государственный секретарь. С 1899 г. исполнял обязанности министра – статс-секретаря Великого княжества Финляндского. В 1902 г. назначен министром внутренних дел (с сохранением должности министра-статс-секретаря). 15 июля 1904 г. убит членом «боевой организации» эсеров Е.С. Созоновым.

⁴³⁶ Толь Сергей Александрович, граф (1848–1918) – государственный деятель, обер-егермейстер (с 1914 г.). В 1889–1903 гг. петербургский губернатор, с 1903 г. член Государственного совета. В 1914–1916 гг. член Совета Русского собрания. Расстрелян большевиками как заложник.

⁴³⁷ Клингенберг Николай Михайлович – государственный деятель. В 1902–1905 гг. могилевский губернатор. В 1905–1910 гг. екатеринославский губернатор.

- ⁴³⁸ Брянчанинов Александр Семенович (1843–1910) – государственный деятель, действительный статский советник (с 1890 г.). С 1888 г. самарский вице-губернатор. С 1891 г. самарский губернатор. С 1904 г. член Государственного совета.
- ⁴³⁹ Келлер Федор Эдуардович, граф (1850–1904) – государственный деятель, генерал-лейтенант. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. начальник штаба отряда М.Д. Скобелева. В 1897–1899 гг. директор Пажеского корпуса. С 1900 г. екатеринославский губернатор. Погиб в русско-японскую войну 1904–1905 гг.
- ⁴⁴⁰ Ватаци Эммануил Александрович (1856–1920) – государственный деятель, в должности гофмейстера, действительный статский советник. В 1902–1904 гг. ковенский губернатор, в апреле–мае 1904 г. товарищ министра внутренних дел, в мае–ноябре 1904 г. харьковский губернатор. В 1915 г. вышел в отставку, работал в сфере нефтяной промышленности.
- ⁴⁴¹ Зиновьев Александр Дмитриевич (1854–1931) – государственный деятель, тайный советник (с 1906 г.), шталмейстер (с 1906 г.). В 1877 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1897–1902 гг. губернский предводитель петербургского дворянства. В 1903–1911 гг. петербургский губернатор. С 1911 г. член Государственного совета. В 1918 г. эмигрировал в Великобританию. В 1930 г. переехал в Италию. Скончался в Риме.
- ⁴⁴² Бюнтинг Николай Георгиевич (1861–1917) – государственный деятель. В 1883 г. окончил Училище правоведения. С 1897 г. курский вице-губернатор. С 1904 г. архангельский губернатор. В 1905–1906 гг. эстляндский губернатор. В 1906–1917 гг. тверской губернатор. Был убит восставшими в марте 1917 г.
- ⁴⁴³ Катеринич Митрофан Кириллович (1860–?) – государственный деятель, действительный статский советник (с 1906 г.), камергер (с 1906 г.). В 1890–1894 гг. земский начальник Пирятинского уезда. С 1902 г. предводитель дворянства Пирятинского уезда. С 1906 г. полтавский вице-губернатор. В 1908–1915 гг. харьковский губернатор.
- ⁴⁴⁴ Князев Леонид Михайлович – государственный деятель. В 1901–1902 гг. вологодский губернатор. В 1905–1910 гг. курляндский губернатор. В 1910–1915 гг. иркутский губернатор.
- ⁴⁴⁵ Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918) – государственный деятель. В 1893 г. окончил Императорский Александровский лицей. С 1900 г. товарищ прокурора Московского окружного суда. С марта 1904 г. минский вице-губернатор. С октября 1904 г. тульский вице-губернатор. С 1906 г. и. д. вологодского губернатора. С 1908 г. вологодский губернатор. С 1910 г. нижегородский губернатор. Депутат IV Государственной думы. В 1915–1916 гг. министр внутренних дел. В 1918 г. по решению СНК был расстрелян.
- ⁴⁴⁶ В 1904 г. А.С. Брянчанинов был уволен с поста самарского губернатора и назначен членом Государственного совета.
- ⁴⁴⁷ Поливанов Владимир Николаевич (1848–1915) – общественный деятель, гофмейстер (с 1906 г.). В 1897–1915 гг. симбирский губернский предводитель дворянства. С 1906 г. член Государственного совета; принадлежал к группе правых.
- ⁴⁴⁸ Голицын Павел Павлович, князь (1856–1914) – общественный деятель, егермейстер (с 1912 г.). В 1886–1897 гг. уездный предводитель дворянства. В 1897–1914 гг. новгородский губернский предводитель дворянства. С 1906 г. член Государственного совета. Член ЦК «Союза 17 октября».
- ⁴⁴⁹ Куракин Иван Анатольевич, князь (1874–1950) – общественный деятель. С 1902 г. могольский уездный предводитель дворянства. С 1905 г. ярославский губернский предводитель дворянства. Член ЦК «Союза 17 октября». Депутат III Государственной думы. В 1914–1917 гг. попечитель Варшавского учебного округа. С 1917 г. управляющий архангельским отделением Государственного банка. Во Временном правительстве Северной области генерала Е.К. Миллера заведовал отделом финансов. В администрации А.В. Колчака уполномоченный Красного Креста. В 1920 г. эмигрировал во Францию. В 1931 г. принял священство. В 1931–1935 гг. настоятель

Свято-Николаевской церкви в Милане. В 1935–1950 гг. настоятель Христо-Рождественского храма во Флоренции. В 1948–1950 гг. настоятель церкви Христа Спасителя в Сан-Ремо. С 1949 г. архимандрит, с 1950 г. епископ Мессинский.

⁴⁵⁰ Голицын Александр Дмитриевич, князь (1874–1957) – общественный деятель, действительный статский советник (с 1916 г.). В 1906–1917 гг. харьковский уездный предводитель дворянства. Депутат III Государственной думы. С 1915 г. член Государственного совета. С 1917 г. член Совета государственного объединения России. После 1919 г. эмигрировал в Югославию. Скончался во Франции.

⁴⁵¹ Щербатов Николай Борисович, князь (1868–1943) – общественный и государственный деятель, действительный статский советник (с 1913 г.). С 1907 г. полтавский губернский предводитель дворянства. В 1906–1909 гг. член Постоянного совета Объединенного дворянства. В 1912–1914 гг. член Государственного совета. С 1914 г. управляющий государственным коннозаводством. В 1915 г. и. д. министра внутренних дел. С 1915 г. член Главного управления государственного коннозаводства. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции, в Баварии.

⁴⁵² Наумов Александр Николаевич (1868–1950) – общественный и государственный деятель, действительный статский советник (с 1911 г.). В 1892 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета. С 1902 г. предводитель дворянства Ставропольского уезда. С 1905 г. предводитель дворянства Самарской губернии. С 1909 г. член Государственного совета. В 1915 г. управляющий Министерством земледелия. В 1916 г. министр земледелия. Участник Белого движения. В 1920 г. эмигрировал во Францию. Скончался в Ницце.

⁴⁵³ Доррер Владимир Филиппович, граф (1862–1909) – общественный и политический деятель, камергер (с 1907 г.), действительный статский советник (с 1909 г.). В 1881 г. окончил московский Лицей памяти цесаревича Николая. В 1885 г. – историко-филологический факультет Императорского Московского университета. С 1902 г. белгородский уездный предводитель дворянства. С 1905 г. предводитель курского губернского дворянства. В 1905 г. основал Курскую народную партию порядка. С 1908 г. член Главного совета «Союза русского народа». Депутат III Государственной думы.

⁴⁵⁴ Олсуфьев Дмитрий Адамович, граф (1862–1937) – общественный и политический деятель, действительный статский советник (с 1911 г.). В 1885 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета. В 1894–1903 гг. предводитель дворянства Камышинского уезда Саратовской губернии, одновременно в 1894–1895 гг. председатель уездной земской управы; в 1902–1904 гг. председатель Саратовской губернской земской управы. Член кружка «Беседа». Член ЦК «Союза 17 октября», председатель его саратовского отдела. С 1906 г. член Постоянного совета Объединенного дворянства. С 1906 г. член Государственного совета; принадлежал к группе правых (а с 1912 г. – к группе центра). После 1917 г. в эмиграции.

⁴⁵⁵ Говорухо-Отрок Михаил Яковлевич (1868–?) – общественный деятель. В 1891–1896 гг. председатель Белгородской уездной земской управы. С 1908 г. председатель Курской губернской земской управы. С 1908 г. член Главного совета «Союза русского народа». С 1909 г. член Государственного совета. В 1910–1916 гг. член Постоянного совета Объединенного дворянства.

⁴⁵⁶ Пуришкевич Митрофан Васильевич (1837–1915) – общественный деятель. Гласный Аккерманского уездного и Бессарабского губернского земских собраний. С 1910 г. член Совета Русского собрания.

⁴⁵⁷ Корвин-Милевский Ипполит Оскарович (1848–?) – общественный деятель, публицист. С 1905 г. издавал в Вильно газету «Курьер литовский». В 1906–1910 гг. член Государственного совета.

⁴⁵⁸ Мейштович Александр Эдуардович (1864–?) – общественный деятель. С 1909 г. член Государственного совета от Ковенской губернии; член польского коло. С 1915 г. член Особого совещания по продовольствию.

- ⁴⁵⁹ Скимунт Константин-Стефан-Феликс Генрихович (1866–?) – общественный деятель, камергер (с 1911 г.), действительный статский советник (с 1917 г.). С 1909 г. член Государственного совета от Гродненской губернии, член польского коло.
- ⁴⁶⁰ «Контан» – ресторан в Санкт-Петербурге.
- ⁴⁶¹ Иславин Михаил Владимирович (1864–1942) – государственный деятель, тайный советник. Вологодский вице-губернатор. Впоследствии управляющий отделом земского хозяйства. В 1913–1917 гг. новгородский губернатор. После 1917 г. в эмиграции. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
- ⁴⁶² «Кюба», «Донон» – рестораны в Санкт-Петербурге.
- ⁴⁶³ Трусевич Максимилиан Иванович (1863–?) – государственный деятель, тайный советник (с 1909 г.). В 1906–1909 гг. директор Департамента полиции. В 1911 г. расследовал деятельность Киевского охранного отделения в связи с гибелью П.А. Столыпина. С 1917 г. член Государственного совета.
- ⁴⁶⁴ Речь идет о Государственной думе.
- ⁴⁶⁵ Глинка Григорий Вячеславович (1862–1934) – государственный деятель, тайный советник, сенатор (с 1916 г.). В 1905–1915 гг. начальник Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. В 1915–1916 гг. товарищ министра земледелия. После 1917 г. в эмиграции. С 1921 г. председатель Российского общества Красного Креста.
- ⁴⁶⁶ Амурская экспедиция состоялась в 1909–1911 гг. Ее цель – всестороннее изучение экономических и природных ресурсов Приамурья вдоль строящейся Амурской железной дороги полосой до 100 верст.
- ⁴⁶⁷ Иваницкий Борис Евгеньевич (1857–?) – сенатор, тайный советник, член Государственного совета; товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием.
- ⁴⁶⁸ Речь идет о «Типографии Ф. Вайсберга и П. Гершунина».
- ⁴⁶⁹ Земский отдел Министерства внутренних дел.
- ⁴⁷⁰ Шликевич Сергей Поликарпович – статский советник, ревизор работ по образованию переселенческих участков в Приамурской области.
- ⁴⁷¹ Гондатти Николай Львович (1863–1946) – первый гражданский губернатор Приамурского края (1911–1917), шталмейстер Двора Его Императорского Величества. После 1917 г. в эмиграции, в Харбине. Работал в одном из отделов КВЖД.
- ⁴⁷² Муравьев-Амурский Николай Николаевич, граф (1809–1881) – военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (с 1858 г.). С 1847 г. военный губернатор Тулы и тульский гражданский губернатор. С сентября 1847 г. иркутский и енисейский генерал-губернатор и командующий войсками в Восточной Сибири. С ноября 1847 г. и. д. генерал-губернатора Восточной Сибири. В 1861 г. уволен по собственному прошению. С 1861 г. член Государственного совета.
- ⁴⁷³ Духовской Сергей Михайлович (1838–1901) – военный и государственный деятель, генерал-лейтенант. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1881 г. начальник штаба Московского военного округа, а с 1893 г. приамурский генерал-губернатор. С 1898 г. туркестанский генерал-губернатор. С 1901 г. член Государственного совета.
- ⁴⁷⁴ Князь Б.А. Васильчиков.
- ⁴⁷⁵ По-видимому, П.П. Архипов.
- ⁴⁷⁶ Речь идет о книге «Приамурье» (М., 1909).
- ⁴⁷⁷ Унтербергер Павел Федорович (Павел-Симон Фридрихович) (1842–1921) – военный и государственный деятель. С 1888 г. военный губернатор Приморской области. С 1907 г. нижегородский генерал-губернатор. С 1905 г. член Государственного совета. В 1905–1910 гг. генерал-губернатор Приамурского края и командующий войсками военного округа, а также наказной атаман Амурского и Уссурийско-

го казачьих войск. После 1917 г. эмигрировал в Ригу. Впоследствии обосновался в Германии, в Мекленбурге. Скончался в Париже.

⁴⁷⁸ Река Зeya – левый приток Амура.

⁴⁷⁹ Суржевка была основана в 1901 г. В 1912 г. на ее месте возник город Алексеевск, который в 1917 г. был переименован в Свободный.

⁴⁸⁰ Бражников Владимир Константинович (1870–1921) – ихтиолог, вице-директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия. После 1917 г. в эмиграции. Скончался в Японии.

⁴⁸¹ Селиванов Андрей Николаевич (1847–1917) – военный и государственный деятель. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., русско-японской войне 1904–1905 гг. В 1906–1910 гг. иркутский генерал-губернатор, командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой наказной атамана. С 1910 г. член Государственного совета. В 1914–1915 гг. командующий Блокадной армией.

⁴⁸² Куприн Александр Иванович (1870–1938) – русский писатель. Повесть «Поединок» вышла в 1905 г., в ней, по словам автора, описывались «ужас и скука военной жизни».

⁴⁸³ Чубинский Павел Павлович (?–1927) – инженер. В 1898 г. закончил Институт инженеров путей сообщения. Возглавлял Управление водных путей Амурского бассейна в Благовещенске.

⁴⁸⁴ Заимка в Сибири – однодворное поселение с прилегающим земельным участком вдали от освоенных территорий.

⁴⁸⁵ Митинский Александр Николаевич (1875–?) – горный инженер. Профессор Горного института по кафедре прикладной и горнозаводской механики и член Горного ученого комитета. В 1912 г. участвовал в сенаторской ревизии Ленских приисков. Автор многочисленных научных трудов. Сотрудник 82-томного «Энциклопедического Словаря» Брокгауза-Ефрона.

⁴⁸⁶ Прохоров Николай Иванович (1877–1930) – ботаник, почвовед. После 1917 г. – один из руководителей Географического института. С 1920 г. возглавлял Северную научно-промысловую экспедицию, создал Хибинскую опытную агрономическую станцию. Профессор почвоведения ЛГУ. Родоначальник дорожного почвоведения в СССР. Один из создателей Почвенного института. Арестован 30 августа 1929 г. в Туркестане. Расстрелян за потерю топографических карт.

⁴⁸⁷ Крюков Иннокентий Федорович – китаевед; агроном и служащий КВЖД.

⁴⁸⁸ Швецов Сергей Порфирьевич (1858–1930) – этнограф, экономист, краевед, революционер-народник. С 1880-х гг. в ссылке в Сибири. В 1902 г. инициировал создание Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. В 1902–1905 гг. жил в Томске. В 1905 г. вернулся в Петербург. Член партии эсеров с момента ее основания.

⁴⁸⁹ Граве Владимир Владимирович (1880–1930) – дипломат, востоковед. Уполномоченный МИД в Приамурском крае. В 1912–1917 гг. 1-й секретарь Российской миссии в Пекине. После 1917 г. эмигрировал в Харбин, затем в Пекин.

⁴⁹⁰ Закревский Виталий Александрович – коллежский секретарь, неперменный член отдела по крестьянским делам Тобольской губернии, участник Амурской экспедиции. Автор работ «Условия внутринадельного размежевания и землеустройства в селениях Амурской и Приморской областей» (СПб., 1911), «Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях» (СПб., 1911).

⁴⁹¹ Ладнов И.К. – полковник, топограф. Автор работы «Описание картографического материала, находящегося в казенных учреждениях Забайкальской, Амурской и Приморской областей и у частных лиц» (Б.м., б.г.).

⁴⁹² Григорьев Андрей Кириллович – производитель работ по землеустройству Уссурийской партии.

⁴⁹³ В.Ф. Романов, очевидно, имеет в виду, что Н.А. Маклаков в 1913 г. был назначен министром внутренних дел.

⁴⁹⁴ Кулябко Николай Николаевич (1873–1920) – жандармский офицер. С 1897 г. помощник пристава в Москве. В 1907–1911 гг. начальник Киевского охранного отделения. Уволен с должности после покушения на П.А. Столыпина. Был приговорен к тюремному заключению по обвинению в растрате казенных средств. Впоследствии работал агентом по продаже швейных машинок в Киеве.

⁴⁹⁵ Трепов Федор Федорович (1854–1938) – военный и государственный деятель, сенатор (с 1903 г.), генерал от кавалерии (1908), генерал-адъютант (1909). С 1905 г. член Государственного совета. В 1908–1914 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. С 1914 г. помощник верховного начальника санитарной и эвакуационной части в войсках принца А.П. Ольденбургского. С 1916 г. временный генерал-губернатор областей Австро-Венгрии, занятых русскими войсками. После 1917 г. эмигрировал во Францию. Скончался в Ницце.

⁴⁹⁶ Спиридович Александр Иванович (1873–1952) – жандармский офицер, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. С 1900 г. служил в Московском охранном отделении. С 1902 г. начальник Таврического, а с 1903 г. – Киевского охранных отделений. С 1905 г. начальник императорской дворцовой охраны. После 1917 г. в эмиграции, во Франции, впоследствии переехал в США.

⁴⁹⁷ Зилов Петр Алексеевич (1850–1921) – физик, государственный деятель. В 1873 г. окончил Императорский Московский университет. В 1877–1884 гг. работал в Московском техническом институте. С 1884 г. – в Варшавском университете. В 1905–1912 гг. попечитель Киевского учебного округа.

⁴⁹⁸ А.Ф. Гирс ошибается: П.А. Зилов оставался попечителем Киевского учебного округа до 1912 г.

⁴⁹⁹ Потоцкий Иосиф Альфредович, граф (1871–?) – общественный деятель. Депутат Государственной думы от Волынской губернии; входил в группу западных окраин.

⁵⁰⁰ Флавиан, митрополит Киевский и Галицкий (в миру Городецкий Николай Николаевич) (1840–1915) – иерарх православной церкви. В 1866 г. принял постриг. С 1885 г. епископ Аксайский. С 1891 г. епископ Холмский и Варшавский. С 1892 г. архиепископ Холмский и Варшавский. С 1898 г. архиепископ Картийский и Кахетинский. С 1901 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский. С 1903 г. митрополит Киевский и Галицкий.

⁵⁰¹ Цейдлер Герман Федорович – профессор Санкт-Петербургского женского медицинского института, действительный статский советник.

⁵⁰² Ксименес (Ximenes) Этторе (1855–1926) – итальянский скульптор, уроженец Палермо. Автор проектов памятников Александру II в Киеве и Александру I в Кишиневе. Памятники Э. Ксименеса стоят в городах Италии, Франции, Великобритании, США, Бразилии.

⁵⁰³ П.А. Столыпин совершил объезд Саратовской губернии с 27 мая по 9 июня 1903 г.

⁵⁰⁴ Дарственный надел составлял четверть от высшего надела, определенного в ходе реализации крестьянской реформы 1861 г. Крестьянин получал его «даром», и помещик не имел права требовать выкупа. Однако этот надел был слишком мал для ведения самостоятельного хозяйства.

⁵⁰⁵ В 1901–1903 гг. саратовским губернатором был Энгельгардт Александр Платонович (1845–1903). В 1890–1893 гг. он занимал пост казанского губернатора. В 1893–1901 гг. – архангельский губернатор. В 1903 г. назначен товарищем министра земледелия и государственных имуществ.

⁵⁰⁶ Речь идет о Манифесте 26 февраля 1903 г. Он провозглашал принцип веротерпимости, требовал направить деятельность Дворянского и Крестьянского банков на повышение благосостояния дворянства и крестьянства, объявлял об отмене круговой поруки, преобразовании губернских и уездных управлений.

⁵⁰⁷ Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности было учреждено 22 января 1902 г. по инициативе С.Ю. Витте «для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности и соображения мер, направленных на пользу этой промышленности и связанных с ней отраслей народного труда». Помимо этого, были учреждены аналогичные комиссии на губернском и уездном уровнях.

⁵⁰⁸ Ченькаев Владимир Дмитриевич (1855–1918) – земский врач, эсер.

⁵⁰⁹ Экервирующими – т. е. поражающими (от фр. *écarquiller*).

⁵¹⁰ Речь идет о Департаменте полиции МВД.

⁵¹¹ Инструкция не публикуется.

⁵¹² Хардин Дмитрий Иванович – коллежский ассессор, уездный предводитель кузнецкого дворянства.

⁵¹³ Юматов Василий Дмитриевич – действительный статский советник, гласный губернского земского собрания от Петровского уезда, непременный член Саратовского губернского присутствия.

⁵¹⁴ Валь Виктор Вильгельмович, фон (1840–1915) – государственный деятель. В 1892–1895 гг. петербургский градоначальник. С 1895 г. заведовал Ксенинским институтом. С 1901 г. виленский губернатор. В 1902–1903 гг. товарищ министра внутренних дел, начальник Отдельного корпуса жандармов. С 1904 г. член Государственного совета.

⁵¹⁵ Черновик письма был написан на следующем отношении Департамента полиции:

Министерство внутренних дел. Департамент полиции. По 2 делопроизводству. 27 августа 1903 года:

На основании III-го Отдела Высочайше утвержденного 5 мая сего года мнения Государственного совета Министерством внутренних дел было внесено 30 мая за № 3006 в Комитет министров представление об издании Положения для казачьих команд в Полтавской и Саратовской губерниях.

Комитет министров, признавая проектированную Министерством внутренних дел меру вполне целесообразною, полагал: испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на приведение в исполнение предположений министерства, предоставив министру внутренних дел, по соглашению с военным министром, утвердить проект Положения о конно-полицейских командах Саратовской и Полтавской губерний.

Государь император, в 3-й день июля 1903 года, на сие Высочайше соизволил. . .

Руководствуясь приведенным Высочайшим повелением и на основании состоявшегося с военным министром соглашения, мною сего числа утверждено Положение и штат конно-полицейской команды Саратовской губернии.

Препровождая при сем к Вашему Превосходительству для зависящих распоряжений копии с означенных Положения и штата, имею честь присовокупить, что кредит на содержание стражи будет открыт в непродолжительном времени.

За министра, товарищ министра, генерал-лейтенант В. фон Валь (*ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора. Оп. 1. Д. 6517. Л. 94–94об.*).

⁵¹⁶ Спув Николай Вильгельмович – поручик запаса, гласный Балашовского уездного земского собрания Саратовской губернии, земский начальник участка в Вольске.

⁵¹⁷ Бобров Михаил Павлович (1867–1907) – жандармский офицер. С 1894 г. адъютант, затем (с 1895 г.) помощник начальника губернского жандармского управления. С 1898 г. помощник начальника Лифляндского губернского жандармского управления. Впоследствии занимал должности начальника Саратовского охранного отделения, начальника Саратовского губернского жандармского управления, начальника Самарского губернского жандармского управления, начальника Поволжского охранного отделения.

⁵¹⁸ Имеется в виду Гермоген, епископ (в миру Георгий Ефремович Долганев) (1858–1918) – архиерей православной церкви. В 1890 г. принял монашеский постриг. С 1893 г. инспектор Тифлисской духовной академии, с 1898 г. ее ректор. С 1901 г. вольский викарий Саратовской епархии. С 1903 г. правящий архиерей саратовской епархии. В 1912 г. уволен от исполнения обязанностей епископа и выслан в Жировицкий монастырь. С 1917 г. тобольский епископ. Был утоплен большевиками.

⁵¹⁹ Т. е. государственных служащих, получающих жалованье 20-го числа каждого месяца.

⁵²⁰ Ухтомский Александр Александрович, князь (1863–1937) – общественный деятель. Служил на флоте. На корвете «Витязь» совершил кругосветное путешествие. Был избран саратовским уездным предводителем дворянства. Председатель Саратовской уездной земской управы, член местного управления Российского общества Красного Креста, командор Саратовского речного яхт-клуба. После 1917 г. управлял бывшей своей мельницей. Впоследствии сотрудник статистического отдела Саратовского областного управления сельского хозяйства. С 1929 г. на пенсии.

⁵²¹ Министром земледелия и государственных имуществ состоял в это время А. С. Ермолов.

⁵²² Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, князь (1857–1914) – государственный и военный деятель, генерал-адъютант (с 1904 г.), генерал от кавалерии по Генеральному штабу (с 1913 г.). С 1895 г. пензенский губернатор, с 1897 г. екатеринославский губернатор. В 1900 г. был назначен командующим Отдельным корпусом жандармов и товарищ министра внутренних дел. С 1902 г. возглавил Центральный статистический комитет. С сентября 1902 г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор. В 1904–1905 гг. министр внутренних дел.

⁵²³ Речь идет о земском съезде 6–9 ноября 1904 г., выставившем требование учреждения законодательного представительства.

⁵²⁴ Юматов Александр Дмитриевич (1853 – ?) – общественный деятель, статский советник. В 1879 г. окончил юридический факультет Императорского Казанского университета. С 1895 г. член Саратовской губернской земской управы. Гласный Петровского уездного земского собрания, Саратовского губернского земского собрания от Петровского уезда, председатель Саратовской губернской земской управы (до 1906 г.).

⁵²⁵ «Саратовский листок» – саратовская общественно-политическая газета, издаваемая под этим названием с 1880 г.

⁵²⁶ Уваров Алексей Алексеевич, граф (1859–1913) – общественный деятель, статский советник (с 1906 г.), камер-юнкер (с 1886 г.). В 1883 г. окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. В 1894–1895 гг. председатель Вольской уездной земской управы. В 1904 г. чиновник особых поручений V класса при Главном управлении по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. Гласный Саратовской городской думы и саратовского уездного земства. Депутат III Думы от Саратовской губернии. Член фракции октябристов, в 1909 г. вышел из фракции. В 1912–1913 гг. член ЦК Партии прогрессистов.

⁵²⁷ Имеется в виду Д. Г. Новиков.

⁵²⁸ Куперник Лев Абрамович (1845–1905) – адвокат-криминалист, публицист.

⁵²⁹ Кальманович Самуил Еремеевич – присяжный поверенный Саратовского окружного суда, впоследствии Петербургской судебной палаты. Часто выступал на политических процессах.

⁵³⁰ Поляк Владимир Николаевич – присяжный поверенный.

⁵³¹ Имеется в виду Уголовное уложение 22 марта 1903 г.

⁵³² Имеется в виду Дурново Петр Павлович (1835–1919) – государственный деятель. С 1904 г. член Государственного совета. В 1905 г. московский генерал-губернатор. С 1905 г. генерал-адъютант.

⁵³³ 18 февраля 1905 г. был подписан указ о праве подданных подавать прошения на имя царя об усовершенствовании государственного порядка и рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о создании законосовещательного представительного учреждения.

⁵³⁴ Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник. В 1904 г. при поддержке Департамента полиции организовал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Инициировал составление петиции петербургских рабочих императору, встал во главе шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. Убит эсерами за связь с полицией.

⁵³⁵ Шмит Евгений Оттович (1844–1915) – военный и государственный деятель, генерал от кавалерии (с 1907 г.). С 1906 г. помощник командующего войсками Киевского военного округа. В 1908–1915 гг. степной генерал-губернатор. В 1915 г. член Государственного совета.

⁵³⁶ Министром путей сообщения тогда был Н.К. Шауфус.

⁵³⁷ Форма № 1 не публикуется.

⁵³⁸ Форма № 2 не публикуется.

⁵³⁹ Эту должность занимал Л.К. Куманин.

⁵⁴⁰ А.Н. Куропаткин послал «Записку об ассигнованиях морскому и военному министерствам кредитов на неотложные нужды» 16 октября 1910 г. В ней автор проводил мысль о необходимости развития авиации, артиллерии и автомобильного дела. При этом он считал необходимым сократить размеры расходов на строительство фортификационных сооружений и флота.

⁵⁴¹ Морским министром был С.А. Воеводский, а военным – В.А. Сухомлинов.

⁵⁴² Сыромятников Сергей Николаевич (1864–1933) – журналист. В 1890 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. С 1893 г. сотрудничал в газете «Новое время». В 1897–1898 гг. совершил путешествие на Дальний Восток. В 1900–1901 гг. один из основателей «Русского собрания». В 1904–1905 гг. чиновник особых поручений при наместнике на Дальнем Востоке. С 1906 г. редактировал правительственную газету «Россия». После 1917 г. работал в Институте живых восточных языков.

⁵⁴³ Записка П.А. Столыпина представляет собой инструкцию по освещению в газете «Россия» политического кризиса марта 1911 г., возникшего в связи с отклонением Государственным советом правительственного законопроекта о введении земства в Западном крае.

⁵⁴⁴ Балашев Петр Николаевич (1871–после 1939) – общественный и политический деятель. В 1894 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1900–1909 гг. бранцлавский уездный предводитель дворянства. Депутат III и IV Государственной думы. В III Думе председатель фракции умеренно-правых, а затем русской национальной фракции. С 1908 г. председатель Главного совета Всероссийского национального союза. В IV Государственной думе председатель фракции русских националистов и умеренно-правых. После 1917 г. в эмиграции, во Франции. Впоследствии жил в Марокко в г. Сафи.

⁵⁴⁵ Слухи об отставке П.А. Столыпина возникли в связи с отклонением Николаем II законопроекта о штатах Морского Генерального штаба.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
Азеф Е.Ф., 154
Акимов М.Г., 113, 116
Александр II, 34, 146, 162
Александр III, 15, 34, 145, 146, 197, 209
Александра Федоровна, имп., 28, 31, 52
Александровский С.В., 43, 44
Алексеев Е.И., 221
Алексеев М.М., 86
Алим-хан, бухарский эмир, 18, 19
Анастасия Николаевна, вел. кн., 16
Андреев Н.М., 183
Андронников М.М., 64–66
Аничкова, 271
Апполов, 301, 302, 304
Арапов Б.А., 139
Арбузов А.Д., 9, 11, 63, 64
Арнаутов И., 267
Арсеньева, 13
Астафьев С.Н., 38, 39, 41
Атабеков А.А., 39
Атарщиков А., 267
Аухаген (Auhagen) О., 193
Б
Базина Н.Г., 11
Балашев П.Н., 313
Бальц В.А., 28
Бафталовский В.И., 45
Безбородов, 285
Безобразов М.В., 290
Белосельский-Белозерский С.С., 17
Бельгард А.В., 159
Бельгард А.К., 46
Беляев Н.Ф., 196–197
Беседовский Г., 49
Бир А.С., 177, 178, 192
Бисмарк О., 47, 68
Блок И.Л., 134
Бобринский А.А., 102
Бобров М.П., 279
Богданов, 125, 126
Богров Д.Г., 14, 21, 23, 37, 50, 250
Бойцов П.С., 186
Бок (урожд. Столыпина) М.П., 27, 30
Бок Б.И., 9, 27, 29, 61
Бок Ф., 62
Болтунов Ф.В., 237–239
Бондаренко, 38–43
Бострем И.Ф., 53
Бражников В.К., 228
Брянчанинов А.С., 204, 205
Букуновский А.И., 49, 50
Булгаков С.Н., 118
Булыгин А.Г., 116, 148, 294, 300
Бунге Н.Х., 70
Быков Г., 267
Бюнтинг Н.Г., 205
В
Вагнер, 263
Вагнер (Wagner) А., 70
Вайсберг, 216
Валь В.В., фон, 274
Васильев, 263
Васильчиков Б.А., 52, 96, 106, 109, 180, 181, 204, 220, 221, 228
Ватаци Э.А., 204
Веселовский К.Б., 278, 282
Ветчинин В.Г., 127
Вильгельм II, 29–31, 61, 62, 146, 157
Вильямс (Williams) Г., 158
Виноградов П.Г., 149, 153
Витте С.Ю., 4, 28, 34, 36, 64, 67, 80, 112, 113, 116, 144–146, 184, 243
Владимиров В.В., 97
Воеводский С.А., 53, 78
Воейков В.Н., 48
Волконская Е.М., 15
Волконский М.С., 186
Воронцов-Дашков И.И., 119, 305
Вронская Ж., 20–24
Врубель М.А., 186
Выборной В.А., 179
Г
Габрилович В., 25
Гапон Г.А., 304
Гегечкори Е.П., 157
Гейден А.Ф., 28
Гейден П.А., 153
Герасимов, 291, 293
Герасимов А.В., 118
Гербель С.Н., 43, 53
Гермоген, еп., 282, 297
Гершельман С.К., 159
Гессен И.В., 103, 110
Гирс А.Ф., 8, 10, 11, 244, 252
Гитлер А., 62
Глинка Г.В., 210–212, 214–216, 220, 228, 234
Глинка Я.В., 4
Говорухо-Отрок М.Я., 205
Гогенлоэ, 263
Гоголь Н.В., 161
Голицын А.Д., 205
Голицын Д.В., 203
Голицын П.П., 205
Головачев Ф., 268
Головин Ф.А., 103, 104, 179
Голубев, 17
Голубев И.Я., 113

- Голубниченко П.А., 192
Гондатти Н.Л., 219, 228, 229, 238, 239, 241
Гончаров С.С., 113
Гончарова (Пушкина-Ланская) Н.Н., 186
Гончарова (урожд. Мещерская) О.Б., 196
Горбачев М.С., 26
Горбунов И.Ф., 168
Горемыкин И.Л., 51, 59, 113, 116, 121, 145, 148, 151
Граве В.В., 236
Григорович И.К., 78
Григорьев А.К., 239, 241
Гримм К.Н., 161
Грузинов А.Е., 179
Гурко В.И., 4, 42, 53, 54, 97, 98
Гурлянд И.Я., 56
Гучков А.И., 4, 10, 36, 83, 149–152, 158, 167
- Д**
Деникин А.И., 156
Джунковский В.Ф., 185, 188, 198–200, 205
Долгорукая, 186
Доршевич В.М., 38
Доррер В.Ф., 205
Дурново П.Н., 36, 53, 89, 124, 151
Дурново П.П., 299, 305
Духовской С.М., 222
Дыбов Г.Г., 139
Дюбарри М.Ж., 118
- Е**
Европеус В.И., 133
Еланский, 17, 18
Ермолов А.С., 113, 116, 153
Еропкин А.В., 174
- З**
Завьялов И., 20
Закревский В.А., 237
Захаров В.Д., 139
Зацепин, 263
Зеньковский А.В., 27, 28
Зеринг (Serinig) М., 193
Зилов П.А., 246
Зиновьев А.Д., 205
Зноско-Боровский А.А., 192
Золотова М.В., 11
Зубовский П.П., 164
Зурабов А.Г., 104
Зюсмейстер, 15
- И**
Иваницкий Б.Е., 215, 221, 224, 227, 240
Игнатъев П.Н., 203, 205
Игнатъева, 13
Игонин, 263
Извольский А.П., 4, 78, 96, 106, 107, 113, 136, 154
Извольский П.П., 52
Иорданский Н.М., 153
Исеев Э.А., 160
Исеева С.А., 160
Иславин М.В., 206
Исфандийар-хан, хивинский хан, 18, 19
- К**
Кайзерлинг, 62
Кальманович С.Е., 295
Камышанский П.К., 114, 116
Канищева Н.И., 11
Капитонов, 264
Карпов М.С., 190, 203
Кассо Л.А., 78, 244
Катеринич М.К., 205
Келлер Ф.Э., 204
Киселев, 195
Клейгельс, 234
Клингенберг Н.М., 204
Клюжев И.С., 155
Клячко Л.М., 10, 57, 64, 66
Кноль И.Г., 47, 134
Князев Л.М., 205
Кокковцов В.Н., 4, 38, 52, 53, 67, 68, 74, 76, 78, 79, 107, 109–111, 113, 114, 116, 173, 245, 248, 250–252, 311
Коломейцев, 30
Колчак А.В., 42
Кони А.Ф., 149, 153, 194
Кониц Г.С., 105
Конч, 206
Корвин-Милевский И.О., 205
Коренков Ф., 267
Коробков В.А., 139
Косов Ф.М., 194
Кофод К.А., 184, 188
Кочубей В.Л., 252
Кошко Д.Б., 125, 126
Кошко И.Ф., 6–8, 11, 47, 48, 126, 135
Крестовников Г.А., 71, 72
Кривошеин А.В., 52, 68, 76–78, 94, 175, 188, 192, 193, 200, 211, 212, 228
Крупенский П.Н., 154, 157, 206, 313
Крыжановский С.Е., 4, 53, 65, 66, 101, 107, 110, 111, 113, 114, 117, 167, 206
- Крюков И.Ф., 234, 242
Крюков Н.А., 180, 185, 203
Ксименес (Ximenes) Э., 252
Кузовков И., 268
Кузьмин-Караваев В.Д., 105
Кулябко Н.Н., 244, 245, 247, 249
Куперник Л.А., 295
Куприн А.И., 230
Куракин И.А., 205
Курлов П.Г., 27–29, 37, 53, 54, 61, 132, 166, 167, 245, 248–250
Куропаткин А.Н., 10, 221, 305, 311
Кутлер Н.Н., 105
- Л**
Ладнов И.К., 238
Лауниц В.Ф., 125
Лебедев Л.С., 139
Ледницкий А.Р., 156, 157
Леман Р.А., 196, 197
Лемперт, 236
Ленивцев Н.М., 46
Лермонтов М.Ю., 12–14, 61
Леруа-Болье (Leroy-Beaulieu) А., 75
Лидваль Л.И., 42, 43, 54, 97
Лилиенфельд-Тоаль, А.П., фон, 47
Литвинов Я.Я., 45
Ловен, 263–265
Лопухин А.А., 121
Лопуховский, 296
Луи Г., 14
Луи Ж., 14
Лукьянов С.М., 78
Лыкошин А.И., 44, 45, 47, 53, 54, 125
Лысковский, 265, 278
Львов Г.Е., 225
Львов Н.Н., 5, 144, 153, 278, 281
Львович, 298
Любимов Д.Н., 5–7, 10, 59, 204
Людоговский М.М., 179
- М**
Майн Рид (Рид Томас Майн), 224
Макаров А.А., 53, 66, 161
Макиавелли (Machiavelli) Н., 99

- Маклаков В.А., 113, 118
Маклаков Н.А., 61, 205, 243
Маковский, 250
Малиновский Р.В., 154
Малишевский М.А., 139
Мамантов В.И., 11, 119, 120
Мария Федоровна, имп., 15, 59
Мартынов Н.С., 61
Масленников А.М., 139
Мастейфель, фон, 62
Матвиенко М., 267
Маттерн Э.Э., 186
Мейштович А.Э., 206
Менделеев П.П., 5, 9, 10, 50, 51
Меньшиков М.О., 44, 223
Мещерская С.Н., 52
Мещерский В.П., 71
Мещерский С.Б., 196
Милашевский, 258
Милица Николаевна, вел. кн., 16
Милоков П.Н., 98
Митинский А.Н., 232
Митрофанов П., 267
Мишков, 263
Мовшович, 296
Монтескье Ш.Л., 208
Мордвинов Н.С., 81
Морозов С.Т., 47, 186
Муравьев М.Н., 157
Муравьев-Амурский Н.Н., 219, 220, 222
Муратов Н.П., 5, 120
Мусин-Пушкин В.В., 191
Наполеон I Бонапарт, 61, 68
Нарожницкий М.А., 179
Нарышкин К.А., 46, 192, 194
Наумов А.Н., 205
Неклюдов, 272
Немировский А.О., 138–142
Нечитайло С.В., 106
Николай I, 16, 130
Николай II, 6, 22, 28, 31, 152, 197, 214, 244
Никольсон (Nicholson) А., 68
Нольде Э.Ю., 53
Оболенские, 186
Оболенский А.В., 5, 8, 33, 34
Оболенский И.М., 46, 204
Озол И.П., 114, 116, 118
Окоронко А.И., 191, 203
Оленев А.М., 139
Олсуфьев Д.А., 205, 284–285
Олсуфьева, 259, 260
Ольденбургский А.П., 17
Онгирский С.С., 5, 60
Орлов В.Н., 28
Орлова, 263
Осологов А.П., 300–302
Осоргин М.М., 10, 135, 137
Остен-Сакен Н.Д., 30
Павлов Н.А., 127, 292
Пантелеев Л.Ф., 158
Персидские, 263, 267
Перфилов, 263
Петр I, 197, 121
Пешков Н.Н., 44
Пилат Понтий, 125
Пиреев А.И., 11
Пихно Д.И., 113
Плевако Ф.Н., 157
Плеве В.К., 12, 204, 262, 270, 271, 275, 277, 283, 284, 286
Плеве Н.В., 110
Поливанов А.А., 10, 53, 310
Поливанов В.Н., 205
Поляк В.Н., 295
Поляков, 263
Поляков Л.С., 67
Попов А.Н., 38, 39, 41
Попов Д., 268
Порецкий А.Н., 28
Потоцкий И.А., 248
Приселков А.В., 122, 127
Пройда А.Г., 106
Прохов, 211
Прохоров Н.И., 233
Пуришкевич В.М., 157
Пуришкевич М.В., 205
Пушкин А.С., 15, 161, 186, 196
Пушин Л.И., 192
Пчелинцев Я., 268
Пызин, 266, 268
Пызина, 265, 268, 278, 280
Пьяных И.Е., 106
Ранненкампф, 62
Ранцау, 47
Распутин Г.Е., 126, 146
Растрелли, 13
Редигер А.Ф., 4, 105, 307–309
Римский-Корсаков А.А., 120, 121
Риттих А.А., 44, 175, 183–186, 192, 193, 219
Рихтер Н.Ф., 179–182, 191
Рогович А.П., 121
Родзянко М.В., 83
Родионов С.К., 179
Родичев Ф.И., 156–158
Родичева А.Ф., 157
Романов В.Ф., 207
Рудин Н.П., 187–191, 198
Румянцев Н.Ф., 158
Рухлов С.В., 77, 78
Рябушинский С.П., 186
Саблер (Десятковский) В.К., 78
Сабуров А.А., 164
Сазонов С.Д., 4, 78
Самарин А.Д., 186, 190, 205
Самарин Ф.Д., 113, 153, 135–137
Сафонов, 260
Святополк-Мирский П.Д., 33, 140, 142, 289
Селиванов А.Н., 229
Селиванов Н.И., 139
Серафим, св., 121
Сергачев, 263
Сергей Александрович, вел. кн., 198
Серков И., 259
Сиид-Абдул-Ахат-хан, эмир, 132
Скалон Г.А., 157
Скирмунт К.Г., 206
Славин И.Я., 6, 11, 138, 144
Соколов, 294, 295
Солженицын А.И., 25, 26
Соловьев К.А., 11
Солоухин В.А., 24
Спиридович А.И., 245, 249
Спув, 265, 268, 278
Спув Н.В., 285, 286
Сталин И.В., 49
Стахович М.А., 54, 118, 145, 153, 158
Степанов, 265
Столыпин А.А., 9, 12, 13, 47, 48, 111
Столыпин А.Д., 13
Столыпин А.П., 9, 14, 20, 244, 252

- Столыпин Д.А., 13
 Столыпин М.А., 13
 Столыпин П.А., 3–14, 18, 20–23, 27–38, 41–48, 50–60, 62, 64, 65–68, 72–74, 78, 79, 83, 84, 90, 94–98, 99, 101–103, 107–114, 116, 118, 119–121, 123–139, 141, 143, 144, 146, 147, 149–155, 157–178, 188, 192, 193, 200, 201, 204–206, 212, 218, 228, 242–252, 262, 270, 271, 274, 275, 283, 284, 286, 289, 294, 300, 306–308, 310–313
 Столыпина М.П., 20, 27
 Столыпина Н.П., 19, 61
 Столыпина (урожд. Нейгардт) О.Б., 29, 35, 54, 61, 251
 Столыпина (урожд. Мессинг) О.Н., 47
 Столыпина О.П., 19
 Стоюнина (урожд. Тихменева) М.Н., 158
 Стrepихеев, 183
 Струве П.Б., 60, 110, 118
 Суворов А.В., 37
 Суворцева, 263
 Сусанов, 263, 267
 Сухомлинов В.А., 53, 76, 78
 Сыромятников С.Н., 10, 313
 Сытин И.Д., 7, 161, 162
Талейран (Talleyrand) (Талейран-Перигор) Ш.М., 96
 Тарарькин С.П., 185
 Тарасов, 186
 Татищев Д.Н., 131
 Татищев И.Н., 32
 Татищева Е.Б., 196
 Тимашев С.И., 5–7, 9, 66
 Тимирязев В.И., 68, 69
 Ткаченко, 16, 17
 Толстой Л.Н., 161
 Толь С.А., 204
 Томилин, 263
 Трепов В.Ф., 36, 61, 124
 Трепов Ф.Ф., 244, 248, 250, 252
 Трoцкий (Бронштейн) Л.Д., 28
 Трубецкой П.Н., 194
 Трубецкой С.Н., 148
 Трусевич М.И., 207
 Тучков П.А., 181
 Тыркова-Вильямс А.В., 4, 158
 Тышкевич А.И., 34
 Тюрмер К.Ф., 195
Уваров А.А., 292
 Уваров Ф.А., 195
 Уварова (урожд. Гудович) Е.В., 195
 Угаров, 263
 Угримов И.А., 202
 Унковский С.А., 278–282, 295, 297
 Унтербергер П.Ф., 225
 Урусов Н.П., 34
 Урусов С.Д., 121
 Ухтомский А.А., 283
Федорова, 268
 Философов Д.А., 96, 104, 106, 113, 118
 Фирсанов И.Г., 13
 Фирсанова В.И., 13
 Флавиан, митр., 251
 Фредерикс В.Б., 46, 48, 118, 193, 194, 248
 Фриш В.Э., 49, 50
Хабаров Е.П., 240
 Хардин Д.И., 272
 Харитонов П.А., 52, 53, 55, 76–78
 Хвостов А.Н., 205
 Хлебалин Ф., 267
 Хомяков Н.А., 83
 Хохлов, 263
 Хрусталеv-Носарь П.А., 28
Цейдлер Г.Ф., 251
 Цеклинский А.В., 8, 38
 Цеклинский В.С., 38
 Цепурин, 278
 Цукки (Zucchi) В., 52
Челноков М.В., 103, 110, 118
 Ченькаев В.Д., 264, 265, 279, 280, 281, 283–285, 290
 Чубинский П.П., 230
 Чупаев, 236
Шан-Гирей (урожд. Клиnберг) Э.Н., 13
 Шатов Б.Н., 38, 39, 41
 Шаховские, 185
 Шаховской Д.И., 123
 Шванебах Е.Л., 178
 Шванебах П.Х., 5, 73, 95, 119, 178, 193
 Шварц А.Н., 78
 Швецов С.П., 235
 Шелoхаев В.В., 11
 Шереметев П.С., 179
 Шереметев С.Д., 179, 197
 Шидловский С.И., 11, 164, 165, 173
 Шинкевич Е.Г., 57
 Шипов Д.Н., 153
 Ширинский-Шихматов А.А., 121
 Шишков М., 267
 Шишков Я., 267
 Шликевич С.П., 218, 219, 221–223, 233, 234
 Шлиппе (урожд. Шванебах) Е.П., 194
 Шлиппе В.К., 193
 Шлиппе К.И., 202
 Шлиппе Ф.В., 11, 178, 203
 Шлиппе Ю.Б., 10, 11, 179
 Шмит Е.О., 306
 Штейн (Stein) Л., фон, 70
 Штейнфельд, 286
 Штюрмер Б.В., 56
 Шульгин В.В., 152
Щегловитов И.Г., 52, 53, 55, 78, 104, 113, 114, 121
 Щепкин М.М., 202
 Щербатов А.Г., 202
 Щербатов Н.Б., 205
 Щербина, 227
Энгельгардт, 261–262
 Эстер (Цеховая) А.И., 42
Юматов А.Д., 290
 Юматов В.Д., 272
 Юсупова-Сумарокова-Эльстон З.Н., 15
Яблонский М.В., 28
 Языков Г.Г., 198
 Якунин В.В., 131, 133, 155

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ.....	9

Раздел I

П.А. СТОЛЫПИН В КРУГУ СЕМЬИ

А.А. Столыпин. Средниково: Из семейной хроники	12
А.П. Столыпин. В Елагинском дворце	14
А.П. Столыпин. Сын об отце.....	20
Письмо Б.И. Бока – А.В. Зеньковскому 10 июня 1953 г.	27
Письмо Б.И. Бока – А.В. Зеньковскому 24 июня 1953 г.	28
Б.И. Бок. Вильгельм и Столыпин.	
Как канцлер Вильгельм гонялся за Столыпиным.....	29

Раздел II

НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ПОПРИЩЕ

А.В. Оболенский. «Имя П.А. Столыпина принадлежит истории и сердцу народному»	33
---	----

А.В. Цеклинский. «Какая несокрушимая сила, воля чувствовалась в нем...».....	38
П.П. Менделеев. «Прирожденный оратор».....	50
Е.Г. Шинкевич. Воспоминания и впечатления.....	57
Д.Н. Любимов. «Он своей личностью... вернул правительству нравственный авторитет»	59
С.С. Онгирский. «Обаяние личности».....	60
А.Д. Арбузов. Из воспоминаний директора Департамента общих дел МВД.....	63
С.И. Тимашев. «Кабинет П.А. Столыпина был действительно объединенным кабинетом»	66
П.Х. Шванебах. Записки сановника	95
В.И. Мамантов. «На государевой службе»	119
Н.П. Муратов. «Во всем твердый и уверенный».....	120
И.Ф. Кошко. «Преданный России патриот»	126
М.М. Осоргин. Из воспоминаний	135

Раздел III

П.А. СТОЛЫПИН ГЛАЗАМИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

И.Я. Славин. Из воспоминаний «Минувшее-пережитое»	138
Н.Н. Львов. Граф Витте и П.А. Столыпин	144
Письмо А.И. Гучкова жене, 17 июля 1906 г.	152
Н.М. Иорданский. «На высоте положения был только один Столыпин»	153
Письмо И.С. Ключева (Санкт-Петербург) – В.В. Якунину (Самара), 8 марта 1907 г.	155
Письмо Ф.И. Родичева – А.Р. Ледницкому, без даты	156
М.А. Стахович (Санкт-Петербург) – А.И. Гучкову (Москва), 2 июля 1907 г.	158
Письмо Э.А. Исеева (Санкт-Петербург) – С.А. Исеевой (Саратов), 1 декабря 1908 г.....	160
И.Д. Сытин. Встреча со Столыпиным	161
С.И. Шидловский. «Убежденный государственный».....	164

Раздел IV

РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА

А.В. Еропкин. Из записок	174
Ф.В. Шлиппе. «Построить здоровую Россию на основах сильного крестьянства»	178
Д.Н. Любимов. Столыпинские съезды.....	204
В.Ф. Романов. «Историческая миссия на Дальнем Востоке».....	207

Раздел V

СМЕРТЬ П.А. СТОЛЫПИНА

А.Ф. Гирс. «Жизнь проживший за Россию».	244
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Всеподданнейший отчет саратовского губернатора, 1903 г.	253
Письма П.А. Столыпина	
Письмо В.К. Плеве. 3 мая 1903 г.	262
Письмо В.К. Плеве. 17 мая 1903 г.	270
Письмо В.К. Плеве. 24 июня 1903 г.	271
Письмо В.В. фон Валу. Начало сентября 1903 г.	274
Письмо В.К. Плеве. 22 сентября 1903 г.	275
Письмо В.К. Плеве. Начало октября 1903 г.	277
Письмо В.К. Плеве. 18 октября 1903 г.	283
Письмо В.К. Плеве. 4 ноября 1903 г.	283
Письмо В.К. Плеве. 12 ноября 1903 г.	284
Письмо В.К. Плеве. 17 апреля 1904 г.	286
Письмо князю П.Д. Святополк-Мирскому. 23 ноября 1904 г.	289
Письмо А.Г. Булыгину. 24 марта 1905 г.	294
Письмо А.Г. Булыгину. 8 мая 1905 г.	300
Письмо Е.О. Шмиту. 1907 г.	306
Письмо А.Н. Куропаткину. 30 марта 1907 г.	306
Письмо А.Ф. Редигеру. 26 октября 1907 г.	307

Письмо А.Ф. Редигеру. 31 октября 1907 г.	307
Письмо А.Ф. Редигеру. 1 ноября 1907 г.	308
Письмо А.Ф. Редигеру. 1 ноября 1907 г.	309
Письмо А.А. Поливанову. 4 января 1909 г.	310
Письмо А.Н. Куропаткину. 12 апреля 1910 г.	311
Письмо А.Н. Куропаткину. 1911 г.	311
Записка С.Н. Сыромятникову. 12 марта 1911 г.	312
Письмо С.Н. Сыромятникову. 8 июня 1911 г.	312
Материалы к биографии П.А. Столыпина	
Донесение в Департамент полиции от 10 Апреля 1909 Г.	313
КОММЕНТАРИИ	314
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	360